

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
приложение к журналу,
Выпуск 31

СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Книга 1

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

ПАМЯТНИКИ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Казань
2025

УДК 902.03
ББК 63.444(2)
Г 676

*Журнал «Археология евразийских степей»
приложение к журналу,
издается с 2007 года
Выпуск 31*

Научное издание
Печатается по решению Ученого совета Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Рецензенты:

д.и.н. П.К. Дашковский, д.и.н. М.А. Демин, д.и.н. А.А. Казаков

Научный редактор

академик АН РТ, д.и.н. А.Г. Ситдилов

Редакционная коллегия

д.и.н. Ю.А. Зеленева, д.и.н. Ф.Ш. Хузин, д.и.н. Е.П. Казаков,
к.и.н. Р.Р. Саттаров, к.в.н. Г.Ш. Асылгараева, Р.Р. Мухаметшин

Г 676 Горбунов В.В., Тишкин А.А. Сросткинская культура. Кн. 1: Памятники сросткинской культуры на юге Западной Сибири / **В.В. Горбунов, А.А. Тишкин**; науч. ред. А.Г. Ситдилов. – Казань: Изд-во АН РТ, 2025. – 224 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 31).

ISBN 978-5-9690-1322-3

ISBN 978-5-9690-1323-0 (кн. 1)

DOI <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-1323-0>

Научное издание является сводом археологических памятников сросткинской культуры на юге Западной Сибири. Является первым выпуском серии работ по данной проблематике. В книгу вошли материалы по курганным и грунтовым могильникам, городищам, поселениям и местонахождениям, освещена история их изучения, проведен анализ хронологии и этнической принадлежности носителей данной археологической культуры. Сопровождается иллюстрациями, схемами и картами. В приложении монографии публикуется работа А.Н. Юзеева о тюркских народах в сочинении арабского географа XII века ал-Идриси с переводом и комментариями к отрывкам трактата «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак». Издание ориентировано на археологов, специалистов по средневековой истории, этнографов, историков культуры и всех, кто интересуется историей и культурой народов Евразии в Средние века.

Монография подготовлена в рамках реализации государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2027 годы)», «Изучение формирования тюрко-татар Поволжья и Алтая в эпоху средневековья: истоки происхождения степной цивилизации Евразии».
Издана за счёт средств государственного задания Академии наук Республики Татарстан

ISBN 978-5-9690-1322-3 Го
ISBN 978-5-9690-1323-0 (кн. 1)

© Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2025
© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2025
© Академия наук Республики Татарстан, 2025

Содержание

<i>От редакции</i>	4
Введение	8
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЮГ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)	11
1. Начало раскопок сrostкинских памятников в середине XIX – начале XX вв.	11
2. Исследования сrostкинских памятников в 1920–1930-х гг.	13
3. Выделение сrostкинской культуры и раскопки ее памятников в 1940–1960-х гг.....	14
4. Полевые исследования и разработка вопросов хронологии и этнической принадлежности сrostкинской культуры в 1970-х – начале 1990-х гг.	17
5. Новые интерпретации сrostкинской культуры и исследования ее памятников в конце XX – начале XXI вв.	25
ГЛАВА II. СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЮГ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)	33
1. Курганные могильники.....	33
2. Грунтовые могильники	70
3. Городища, поселения и местонахождения.....	75
Заключение	83
<i>Иллюстрации</i>	86
<i>Иллюстрации находок из памятников сrostкинской культуры</i>	159
<i>Литература</i>	176
<i>Архивные материалы</i>	188
ПРИЛОЖЕНИЕ	190
ЮЗЕЕВ А.Н.	
ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА В СОЧИНЕНИИ АРАБСКОГО ГЕОГРАФА XII В. АЛ-ИДРИСИ	191
1. Общие сведения об арабском географе XII в. ал-Идриси и его сочинении «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»).....	192
Комментарии к Общим сведениям об арабском географе XII в. ал-Идриси и его сочинении «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак»	198
2. Перевод текста «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»).....	201
Комментарии к переводу текста «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак».....	208
<i>Библиографический список</i>	219
Summary	221
<i>Список сокращений</i>	222

От редакции

В современной науке изучение археологии Степной Евразии является одним из важных исследовательских приоритетов. Без рассмотрения становления материальной культуры народов, населявших эти пространства с глубокой древности, невозможно решить многие ключевые вопросы развития человечества. В широком хронологическом и территориальном диапазоне исторических и этнокультурных процессов, протекавших в Евразии, значимое место занимают проблемы археологии эпохи средневековья.

Комплексное изучение истории тюрко-татар Евразии, как целостного цивилизационного явления, является важнейшей задачей современных научных исследований в работах ученых Татарстана. Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан активно проводит историко-археологические исследования археологических памятников, связанных с историей средневековых татар в различных регионах России и зарубежья. Эти исследования направлены на освещение региональных особенностей историко-культурных объектов, которые тесно связаны с наследием татар, тюркских народов нашей страны.

Проведение археологических работ на широкой географии, включая исследования в других странах, стало возможным благодаря реализации государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа» в Республике Татарстан. Эта программа направлена на проведение историко-археологических исследований средневековых городов и изучение историко-культурного тюрко-татарского наследия за пределами Республики Татарстан в Поволжье, на Урале, в Сибири и Центральной Азии.

В рамках выполнения программы были проведены археологические исследования на территории 10 регионов Поволжья и юга России, а также на Алтае и в Западной Сибири. Важным направлением являются раскопки в Центральной Азии на средневековых городищах в Чуйской долине (Кыргызстан) и на городище Бай-Балык (Монголия).

Значимость этих работ заключается не только в сохранении и изучении культурного наследия татарского народа, но и в укреплении межкультурных связей и сотрудничества с соседними регионами и странами. Эти исследования способствуют углубленному пониманию тюрко-татарской истории и культуры, а также позволяют расширить горизонты научной деятельности и привлечь внимание к важности сохранения исторического наследия на общероссийской и международной арене. Такие инициативы не только обогащают культурный диалог, но и содействуют укреплению идентичности татарского народа в разных регионах в современном культурном пространстве России.

Западная Сибирь является одним из ключевых регионов для изучения истоков тюрко-татарской культуры. Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан совместно с учеными-археологами Алтайского государственного университета с 2012 года проводятся исследования археологических памятников, связанных с культурами тюркского мира.

Одним из направлений совместных исследований ученых Казани и Барнаула в Западной Сибири является сросткинская археологическая культура, существовавшая во второй половине VIII – XII вв. Она занимала обширные лесостепные районы Приобья, Притомья и

Обь-Иртышского междуречья на территории современной России и Казахстана. В Восточном и Центральном Казахстане локализовано около 20 городищ и десятки памятников этой культуры. В России на сегодняшний день известно около 200 археологических памятников, связанных с населением сротскинской культуры. Возникновение этой культуры связывают с проникновением в Западную Сибирь кимаков, кипчаков и других тюркских племен из Горного Алтая. В средневековье эта культура представляет собой важный элемент также для понимания исторического контекста и динамики развития этнокультурных групп региона, влиявших и на исторические процессы в Западном Приуралье, Поволжье и Северном Причерноморье.

Значительная часть территории распространения сротскинской археологической культуры сопоставима с территорией сложения и функционирования хорошо известного в VIII–XI вв. средневекового тюркского государства – Кимакского каганата, объединявшего тюркские и угорские племена, последние позднее тюркизировались. В числе многих племенных групп, входивших в каганат, исследователями выделяется и группа татар. Каганат на юге граничил государством Караканидов, Хорезмшахов, на западе с Хазарским каганатом и Волжской Болгарией, а на востоке с Уйгурским и Киргизским каганатами. В XI в. он распадается на несколько княжеств. Некоторые племена в это время уходят в районы Средней Азии и Западного Приуралья. Часть населения, сместившаяся на запад, приняла участие в сложении в степях Приуралья и Восточной Европы Дешт-и-кипчак, а другая, оставшаяся в Западной Сибири, вероятно, впоследствии стала основой формирования сибирских татар, создавая в эпоху средневековья на широкой географии единое культурное тюрко-татарское пространство. После монгольских завоеваний население бывшего Кимакского каганата, вошедшего в состав нового государства, в период активного передвижения на запад, заселяло территории Поволжья и Причерноморья и стало участником в процессе сложения средневековых татар Улуса

Джучи. Широкое распространение средневекового татарского языка в Степной Евразии нашло отражение и в появлении в начале XIV в. уникального письменного источника известного под названием Кодекс Куманикус, представляющего собой словарь куманского (половецкого, кыпчакского) языка, отражающего один из этапов развития средневекового татарского языка Восточной Европы и Сибири.

Без четкого понимания происхождения этой культуры, этапов ее развития и территории распространения невозможно полноценно анализировать культурные и этнические процессы, происходившие в Западной Сибири, которые были тесно переплетены с историей тюркских народов Центральной Азии и Восточной Европы.

Сротскинская археологическая культура характеризуется уникальными чертами, которые отличают её от соседних культур. Исследование её артефактов, таких как керамика, орудия труда и погребальные практики, позволяет ученым восстановить картину жизни людей, населявших этот регион. Эти находки свидетельствуют о сложных социальных структурах, торговых связях и культурных обменах, которые происходили в Степной Евразии.

Монография «Памятники сротскинской культуры на юге Западной Сибири» Горбунова В.В. и Тишкина А.А. – ведущих российских ученых по изучению истории и археологии Сибири и Алтая – является фундаментальным исследованием, посвященным археологическим памятникам сротскинской культуры. Территориальные рамки исследования охватывают пространство юга Западной Сибири – одной из наиболее крупных территорий, на которой шло сложение сротскинской культуры. Работа представляет собой свод памятников этой археологической культуры из наиболее полных и комплексных собраний информации, охватывающей широкий временной и географический диапазон. В книге содержатся результаты многолетних исследований, архивных изысканий и анализа коллекционного материала, что делает ее важ-

ным научным трудом в изучении археологии, истории средневековых культур и этнографии народов региона. Авторами была собрана и обобщена информация о 163 археологических памятниках Западной Сибири. Свод включает 20 поселений (включая места поселенческого типа), пять городищ, 120 курганных могильников (в том числе одиночные курганы) и 18 грунтовых могильников (включая одиночные могилы). На 138 погребальных памятниках были раскопаны или исследованы 778 могил.

Особое внимание уделяется истории изучения сrostкинской культуры, начиная с первых раскопок в XIX в. и заканчивая современными исследованиями, которые позволили значительно расширить понимание ее хронологических рамок, территориального распространения и культурных связей. Рассматриваются ключевые этапы археологических исследований: от первых случайных находок и попыток их атрибуции до формирования полноценной концепции сrostкинской культуры в работах советских и российских исследователей. Авторы подробно анализируют публикации предшественников, архивные материалы, музейные коллекции и современные научные подходы, что позволяет не только систематизировать накопленные знания, но и предложить новые интерпретации.

Основная часть книги представляет собой свод археологических памятников сrostкинской культуры юга Западной Сибири. В нем собраны сведения о курганных и грунтовых могильниках, городищах, поселениях и отдельных местах находок. Каждый объект сопровождается характеристикой, включающей его местоположение, данные о хронологии, описание погребального обряда, материальной культуры и артефактов. Авторы стремятся не просто перечислить памятники, но и показать их в контексте культурных процессов, происходивших в Западной Сибири в эпоху средневековья. Важной частью исследования является анализ характерных черт погребального обряда, вооружения, конского снаряжения, предметов быта и декоративного искусства, что позволяет более точно определить

этнокультурные особенности сrostкинского населения.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, схем, карт и таблиц, что делает ее особенно ценной для специалистов. Представленные изображения позволяют визуализировать основные находки, реконструировать элементы материальной культуры и проанализировать характерные черты керамики, оружия и украшений, встречающихся в памятниках сrostкинской культуры. Наглядные примеры делают информацию более понятной и увлекательной, особенно для тех, кто не имеет специальной подготовки в области археологии.

Включенная карта-схема, показывающая степень изученности территории, служит важным инструментом для анализа и понимания контекста исследований. Она дает возможность читателям увидеть, какие районы были исследованы, а какие остаются недостаточно изученными, подчеркивая необходимость дальнейших археологических работ. Эта карта помогает создать более полное представление о том, как сrostкинская культура вписывается в более широкий исторический и этнокультурный ландшафт региона.

Дополнительным важным разделом в книге является исследование А.Н. Юзеева, ведущего российского переводчика средневековых арабских текстов, посвященное описаниям тюркских народов Сибири и Центральной Азии в сочинении арабского географа XII века ал-Идриси. В своем труде он систематизировал обширные знания о народах, землях и торговых путях Евразии, опираясь на античные и раннеарабские источники, а также на сведения путешественников и купцов. В этой части издания впервые представлен текст перевода, выполненный автором, и комментарии к отрывкам из его труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак». Это произведение можно считать не только географическим, но и историческим, и этнографическим источником, отражающим дух той эпохи. Переводы выполнены на основе итальянского издания 1970–1984 гг., которое наиболее точно пере-

дает названия этнонимов и географических объектов Южной Сибири и Средней Азии.

Трактат содержит подробные описания этнического состава и культурных характеристик народов, населявших различные регионы, включая кочевые и оседлые тюркские группы, живших в степной зоне Сибири и Приуралья и прилегающих к нему территориях. В приложении автор анализирует, как ал-Идриси описывал тюркские народы и их географическое положение. В исследовании рассматриваются упоминания о кипчаках, кимаках, гузах, булгарах, кыргызах и др., а также их соседях – славянах, финно-угорских народах и представителях государств исламского Востока. Особое внимание уделяется взаимодействию тюркских народов с арабо-мусульманским миром, их участию в международной торговле, военных кампаниях и культурных обменах.

Широкий охват фактов и событий в трактате ал-Идриси делает его текст перевода новым важным источником для изучения этногенеза и миграций народов степной Евразии в Средние века. Это позволяет соотнести письменные источники с археологическими данными и расширить понимание исторического контекста эпохи, уточнить вопросы хронологии и этнической принадлежности тюркских групп в Западной Сибири и сопредельных регионах. Работа А.Н. Юзеева представляет собой не только перевод ценного источника, но и

его критический анализ в свете современных историко-археологических данных.

Исследования по сротскинской культуре, проводимые специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, будут продолжены в представлении в научных изданиях и проведении полевых археологических исследований. В дальнейшем планируется публикация свода археологических памятников этой культуры Новосибирского Приобья, подготовленного А.А. Адамовым, а также начать подготовку свода памятников по Северо-Восточному и Центральному Казахстану. Созданная археологическая карта станет надежной основой для будущих аналитических работ в изучении сротскинской культуры, занимающей важное место в понимании формирования татар эпохи средневековья в Степной Евразии.

Таким образом, данное издание не только обогащает знания о сротскинской культуре, но и вдохновляет новых исследователей на открытие и изучение богатого культурного наследия Западной Сибири. Оно подчеркивает важность сохранения и изучения исторических памятников, способствуя более глубокому пониманию процессов, формировавших общество. Надеемся, что книга станет ценным ресурсом для археологов, историков и всех, кто интересуется культурой и историей, открывая новые горизонты для научных исследований и дискуссий.

Ситдиков А.Г., Самтаров Р.Р.

ВВЕДЕНИЕ

Сросткинская археологическая культура, выделенная М.П. Грязновым (1949; 1950; 1951; 1956) в середине XX в. для территории Верхнего Приобья, до сих пор является одной из самых известных культур Западной Сибири эпохи Средневековья. Публикации и интерпретации ее материалов посвящены сотни статей и уже более десятка монографий. Практически каждый полевой сезон приносит новые открытия. Благодаря усилиям, предпринятым многими археологами, накоплена обширная источниковая база. На современном этапе изучения сросткинской культуры актуальным направлением представляется обобщение и систематизация имеющейся информации, разбросанной по разным изданиям, многие из которых представляют сейчас библиографическую редкость.

Основная цель настоящей монографии – создать достаточно полный свод памятников сросткинской культуры, расположенных на юге Западной Сибири. Его наличие позволит исследователям ориентироваться в основных проблемах, существующих в изучении сросткинской культуры, использовать базовую информацию об ее объектах, узнать, где они опубликованы изначально или более подробно, где хранятся архивные материалы и коллекции музейных предметов.

В первой главе книги рассмотрена история изучения памятников сросткинской культуры с середины XIX – до начала XXI вв. При этом по возможности приводились их важные характеристики, а также мнения исследователей на хронологию, культурную и этническую принадлежность. Вся история изучения разбита на пять последовательных этапов, отражающих как количественные, так и качественные результаты. Поскольку не все археологи,

публиковавшие памятники, определяли их как сросткинские, то в этих случаях дополнительно приводится авторская точка зрения на датировку и этнокультурную принадлежность таких объектов.

Вторая глава книги представляет собой собственно свод археологических памятников сросткинской культуры. Она состоит из трех разделов: курганные могильники, грунтовые могильники и поселения, включая городища и местонахождения поселенческого типа. Всего 163 памятника (рис. 1). Сюда включены только те объекты, которые, по мнению авторов, можно аргументировано отнести к сросткинской культуре.

Для погребальных комплексов можно обозначить следующие устойчивые признаки: курганные и реже грунтовые некрополи; рядное расположение захоронений, с выделением центрального погребения; рвы или рамы-ограды; столбы в «изголовье» могил, реже вокруг них; наземные перекрытия могильных ям; внутримогильные рамы с перекрытием и полом; ведущие погребения – ингумация с конем; частые захоронения с ингумацией и редкие с кремацией; вытянутое положение умерших с ориентацией в восточный сектор. Сочетание всех этих признаков или наличие большинства из них и можно объединить понятием «сросткинская культура» по отношению к погребальной обрядности.

Во всех погребальных памятниках, включенных в свод, встречается устойчивая серия одинаковых по облику предметов. Из вооружения к ней относятся: массивные тыльные накладки на рукоять лука; наконечники стрел с пером трех- четырехгранного сечения; наконечники копий с пером четырехгранного сечения; мечи и сабли с перекрестиями, деталями

рукояти и ножен из художественного металла. В снаряжении верхового коня это удила с 8-видными внешними окончаниями звеньев, перекрученными в одной плоскости; стержневидные псалии с двумя отверстиями, одно окончание которых раздвоено; подпружные пряжки с острым носиком рамки; стремяна с коротким пластинчатым ушком без шейки; уздечные и седельные бляхи-накладки (с растительным, геометрическим и зооморфным орнаментом) прямоугольной, пятиугольной и сердцевидной формы, килевидные наконечники ремней, сердцевидные бляхи-подвески, бляхи-тройники Т-образного абриса. Из костюма человека можно обозначить: поясные пряжки с сердцевидной рамкой, лепестковые, округлые и сердцевидные бляхи-накладки, двухсоставные застёжки, крупные кольчатые серьги, ажурные сердцевидные подвески, орнитоморфные навершия булавок, игольники в виде парных рыб. Все эти вещи определяют датировку сrostкинских памятников в рамках второй половины VIII – XII вв., хотя бытование большей части из них приходится на вторую половину IX – первую половину XI вв. Это ядро не позволяет относить сrostкинские памятники ни ко времени существования Тюркских каганатов (вторая половина VI – первая половина VIII вв.), ни к монгольскому периоду (XIII–XIV вв.).

Поселенческие материалы, включенные в свод, также отвечают определенным критериям. Прежде всего, это сравнительный анализ характерных признаков керамической посуды из могильников сrostкинской культуры с поселенческой керамикой. На этой основе выделяются устойчивые признаки, характерные для сrostкинского керамического комплекса: трапезиевидное тулово сосуда, с диаметром дна заметно меньшим диаметра по плечикам; короткая шейка; сильно изогнутый наружу венчик с бортиком; штамп с треугольными зубьями, прочерченные линии, ямки; композиция из горизонтальных поясов с примыкающими фестонами. И, конечно, помимо керамики на ряде таких поселений встречены металлические и костяные предметы сrostкинского облика.

При описании памятников авторы стремились проверить опубликованную о них информацию, дополнить ее, исправить имеющиеся ошибки, используя для этого научные отчеты, полевую документацию, музейные коллекции. Для многих памятников, в основном с территории Алтайского края, это удалось сделать, а по другим памятникам приходилось руководствоваться только публикациями.

В каждом разделе свода памятники расположены в алфавитном порядке. Информация обо всех памятниках выдержана в едином алгоритме. Дается название и указывается тип памятника. Обозначается его местоположение согласно административному делению и географической привязке местности. Приводится его датировка в рамках разработанной периодизации сrostкинской культуры. Сообщаются сведения о том, кто и когда открыл памятник, в какие годы он обследовался и/или раскапывался. Приводятся данные о планиграфии памятника, занимаемой площади (если таковая известна), размерах конкретных объектов. В информации о могильниках приводятся обобщенные данные о погребальном обряде. На поселениях кратко характеризуется характер культурного слоя и имеющиеся постройки. Если есть необходимые сведения по памятнику, то указывается его современное состояние. Для всех памятников дается описание находок по их видовой принадлежности и материалу изготовления. При большом количестве артефактов перечисляются только наиболее значимые и/или лучше сохранившиеся предметы. Отдельно выделяются наиболее важные и интересные находки. Описания сопровождаются сносками на иллюстративное приложение. В заключительной части представлена информация о месте хранения материалов памятника (при наличии), архивные материалы (при наличии) о нем и список литературы, где он был опубликован.

Отчасти самостоятельную роль играет иллюстративное приложение. Представлена уже вышеуказанная карта расположения всех рассматриваемых в издании памятников сrostкинской культуры. Далее идут сводные таблицы по отдельным памятникам или их группам.

В них по возможности приведены как планы самих памятников, так и их отдельных объектов, а также рисунки наиболее показательных и/или лучше сохранившихся предметов. Они подобраны таким образом, чтобы дать представление обо всем инвентарном комплексе памятника. На все опубликованные ранее материалы даны сноски. Отдельно приводятся цветные фотоснимки разных категорий находок. Особое внимание уделено художественно оформленным изделиям. Для вклейки использовались фотоснимки, выполненные авторами монографии, а также С.В. Семёновым.

В издание не вошли многочисленные случайные находки отдельных предметов из ареала сrostкинской культуры, поскольку его объем не безграничен. Не были включены и некоторые, в том числе известные памятники, материалы которых не позволяют на сегодняшний день уверенно определить их культурную принадлежность.

Авторы выражают признательность всем, кто способствовал подготовке к изданию данной книги.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЮГ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Крупное объединение тюрко-самодийских племен, существовавшее в эпоху Средневековья, оставило памятники сrostкинской культуры. В период своего расцвета оно занимало обширные районы Западносибирской равнины от предгорий Алтая на юге до Новосибирского Приобья на севере, от Кулундинской степи на западе до Кузнецкой котловины на востоке. На протяжении примерно 450 лет (вторая половина VIII – XII вв.) сrostкинское объединение играло значимую военно-политическую и культурную роль на стыке с известными кочевыми империями, существовавшими в Центральной Азии.

К настоящему моменту на обозначенной территории известны и в разной степени исследованы 138 погребальных и 25 поселенческих комплексов, которые можно отнести к сrostкинской культуре. Кроме этого, выявлены случайные местонахождения предметов, относящихся к указанному хронологическому отрезку. Они найдены в обозначенном ареале сrostкинской культуры и, следовательно, связаны с населением, оставившим заметный след в средневековой истории Евразии. Период изучения памятников и местонахождений сrostкинской культуры насчитывает около 170 лет и может быть разделен на несколько этапов, отличающихся как количеством открытых и исследованных объектов, так и уровнем их осмысления учеными.

1. Начало раскопок сrostкинских памятников в середине XIX – начале XX вв.

Первые раскопки погребальных объектов, которые затем были определены как сrostкинские памятники, состоялись в 1850–1860-е гг.

В 1856 г. Л.И. Шренком была раскопана «чудская» могила в Кулундинской волости

Барнаульского округа, где была найдена бронзовая бляха-подвеска в виде пешего воина, стреляющего из лука. На изображении человека показан панцирь, шлем и большой круглый щит, закинутый за спину (МАЭ, дело № 35, кол. 35/81). Значительно позднее кулундинская находка была включена в комплекс инвентаря сrostкинской культуры (Могильников, 1981, рис. 27.-48), а также привлекалась для иллюстрации вооружения кыргызов и кимаков (Худяков, 1980, табл. L.-4; 1986, с. 197, рис. 93.-2). Упоминалось данное изделие и в обзоре археологического собрания Музея антропологии и этнографии, где было ошибочно отнесено к раннему железному веку (Попова, 1989, с. 171–172, табл., № 74). Указанный археологический объект был включен в список сrostкинских памятников под названием «Кулундинская волость» (Горбунов, 2009а, с. 33).

В самом начале 1860-х гг. в окрестностях г. Барнаула развернулись работы, связанные с исследованием средневековых объектов. В сентябре 1861 г. прибыли французские исследователи доктор Г. Менье и барон Л. Эйхталь, которые по совету местного краеведа С.И. Гуляева предприняли раскопки нескольких курганов на Туриной горе. Участие в этих работах принял преподаватель Барнаульского окружного училища, доктор философии В.В. Радлов. Осенью 1861 г. Г. Менье и Л. Эйхталь раскопали четыре земляных кургана с 10 могилами, а в августе 1862 г. В.В. Радлов исследовал еще четыре кургана с четырьмя погребениями. Был зафиксирован обряд одиночной и парной ингумации и найден инвентарь: бронзовые игольник из двух половинок с орнаментом в виде «узла счастья», булавки с раздвоенным волютообразным навершием, кольчатые серьги, сердцевидная ажурная подвеска, железные нож и наконец-

ник стрелы, костяной наконечник стрелы и др. (Неверов, 1980, с. 95; Радлов, 1989, с. 453; Артюх, Кунгуров, 2006, с. 139–142; Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 8–12, рис. 26–27; Артюх, 2010, с. 64–68, рис. 1–5; Тишкина, 2010, с. 44–48, рис. 1–3).

Интерпретируя полученные материалы, Г. Менье и Л. Эйхталь пришли к выводу, что скелеты людей из курганов на Туриной горе принадлежат к переходному типу между финским и тюрко-татарским населением. Этот вывод в некоторой степени подтверждается современными данными по антропологии сrostкинской культуры (Тишкина, 2010, с. 47). В.В. Радлов относил раскопанные им около Барнаула курганы «к более позднему времени, чем насыпные погребения Южного Алтая» (Катанда, Берель). Он затруднялся определить: «Оставлены ли ... тюрками погребения железного века на Северном Алтае ... или же они принадлежали угро-самоедским племенам или енисейцам» (Радлов, 1989, с. 451, 477). Однако названные им этнические группы населения (тюрки, угры и самодийцы, кыргызы) оказались актуальны для дальнейших исследований.

Ученым, отнесшим исследованные курганы к сrostкинской археологической культуре, был М.П. Грязнов, назвавший этот памятник Гоньба (Грязнов, 1956, с. 151). В дальнейшем исследователи Е.А. Артюх и А.Л. Кунгуров предложили переименовать раскопанный в 1861 г. памятник в Казачий Взвоз, на основании информации из французского отчета о том, что так именуется часть Туриной горы, покрытая курганами (Артюх, Кунгуров, 2006, с. 143). Сходство курганов, раскопанных в 1862 г. с объектами, которые были исследованы годом ранее, позволило предположить, что В.В. Радлов продолжил изучение уже известного ему памятника (Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 13). Единую нумерацию для всех курганов использовал С.В. Неверов, а сами объекты отнес к раннему этапу сrostкинской культуры (Неверов, 1988, с. 17).

Еще раньше в мае 1862 г. В.В. Радлов раскопал два земляных кургана в пределах Кулундинской равнины, на границе совре-

менного Алтайского края и Казахстана. Могила одного кургана оказалась ограблена и в ней нашлись только удила, а в насыпи была обнаружена гранитная обтесанная плита. Другой курган содержал неграбленное погребение по обряду парной ингумации с конем. Там найдены два железных меча, наконечник копья, нож, удила, уздечная гарнитура, четыре стремени, бронзовая пряжка и два кольца, деревянный колчан с железными кольцами и четырьмя наконечниками стрел (Радлов, 1989, с. 452; Артюх, 2010, с. 73–74, прил. 4, рис. 6, прил. 5, рис. 9). Погребальный обряд и облик инвентаря позволили отнести этот памятник к сrostкинской культуре под названием «Кулунда» (Горбунов, 2009а, с. 33).

В 1896–1897 гг. барнаульский краевед Н.С. Гуляев начал обследование гряды дюн у д. Большая Речка (современное с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края), содержащих археологические материалы. Впоследствии этот комплекс памятников получил название Ближние Елбаны (далее – БЕ). В 1903 г. Н.С. Гуляев раскопал там первое сrostкинское погребение, совершенное по обряду ингумации с конем (пункт БЕ-V), где были найдены железный меч, копье, наконечники стрел, тесло, медные уздечные бляхи, керамический сосуд, возможно, железные стремени и удила (Грязнов, 1956, с. 148; Неверов, 1980, с. 95; Тишкина, 2010, с. 87, 101). Спустя 10 лет (1913–1914 гг.) в другом месте данного комплекса Н.С. Гуляев частично раскопал земляной курган (пункт БЕ-IX), доисследованный позднее М.П. Грязновым (1956, с. 154). Следует отметить, что Н.С. Гуляевым на БЕ были проведены раскопки и других объектов сrostкинской культуры, о чем свидетельствуют как архивные документы, так и вещи, имеющиеся ныне в составе его коллекции из фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (Тишкина, 2010, с. 117–121, рис. 65.-6, 79.-1–4, 8, 83.-1–3, 6, 84.-7, 85.-4–8).

В 1910 г. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III приобрел у крестьянина З. Кузьмина коллекцию вещей, полученную при грабительских раскопках

кургана у с. Заковряшино на северной оконечности Приобского плато. В районе с. Заковряшино известны три курганные группы, но сказать к какой из них относился «раскопанный» курган не представляется возможным (Казаков, 1995, с. 162). В составе коллекции имеются кости человека и лошади, что позволяет предположить наличие в кургане погребения по обряду ингумации с конем. Среди вещей есть бронзовая позолоченная пряжка, наконечник уздечного ремня и бляха-накладка, грушевидная бусина из синего стекла и цилиндрическая бусина из зеленого стекла с красными вставками (Казаков, 1995, с. 161, рис. 1.-2–6). Опубликовавший эти материалы А.А. Казаков датировал комплекс вещей IX–X вв. и отнес его к сrostкинской культуре (Казаков, 1995, с. 164).

В 1915 г. студент Томского университета В.П. Михайлов раскопал на комплексе БЕ (пункт V) частично раздутое погребение в бересте, совершенное по обряду ингумации и содержащее бронзовые серьги и другие украшения, также отнесенное к сrostкинской культуре (Грязнов, 1956, с. 148; Неверов, 1980, с. 95).

Можно сказать, что исследования средневековых погребальных памятников на юге Западной Сибири в дореволюционный период носили эпизодический характер и занимались ими не профессионалы, а, скорее, любители древностей или в лучшем случае люди, лишь начинавшие осваивать методику археологических работ. Тем не менее, часть раскопок, например на могильнике Гоньба (Казачий Взвоз), были проведены на хорошем методическом уровне, так как курганные насыпи исследовались целиком. Значительной была доля грабительских раскопок, но от них сохранились отрывочные сведения и большей частью депаспортизированные находки.

Несмотря на небольшое число исследованных в дореволюционный период памятников сrostкинской культуры, они создали необходимый задел на будущее. Особенно следует отметить памятники Гоньба (Казачий Взвоз) и БЕ-V, которые при выделении сrostкинской культуры сразу были включены в ее состав.

2. Исследования сrostкинских памятников в 1920–1930-х гг.

20-е гг. XX в. ознаменовались изучением как уже известных средневековых памятников, так и открытием новых, среди которых первое место занял крупный могильник Сrostки-I в предгорьях Алтая.

В 1924 г. краевед М.Д. Копытов нашел на БЕ (пункт V) комплект бронзовых вещей от женского костюма, видимо из разрушенного погребения. Он включал двухсоставную застежку, 10 ажурных подвесок, зеркало, игольник, бусы и др. вещи, отнесенные к сrostкинской культуре (Грязнов, 1951, рис. 179, 196–197; 1956, с. 148; Тишкин, Горбунов, 2022, с. 69, рис. 2; Тишкин, 2021).

На следующий 1925 г. комплекс БЕ был осмотрен археологом М.П. Грязновым, который раскопал в том же пункте (БЕ-V) еще одно, частично раздутое, погребение мужчины с железной саблей, также определенное как сrostкинское (Грязнов, 1956, с. 148). Тогда же исследователь произвел сборы подъемного материала с поселения Камышенка возле одноименного села в Усть-Пристанском районе Алтайского края. Эти материалы были введены в научный оборот А.А. Казаковым, который выделил среди них керамику одиноцовой культуры и более позднюю серию (Казаков, 2016, с. 113). Последняя вполне сопоставима со сrostкинской посудой (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221–222).

В том же 1925 г. М.Д. Копытов произвел раскопки на курганном могильнике у с. Сrostки, на горе Пикет (Бийский район Алтайского края). Надо сказать, что этот памятник был осмотрен еще в 1880 г. Н.М. Ядринцевым, который составил его план, отметив на нем более 30 курганов (Тишкина, 2010, 65–66, рис. 13.-6). М.Д. Копытов вскрыл 39 объектов, в которых был обнаружен разнообразный, в том числе редкий инвентарь (Сергеев, 1998, с. 189). В том же году раскопки были продолжены отрядом Алтайской археологической экспедиции Этнографического отдела Русского музея под руководством М.Н. Комаровой (начальник экспедиции – С.И. Руденко). В результате оказалось раскопано еще 11 курга-

нов, содержащих 12 могил (Савинов, 1996, с. 192). Дальнейшие работы на памятнике в 1930 г. провела экспедиция Общества изучения Сибири под руководством С.М. Сергеева, которая вскрыла шесть курганов (Савинов, 1995, с. 166). Тогда же был составлен план могильника, где отмечена 61 земляная насыпь. Всего на памятнике Сростки-I было раскопано 56 курганов, но они были изучены не полностью. М.Н. Комарова и С.М. Сергеев изучали только центральные участки насыпей с помощью колодцев размерами 2×2 м и 3×3 м. М.Д. Копытов также раскапывал центральные части курганов, но, очевидно, без какой-либо методики, вероятнее всего, бесформенными колодцами, никакой документации своих работ он не вел. Коллекция сделанных им находок хранится в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки. Материалы, полученные М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым, хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Результаты раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева наиболее полно введены в научный оборот Д.Г. Савиновым (1998). Есть обзор коллекции М.Д. Копытова (Неверов, 1991а), но из ее состава опубликована только часть вещей (Грязнов, 1930; Киселев, 1949; Могильников, 1981; Горбунов, 2010; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2017; Тишкин, Горбунов, 2022; и др.).

Найденный инвентарь из Сросткинского могильника показал яркую материальную культуру нового облика. Она которая привлекла внимание М.П. Грязнова, который познакомился с материалами памятника вскоре после его раскопок в 1925 г. Уже в своей небольшой работе «Древние культуры Алтая» он использовал их для характеристики третьего этапа (стадии) железной культуры на Алтае, определив его время VII–X вв. (Грязнов, 1930, с. 9–11).

В 1927 г. М.П. Грязнов произвел сборы материала на поселении Солдатово рядом с одноименным селом в Петропавловском районе Алтайского края. Материалы опубликованы

А.А. Казаковым (2016, с. 114–115). Помимо керамики кулайской и одинцовской культур, там присутствуют венчики с орнаментом, характерным для сросткинских комплексов (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 224).

В 1928 г. Р.С. Малых передал в Бийский краеведческий музей несколько находок из размытого на берегу реки кургана в окрестностях с. Усть-Козлуха (Чарышский район Алтайского края). Найденные предметы представлены железным мечом, крюками на кольцах и удилами с псалями. Облик предметов позволяет датировать объект второй половиной X – первой половиной XI вв. и отнести его к сросткинской культуре (Горбунов, 2006, с. 134).

В 1929–1930 гг. экспедицией Бийского краеведческого музея, возглавляемой С.М. Сергеевым и М.Д. Копытовым, были проведены раскопки могильника Змеевка у с. Красный Яр в Советском районе Алтайского края. Ими вскрыто восемь курганов с 23 могилами. Восемь погребений содержали материалы позднего этапа сросткинской культуры (Неверов, 1980, с. 98; 1982, с. 102, 118).

В 1937 г. экспедицией Бийского краеведческого музея под руководством А.П. Маркова был открыт курганный могильник Солонька (Смоленский район Алтайского края). Из шести раскопанных курганов в одном из них находилось погребение по обряду кремации со следующими вещами сросткинского облика: железный меч, наконечники стрел, тесло и удила (Абдулганеев, 2006, с. 183–184, рис. 5).

В целом период 20–30-х гг. XX в. характеризуется постепенным пополнением источниковой базы, некоторым расширением географии памятников и их хронологического диапазона. Работы в то время осуществлялись в основном местными краеведами и археологами, пока еще при небольшом участии ученых из центральных учреждений страны. Предпринимались первые попытки культурно-хронологического упорядочивания полученных материалов (Грязнов, 1930).

3. Выделение сrostкинской культуры и раскопки ее памятников в 1940–1960-х гг.

Послевоенное время ознаменовалось масштабными работами, предпринятыми М.П. Грязновым на комплексе БЕ. Исследования, проведенные в 1946, 1947 и 1949 гг., выявили четыре могильника в пунктах БЕ-V, VI, VII, VIII (22 могилы по подсчетам С.В. Неверова (1980, с. 99), вещи из которых были вполне сопоставимы со сrostкинскими. Уже в предварительных публикациях по результатам этих работ ученый стал использовать название сrostкинская культура, отмечая, что наиболее ярко она представлена материалами Сrostкинского могильника, который был избран в качестве памятника-эпонима (Грязнов, 1949, с. 119; 1950, с. 14). Данное наименование сохраняет свое значение по настоящий день, объединяя большую группу однокультурных памятников последней трети I – начала II тыс. н. э. Более развернутая характеристика самой культуры была дана М.П. Грязновым в итоговой монографии по раскопкам у с. Большая Речка (Грязнов, 1956, с. 145–152). К ней, кроме четырех некрополей на БЕ, причислены курганные могильники Сrostки-I, Змеевка, Гоньба, Иня, Старый Шарап, Ордынское (Грязнов, 1956, с. 151). Датировка сrostкинских памятников определялась различно: VIII–X, IX–X, IX–XI вв. (Грязнов, 1949, с. 117; 1950, с. 14; 1951, с. 112; 1956, с. 145, 150), а население, оставившее эти памятники, соотносилось с тюрками (Грязнов, 1951, с. 112).

М.П. Грязнов считал, «что сrostкинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития и что примерно в VIII в. население с этой культурой распространилось из Алтая на север по лесостепным районам р. Оби» (Грязнов, 1956, с. 151). Несколько позднее он выделил четыре локальных варианта сrostкинской культуры: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский и кемеровский (Грязнов, 1960, с. 24).

Помимо всего, М.П. Грязнов докопал в пункте БЕ-IX курган (1949 г.), ранее исследованный Н.С. Гуляевым, и произвел раскопки поселения БЕ-II (1946 г.). Эти памятники

ученый датировал началом II тыс. н. э., но не отнес к сrostкинской культуре (Грязнов, 1956, с. 153–155). Между тем особенности погребального обряда и инвентаря с БЕ-IX, форма и орнаментация керамики и накладка лука с БЕ-II вполне позволяют соотнести эти памятники с поздним этапом сrostкинской культуры (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221, 228; Горбунов, 2021, с. 170, 173).

Заинтересовали в то время сrostкинские материалы и С.В. Киселева, который в своей известной монографии подробно рассмотрел инвентарь первой группы курганов у с. Сrostки и обосновал его датировку второй половиной IX – X вв., отметив близость к культуре кыргызов (Киселев, 1949, с. 311–314; Неверов, 1980, с. 98–99).

Полевые исследования памятников сrostкинской культуры в 1950–1960-е гг. охватили более обширную территорию. Наибольший вклад в них внес местный археолог А.П. Уманский. В 1951 и 1959 гг. им были начаты раскопки курганного могильника Иня-I в Барнаульском Приобье. Этот крупный некрополь, второй в Лесостепном Алтае после Сrostок-I, состоял из 37 курганов. Шесть курганов, содержащих 12 могил по обряду одиночной ингумации, ингумации с конем, с собакой, кремации, были раскопаны. Обнаружен разнообразный инвентарь, характерный для раннего периода сrostкинской культуры. А.П. Уманский датировал памятник VIII–IX вв. и определил его этническую принадлежность как тюркскую (Уманский, 1970, с. 69, 72).

В 1960 г. А.П. Уманским были раскопаны два кургана на памятнике Степной Кучук-1 в восточной части Кулундинской равнины (Родинский район Алтайского края). Там найдены следующие предметы: костяные накладки лука, железный меч, наконечники стрел, пряжки, удила, стремяна, нож. Ученый отнес их к XIII–XIV вв., хотя и указывал, что многие из них встречаются и в позднесrostкинское время (Уманский, 1993, с. 213). В действительности и погребальный обряд, и инвентарь этого памятника вполне типичны для сrostкинской культуры.

В начале 1960-х гг. на Приобском плато, в среднем течении р. Алея, были выявлены новые погребальные памятники сrostкинской культуры. На этой территории в 1962 г. работала археологическая экспедиция Алтайского краеведческого музея также под руководством А.П. Уманского. В результате были раскопаны или доисследованы шесть средневековых могил. В Поспелихинском кургане и в Мало-Панюшово обнаружено по одной могиле, а две – на Нечунаевском Елбане-2. Они датированы IX–X вв. и отнесены к сrostкинской культуре (Уманский, Неверов, 1982, с. 178, 181, 183). Еще две могилы в кургане на памятнике Нечунаево-3 датированы последними веками I тыс. до н. э. (Уманский, 1997, с. 156). Однако все признаки погребального обряда и облик инвентаря свидетельствуют об их принадлежности к сrostкинской культуре.

В 1960–1965 гг. Ф.И. Александровым и П.Н. Муштеем исследовался могильник Шанда в Гурьевском районе Кемеровской области. Раскопано 17 курганов, содержащих 34 погребения людей по обряду ингумации и 14 отдельных захоронений лошадей. Найдены железный меч в ножнах, наконечники стрел, тесла, ножи, крюки на кольцах, берестяной колчан и костяные петли для его крепления, бронзовая пряжка, стеклянные бусы, железные удила с псалями, подпружные пряжки и стремя. Опубликовавший эти материалы А.М. Илюшин соотносит памятник с теленгутами и датирует его XI–XII вв. (Илюшин, 1993, с. 39, 42). Однако особенности обряда и инвентаря позволяют отнести могильник Шанда к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры второй половины X – первой половины XI вв. (Горбунов, 2012, с. 553).

В 1962 и 1966 гг. Т.Н. Троицкой и в 1973–1974 гг. В.Д. Романцовой исследовалось городище Седова Заимка в Новосибирском районе Новосибирской области. Городище с трех сторон укреплено фортификационными сооружениями из двух валов и рвов. В раскопе выявлены остатки построек и две сводчатые печи. Найдены фрагменты керамики от 100 сосудов, железный наконечник стрелы и заковки, игольник, костяные наконечники стрел,

медная серьга, каменный жернов. Часть керамики имеет форму и орнамент, характерные для сrostкинской культуры. Памятник датирован X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 101).

В 1962, 1968 и 1974 гг. Т.Н. Троицкой, а в 1985–1986 гг. А.А. Адамовым исследовался могильник Березовый Остров-1 в Мошковском районе Новосибирской области. Раскопано девять курганов, содержащих 16 погребений по обряду одиночной и коллективной ингумации и ингумации с конем в отдельной яме. Среди инвентаря присутствовали железные панцирные пластины, меч и сабли, наконечники стрел, тесла, ножи, кресала, молоток, клещи, рыболовный крючок, пряжки, крюки на кольцах, удила с псалями, стремя, бронзовые пряжки, застежка, серьга, подвески, колокольчики, костяные наконечники стрел, накладка от колчана, пряжка, стеклянные бусы, керамический сосуд. А.А. Адамов относит памятник к сrostкинской культуре и датирует X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 64, 84).

В 1965 г. при рытье траншеи для водопровода в с. Николаевка (Славгородский район Алтайского края) была разрушена грунтовая могила, совершенная по обряду ингумации. Были найдены железный меч и бронзовая пряжка. По ней комплекс датирован IX–X вв. и связан со сrostкинским временем и кыргызским влиянием (Уманский, 1991, с. 132). Однако типологические особенности пряжки более точно соответствуют VIII–IX вв. (Уманский, 1991, с. 131), что позволяет относить объект к раннему этапу сrostкинской культуры.

В 1966 г. сотрудником Барнаульского краеведческого музея Э.М. Медниковой обследовалось поселение Урлапово в Шипуновском районе Алтайского края. Среди найденной керамики выделяются венчики, орнаментированные насечками, треугольно-зубчатым штампом и ямками, характерные для керамического комплекса сrostкинской культуры. Памятник может быть дарован серединой IX – XII вв. (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 227–228).

В 1967–1968 и 1972 гг. Ф.И. Александровым и П.Н. Муштеем исследовался могиль-

ник Беково в Беловском районе Кемеровской области. Раскопаны четыре кургана, содержащих семь могил по обряду ингумации и шесть с отдельными захоронениями лошадей. Найдены железные мечи, наконечники стрел, тесла, ножи, крюки на кольцах, удила с псалями, стремяна, бронзовые бляхи-накладки, наконечник ремня, серьги, бляхи-подвески, зеркало, костяные подпружные пряжки. Опубликовавший эти материалы А.М. Илюшин соотносит памятник с теленгутами и датирует его XI–XII вв. (Илюшин, 1993, с. 39, 42). В действительности, особенности обряда и инвентаря позволяют отнести могильник Беково к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры второй половины X – первой половины XI вв. (Горбунов, 2012, с. 553).

В 1967 г. Т.Н. Троицкой и в 1985–1986 гг. А.В. Новиковым исследовался могильник Чингис-2 в Ордынском районе Новосибирской области. Всего было раскопано семь курганов и шесть погребений по обряду одиночной ингумации и ингумации с конем. Среди находок следует отметить железную саблю, наконечники стрел и копий, кинжал, тесло, ножи, удила с псалями, стремя, железную и бронзовую гарнитуру от поясов и узды, бронзовые серьги, перстни, колокольчики, костяные наконечники стрел, навершия плетей, стеклянные бусы, керамические сосуды, каменные оселки, тюргешскую монету. Авторы раскопок датировали памятник VIII–IX вв., отметив в нем черты верхнеобской культуры и наличие тюркского (сrostкинского) компонента (Троицкая, Новиков, 1995, с. 144–146).

В 1967 г. Т.Н. Троицкой и в 1988 г. А.А. Адамовым исследовалось поселение Ордынское-5 в Ордынском районе Новосибирской области. Раскопано три наземных жилища. Найдены фрагменты керамики от 13 сосудов. Их профилировка и орнамент характерны для сrostкинской культуры. Памятник датирован X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 104–105).

В 1968 г. Э.М. Медниковой было начато, а в 1970–1971 гг. продолжено изучение городища Елбанка у одноименного села в Усть-Пристанском районе Алтайского края.

М.Т. Абдулганеев, опубликовавший часть материалов этого памятника, выделил пять культурно-хронологических комплексов городища (Абдулганеев, 2001, с. 80–83). Последний комплекс по характерной форме и орнаменту керамических сосудов, а также по находкам отдельных предметов можно отнести к сrostкинской культуре и датировать второй половиной XI – XII вв. (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221, 228).

Из аналитических работ рассматриваемого этапа исследований необходимо отметить монографию А.А. Гавриловой, где она обратилась и к анализу сrostкинского комплекса, опубликовав материалы кургана № 2 могильника Сrostки-I из раскопок С.М. Сергеева (Гаврилова, 1965, с. 69, рис. 11). А.А. Гаврилова оперировала термином «сrostкинский тип могил», который относилась к концу VIII – X вв., считая его носителями уйгуров (Гаврилова, 1965, с. 70, 98). Ареал сrostкинских памятников определялся ею весьма широко: Верхнее Приобье, Горный Алтай, Тува, Забайкалье, Казахстан, Бараба, Южное Зауралье (Гаврилова, 1965, с. 72).

Период 40–60-х гг. XX в. характеризуется дальнейшим увеличением источниковой базы и расширением географии сrostкинских памятников. Многие из них обнаруживались случайно в результате антропогенного или природного разрушения, но проводились и раскопки нетронутых объектов. Доисследования или полные исследования велись профессиональными археологами, как из центральных учреждений СССР, так и из музейных и вузовских центров Западной Сибири. Его главным достижением является выделение самостоятельной сrostкинской культуры, определение ее хронологии и первые попытки этнической интерпретации. И хотя среди исследователей не сложилось единой точки зрения по всем вопросам, наиболее последовательная концепция происхождения и развития сrostкинской культуры была предложена М.П. Грязновым, и именно она оставалась основной для указанного периода.

4. Полевые исследования и разработка вопросов хронологии и этнической принадлежности сrostкинской культуры в 1970-х – начале 1990-х гг.

Наиболее интенсивное пополнение источниковой базы по сrostкинской культуре приходится на 70–80-е гг. XX в. Во многом это было связано с проведением крупномасштабных аварийных работ в зонах мелиоративного и каскадного строительства.

В 1970 г. Д.Г. Савиновым были проведены крупные раскопки на грунтовом могильнике Осинки в Усть-Пристанском районе Алтайского края, хотя первые сборы и небольшие раскопки там провела Н.Л. Членова в 1969 г. Всего исследовано 77 могил, из которых только 14 относятся к сrostкинской культуре. Они совершены по обряду одиночной ингумации с восточной ориентировкой умерших и содержали инвентарь (накладки луков, наконечники стрел и копий, кинжал, тесла, серьги, зеркала, лазуритовые и перламутровые подвески), характерный для второй половины XI – XII вв. Автор раскопок связывает эти и ряд других могил со сложением басандайской культуры (Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 34–36).

Самая значительная серия средневековых памятников была раскопана археологическими экспедициями под руководством В.А. Могильникова в зоне строительства Гилевского водохранилища на Верхнем Алее. На 1971 г. приходится начало многолетних аварийных работ, в результате которых исследовано 39 курганов в составе пяти групп – Гилево-I–V (Могильников, 2002, с. 8–18). В том же году начаты раскопки курганной группы Гилево-VII (Могильников, 2002, с. 20–25). Они дали важные материалы: предметы вооружения, снаряжения верхового коня, костюма, быта и орудия труда из железа, цветных металлов, кости, керамики, стекла и камня.

В 1972 г. В.А. Могильников продолжил археологические работы в указанном районе. У сел Гилево и Корболиха он исследовал шесть курганных групп – Гилево-XI–XIII, Корболиха-II–IV (Могильников, 2002, с. 29–40, 46–50). В том же году были начаты раскопки курганных групп Гилево-VIII–IX (Могильников,

2002, с. 25–29). В целом они дали материалы, аналогичные предыдущим находкам, но помимо этого в могилах группы Гилево-XII оказались две уникальные бронзовые бляхи-подвески, изображающие воинов (Могильников, 2002, рис. 82.-16, 91.-10). В 1973–1974 гг. В.А. Могильников произвел раскопки курганных групп Гилево-VI, XV, Корболиха-V, VII (Могильников, 2002, с. 18–20, 42–44, 50–53), а в 1975–1976 гг. исследовались курганные группы Гилево-XVI, Корболиха-VI, VIII, X, Павловка-I–II и грунтовый могильник Гилево-II (Могильников, 2002, с. 44–46, 51–66). Часть этих объектов определялась как сrostкинские, другие как кимако-кыпчакские, огузские и кыргызские, а их хронология установлена в диапазоне конца VIII – XI вв. (Могильников, 2002, с. 123–125).

В 1972 г. А.П. Уманский исследовал еще один памятник сrostкинской культуры – грунтовый могильник Ильинка на Приобском плато. Он содержал разнокультурные погребения первой половины II тыс. н. э., два из которых оказались сrostкинскими (Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001, с. 160).

В 1974 г. В.А. Могильников раскопал два кургана на некрополе Кураевка-I в Третьяковском районе Алтайского края. В одном из них зафиксировано погребение человека с конем, с которыми найдены железные удила, наконечники стрел, кресало, бронзовая пряжка, наконечник и бляхи от пояса и колчана. Памятник слоотнесен со сrostкинской культурой и тюрками Горного Алтая и датирован IX – первой половиной X вв. (Могильников, 2002, с. 5, 65).

В середине 1970-х гг. значительные археологические работы, связанные с мелиоративным строительством, были предприняты в северо-западной и северной частях Приобского плато около д. Грязново и г. Камень-на-Оби. Их возглавлял В.А. Могильников, сотрудник Института археологии АН СССР, при активном участии археологов из Барнаульского пединститута и Алтайского государственного университета. Выявлены курганные группы Грязново-I, II, III, IV, включавшие 20 земляных насыпей, из которых 11 раскопано в 1974 г. и один в 1976 г.

Исследовано 17 погребений, содержавших разнообразный инвентарь. Все они датированы IX–X вв. и отнесены к сrostкинской культуре (Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 127). Еще в двух курганных группах Камень-I (1974 г.) и Камень-II (1976 г.) раскопано по одному кургану. Всего были исследованы пять могил, которые также определены как сrostкинские (Могильников, 1981, с. 45; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113; Могильников, Уманский, 1998, с. 184–185).

В 1977–1978 гг. В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым обследовался грунтовый могильник Борковский Елбан-6 в Калманском районе Алтайского края. Зафиксированы поврежденные выдувами грунтовые могилы с погребениями по обряду кремации. На месте погребений собран инвентарь из бронзовых блях-накладок и наконечников ремней от уздечных и поясных наборов, а также фрагмент костяной пряжки. Эти вещи характерны для материального комплекса раннего этапа сrostкинской культуры и датируются второй половиной VIII – первой половиной IX вв. (Бородаев, Горбунов, 1995, с. 157–158).

В 1978 г. В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым выявлено местонахождение Усть-Алейский Елбан в Калманском районе Алтайского края. Найден керамический венчик сrostкинско-го облика, с карнизом, украшенный треугольно-зубчатым штампом. Памятник можно датировать серединой IX – XII вв. (Кунгуров, 2001, с. 61; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 227–228).

В 1978 г. В.В. Бобровым исследовался могильник Промышленная-1 в Промышленном районе Кемеровской области. Раскопан один курган с тремя могилами по обряду одиночной ингумации и ингумации с конем. Инвентарь представлен железным череном меча, костяными накладками на колчан и пряжкой, венчиком от керамического сосуда. Автором раскопок курган датирован X в. и отнесен к сrostкинской культуре (Бобров, 1997, с. 112).

В 1978–1981 гг. Ю.Ф. Кирюшиным раскапывались поселения Коровья Пристань-III и Костенкова Избушка в Зональном районе Алтайского края, открытые в 1956 г. Б.Х. Ка-

диковым. Найдена керамика, которая может быть связана со сrostкинской культурой. На это указывает ее форма и орнаментация: сильно профилированные венчики, ямки и треугольно-зубчатый штамп, прочерченные линии, образующие пояса, треугольные и фигурноскобчатые фестоны. Оба поселения датируются серединой IX – XII вв. (Кирюшин, Казаков, 1997, с. 302–303; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 228).

В 1978 и 1983 гг. А.Б. Шамшиным обследовалось поселение Зайцево-2 в Тальменском районе Алтайского края. Собрана керамика, среди которой имеются сильно профилированные венчики, украшенные насечками и ямками. Реконструируется горшок, орнаментированный по венчику насечками, по шейке – рядом ямок, а ниже – поясом треугольно-зубчатого штампа с отходящими фестонами из прочерченных линий, что характерно для керамики сrostкинской культуры. Памятник датируется серединой IX – XII вв. (Шамшин, Горбунов, 1993, с. 207; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221, 228).

В 1979 г. В.Л. Кобзевым были начаты, а в 1986 г. С.В. Неверовым продолжены исследования на могильнике Шадринцево-1 в Тальменском районе Алтайского края. Раскопан крупный курган № 1, содержащий четыре погребения по обряду ингумации, ингумации с конем и ингумации со шкурой коня, и четыре малых кургана № 3–6, оказавшихся поминальными. Найдены железные наконечники стрел, меч, панцирная пластина, удила с псалиями, стремена, тесло, ножи, берестяной колчан, костяные пряжки и костыльки, бронзовые пряжки, бляхи, наконечники и распределители ремней от узды и поясов, фрагмент зеркала и игольник. Памятник датирован второй половиной X – первой половиной XI вв. и отнесен к сrostкинской культуре (Неверов, Горбунов, 1996, с. 178–179).

В 1981 г. Г.Е. Ивановым открыто и обследовано поселение Калиновка-I в Мамонтовском районе Алтайского края. К сrostкинской культуре относится керамика, орнаментированная треугольно-зубчатым штампом, ямками и насечками, образующими горизонтальные пояса

и фестоны. Датированной находкой является бронзовая подвеска в виде мужской личины, характерная для сrostкинских погребений второй половины IX – первой половины X вв. (Иванов, 2000, с. 85; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 228).

В 1981–1984 гг. В.Б. Бородаевым проводились исследования городища Абакша-1 на границе г. Барнаула и Павловского района Алтайского края. С напольной стороны городище было защищено рвом и валом. На нем найдены фрагменты керамических сосудов, украшенные треугольно-зубчатым штампом и ямками, остеологический материал и следы плавки железа. По керамике памятник отнесен к сrostкинской культуре и предварительно датируется второй половиной XI – XII вв. (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 221).

В июле 1982 г. Ю.Ф. Кирюшиным было доисследовано захоронение в разрушенном кургане на могильнике Дмитротитово в Кытмановском районе Алтайского края. Раскопана могила по обряду кремации в берестяном конверте. В ней найдены железный меч, наконечники стрел, острога, удила, бронзовые поясные бляхи и наконечник ремня, костяная застежка. Объект отнесен к сrostкинской культуре и датирован X в. (Кирюшин, Неворов, 1991, с. 140).

В 1982 г. Г.Е. Ивановым открыты и обследованы поселения Черная Курья-VI и Шатово-III в Мамонтовском районе Алтайского края. Найдены венчики с карнизами, орнаментированные насечками, ямками и штампом с треугольными зубьями, характерные для сrostкинских сосудов, а также железный наконечник копья-рогаины, аналогичный экземплярам из погребений сrostкинской культуры второй половины IX – первой половины X вв. (Иванов, 2000, с. 95, 97–98; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 227–228).

В 1983 г. работы в северной части Приобского плато проводила экспедиция Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Их результатом явилось исследование двух курганов на могильнике Быково-IV, один из которых оказался сrostкинским. Он содержал погребение по обряду

ингумации с конем и инвентарь, включавший предметы вооружения (накладки лука, наконечники стрел и копья), снаряжения человека (пряжка и наконечник пояса) и лошади (удила с псалями), орудия труда (нож) и украшения (кольцо). Объект датирован второй половиной IX – первой половиной X вв. (Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999, с. 177).

В 1983 г. сотрудниками Новосибирской геодезической партии в местности под названием Сурья Сопка в Шипуновском районе Алтайского края был снесен курган, в котором разрушено погребение. Найденный инвентарь представлен бронзовыми позолоченными деталями конской амуниции: пряжка, тренчик, наконечники ремней и бляхи-накладки. Найдены датируются второй половиной IX – первой половиной X вв., что позволяет отнести памятник к сrostкинской культуре (Боровков, 2001, с. 8).

В 1983–1984 и 1987–1988 гг. Ю.П. Алехиным в Курьинском районе Алтайского края исследована серия могильников сrostкинской культуры: Ивановка-III, IX, XVII, XX, XXIV, XXVI, Новофирсово-VII. Раскопано 16 курганов, содержащих 20 могил по обряду ингумации, ингумации с конем, кремации. Получен разнообразный инвентарь из предметов вооружения, конского снаряжения, костюма человека, а также ножи и керамический сосуд. Памятники датируются в диапазоне второй половины IX – первой половины XI вв. (Алехин, 1996, с. 64, 66, 68–72, 85; Горбунов, 2012, с. 552–553).

В 1984 г. А.Л. Кунгуровым исследовалось поселение Улица Радищева в квартале АБ г. Бийска. Раскопана хозяйственная яма с развалами трех сосудов и подвеской из лазурита. Сосуды украшены поясами треугольно-зубчатого штампа и ямок, что соответствует сrostкинскому керамическому комплексу. Лазуритовая подвеска уточняет его датировку в рамках середины XI – XII вв. (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 226–228).

В 1984 г. А.П. Уманским и В.А. Могильниковым на могильнике Новотроицкое-I в Тальменском районе Алтайского края был раскопан один средневековый курган. Исследовано

погребение по обряду одиночной ингумации. Инвентарь представлен железными наконечниками стрел, теслом, костяными накладками на лук (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 61–62). Объект относится к сrostкинской культуре и датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. (Горбунов, 2021, с. 171–173).

В 1984 г. А.А. Адамовым исследовалось городище Черный Борок-20 в Колыванском районе Новосибирской области. Городище двухчастное, окружено с трех сторон ровом и прерывистым валом с бастиянами и въездами. В раскопах выявлены остатки канав и ям, прокалы, обломки металлургического горна, фрагменты керамики от 85 сосудов, железная панцирная пластина, наконечники стрел, ножи, костяные наконечники стрел, кочедыки, пряслице, игральные астрагалы, каменный жернов. Значительная часть керамики имеет форму и орнамент, характерные для сrostкинской культуры. Памятник датирован X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 102).

В 1985 г. в Барнаульский пединститут поступили находки из еще одного средневекового кургана в окрестностях с. Быково. Это четыре бронзовые бляхи-накладки от узды. Памятник был осмотрен и опубликован А.П. Уманским. Он датировал находки IX–X вв. и связал их с культурой кыргызов (Уманский, 1991, с. 132). Отметим, что большое количество аналогичных изделий найдено и в сrostкинских памятниках, а собственно кыргызских погребений на территории Приобского плато не зафиксировано.

В 1985 г. А.А. Адамовым исследовалось поселение Боровое-1 в Тогучинском районе Новосибирской области. Раскопаны три жилища и найдены фрагменты керамики от девяти сосудов. Их профилировка и орнамент характерны для керамики сrostкинской культуры. Памятник датирован X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 103–104).

В 1985 г. В.А. Могильниковым исследовался могильник Кирилловка-V в Бурлинском районе Алтайского края. Раскопан один курган с тремя погребениями по обряду одиночной ингумации и ингумации с конем.

Из находок опубликованы железный нож и фрагмент бронзового китайского зеркала эпохи династии Тан VIII–IX вв. (Могильников, 1996, с. 160–162). По обряду данный объект можно отнести к сrostкинской культуре в рамках ее грязновского этапа, вторая половина IX – первая половина X вв. (Горбунов, 2012, с. 552).

Весной 1985 г. в нижнем течении р. Алея на окраине с. Хабазино был случайно обнаружен еще один средневековый объект. Там оврагом разрушило половину могилы по обряду ингумации с конем, которую докопали местные жители. В 1992 г. данное место было обследовано В.В. Горбуновым. Памятник получил название Хабазино-4. Из вещей уцелело шесть железных наконечников стрел и стремя, которые и были опубликованы (Горбунов, 2013, рис. 1). По облику предметного набора и особенностям погребального обряда погребение Хабазино-4 отнесено к началу грязновского этапа сrostкинской культуры и датировано второй половиной IX в. (Горбунов, 2013, с. 101).

В том же 1985 г. совместная экспедиция Алтайского госуниверситета и Барнаульского пединститута провела хозяйственные раскопки курганного могильника Рогозиха-1, попавшего в зону строительства оросительной системы, в центральной части Приобского плато. Памятник представлял собой некрополь из 18 земляных курганов, четыре из которых оказались сrostкинскими. Материалы из курганов № 10 и 15 позволили датировать эти объекты X – началом XI вв. (Неверов, 1990а, с. 116), а позднее они были отнесены к шадринцевскому этапу (вторая половина X – первая половина XI вв.) сrostкинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2000а, с. 56).

В 1985–1986 гг. Т.Н. Троицкой и в 1989 г. А.А. Адамовым исследовался могильник Крохалевка-13 в Коченевском районе Новосибирской области. Только в одном кургане зафиксированы могилы сrostкинской культуры по обряду одиночной ингумации. Инвентарь представлен железным ножом, кресалами, пряжками, крюками на кольцах, бронзовыми серьгами, подвесками, колокольчиком и сте-

клянными бусами. Памятник датирован X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 65).

В 1986–1987 гг. М.Т. Абдулганеевым и А.Б. Шамшиным исследовались могильники Кукушкин Елбан-2 и Точильное-5 в Смоленском районе Алтайского края. На первом раскопан один курган, содержащий погребение по обряду кремации, а на втором – грунтовая могила по обряду ингумации с конем. Инвентарь представлен ножом, удилами с псалиями, стремями, пряжкой, пряслицем, китайскими монетами и золотой антропоморфной бляхой-личиной. Оба объекта отнесены к сrostкинской культуре и датированы IX–X вв. (Абдулганеев, Шамшин, 1990, с. 102–104).

В 1986–1987 гг. В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым, а в 1992–1994 гг. В.В. Горбуновым обследовалось поселение Троицк-3 в Калманском районе Алтайского края, открытое А.П. Уманским в 1972 г. Собрана керамика сrostкинской культуры, украшенная треугольно-зубчатым штампом и ямками, образующими горизонтальные пояса и фестоны. Также найден железный наконечник стрелы, аналогичный экземплярам из сrostкинских погребений второй половины IX – первой половины XI вв. (Горбунов, Бородаев, 1995, с. 218; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 228).

В 1987 г. в окрестностях с. Плотниково, на севере Приобского плато, был случайно обнаружен комплект предметов конского снаряжения, явно происходящий из разрушенного погребального памятника. Он состоял из бронзовых позолоченных изделий от узды (Памятники истории..., 1990, с. 55, рис. 9.1–4). Недалеко от с. Плотниково известно несколько одиночных курганов и курганных групп, насыпи которых активно распахивались в 1970–1980-е гг. (Памятники истории..., 1990, с. 31–33). Велика вероятность того, что данный уздечный комплект был подобран на месте распаханного захоронения лошади, совершенного над могилой человека, как это зафиксировано на ряде памятников сrostкинской культуры (Горбунов, Тишкин, 1999, с. 140; Горбунов, Ситников, 2001, с. 9). Найденные вещи вполне вписываются в кон-

текст сrostкинского инвентаря и могут быть отнесены к инскому этапу (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) этой культуры (Горбунов, 2012, с. 552).

В 1987 г. М.Т. Абдулганеевым проводились раскопки на поселении Комарово-5 в Зональном районе Алтайского края. Исследовано жилище прямоугольной формы полуземляночного типа с каркасной конструкцией и хозяйственная постройка из жердей. Найдены горшковидные сосуды с профилированными венчиками и орнаментом из треугольно-зубчатого штампа, насечек, ямок и прочерченных линий. Эти элементы образуют горизонтальные пояса и треугольные фестоны, характерные для сrostкинской керамического комплекса. Памятник может быть датирован второй половиной IX – XII вв. (Абдулганеев, 1990, с. 148–149; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 228).

В 1987–1988 гг. А.А. Адамовым исследовался могильник Высокий Борок в Колыванском районе Новосибирской области. К сrostкинской культуре относятся два кургана, содержащих три могилы по обряду ингумации. Найденный инвентарь представлен железными наконечниками стрел, теслом, ножом, бронзовой серьгой, подвесками, каменными, стеклянными и костяными бусами. Памятник датирован X–XII вв. (Адамов, 2000, с. 65).

В 1988 г. экспедицией АлтГУ под руководством В.С. Удодова и А.Б. Шамшина проведены аварийные раскопки могильника Екатериновка-3 в Кулундинском районе Алтайского края. Исследованы пять курганов с пятью могилами по обряду одиночной и парной ингумации, коллективной ингумации с конем и кенотаф с конем. Найдены железные удила с псалиями, казан, бронзовые пряжки, бляхи-накладки от узды, пояса и сумки, серьга, подвески, зеркало и позолоченная бляха в виде фигурки льва или собаки. Памятник отнесен к сrostкинской культуре и датирован второй – третьей четвертью X в. (Удодов, Тишкин, Горбунова, 2006, с. 297).

В 1989 г. Кулундинским отрядом экспедиции АлтГУ под руководством В.С. Удодова исследовался могильник Займище в Хабаровском

районе Алтайского края. Раскопаны четыре кургана сrostкинской культуры, содержащих девять погребений по обряду одиночной и парной ингумации и ингумации с конем. Среди инвентаря можно отметить железную саблю, наконечники стрел, ножи, кольчатые распределители, удила с псалиями, бронзовые пряжки, наконечник ремня, бляхи-накладки, костяную накладку на лук и пряжки, серебряную нашивку, золотую серьгу, керамический сосуд, а также бронзовую пряжку в виде фигурки человека. Памятник датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. (Горбунов, 2006, с. 133).

В 1989–1990 гг. С.В. Неверовым были продолжены раскопки могильника Иня-1, начатые А.П. Уманским. Исследовано 12 курганов, содержащих 18 могил по обряду одиночной ингумации, ингумации с конем, собакой, овцой, кремации с конем. Получен разнообразный инвентарь, в том числе монеты, полные поясные и уздечные наборы, роговые стремяна. Памятник относится к раннему этапу сrostкинской культуры с датировкой второй половиной VIII – первой половиной IX вв. (Ефремов, 1990, с. 42–43; Горбунов, 2011, с. 20).

В 1989 и 1993–1994 гг. Ю.П. Алехиным исследовался могильник Кондратьевка-IV в Новошуйбинском районе Семипалатинской области. Состоял из шести курганов. Из них только курган № 2 относится к сrostкинской культуре. Под его насыпью выявлен деревянный столб и две могилы по обряду одиночной ингумации и ингумации с тремя конями. Среди инвентаря есть железный наконечник стрелы, бронзовые пряжки, бляхи-накладки, подвески, амулет в виде фигурки оленя, колокольчики, зажим для прически, костяная накладку на лук, пряжка, цурки, деревянный ленчик седла, а также две подвески в виде воинов-всадников и две подвески с мужской и женской личинами. Автор раскопок соотносит объект с кимаками и датирует IX–X вв. (Алехин, 1998, с. 202). Однако такая деталь обряда, как «изголовный» столб, указывает на его принадлежность к сrostкинской культуре.

В 1990 г. Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского государственного университета под

руководством А.А. Тишкина были раскопаны три аварийных кургана на могильнике Белый Камень и шесть курганов на могильнике Черный Камень в Рубцовском районе Алтайского края. В могилах найдены железные наконечники стрел и наконечник копья, предметы конского снаряжения и многочисленные украшения узды из цветного металла (Тишкин, 1993а, с. 245–246; Тишкин, Тишкина, 1991, с. 125). В том же году эта же экспедиция раскопала два кургана на могильнике Михайловка и три кургана на могильнике Сибирь в Третьяковском районе Алтайского края. Большинство объектов были сильно разграблены, но в одном кургане зафиксирована кремация с конем, железные удила, пряжка, T-образная рельефная бляха (Тишкин, 1991, с. 18). В настоящее время все перечисленные памятники относятся к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датируются в пределах второй половины IX – первой половины X вв. (Горбунов, 2012, с. 552).

В 1990 г. Восточным отрядом экспедиции Алтайского государственного университета под руководством А.Л. Кунгурова на памятнике Усть-Шамониха-I в Целинном районе Алтайского края была раскопана грунтовая могила по обряду ингумации. Она сопровождалась различными предметами: биметаллической булавкой с орнитоморфным навершием, бронзовыми серьгами, нашивками, бусами, игольником и целым зеркалом, а также сердоликовой бусиной. Объект отнесен к сrostкинской культуре и датирован концом IX – X вв. (Горбунов, 1992, с. 87).

В 1990 г. А.М. Илюшиным исследовался могильник Шабаново-3 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Раскопано шесть курганов, содержащих 13 могил по обряду кремации и ингумации, а также захоронение лошади в отдельной яме. Найдены железные мечи, наконечники стрел и копья, тесло, ножи, казан, пряжка, удила с псалиями, стремяна, бронзовая скоба с обоями от ножен меча, перстень со стеклянной вставкой, керамический сосуд. Автор раскопок датирует памятник XI–XII вв. (Илюшин, 1998а, с. 60). Однако облик инвентаря этого памятника

укладывается во вторую половину X в., а особенности погребального обряда имеют черты сrostкинской культуры.

Летом 1990 г. экспедицией Алтайского государственного университета проводились хозяйственные работы у с. Кучук в Шелаболихинском районе Алтайского края. В результате был раскопан курганный могильник Кучук-1, состоявший из семи курганов, два из которых оказались сrostкинскими и содержали шесть погребений по обряду одиночной и коллективной ингумации. Сделаны находки железных наконечников стрел, пряжки, ножей, бронзовой пряжки, бляхи, наконечника ремня, тренчика и серьги. Археологи, опубликовавшие памятник, датировали средневековые курганы второй половиной/концом IX – X вв. и отнесли их к сrostкинской культуре (Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992, с. 73).

В 1991 г. в том же районе Приобского плато экспедиция Алтайского государственного университета продолжила хозяйственные работы западнее с. Шелаболиха. Там на могильнике Шелаболиха-3 были раскопаны два кургана сrostкинской культуры, содержавшие семь погребений по обряду ингумации с конем и одиночной ингумации. Инвентарь представлен костяной и бронзовой пряжками, характерными для IX – первой половины XI вв. (Горбунов, 1996, с. 166).

В 1991 г. Приобской экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина исследовался грунтовый могильник Восход-I в Быстроистокском районе Алтайского края. Раскопана одна могила сrostкинской культуры по обряду одиночной ингумации. В ней найдены железные удила с псалиями, костяные накладки на лук и накладки для подвешивания берестяного колчана к стрелковому поясу. Объект отнесен к шадринцевскому этапу и датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. (Кирюшин, Горбунов, 1998, с. 199).

В 1991 г. Кулундинской экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина исследовался курган Нижний Кучук-VII в Благовещенском районе Алтайского края. Объект был разрушен дорожной

трассой. Выявлено погребение по обряду одиночной ингумации и кенотаф с конем. Инвентарь составили железный нож, бронзовая пряжка от пояса, бронзовый комплект от узды из пряжки, наконечников ремней, султанчика и блях-накладок, стеклянные бусы, керамический сосуд. Памятник принадлежит сrostкинской культуре и может быть датирован второй половиной X – первой половиной XI вв. (Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994, рис. 6).

В 1991 г. Ю.В. Шириним проводились исследования на грунтовом могильнике Татарские Могилки в Целинном районе Алтайского края. Была исследована одна сrostкинская могила по обряду коллективной ингумации. Инвентарь представлен железными наконечниками стрел, костяными пряжками и керамическим сосудом. По ним объект датирован IX–X вв. (Ширин, 1994, с. 126).

Летом 1991 г. Юго-Западной археологической экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина исследовался могильник Щепчиха-I в Змеиногорском районе Алтайского края. Раскопаны восемь курганов, в которых наблюдался обряд одиночной и парной ингумации и ингумации с конем. Полученный инвентарь включал предметы вооружения, снаряжения верхового коня, украшения, орудия труда, вещи бытового назначения. Памятник соотнесен с шадринцевским этапом (вторая половина X – первая половина XI вв.) сrostкинской культуры (Тишкин, 1993б, с. 98; Горбунов, 2012, с. 553).

Полевые исследования стимулировали и дальнейшие обобщения сrostкинских материалов. В это время изучением сrostкинской культуры занялся Д.Г. Савинов. Он сравнил памятники алтайских предгорий с синхронными комплексами Восточного Казахстана и сделал вывод об их культурной тождественности (Савинов, 1976, с. 97). Датировка этих памятников определялась IX–X вв. (Савинов, 1984, с. 109). По мнению Д.Г. Савинова, сrostкинская культура была полиэтнической государственной культурой Кимаковского каганата – «кимако-кыпчакского объединения», а население западных и северных предгорий

Алтая связывалось им с кыпчакским этносом (Савинов, 1984, с. 118).

Первую периодизацию сrostкинской культуры разработал В.А. Могильников, выделив в ее развитии три последовательных этапа: 1) VIII–IX вв.; 2) IX–X вв.; 3) XI – начало XIII вв. (Могильников, 1981, с. 45). Границы распространения сrostкинских памятников он определял лесостепными районами Приобья, Притомья и Обь-Иртышского междуречья и полагал, что в формировании этой культуры приняли участие тюрки Горного Алтая и кимаки, ассимилировавшие местные угро-самодийские племена (Могильников, 1981, с. 45).

Дальнейшее изучение памятников сrostкинской культуры было продолжено С.В. Неверовым. На основе детальной классификации он разработал типологию отдельных видов конского снаряжения, вооружения, костюма из 50 памятников второй половины I тыс. – первых веков II тыс. Верхнего Приобья. Она позволила создать подробную хронологическую схему развития сrostкинской культуры, в которой выделялось два периода и пять этапов. Ранний период разбивался на инской (конец VII – VIII вв.) и гоньбинский (первая половина IX в.) этапы, поздний – на чулымский (вторая половина IX – начало X вв.), грязновский (первая половина X в.) и шадринцевский (вторая половина X – XII вв.) этапы (Неверов, 1988, с. 17). Впоследствии чулымский этап был объединен с грязновским (Неверов, 1990б, с. 171; 1991б, с. 182). Согласно С.В. Неверову, специфика инвентаря сrostкинского материального комплекса демонстрирует его тюркские корни в преобладающей степени, а анализ погребального обряда показывает, что основным компонентом в процессе формирования сrostкинской общности выступало тюркизированное самодийское население Верхнего Приобья (Неверов, 1988, с. 17; 1990б, с. 171).

Особым направлением становится изучение вооружения и военного дела средневекового населения Алтая, к которому привлекались и сrostкинские материалы. Ю.С. Худяков сначала проанализировал комплекс вооружения кочевников приалтайских

степей IX–X вв. в отдельной статье (Худяков, 1981), а затем более основательно рассмотрел вооружение с территории лесостепных районов Алтая совместно с памятниками Восточного Казахстана в монографии 1986 г. В ней автор систематизировал все опубликованные на момент написания работы данные и ввел в научный оборот новые материалы (Худяков, 1986, с. 180–205). Ученый разделял точку зрения Д.Г. Савинова на кимакскую принадлежность сrostкинского комплекса и отмечал его оригинальность по сравнению с комплексом вооружения кыргызов (Худяков, 1981, с. 115–116, 131–132; 1986, с. 180, 203–204).

Рассмотренный период значительно увеличил количество исследованных сrostкинских памятников. Их раскопками занимались как специалисты из Москвы и Ленинграда, так и местные археологи, число которых возросло с созданием новых вузовских центров. Тем не менее, памятники сrostкинской культуры не были объектом целенаправленного изучения. Они раскапывались совместно с другими объектами, попадавшими в зону обследования. Едва ли половина из полученных материалов была введена в научный оборот в советское время, основные их публикации вышли в 1990–2000-е гг.

Исследователи в большинстве случаев достаточно уверенно определяли датировку и культурную атрибуцию средневековых погребальных объектов, лишь иногда путая их с памятниками раннего железного века. Территория юга Западной Сибири воспринималась уже как неотъемлемая часть основного ареала сrostкинской культуры. Именно в этот период были созданы первые периодизационные схемы развития сrostкинской культуры и сформулированы новые гипотезы об ее происхождении и этнической принадлежности. Определенным итогом периода можно считать диссертацию С.В. Неверова «История племен сrostкинской культуры в VIII–XII вв. н. э.». В ней автор привлек для анализа большинство исследованных к этому времени памятников сrostкинской культуры (Неверов, 1988, с. 2, 4).

5. Новые интерпретации сrostкинской культуры и исследования ее памятников в конце XX – начале XXI вв.

После 1991 г. объем раскопок сrostкинских памятников несколько снизился, что связано с целым рядом объективных причин.

В 1992 г. В.В. Горбуновым открыт и тогда же исследовался отрядом экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством М.Т. Абдулганеева могильник Хлебобобный Елбан-1 в Быстроистокском районе Алтайского края. Раскопан один курган с тремя могилами по обряду одиночной ингумации. Найдены железный меч, наконечник стрелы и два керамических сосуда. Объект отнесен к сrostкинской культуре и датирован IX–X вв. (Казаков, Горбунов, 1993, с. 247).

В 1992 г. отрядом Барнаульского пединститута под руководством А.Н. Телегина исследовался могильник Ключи в Ключевском районе Алтайского края. Из раскопанных курганов один относится к эпохе Средневековья. Он содержал погребение по обряду одиночной ингумации, в котором найден только железный нож. Авторы публикации датировали объект VII–X вв. (Телегин, Караваев, 1995, с. 174), однако по обряду представляется возможным его отнесение к грязновскому этапу сrostкинской культуры второй половины IX – первой половины X вв. (Горбунов, 2012, с. 552).

В 1993–1994 гг. в урочище Ближние Елбаны аварийные раскопки проводила экспедиция Алтайского госуниверситета при участии Музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая. В пункте БЕ-VI был исследован один курган с четырьмя могилами, в пункте БЕ-IX – еще один курган с семью могилами, а в пункте БЕ-XVI – две грунтовые могилы. По обряду и инвентарю все эти объекты относятся к сrostкинской культуре и датируются в интервале середины IX – XII вв. (Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995, с. 246, 248; Абдулганеев, Егоров, 1995, с. 193).

В 1993–1995 гг. А.М. Илюшиным исследовался могильник Сапогово-1 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Из раскопанных объектов только три кургана с могилами по обряду одиночной ингумации

относятся к сrostкинской культуре. В них найдены следующие предметы: железные наконечники стрел и копья, кинжал, ножи, кресало, пряжка, удила с псалиями, костяные пряжки, каменный оселок. Авторы публикации датируют эти могилы первой четвертью II тыс. и связывают с теленгутами (Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996, с. 96, 100). Однако по обряду и инвентарю эти курганы являются сrostкинскими и датируются второй половиной X – первой половиной XI вв. (Горбунов, 2012, с. 553).

В 1994 г. А.М. Илюшиным исследовался могильник Мусохраново-3 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Раскопано пять курганов, содержащих 10 могил по обряду одиночной ингумации, кремации, ингумации с конем. Найдены железные мечи, наконечники стрел, тесло, ножи, пряжка, удила с псалиями и стремяна, бронзовые серьги и костяные пряжки. Авторами публикации памятник датируется второй половиной XII – XIII вв. (Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 86). В действительности по обряду и инвентарю он может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры второй половины X – первой половины XI вв. (Горбунов, 2012, с. 553).

Осенью 1994 г. П.Л. Рудометовым к северо-востоку от с. Киприно были проведены сборы подъемных материалов на разрушениях крупного елбана. В одном из пунктов, получившем название Кипринский Борок-1, был найден железный наконечник стрелы VIII–XII вв., т. е. времени сrostкинской культуры (Горбунов, Рудометов, 2003, с. 55–56, рис. 1.-51). В другом месте – Кипринский Борок-7 – собрана коллекция керамики и несколько бронзовых предметов: уздечные бляхи-накладки, бляха-нашивка и перстень (Горбунов, Рудометов, 2003, с. 56, рис. 1.-53–56). Орнамент керамики позволяет отнести ее к сrostкинской культуре, а форма и декор предметов характерны для погребальных комплексов этой культуры. Указанные находки свидетельствуют о том, что на Кипринском Борке-7 существовали поселение и грунтовый могильник. Учитывая аналогии бронзовым вещам,

он был отнесен к инскому этапу (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) сrostкин-ской культуры (Горбунов, Рудометов, 2003, с. 56).

В 1995 г. под руководством А.А. Тишкина были произведены аварийные раскопки поселения Серебренниково-III в Алейском районе Алтайского края у оз. Бахматовское. Обнаружено одно жилище наземного типа, с которым связаны находки сильно профилированных венчиков с карнизами, украшенных треугольно-зубчатым штампом и ямками. Они относятся к сrostкинской культуре и могут быть датированы серединой IX – XII вв. (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 223–224, 228).

В 1995–1997 гг. А.М. Илюшиным исследовался могильник Торопово-1 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Раскопаны 13 курганов, содержащих 58 могил по обряду одиночной ингумации и кремации, ингумации и кремации с конем, отдельные захоронения лошади. Среди инвентаря можно выделить железные мечи и сабли, наконечники стрел, тесло, ножи, пряжки, крюки на кольцах, удила и стремяна, костяные накладки на лук, пряжки, берестяные колчаны, бронзовые пряжки, серьги, зеркала, стеклянные бусы, керамические сосуды. Автор раскопок датирует могильник XIII–XIV вв. и связывает с теленгутами и алатами (Илюшин, 1999, с. 68, 76). Однако и погребальный обряд, и инвентарь свидетельствуют о принадлежности памятника к сrostкинской культуре и его датировке второй половиной X – первой половиной XI вв. (Горбунов, 2012, с. 553).

В 1996 г. М.Т. Абдулганеевым исследовался могильник Солонцы-4 в Красногорском районе Алтайского края. Раскопан один курган с могилой по обряду одиночной ингумации с конем. Найдены железные наконечники стрел, тесло, стамеска, бляха-накладка, удила с псалями, стремяна, бронзовые бляхи-накладки, костяная накладка на лук, накладка на колчан, наконечник стрелы, кочедыг. Автором раскопок курган датирован XI–XII вв. и связан с тюркским компонентом сrostкинской культуры (Абдулганеев, 2006, с. 182, 184).

В 1997 г. во время сельхозработ из насыпи кургана на могильнике Маралиха в Чарышском районе Алтайского края плугом был возвращен фрагмент кольчуги. Тогда же место находки было обследовано В.В. Горбуновым и А.А. Тишкиным. По типологическим особенностям кольчуга датируется XI–XII вв., что позволяет отнести памятник к сrostкинской культуре (Горбунов, Тишкин, 1998, с. 193).

В июле 1997 г. археологическим отрядом Барнаульского педуниверситета и НППЦ «Наследие» под руководством А.Н. Телегина были проведены аварийные раскопки на курганном могильнике Барчиха в Шипуновском районе Алтайского края. В результате был исследован один курган с двумя могилами по обряду ингумации со шкурой коня и разнообразным инвентарем. Автор раскопок датировал объект IX–XI вв. и отнес к сrostкинской культуре (Телегин, 1998, с. 182). В июле 1998 г. работы продолжены. Был раскопан один крупный курган из могильника Обьездное-2, содержащий богатое погребение человека с конем, который датирован X–XI вв. и отнесен к сrostкинской культуре (Телегин, 1999, с. 145; 2000, с. 341).

Еще один погребальный объект сrostкинской культуры был исследован в 1998 г. в южной части Приобского плато. Он раскопан археологической экспедицией Алтайского государственного университета, проводившей работы в нижнем течении р. Чарыш. Там на курганном могильнике Коловый Мыс, состоявшем из трех курганов, был вскрыт один объект с захоронением человека в сопровождении коня. По вещам он датирован IX–XI вв. и отнесен к сrostкинской культуре (Фролов, 1999, с. 10, 14).

В 1998 г. А.В. Шмидтом исследовался могильник Тузовские Бугры-2 в Первомайском районе Алтайского края. Был частично раскопан земляной курган со рвом, который содержал погребение по обряду одиночной ингумации. В могиле найден керамический круглодонный сосуд с орнаментом (Шмидт, 1999, рис. 1.-11), характерным для раннего этапа сrostкинской культуры, что позволяет датировать объект второй половиной VIII –

первой половиной IX вв. (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 219).

В 1998 и 2000 гг. В.В. Горбуновым были продолжены раскопки могильника Иня-1. Исследованы 11 курганов, содержащих 22 могилы по обряду одиночной ингумации, ингумации с конем, собакой, овцой, коровой. Получен разнообразный инвентарь, из которого можно особо отметить китайскую монету, целый железный меч, панцирные пластины, орнаментированный берестяной колчан. Полученные материалы относятся к раннему этапу сrostкинской культуры и датируются второй половиной VIII – первой половиной IX вв. (Горбунов, 2000, с. 285; 2011, с. 20; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001, с. 214).

В 1998 и 2003 гг. Н.А. Кузнецовым исследовался могильник Шестаки-I в Беловском районе Кемеровской области. Раскопаны три кургана, содержащих девять погребений по обряду ингумации и ингумации с конем. Найдены железная сабля, наконечники стрел, тесла, ножи, кресало, пряжки, крюки на кольцах, удила с псалями, султанчик, распределители, стремена, бронзовые пряжки и бляхи-накладки. Памятник датирован X–XII вв. и отнесен к сrostкинской культуре (Кузнецов, 2004, с. 65–66).

В июле 1999 г. отрядом Барнаульского педуниверситета под руководством А.Н. Телегина проводились аварийные раскопки могильника Комаришинский карьер в Шипуновском районе Алтайского края. Раскопан один курган с двумя погребениями по обряду одиночной ингумации. Найдены железный меч, наконечники стрел, ножи, удила с псалями, бронзовые позолоченные бляхи-накладки и наконечники ремней с изображением львов. Памятник отнесен к сrostкинской культуре и датирован IX–X вв. (Телегин, Боровков, 2001, с. 380).

В 1999 г. археологическим отрядом Барнаульского педуниверситета под руководством С.М. Ситникова исследовался могильник Кайгородка-V в Хабарском районе Алтайского края. Раскопано погребение в кургане № 2 по обряду ингумации с конем. Среди инвентаря встречены меч, наконечники стрел, ножи, удила с псалями, седельные пробои, ком-

плект узды из султанчика, пряжек, тренчиков, наконечников ремней и блях-накладок, поясной распределитель, цурка. Памятник датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. и относится к сrostкинской культуре (Горбунов, Ситников, 2001, с. 15).

В 1999 г. С.М. Ситниковым обследован могильник Луговское-1 в Локтевском районе Алтайского края, который состоял из двух курганов, имевших следы ограбления в центре насыпи. В кургане № 1 в грабительской воронке были найдены средневековые вещи: железный меч, бронзовые пряжки и бляхи-накладки поясной гарнитуры. Облик инвентаря позволяет причислить объект к сrostкинской культуре и датировать второй половиной IX – первой половиной X вв. (Горбунов, Ситников, 2000, с. 226).

В 2001 г. В.В. Горбуновым, К.Ю. Кирюшиным и П.Л. Рудометовым проводились сборы на поселении Селезневский Борок у с. Киприно в Шелаболихинском районе Алтайского края. Найденная керамика украшена треугольно-зубчатым штампом и ямками, которые образуют пояса и фестоны, и по этим признакам соответствует сrostкинскому комплексу с поселения Кипринский Борок-7, датируемым второй половиной VIII – первой половиной IX вв. (Горбунов, Рудометов, 2003, с. 56; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 223, 228).

В 2001 г. Я.В. Фроловым исследовался могильник Лесной в Первомайском районе Алтайского края. Изучена разрушенная могила по обряду парной ингумации с конем. Из инвентаря найдены железный наконечник стрелы, нож, бронзовая пряжка, наконечник ремня и бляхи-накладки от узды. Ранее в 1970 г. Э.М. Медниковой в том же месте найдена сабля и втулка копья, вероятно, еще из одной разрушенной могилы. Памятник датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. н. э. и относится к сrostкинской культуре (Фролов, Горбунов, 2006, с.).

В 2003 г. А.Н. Телегин продолжил исследования курганов в окрестностях бывшей деревни Обьездное. Результатом этих работ стали раскопки средневекового кургана № 15 могильника Обьездное-1, который содержал

две могилы и довольно богатый инвентарь. Данный объект датирован X–XI вв. и отнесен к сrostкинской культуре (Телегин, 2004, с. 473).

Помимо перечисленных выше памятников, исследования которых носили сопутствующий, в большей степени аварийный характер, на территории Приобского плато в 1997–2004 гг. проводились и целенаправленные раскопки погребальных объектов сrostкинской культуры. Они были связаны с исследовательскими грантами и научными проектами, которые осуществлялись профильной кафедрой и музеем Алтайского госуниверситета. В результате удалось выявить девять новых могильников (Боровиково-IV, Боровиково-V, Грань, Поповская Дача, Прудской, Успенковка-II, Филин-I, Яровское-III, Яровское-V) и исследовать на них 17 курганов, содержащих 31 погребение и одну грунтовую могилу. Среди них своими размерами, сложностью конструкций и богатством инвентаря выделяются четыре кургана на памятниках Грань, Поповская Дача и Филин-I. Хронология всех вышеуказанных памятников охватывает середину IX – XI вв. Информация о них неоднократно публиковалась в кратком виде (Тишкин, Горбунов, 1998; 2000б; 2002; Горбунов, Тишкин, 1999; 2001; 2018а; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2001; Тишкин, Горбунов, Дашковский, 2003; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; Горбунов, Кондрашов, 2005; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005).

В 2004 г. археологическая экспедиция АлтГУ под руководством П.К. Дашковского раскопала на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края четыре кургана сrostкинской культуры. Были изучены погребения по обряду ингумации и ингумации с конем, содержавшие предметы вооружения и конского снаряжения, поясной набор, украшения и бытовые вещи из железа и цветных металлов. Памятник датирован второй половиной IX в. (Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 413).

В 2004 г. Ю.И. Гельмелем на курганном могильнике Архангельское (Славгородский район Алтайского края) был раскопан один

курган со рвом, который содержал погребение-кенотаф в сопровождении коня. Среди сделанных находок особо выделяется роговая тыльная накладка лука с рунической надписью из 12 знаков. Аналогии инвентарю и погребальному обряду позволяют отнести курган № 2 памятника Архангельское к грязновскому этапу (вторая половина IX – первая половина X вв.) сrostкинской культуры (Горбунов, Гельмель, 2007, с. 74). Надпись из могильника Архангельское является самым северным памятником тюркской рунической письменности и пока единственным в ареале сrostкинской культуры.

Осенью 2004 г. А.В. Гончаровым было открыто и обследовано городище Кокорское-1 в Заринском районе Алтайского края. На нем зафиксированы ров, вал, многочисленные западины, следы металлургического производства. Обнаружена керамика, украшенная треугольно-зубчатым штампом, что позволяет связать данный объект со сrostкинской культурой и датировать его второй половиной IX – XII вв. (Гончаров, 2005, с. 37; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016, с. 223, 228).

В 2004–2005 гг. Верхнеалейской экспедицией АлтГУ под руководством С.П. Грушина исследовались могильники Гора Тараскина-V и Иванов Ключ-I в Третьяковском районе Алтайского края. Раскопаны два кургана с могилами по обряду ингумации с конем. Получен разнообразный инвентарь, среди которого удила, стремяна, нож, пряжки, серьги, кулон, копоушка, перстень, подвески, бусы и бисер, сосуды. Памятники относятся к сrostкинской культуре и датируются второй половиной IX – первой половиной X вв. н. э. (Грушин, 2014, с. 39).

В 2004–2005 гг. А.С. Васютиным исследовались могильники Озерки-I, II, V в Промышленном районе Кемеровской области. Всего раскопаны четыре кургана, содержавших 16 могил по обряду кремации, ингумации, ингумации с конем и ингумации со шкурой коня. Найден разнообразный инвентарь, из которого можно отметить ламеллярный панцирь, меч и саблю с ножнами, наконечники копий, полный комплект конского снаряжения. Авто-

ры публикации датируют памятники Озерки-I и II второй половиной X в., а Озерки-V – серединой X – первой четвертью XI вв., считая их чем-то вроде переходных между верхнеобской и сrostкинской культурами (Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012, с. 35–37).

В 2004–2007 гг. А.М. Илюшиным исследовался могильник Ишаново в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Раскопаны 10 курганов с 34 могилами по обряду одиночной ингумации, ингумации с конем, отдельное захоронение шкуры лошади и собаки. Найдены железный меч, наконечники стрел, кинжалы, ножи, кресало, шило, казан, пряжки, распределители, удила с псалиями, стремяна, бронзовые игольники, зеркала, булавка, серьги, костяные накладки на лук и колчан, пряжка, стеклянные бусы, керамические сосуды, берестяной ленчик седла. Автор раскопок связывает памятник с племенем куштеми и датирует концом XII – XIII вв. или более узко – началом XIII в. (Илюшин, 2014, с. 80, 99). Однако этот памятник по погребальному обряду явно относится к сrostкинской культуре, а по комплексу инвентаря датируется второй половиной X – первой половиной XI вв.

В 2008 г. С.М. Ситниковым в ходе обследования береговой кромки могильника Чекановский Лог-10А (Третьяковский район Алтайского края) была собрана серия изделий от одного поясного набора, скорее всего, происходящего из разрушенного водохранилищем грунтового погребения. В набор входили бронзовые пряжки, тренчики, наконечники и распределители ремней, бляхи-накладки. Облик предметов позволяет датировать объект второй половиной IX – первой половиной X вв. н. э. и отнести его к сrostкинской культуре (Горбунов, Ситников, 2009, с. 21).

В июле 2009 г. Рубцовским отрядом Юго-Западной археологической экспедиции Алтайского государственного университета было доисследовано разрушенное погребение по обряду ингумации с конем на памятнике Красная Горка-I. Найдены два бронзовых наконечника поясного ремня. Ранее там были собраны железные наконечники стрел и бронзовая серьга. Комплекс датирован вто-

рой половиной IX – первой половиной X вв. и отнесен к сrostкинской культуре (Тишкин, Серегин, 2009, с. 67).

В 2012–2014 и 2016 гг. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством В.В. Горбунова, при участии Казанского (Приволжского) федерального университета, Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан и Барнаульского юридического института МВД России, было продолжено исследование могильника Сrostки-I. Исследованы шесть курганов, содержащих 15 могил, и осуществлена тахеометрическая съемка визуально фиксируемых объектов. Курганы раскапывались с учетом полного изучения земляных насыпей и прилегающего к ним пространства, что позволило изучить не только центральные, но и боковые погребения, находившиеся под насыпями крупных объектов. По всем выявленным деталям обряда – планиграфия могил, способ погребения, положение и ориентация умершего, традиция сооружения рвов и «изголовных» столбов – исследованные курганы вписываются в погребальные каноны сrostкинской археологической культуры. Найденные вещи вполне соответствуют таковым из более ранних работ. Их типологические особенности позволяют отнести данный памятник к грязновскому этапу второй половины IX – первой половины X вв. (Горбунов, Тишкин, 2018б, с. 74, 76).

В 2019 г. во время проведения обследований экспедицией АлтГУ под руководством В.П. Семибратова была получена информация о разрушенном захоронении на могильнике Горный-7 в Красногорском районе Алтайского края. От него сохранился лишь комплекс погребального инвентаря: железная сабля, наконечники стрел, кресало, пряжки, крюк на кольце, бронзовая пряжка и бляхи-накладки, серьги, костяной игольник, стеклянные бусы. По облику вещей памятник отнесен к сrostкинской культуре и датирован второй половиной X – первой половиной XI вв. (Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2019, с. 239).

В рассматриваемом периоде продолжали заниматься интерпретацией сrostкинских ма-

териалов Д.Г. Савинов и В.А. Могильников, развивая и уточняя свои более ранние идеи.

Д.Г. Савинов несколько расширил хронологию сrostкинских памятников, написав, что часть из них может заходить и в начало XI в. (Савинов, 1994, с. 90–91). По-прежнему сrostкинская культура связывалась этим ученым с Кимакским каганатом, основу которого составляло кимако-кыпчакское объединение племен (Савинов, 1994, с. 102–104). Согласно его концепции ареал сrostкинской культуры занимал Верхнее и Среднее Прииртышье, северные и западные предгорья Алтая, Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину, не исключается их распространение до Семиречья и Приуралья (Савинов, 1994, с. 84). Для этой культуры обозначено несколько локальных вариантов: верхнеиртышский, павлодарский, северо-алтайский, западно-алтайский, кемеровский, новосибирский, с перспективой выделения еще двух вариантов: омского и кулундинского (Савинов, 1994, с. 80–101).

В.А. Могильников полностью опубликовал результаты своих раскопок в Алейской степи и обобщил большинство данных о средневековых памятниках этого района, систематизировав имеющиеся материалы и выстроив их хронологию и периодизацию (Могильников, 2002, с. 67–122, рис. 215–218). Часть этих объектов определялась как сrostкинские, другие как кимакские, огузские и кыргызские (Могильников, 2002, с. 123–125).

Памятники сrostкинской культуры в Новосибирском Приобье специально изучались А.А. Адамовым, который обобщил материалы этого региона в одной монографии. Исследователь датировал их X–XIV вв. (Адамов, 2000, с. 83). По А.А. Адамову, границы сrostкинского ареала включали все Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину, а сами памятники оставили кыпчаки (Адамов, 2000, с. 84). Отдельно рассмотрела вопрос о сrostкинской культуре на территории Новосибирского Приобья Т.Н. Троицкая. Ее выводы предостерегают как от ранней датировки появления сrostкинских памятников в этом регионе до IX в., так и от их поздней датировки до XIV в. (Троицкая, 2002, с. 105).

Значительное количество курганных могильников второй половины I тыс. – начала II тыс. исследовано на территории Кузнецкой котловины. Проблема их соотнесения со сrostкинской культурой интересовала и кемеровских археологов. Так, А.М. Илюшин предложил отказаться от термина «сrostкинская культура» в широком плане, а использовать его только для средневековых материалов Лесостепного Алтая (Илюшин, 2002, с. 92). А.С. Васютин, наоборот, писал, что сrostкинская культура окончательно сменяет верхнеобскую культуру к середине X в. (Васютин, 2003, с. 18).

Дальнейшая работа по классификации и типологии инвентарных комплексов позволила С.В. Неверову и В.В. Горбунову внести определенные коррективы в периодизацию сrostкинской культуры. Памятники раннего периода объединились в рамках одного этапа с ограничением его нижней границы серединой VIII в., а в позднем периоде был выделен заключительный этап (Неверов, Горбунов, 1996, с. 187). Все памятники разделились на четыре хронологические группы: 1. Инской этап (вторая половина VIII – первая половина IX вв.); 2. Грязновский этап (вторая половина IX – первая половина X вв.); 3. Шадринцевский этап (вторая половина X – первая половина XI вв.); 4. Змеевский этап (вторая половина XI – XII вв.) (Неверов, Горбунов, 2001, с. 176).

Среди аналитических работ этого периода отметим отдельные статьи, посвященные классификации и типологии разных категорий сrostкинского инвентаря (Неверов, 1992; 1998; Григоров, 1998; Горбунов, 2009б). Проанализировано вооружение и военное дело сrostкинского объединения (Горбунов, 2003; 2006; 2007). Появились отдельные работы, посвященные картографии и историографии сrostкинской культуры (Горбунов, 2009а; 2012), поселенческим памятникам этой общности (Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016), новым гипотезам об этническом составе ее населения (Горбунов, 2020).

Современный период изучения сrostкинской культуры характеризуется невысокими темпами полевых исследований, но среди них

можно отметить целенаправленные работы по изучению памятников, в том числе из числа давно известных, и более оперативное введение в научный оборот материалов раскопок. Основные работы связаны с деятельностью местных вузовских центров.

Для данного периода можно отметить возрастание числа публикаций материалов предыдущих работ, а также определенный рост аналитических и интерпретационных исследований. Многие археологи уже безошибочно атрибутируют погребальные комплексы сrostкинской культуры, чему способствует более четкое определение ее признаков, уточнение датировок и периодизации.

Новым явлением стало открытие на Приобском плато серии крупных курганов со сrostкинскими погребениями, содержащими богатый инвентарь. Раньше такие курганы воспринимались археологами как объекты раннего железного века. Теперь стало ясно, что самые элитные сrostкинские сооружения, как и у ранних кочевников, существенно превосходят по размерам курганы рядового

населения. Пока в сrostкинском ареале они раскопаны (за одним исключением) только на территории Приобского плато.

К проблемам современного изучения сrostкинской культуры следует отнести неравномерность данных по отдельным памятникам и регионам. Наиболее полная информация сейчас опубликована по западной части Предалтайской равнины и Новосибирскому Приобью. Высокий уровень опубликованности имеют памятники Кузнецкой котловины. Многие археологические комплексы Кулундинской равнины, Приобского плато, Бийско-Чумышской возвышенности, Предсалаирской равнины и прилегающих к ним районов также опубликованы, но некоторые еще ждут своей очереди. Часть материалов, особенно из «старых» раскопок, также ждет своего полного издания, а некоторые из них нуждаются в более качественной перепубликации. В целом, на сегодняшний день источники по сrostкинской культуре достаточно представительны и требуют дальнейшего всестороннего анализа и интерпретации.

ГЛАВА 2. СВОД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЮГ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

1. Курганные могильники

1. Архангельское, курганный могильник. Находится в Славгородском районе Алтайского края, в 2,6 км к юго-востоку от с. Архангельское и в 5 км к северу от оз. Секачи, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт в 1977 г. А.С. Васютиным и Б.Н. Пяткиным, которые отметили семь земляных курганов диаметром 10–20 м, высотой 0,2–0,5 м. В 2002 г. заново обследован Ю.И. Гельмелем, зафиксировавшем только два кургана, один из них был им раскопан в 2004 г. Исследованный курган № 2 (диаметр 16 м, высота 0,1 м) имел ров и содержал одно погребение-кенотаф в сопровождении коня (рис. 2.-1–2). В настоящее время площадь памятника распахивается. Среди находок необходимо отметить роговую тыльную накладку лука с рунической надписью из 12 знаков (вкл.-1), бронзовую бляху сердцевидной формы от пояса, железный наконечник стрелы и нож (рис. 2.-3–6). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 579.

Лит.: Горбунов, Гельмель, 2007.

2. Барчиха, курганный могильник. Находится в Шипуновском районе Алтайского края, в 0,8 км к юго-западу от с. Барчиха, на левом берегу р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной XI – XII вв. В июле 1997 г. археологическим отрядом Барнаульского педуниверситета и НПЦ «Наследие» под руководством А.Н. Телегина были проведены аварийные раскопки одного кургана диаметром 32 м, окруженного ровом. Объект содержал два погребения по

обряду ингумации со шкурой коня. В современном состоянии площадь памятника занята полотном дороги. Из инвентаря следует выделить железный наконечник копья и наконечники стрел, костяную пряжку от пояса, такую же пряжку и бляхи-накладки из цветного металла (рис. 2.-7–17). Также были найдены меч, сабля, кинжал, нож, удила, котел, сделанные из железа. Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета.

Лит.: Телегин, 1998.

3. Беково, курганный могильник. Находится в Беловском районе Кемеровской области, на северной окраине д. Беково, по левому берегу р. М. Бачат, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в. н. э. Открыт в 1960 г. А.М. Мартыновым, исследовался Ф.И. Александровым и П.Н. Муштем в 1967–1968 и 1972 гг. Состоял из 11 земляных курганов диаметром 10–14 м, высотой 0,68–1,5 м. Площадь курганного поля 600 (СВ–ЮЗ) × 420 (С–Ю) м. Раскопаны четыре кургана со рвами, содержавших семь погребений людей по обряду ингумации и шесть захоронений лошадей в отдельных сопроводительных ямах (рис. 3.-1–3). В настоящее время площадь памятника частично занята железной и автомобильной дорогами, постройками приусадебного хозяйства, а частью используется под пастбище. Среди находок необходимо отметить железные меч, наконечники стрел, тесла, ножи, крюки на кольцах, пряжки, удила с псалиями, стремя, пробои, берестяной колчан, петли от него, наконечник стрелы, пряжку и псалии, сделанные из кости и рога, а также пряжку из цветного металла (рис. 3.-4–19).

Коллекция хранится в Гурьевском городском краеведческом музее.

Лит.: *Илюшин*, 1993.

4. Белый Камень, курганный могильник. Памятник, состоявший из восьми курганов, был открыт и зафиксирован А.А. Тишкиным в 1990 г. Он находится в 1,8 км к югу от села VI Конгресс Рубцовского района Алтайского края, в 200 м к западу от горы Черный Камень, рядом с водохранилищем, при строительстве которого часть захоронений была скрыта бульдозерами. Все курганы имели надмогильные каменно-земляные холмообразные сооружения, задернованные и поросшие низкой степной растительностью. Насыпи были округлой формы, диаметром от 4 до 11 м, высотой от 0,2 до 0,6 м. В центре каждого кургана имелась западина – следы грабительских раскопок или разрушений внутримогильных конструкций. В наиболее аварийном состоянии оказались курганы №1, 2 и 3. Их раскопки проводились Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина в 1990 г. Обнаружены железные наконечники стрел и наконечник копья, предметы конского снаряжения и многочисленные украшения узды из цветного металла, орудия труда (рис. 4; вкл.-2). В настоящее время памятник относится к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в пределах второй половины IX – первой половины X вв. Его состояние не изменилось. Одна часть материалов хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, коллекция № 149, а другая – в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул), коллекция № 15619.

Архив Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского госуниверситета (далее – Арх. МАиЭА): Тишкин, 1990, № 118; Тишкин, 1991, № 119.

Лит.: *Тишкин*, 1993; *Тишкин, Кирюшин, Казаков*, 1996.

5. Березовый Остров-1, курганный могильник. Находится в Мошковском районе

Новосибирской области, в 3,5 км к юго-западу от с. Черный мыс и в 4 км к северо-западу с. Стародубовино, на правом берегу р. Уень, в пределах Обского левобережья. Датируется второй половиной X – первой половиной XI в. н.э. Открыт В.А. Дремовым и исследовался Т.Н. Троицкой в 1962, 1968 и 1974 гг., А.А. Адамовым в 1985–1986 гг. Могильник насчитывал около 100 земляных курганов, многие из которых сохранили следы ограбления. Всего были раскопаны девять курганов диаметром 5,5–13 м, высотой 0,72–1 м. Исследованы 16 погребений по обряду одиночной и коллективной ингумации и ингумации с конем в отдельной сопроводительной яме (рис. 5.-1–2). В настоящее время площадь памятника покрыта березовым лесом. Среди находок следует отметить: железные панцирные пластины, меч и сабли, наконечники стрел, тесла, ножи, кресала, пряжки, крюки на кольцах, удила с псалиями, стремяна, бронзовые пряжку, застежку, подвески, колокольчики, костяные наконечники стрел, петлю от колчана, пряжку (рис. 5.-3–23).

Лит.: *Адамов*, 2000.

6. Ближние Елбаны-VI, курганный могильник. Памятник находится в урочище Ближние Елбаны около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края, вблизи вытекающей из лесного массива р. Большой Речки, на правобережье Оби. На двух слившихся дюнах располагалась группа из девяти курганов с едва заметными плоскими насыпями (рис. 6.-1). Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова в 1946, 1947 и 1949 гг. производила раскопки на Ближних Елбанах, в том числе и на рассматриваемом памятнике, где исследованы несколько могил, отнесенных к сrostкинской культуре. Раскопанные погребения были открыты в двух небольших выдувах. В 1993–1994 гг. в урочище Ближние Елбаны аварийные раскопки проводила экспедиция Алтайского государственного университета. При исследовании кургана № 4, имевшего деревянную раму-ограду, за-

фиксированы пять могил сrostкинской культуры. Все погребения совершены по обряду одиночной ингумации (рис. 6.-2–3). В них найден комплекс предметов, среди которых стоит отметить серьгу и подвески из цветного металла, железные кинжалы и ножи, а также керамический сосуд (рис. 6.-4–10). В настоящее время все исследованные погребения относятся к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датированы в пределах второй половины IX – первой половины X вв. Обнаруженный предметный комплекс из раскопок М.П. Грязнова хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), остальные материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая, коллекция № 157.

Лит.: Грязнов, 1956; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995.

7. Ближние Елбаны-VIII, курганный могильник. Памятник находится в урочище Ближние Елбаны около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края, вблизи вытекающей из лесного массива р. Большой Речки, на правом берегу Оби. На пологой невысокой дюне четыре кургана располагались цепочкой по линии ЮЗ–СВ (рис. 6.-11). На двух из них были видны следы раскопок, произведенных, вероятно, Н.С. Гуляевым. Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова исследовала два кургана без видимых следов проникновения, один из которых имел деревянную раму-ограду и столбы. Всего там оказалось девять могил, совершенных по обряду одиночной и парной ингумации (рис. 6.-12). Особое значение среди находок заслуживают железные меч и сабля, наконечник копья, кистень, удила с псалями и стремяна, пряжки из кости и бронзы, серьги и подвески из цветного металла (рис. 6.-13–26). Обнаруженный сопроводительный инвентарь хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург) и относится к шадринцевскому этапу (вторая половина X – первая половина XI вв.) сrostкинской культуры.

Лит.: Грязнов, 1956; Горбунов, 2006.

8. Ближние Елбаны-IX, курганный могильник. Памятник находится в урочище Ближние Елбаны около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края, вблизи вытекающей из лесного массива р. Большой Речки, на правом берегу Оби. В указанном пункте на поверхности дюны были хорошо различимы восемь курганных насыпей (диаметром 7–12 м, высотой 0,3–0,4 м), на которых имелись следы раскопок, произведенных Н.С. Гуляевым в 1913 или 1914 гг. (рис. 7.-1). Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова в 1946, 1947 и 1949 гг. производила раскопки на Ближних Елбанах, в том числе и на рассматриваемом памятнике. Там был доисследован курган № 1, имевший деревянную раму и столбы и содержащий захоронение по обряду ингумации со шкурой коня (рис. 7.-2). Найдено много предметов, среди которых стоит отметить железные наконечники копий и стрел, нож, пряжку, ложку, роговые накладки на лук и наконечники стрел, серебряный кулон на цепочке (рис. 7.-4–15, 20). Обнаруженные находки хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), отнесены к змеевскому этапу сrostкинской культуры и датированы в пределах второй половины XI – XII вв. В 1994 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета и Музея истории, литературы, искусства и культуры Алтая (ныне – ГМИЛИКА) под руководством М.Т. Абдулганеева и Я.В. Егорова был исследован курган № 2, под насыпью которого оказалось семь могил по обряду ингумации, часть из которых синхронна заключительному этапу сrostкинской культуры. Обнаруженные находки: фрагмент зеркала, антропоморфная пряжка, парные застёжки из цветного металла, бусы и др. (рис. 7.-16–19, 21–23) должны храниться в ГМИЛИКА (г. Барнаул).

Лит.: Грязнов, 1956; Абдулганеев, Егоров, 1995.

9. Боровиково-IV, курганный могильник. Находится в Павловском районе Алтайского края, в 0,5 км к северо-востоку от с. Боро-

вико, в основании мысовидного выступа коренной террасы левого берега р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной XI – XII вв. Исследовался в 2004 г. Павловской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством В.В. Горбунова. Состоял из двух земляных курганов диаметром 10–11,5 м, высотой до 0,4–0,5 м (рис. 8.-1). Раскопан курган № 1, содержащий два деревянных столба и два погребения по обряду парной и коллективной ингумации (рис. 8.-2–4). В современном состоянии площадь памятника используется под пастбище. Среди находок следует отметить железные удила, нож, пряжку, костяные тыльную накладку лука, наконечник стрелы, пряжку, а также стеклянные бусы (рис. 8.-5–14; вкл.-3–5). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 186.

Арх. МАиЭА: Горбунов, 2005, № 208.

Лит.: Тишкин, Дашиковский, Горбунов, 2004; Горбунов, Тишкин, 2022.

10. Быково, курганный могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 1,5 км от с. Быково, справа от дороги на д. Белькову, на левобережье р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. В 1985 г. в Барнаульский пединститут поступили вещи, случайно обнаруженные в грабительской яме, на глубине до 1,3 м, располагавшейся в земляной насыпи кургана размерами 15×10 м, высотой около 1 м. В современном состоянии памятник подвергается распашке. Находки представлены четырьмя бронзовыми бляхами-накладками от узды, украшенными растительным орнаментом (рис. 9.-1). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета.

Лит.: Уманский, 1991.

11. Быково-IV, курганный могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в окрестностях с. Быково, на лево-

бережье р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Обследовался в 1983 г. археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Памятник состоял из девяти земляных курганов, два из которых были раскопаны (рис. 9.-2). Из них только курган № 5 (диаметр 12 м, высота 0,25 м) относится к сrostкинской культуре. Он содержал одно погребение по обряду ингумации с конем (рис. 9.-3). В настоящее время площадь памятника используется под выпас скота. Среди инвентаря встречены железные удила с псалиями, наконечник копья, наконечники стрел, нож, костяные накладки на рукоять лука и пряжка, а также наконечник ремня и кольцо из цветного металла (рис. 9.-4–18). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 138.

Лит.: Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999.

12. Веселоярск, курганный могильник. Разновременный памятник располагался в местности Грива, в 1 км на северо-запад от с. Веселоярск Рубцовского района Алтайского края. Он был выявлен во время разработки щебеночного карьера. Обнаружено семь погребений, разрушенных землеройной техникой, и, вероятно, ранее ограбленных. Часть находок оказалась утрачена. Найденные бляхи из цветного металла, украшавшие узду (рис. 10.-1–12; вкл.-6–14), могут быть отнесены к шадринцевскому этапу (вторая половина X – первая половина XI вв.) сrostкинской культуры. Коллекция находок хранится в Краеведческом музее г. Рубцовска, № 8491.

Лит.: Тишкин, Кирюшин, Казаков, 1996.

13. Высокий Борок, курганный могильник. Находится в Колыванском районе Новосибирской области, в 3,5 км к югу от с. Вьюны, на левом берегу р. Уень, в пределах Обского левобережья. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт Е.А. Свиридовым в 1972 г. и исследовался А.А. Адамо-

вым в 1987–1988 гг. Могильник насчитывал 76 земляных курганов. Было раскопано 16 курганов, но к сrostкинской культуре относятся только два из них диаметром 6–9 м, высотой 0,5–0,7 м. Под насыпью одного кургана выявлена деревянная рама-ограда (рис. 10.-13). Исследованы три детских погребения по обряду ингумации (рис. 10.-14). В настоящее время площадь памятника покрыта сосновым лесом. Найденный инвентарь представлен железными наконечниками стрел, теслом, ножом, бронзовой серьгой, подвесками и нашивками, каменными, стеклянными и костяными бусами (рис. 10.-15–35).

Лит.: *Адамов А.А.*, 2000.

14. Гилево-I, курганный могильник. Памятник находился на длинном и узком мысовидном выступе правого берега Алея, у излучины р. Моховушки, в 1 км к югу–юго-востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт Я.А. Шером в 1970 г. и насчитывал три кургана диаметрами 7, 10 и 13 м, располагавшихся цепочкой с юга на север (рис. 11.-1). Один из них в том же году исследовался, и позднее по нему получена радиоуглеродная дата (1050±70 лет назад). Остальные курганы раскопал В.А. Могильников в 1971 г. Все три объекта имели следы поздних проникновений и содержали захоронения по обряду кенотафа, кремации и кремации с конем (рис. 11.-2). Из инвентаря следует отметить железные изделия: фрагмент меча, удила и псалии, стремяна, пряжку, наконечник ремня, бляху-накладку, кольчатый распределитель ремня (рис. 11.-3–10), а также украшения из цветного металла с растительным, зооморфным и орнитоморфным сюжетами (вкл. 15–17). Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Находки хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13095, 13098, 13099, 13163, 13172, 13617.

Лит.: *Казаков, Кирюшин, Тишкин*, 1996; *Могильников*, 2002.

15. Гилево-II, курганный могильник. Памятник находился на правом берегу р. Алея, в излучине р. Моховушки, в 1 км к югу–юго-востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт Я.А. Шером в 1970 г. и насчитывал пять курганов диаметром от 5,8 до 12 м, располагавшихся цепочкой с юга на север (рис. 11.-11). Весь комплекс объектов в 1971 г. исследовал В.А. Могильников. Под насыпями двух курганов оказались кенотафы, под одним коллективная ингумация (рис. 11.-12), в остальных – кремация. Фиксировались следы грабительских проникновений. При раскопках получено существенное количество находок, среди них: железные наконечник копья и стрел, тесло, наконечники ремней из цветных металлов и кости, медный распределитель с тремя бляхами-накладками (рис. 11.-13–22; вкл.-18). В остальных курганах значимые изделия отсутствовали. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Находки хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13094, 13103, 13104, 13164, 13179, 13265.

Лит.: *Казаков, Кирюшин, Тишкин*, 1996; *Могильников*, 2002.

16. Гилево-III, курганный могильник. Памятник находился на правом берегу Алея, у излучины р. Моховушки, в 1 км к югу–юго-востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт Я.А. Шером в 1970 г. и насчитывал 25 курганов диаметром в основном 6–8 м, располагавшихся цепочками с юга на север (рис. 11.-23). Весь комплекс исследован под руководством В.А. Могильникова в 1971 г. Под насыпями 16 курганов находились погребения, совершенные по обряду трупосожжения. В пяти объектах способ захоронения не был определен, а в остальных зафиксированы ингумации и кенотаф. Только курган № 5 (ингумация с конем) относится к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датируется в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Он был сильно

разграблен. Из найденных вещей стоит отметить железные наконечники стрел, панцирную пластину, звено удил, кольчатый распределитель и колокольчик из цветного металла (рис. 11.-24–29). Большинство курганов с кремацией на уровне древнего горизонта относится к кыргызской культуре в рамках второй половины IX в. Материалы памятника хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13105, 13165, 13170, 13175, 13180.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

17. Гилево-IV, курганный могильник. Памятник находился на правом берегу Алея, у излучины р. Моховушки, в 1 км к юго-востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт Я.А. Шером в 1970 г. и насчитывал два кургана диаметром 8 и 10 м, располагавшихся цепочкой по линии Ю–С (рис. 12.-1). Комплекс полностью исследован В.А. Могильниковым в 1971 г. В одном случае под насыпью находилась коллективная «ингумация с конем» (рис. 12.-2), а во втором – кремация. Обнаруженный предметный комплекс сильно пострадал от грабительских проникновений. Из инвентаря стоит отметить железные наконечники стрел, панцирные пластины и поясную бляху-накладку из цветного металла (рис. 12.-3–7). Во фрагментах представлены меч и копье (втулка), нож и костяная накладка с отверстием. Найдены кости животных. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13102, 13166, 13185, 13467.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

18. Гилево-V, курганный могильник. Памятник находился на правом берегу Алея, у излучины р. Моховушки, в 1 км к юго-востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт Я.А. Шером

в 1970 г. и насчитывал семь курганов разного диаметра (от 6–8 до 16 и 20 м), располагавшихся цепочкой с юга на север (рис. 12.-8). Комплекс полностью исследован В.А. Могильниковым в 1971 г. В двух объектах отмечена ингумация с конем (рис. 12.-9), в четырех – без костей такого животного, а еще в одном зафиксирована кремация, возможно, с сопроводительным захоронением лошади в яме. Найден многочисленный инвентарь, среди которого железные мечи, наконечники стрел, панцирная пластина, пряжки, кольца-распределители, наконечники ремней и бляхи-накладки (с инкрустацией золотом), стремяна, пробои, сковорода, роговые накладки лука и пряжки, бляхи-накладки, наконечники ремней и пряжки из цветного металла (рис. 12.-10–34), а также втулка наконечника копья, ножи, фрагменты керамики, кожи, шелковой ткани, бересты и некоторые другие находки. Отмечены кости разных животных (лошадей, собак, лося) и зубы марала. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13100, 13171, 13265.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

19. Гилево-VI, курганный могильник. Памятник находился на мысовидном выступе правого берега Алея, в 3 км к востоку-юго-востоку от с. Гилево Локтевского района Алтайского края. Он был открыт В.А. Могильниковым и насчитывал пять курганов, которые полностью исследованы в 1973 г. В центре каждого фиксировались грабительские воронки. Четыре объекта – это невысокие каменно-земляные насыпи диаметром 8–10 м (рис. 13.-1). В одном из курганов исследована яма с захоронениями двух лошадей и двумя столбами (рис. 13.-2). Обнаружен следующий предметный комплекс: железные наконечники стрел, стремяна, пробои, наконечники ремней и бляхи из цветного металла, костяная цурка, остатки пояса с отпечатками

блях (рис. 13.-3–11), а также фрагменты меча, удила, ножа и обломки других изделий. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13265, 13463, 13468, 13469.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

20. Гилево-VII, курганный могильник. Памятник располагался на мысу правого берега Алея, в 3,5 км к юго-востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт В.А. Могильниковым и состоял из 10 курганов, диаметрами около 6, 8, 10, 14 и 20 м (рис. 13.-12), которые полностью исследованы в 1973 г. В центре всех зафиксированных объектов отмечены западины от грабительских проникновений. Погребения были одиночные, парные и коллективные, в том числе с сопроводительными захоронениями коней (рис. 13.-13). Получен многочисленный и представительный предметный комплекс: железные мечи, наконечники стрел и копья, удила и псалии, роговые накладки луков, накладка на колчан, цурка, пряжки, кистень, поясная и уздечная гарнитура, серьги из цветного металла (рис. 13.-14–36; вкл.-19–22), а также стремяна, тесло, ножи, колчан из бересты, обломки котлов, фрагменты керамики и другие сломанные изделия. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13101, 13168, 13181, 13265, 13464, 13616, 14557, 14569.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

21. Гилево-VIII, курганный могильник. Памятник находился на отлогом уступе коренной террасы правого берега Алея, в 1,5 км к западу от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он состоял из девяти объектов. Шесть

курганов были вытянуты цепочкой примерно по линии Ю–С, два располагались в 15–20 м к востоку от них, а еще один – в 14–15 м к западу (рис. 14.-1). Все они пострадали от грабителей, о чем свидетельствовали западины в центре каменно-земляных насыпей. Раскопанные курганы № 1–5 диаметром 4–7 м относятся к эпохе Средневековья. В них обнаружены сильно потревоженные погребения людей, а также нарушенные захоронения сопроводительных лошадей (рис. 14.-2). Предметный комплекс состоял из роговых псалий, железных удил, пряжек и пробоев, керамического сосуда (рис. 14.-3–6; вкл.-23), а также обломков меча, наконечника стрелы, удила, ножей и некоторых других предметов. Исходя из имеющихся аналогий, указанные курганы памятника Гилево-VIII можно отнести к грязновскому этапу сросткинской культуры и датировать в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13167, 13174.

Лит.: Могильников, 2002; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011.

22. Гилево-IX, курганный могильник. Памятник находится на коренной террасе р. Алея, в 3 км к западу от с. Гилево, у дороги в с. Павловка, в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт В.А. Могильниковым и насчитывал 46 небольших курганов (диаметром не более 12 м, чаще 6–8 м, высотой до 0,6 м) с грабительскими воронками. В 1973–1976 гг. исследовался только 21 объект, из которых семь отнесены к эпохе Средневековья (рис. 14.-7). Погребения людей и часть находок пострадали в ходе грабительских проникновений. Найдены многочисленные кости от лошадей (рис. 14.-8). В них обнаружен следующий предметный комплекс: железные наконечники стрел, ножи, удила с псалиями и стремяна, уздечная и поясная гарнитура, серьги и подвески из цветного металла, фрагмент китайского зеркала с орнаментом, обломок китайской монеты «кайюань тунбао» (рис. 14.-9–29), а также фрагмент клинка меча и бусы. Памятник может быть отнесен

к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13169, 13265, 13477, 13733.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

23. Гилево-ХI, курганный могильник. Памятник расположен в 7 км от с. Гилево, на поле, у дороги из с. Гилево в с. Корболиху. Он был открыт В.А. Могильниковым и состоял из двух курганов диаметром 8 и 12 м (рис. 15.-1), которые исследованы в 1972 г. В обоих погребальных объектах обнаружены ингумации мужчин с конем, пострадавшие в ходе ограбления. Автором раскопок отмечены конструктивные особенности надмогильных и внутримогильных сооружений (рис. 15.-2). Зафиксирован следующий предметный комплекс: железные удила и псалии, ножи, керамические сосуды (рис. 15.-3–6), кроме этого – железные фрагменты панцирных пластин, меча, наконечников стрел, пряжка и бляхи из цветного металла. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13265.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

24. Гилево-ХII, курганный могильник. Памятник находился в 8 км к востоку от с. Гилево, на поле, у дороги в с. Корболиху, в Локтевском районе Алтайского края. Он был открыт В.А. Могильниковым и насчитывал семь курганов диаметрами от 6 до 12 м со следами грабительских проникновений (рис. 15.-7). Все объекты исследованы. Получен многочисленный предметный комплекс. Особое значение в этом плане имели два кургана с коллективными погребениями и сопроводительными захоронениями коней (рис. 15.-8). Инвентарь представлен железными наконечниками стрел, теслом, кольцами-распределителями,

удилами, роговой пряжкой, поясной и уздечной гарнитурой, двухсоставной застежкой, серьгой, колокольчиком, подвесками из цветного металла (рис. 15.-9–40; вкл.-24–40). Кроме этого, найдены обломки мечей, кинжала, панцирных пластин, ножей, казана, стремян, пробоев, роговой окантовки ленчика седла и некоторые другие вещи. Зафиксированы остатки заупокойной пищи. Особо стоит отметить литую подвеску из цветного металла в виде конного лучника в шлеме, с закинутым за спину щитом (рис. 15.-36, вкл.-24), аналогичную подвеску «...с изображением лица мужчины со смешанными европеоидно-монголоидными чертами, с широко открытыми глазами, выраженными скулами, усами и короткой бородкой» в шлеме (рис. 15.-37, вкл.-35) и ажурный наконечник ремня с изображением оленя (рис. 15.-40, вкл.-32). Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13265, 14558, 14559.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

25. Гилево-ХIII, курганный могильник. Памятник располагался на мысу коренной террасы Алея, в 7–8 км к востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. С востока мыс был ограничен логом, по которому протекала речка Косой Мост, а с запада – заболоченной и поросшей кустарником поймой. В 1972–1973 гг. В.А. Могильниковым были исследованы 17 каменно-земляных курганов, имевших в центре западины от грабительских проникновений (рис. 16.-1). К эпохе Средневековья отнесены девять погребальных объектов с надмогильными сооружениями диаметром от 3,5 до 14,5 м. В ходе раскопок отмечена разнообразная реализация обрядовой практики. Выделяется курган с коллективным погребением. В подбоях стенок могилы находились сопроводительные захоронения взнузданных лошадей. Наличие пары могил под одной насыпью (рис. 16.-2). При исследовании

довании памятника обнаружен существенный предметный комплекс: железные наконечники стрел, ножи, удила с псалиями, уздечная гарнитура, роговые накладки лука, наконечника стрелы, пряжки и цурки, различные пряжки, бляхи-накладки и серьги из цветного металла (рис. 16.-3–20), также найдены фрагменты рогового канта от ленчика седла, пробои, кольца-распределители, обломок меча, бусы и др. Зафиксированы остатки заупокойной пищи. Судя по всему, памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13173, 13265, 14556.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

26. Гилево-XIV, курганный могильник. Памятник располагался на мысу коренной террасы Алея, в 7 км к востоку от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он насчитывал шесть курганов (рис. 16.-21), которые в 1973 г. полностью исследовал В.А. Могильников. Все каменно-земляные насыпи диаметром от 5 до 12 м имели в центре следы грабительских проникновений. Выявлены погребения по обряду ингумации с конем и одиночной ингумации (рис. 16.-22). Отмечены находки костей животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, лось). Обнаружен следующий предметный комплекс: железные наконечники стрел, ножи, тесла, удила с псалиями, костяная пряжка, наконечник ремня и пряжки из цветного металла (рис. 16.-23–34), а также обломки меча, втулки копья, накладок лука, стремени, остатки колчана, бусы, точильные камни и др. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

27. Гилево-XV, курганный могильник. Памятник располагался на левом берегу Алея, на

мысовидном выступе, в 1,5 км к юго-западу–западу от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он состоял из восьми курганов, из которых шесть объектов в 1973–1974 гг. исследованы В.А. Могильниковым (рис. 17.-1), в том числе два с кремациями, три с ингумациями (один с конем) и один без находок, возможно, кенотаф (?). Насыпи диаметром от 6,4 до 16 м были сложены из грунта с включением мелкого гравия и отдельных рваных камней, в центре с западинами от грабительских проникновений (рис. 17.-2). Обнаружен следующий предметный комплекс: железный меч в обломках, удила с псалиями, стремяна, подпружная пряжка, бляхи-накладки, пряжка и наконечник ремня из цветного металла (рис. 17.-3–11), а также фрагменты ножей и разные неопределимые изделия. Среди металлических украшений отмечены три оригинальные бляхи в виде головы медвежонка (рис. 17.-4). Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13265.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

28. Гилево-XVI, курганный могильник. Памятник располагался в 1,5 км к северу от с. Гилево в Локтевском районе Алтайского края. Он состоял из трех ограбленных курганов диаметром 10, 12 и 28 м, которые в 1975 г. исследовал В.А. Могильников (рис. 17.-12). Возможно, археологических объектов было больше, но они оказались уничтожены распашкой. В раскопанных курганах зафиксированы и изучены разные погребения: индивидуальное, парное и коллективное в сопровождении коня (рис. 17.-13). Обнаружен следующий предметный комплекс: железное стремя, костяная пряжка, уздечные Т-образные бляхи, двухставная застежка, подвеска и серьги из цветного металла, бусы (рис. 17.-14–21), а также обломки железного котла, удила с псалиями, нож, фрагмент металлического орнаментированного зеркала и другие изделия в обломках.

Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 14558.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

29. Гоньба (Казачий Взвоз), курганный могильник. Находился на левом берегу р. Оби, между окрестностями г. Барнаула и пос. Гоньба по данным XIX в., по современным данным – в районе ул. Казачий Взвоз, около комбината «Химволокно», в начале пр. Калинина г. Барнаула, Алтайский край. Датировается второй половиной X – первой половиной XI вв. Осенью 1861 г. доктором Г. Менье и бароном Л. Эйхталем раскопаны четыре кургана с 10 могилами, а в августе 1862 г. В.В. Радлов раскопал еще четыре кургана с четырьмя погребениями. Зафиксирован обряд одиночной и парной ингумации (рис. 18.-1). На площади памятника насчитывалось около 96 земляных насыпей, протянувшихся по Туриной горе от почтовой дороги в г. Томске до пос. Гоньба на расстоянии около 8,5 км. Курганы имели земляные насыпи диаметром 4–10 м, высотой до 0,35 м. В настоящее время площадь памятника полностью застроена. Среди инвентаря следует отметить следующие вещи: бронзовые игольник из двух половинок с орнаментом в виде «узла счастья», булавки с раздвоенным волнотобразным навершием, кольчатые серьги, сердцевидную ажурную подвеску, железные нож и наконечник стрелы, костяной наконечник стрелы и накладку на колчан, бусы (рис. 18.-2–14). Место хранения коллекции не известно (предположительно в Музее естественной истории во Франции).

Лит.: Meunier, d'Eichtal, 1874; Радлов, 1989; Артюх, Кунгуров, 2006; Артюх, 2010; Тишкина, 2010.

30. Гора Тараскина-V, курганный могильник. Находится в Третьяковском районе Алтайского края, около с. Новокамышенка, на правом берегу р. Каменки, в пределах

Предалтайской равнины. Датировается второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт А.Л. Кунгуровым в 2003 г. и исследовался Верхнеалейской экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством С.П. Грушина в 2004 г. Состоял из восьми каменно-земляных курганов. Раскопан один объект – курган № 6 диаметром 7 м. Под его насыпью исследована одна могила с погребением по обряду ингумации с конем (рис. 18.-15). В современном состоянии площадь памятника используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь представлен следующими предметами: железный нож, серьга, бронзовый кулон, копоушка, перстень, серьга, подвески, каменные и стеклянные бусы, керамический сосуд (рис. 18.-16–26), а также железная пряжка и стремяна. Особо стоит отметить фрагмент бронзового зеркала с изображением льва, птиц и винограда (рис. 18.-23). Коллекция № 178 хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Лит.: Грушин, Тишкин, 2004; Грушин, 2014.

31. Горный-7, курганный могильник. Находится в Красногорском районе Алтайского края, на западной окраине пос. Горный, в районе водонапорной башни, на правом берегу р. Иша, в пределах Бийско-Катунского междуречья. Памятник открыт и исследовался Д.В. Папиным в 1997 г. и М.Т. Абдулганевым в 2006 г. В 2019 г. во время проведения обследований экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством В.П. Семибратова, по проекту строительства автодороги в Красногорском районе, от местных жителей поступила информация об обнаружении в пос. Горный археологических предметов. Было установлено, что в ходе сооружения ямы для погреба в гараже по адресу: пос. Горный, ул. Советская, д. 2а – разрушено средневековое захоронение, располагавшееся на глубине 1,8 м. При выборке грунта собран представительный комплекс погребального инвентаря, который датировается второй половиной X – первой половиной XI вв. и может быть отнесен к сrostкинской культуре. В со-

временном состоянии площадь памятника занята хозяйственными и жилыми постройками пос. Горный, и курганы, которые были видны до застройки его западной части, уже визу- ально не фиксируются. Коллекция из разру- шенного погребения в пос. Горный состоит из 25 предметов. Это сабля, наконечники стрел, крюк на кольце, пряжка и кресало из железа, пряжка, бляхи-накладки и подвеска серьги из цветного металла, стеклянные бусы (рис. 19.- 1–22; вкл.-41–54), а также фрагмент железной пряжки и костяного игольника.

Лит.: *Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020.*

32. Грань, одиночный курган. Находится на границе Алейского и Топчихинского райо- нов Алтайского края, в 4 км к северо-востоку от с. Безголосово, на правом берегу р. Аля, в пределах Приобского плато. Датируется вто- рой половиной X – первой половиной XI вв. Раскопан в 2000 г. отрядом Алейской архео- логической экспедиции Алтайского госуни- верситета под руководством А.Л. Кунгурова. Состоял из одного земляного кургана со рвом и деревянным столбом, размерами 27×30 м, высотой 0,7 м, содержащего погребение по обряду ингумации с тремя конями (рис. 20.- 1–2). В современном состоянии место памят- ника распахивается. Среди находок необходи- мо отметить бронзовые позолоченные бляхи и наконечники от узды и пояса, бронзовую по- ясную пряжку, железные наконечники стрел и копья, подпружную пряжку, фрагменты меча, удила и псалиев, кожаного уздечного ремня, каменные оселки (рис. 20.-3–21, вкл.-55–65). Коллекция хранится в Музее археологии и эт- нографии Алтая Алтайского государственного университета, № 166.

Арх. МАиЭА: Кунгуров, 2001, № 155.

Лит.: *Тишкин, Горбунов, 2000; Горбунов, Тишкин, 2018; Горбунов, Тишкин, 2022.*

33. Грязново-I, курганный могильник. На- ходится в Тюменцевском районе Алтайского края, в 5 км к северу от д. Грязново, у северо-восточного берега оз. Булатово, в пределах Приобского плато. Датируется второй поло-

виной IX – первой половиной X вв. Памят- ник был обследован в 1974 г. Кулундинским отрядом (руководители – А.П. Уманский и А.С. Шемякина) археологической экспедиции Института археологии АН СССР (руководи- тель – В.А. Могильников). Он состоял из трех земляных курганов диаметром 12–18 м, высо- той 0,65–1,1 м (рис. 21.-1). Были раскопаны курганы № 1–2, содержащие четыре погребения по обряду одиночной и парной ингума- ции (рис. 21.-2–3). В современном состоянии памятник подвергается распашке. Из находок можно упомянуть керамическое пряслице и железные ножи (рис. 21.-4–5). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогическо- го университета, № 63; в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 132.

Лит.: *Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980; Неверов, 1980; Памятники истории..., 1990.*

34. Грязново-II, курганный могильник. На- ходится в Тюменцевском районе Алтайского края, в 5,2 км к северу от д. Грязново, в 250 м к северу–северо-западу от оз. Булатово, в пре- делах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Па- мятник был обследован в 1974 г. Кулундин- ским отрядом (руководители – А.П. Уманский и А.С. Шемякина), а в 1976 г. Грязновским отрядом (руководитель – С.В. Неверов) архео- логической экспедиции Института археоло- гии АН СССР (руководитель – В.А. Могиль- ников). Он состоял из шести земляных кур- ганов диаметром 8–12 м, высотой 0,5–0,8 м (рис. 21.-6). Были раскопаны курганы № 1–5, содержащие шесть погребений по обряду оди- ночной, парной и коллективной ингумации (рис. 21.-7–8), а также кенотаф и ингумацию с собакой. В современном состоянии памятник подвергается распашке. Из находок можно от- метить железный меч с перекрестием и брон- зовым навершием-колпачком, три бронзовых наконечника ремней и две бляхи-накладки от узды, украшенные растительным орнаментом, железные наконечники стрел и ножи, костя-

ные пряжки, железную пряжку, пробой, удила и роговой псалий (рис. 21.-9–19). Коллекция № 63 хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета, коллекция № 132 – в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Лит.: Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980; Неверов, 1980; Памятники истории..., 1990.

35. Грязново-III, курганный могильник. Находится в Тюменцевском районе Алтайского края, в 5,8 км к ССВ от д. Грязново, в 700 м к СВ от Грязново-II, за болотом, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Памятник был обследован в 1974 г. Кулундинским отрядом (руководители – А.П. Уманский и А.С. Шемякина) археологической экспедиции Института археологии АН СССР (руководитель – В.А. Могильников). Он состоял из пяти земляных курганов диаметром 9–12 м, высотой 0,4–0,55 м (рис. 22.-1). Были раскопаны курганы № 1–3, содержащие пять погребений по обряду одиночной, парной и коллективной ингумации (рис. 22.-2–3), а также ингумации с конем. В современном состоянии памятник подвергается распашке. Инвентарь представлен следующими вещами: фрагмент бронзового зеркала, стеклянные, янтарные и бронзовые бусы, бронзовый колокольчик, керамический сосуд, бронзовая двухсоставная каплевидная подвеска, железный кинжал, наконечник стрелы и ножи, бронзовая половинка двухсоставной застежки, биметаллическая булавка с зооморфным навершием (рис. 22.-4–18). Коллекция № 63 хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета, а коллекция № 132 – в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Лит.: Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980; Неверов, 1980; Памятники истории..., 1990.

36. Грязново-IV, курганный могильник. Находится в Тюменцевском районе Алтайского

края, в 5,5 км к северу–северо-востоку от д. Грязново, в 30 м к северу от оз. Булатово, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Памятник был обследован в 1974 г. Кулундинским отрядом (руководители – А.П. Уманский и А.С. Шемякина) археологической экспедиции Института археологии АН СССР (руководитель – В.А. Могильников). Он состоял из шести земляных курганов диаметром 6–17 м, высотой 0,18–1 м (рис. 22.-19). Были раскопаны курганы № 1–2, содержащие два погребения по обряду одиночной и парной ингумации (рис. 22.-20). В современном состоянии памятник подвергается распашке. Из находок следует отметить железные наконечники стрел, нож и удила с кольчатыми псалиями, костяную пряжку (рис. 22.-21–24), а также роговой кочедык и каменный оселок. Коллекция № 63 хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета, № 132 – в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Лит.: Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980; Неверов, 1980; Памятники истории..., 1990.

37. Дмитротитово, курганный могильник. Находится в Кытмановском районе Алтайского края, между полевой дорогой и кладбищем с. Дмитро-Титово, на левом берегу р. Чумыш, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Памятник открыт и исследовался археологическим отрядом Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Могильник состоял из трех земляных курганов диаметром 8–10 м, высотой 0,45–0,5 м. Раскопан один курган диаметром 8 м, высотой 0,5 м. Под его насыпью выявлен деревянный столб. Исследована одна могила по обряду кремации, заключенная в берестяной конверт (рис. 23.-1). В современном состоянии площадь памятника частично включена в территорию кладбища, и через нее проходит линия ЛЭП. Найденный инвентарь представлен железным мечом, наконечника-

ми стрел, удилами, бронзовыми поясными бляхами-накладками и наконечником ремня, костяной застежкой (рис. 23.-2-7), а также железной острогой. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 137.

Лит.: *Кирюшин, Неверов*, 1991.

38. Екатериновка-3, курганный могильник. Находится в Кулундинском районе Алтайского края, в 0,8 км к востоку от с. Екатериновка, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Памятник открыт В.А. Могильниковым и А.П. Уманским в 1974 г., обследовался А.Б. Шамшиным в 1986 г. Из-за попадания в зону строительства орошаемых участков в 1988 г. на нем проведены аварийные раскопки экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством В.С. Удодова и А.Б. Шамшина. Состоял из пяти земляных курганов диаметром 16–28 м, высотой 0,5–0,94 м. Все объекты раскопаны. Исследованы пять погребений по обряду одиночной и парной ингумации, коллективной ингумации с конем и кенотаф с конем. В современном состоянии площадь памятника распаивается. Среди найденных предметов можно выделить бронзовые пряжки, бляхи-накладки от узды, пояса и сумки, серьгу, подвески, зеркало (рис. 23.-8–18, вкл.-66–73). Также обнаружены обломки железных удил с псалиями и казана, обрывки кожаных ремней от узды. Особо следует отметить позолоченную бляху в виде фигурки льва или собаки (рис. 23.-19, вкл.-72). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 144.

Арх. МАиЭА: Удодов, 1988.

Лит.: *Удодов, Тишкин, Горбунова*, 2006.

39. Займище, курганный могильник. Находится в Хабарском районе Алтайского края, в 0,6 км к востоку от с. Серп-Молот, на левом берегу р. Бурла, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. От-

крыт В.А. Могильниковым в 1982 г. и обследовался В.С. Удодовым в 1988 г. В 1989 г. исследовался Кулундинским отрядом экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством В.С. Удодова. Состоял из девяти земляных курганов диаметром 12–20 м, высотой 0,6–1,5 м. Раскопано восемь таких объектов, из которых только четыре относятся к срубной культуре. Под их насыпями исследованы девять погребений по обряду одиночной и парной ингумации и одиночной ингумации с конем (рис. 23.-20–21). В современном состоянии площадь памятника распаивается. Среди обнаруженного инвентаря можно отметить железную саблю, наконечники стрел, ножи, кольчатые распределители, удила с псалиями, бронзовые пряжки, наконечник ремня, бляхи-накладки, костяные пряжки, золотую серьгу (рис. 23.-22–35), а также фрагмент костяной накладки лука, серебряную нашивку, керамический сосуд. Особо следует выделить бронзовую пряжку в виде фигурки человека (рис. 23.-27). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 146.

Арх. МАиЭА: Удодов, 1990, № 122.

Лит.: *Горбунов*, 2006.

40. Заковряшино, курганный могильник. Находится в Крутихинском районе Алтайского края у с. Заковряшино, на левобережье р. Оби, на самой северной оконечности Приобского плато, в составе одной из трех курганных групп. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. В 1910 г. этнографический отдел Русского музея Императора Александра III приобрел у крестьянина З. Кузьмина коллекцию вещей, полученную при грабительских раскопках кургана у с. Заковряшино. В составе коллекции есть кости человека и лошади, что позволяет предположить наличие в кургане погребения по обряду ингумации с конем. Размеры кургана и современное состояние не известны. Среди находок необходимо указать следующие: бронзовая позолоченная поясная пряжка с сердцевидной рамкой, бронзовый с позолотой,

обломанный, наконечник уздечного ремня с геометрическим орнаментом, бронзовая с остатками позолоты уздечная бляха-накладка с растительным орнаментом, грушевидная бусина из синего стекла и цилиндрическая бусина из зеленого стекла с красными вставками (рис. 23.-36–40). Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже, № 4151.

Лит.: Казаков, 1995.

41. Змеевка, курганный могильник. Находится в Советском районе Алтайского края, в 3 км к западу от с. Красный Яр, на террасе правого берега р. Змеевка, недалеко от ее впадения в р. Каменка, левый приток р. Катунь, в пределах Предалтайской ранины. Датируется второй половиной XI – XII вв. Открыт и исследовался в 1929–1930 гг. археологической экспедицией Бийского краеведческого музея под руководством С.М. Сергеева. Состоял из 40 каменно-земляных курганов (рис. 24.-1). Раскопано восемь курганов (диаметр 10–14 м, высота 0,36–0,5 м), в которых зафиксировано 23 погребения. Только восемь из них относятся к сроткинской культуре. Они совершены по обряду одиночной и парной ингумации (рис. 24.-2). В современном состоянии территория памятника распахивается. Среди находок нужно выделить железные наконечники стрел, кинжал, стремена, костяные наконечники стрел, пряжки, берестяной колчан, бронзовые бляхи круглой и семилепестковой формы от пояса (рис. 24.-3–20). Также были найдены железные удила, пряжка, напильник, бронзовый тренчик, фрагментированные костяные накладки лука и некоторые другие вещи. Коллекция хранится в Бийском краеведческом музее, № 844; в Государственном Эрмитаже, № 1284.

Лит.: Неверов, 1982.

42. Иванов Ключ-I, курганный могильник. Находится в Третьяковском районе Алтайского края, около с. Новокамышенка, на правом берегу р. Каменка, в пределах Предалтайской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт и исследован Рудно-Алтайской экспедицией Алтайского

госуниверситета под руководством С.П. Грушина в 2005 г. Состоял из пяти каменных курганов. К сроткинской культуре относится один объект – курган № 2 диаметром 6 м, высотой 0,1 м. Под его насыпью исследована могила с погребением по обряду ингумации с конем (рис. 24.-21). В современном состоянии площадь памятника используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь составили следующие предметы: бронзовая подвеска, костяная пряжка, каменная бусина, керамический сосуд (рис. 24.-22–26), а также железные удила. Особо стоит выделить бронзовый позолоченный кулон в виде рыбы (рис. 24.-24). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 178.

Лит.: Грушин, 2014.

43. Ивановка-III, курганный могильник. Памятник находился в 4 км к северо-западу от водонапорной башни с. Ивановка в Курьинском районе Алтайского края. Он был открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным и состоял из двух каменно-земляных курганов, располагавшихся по линии Ю–С. Один из них имел диаметр 20 м и высоту 0,7 м, а другой, соответственно, – 10 м и 0,4 м. В 1984 г. комплекс полностью исследован Ю.П. Алехиным. Под курганными насыпями в центре находилось по одной могиле (для взрослого воина и для ребенка), ориентированных по линии ЮЗЗ–СВВ. В одном случае в могиле была устроена деревянная камера, а в другом – комбинированная конструкция из бревен и плоских камней. Погребенных людей сопровождали лошади (в могиле воина – два животных, а в могиле ребенка – один конь). Оба кургана оказались потревожены грабителями. Но остались разные многочисленные предметы: 82 бронзовые и серебряные (часть позолоченные) бляхи и пряжки от поясов и уздечек; роговая пряжка; железные витые удила с псалиями; два меча (один сохранился полностью), 28 наконечников стрел, пробои от седел; костяные накладки от сложного лука (рис. 25.-1–30); а также остатки колчана, ножей, фрагменты шелковой ткани. Встречены остатки заупокойной пищи

в виде костей мелкого и крупного рогатого скота. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв.

Арх. МАиЭА: Алехин, 1984, № 47.

Лит.: Алехин, 1996; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011.

44. Ивановка-IX, курганный могильник. Памятник располагался на вершине крутой горки, примерно в 1 км к северу–северо-западу от водонапорной башни с. Ивановка в Курьинском районе Алтайского края. Он был открыт Ю.П. Алехиным в 1985 г. и состоял из четырех каменно-земляных курганов, вытянутых цепочкой по линии ЮЮЗ–ССВ. Объекты № 1–3 имели выкладки вокруг насыпей из вкопанных камней, их диаметры составляли 5–8 м, а высота – 0,15–0,45 м. Памятник полностью раскопан в 1987 г. В центре указанных курганов находилось по одной могиле, которые оказались ограбленными. Стенки могилы в кургане № 1 были обложены каменными плитами, имелось деревянное перекрытие. Обнаружено погребение воина с лошадью. Найдены следующие железные предметы: наконечники стрел, фрагменты палаша и ножа, заклепка от седла, портупейное кольцо. В кургане № 2 инвентарь отсутствовал. Курган № 3 содержал погребение женщины, уложенной на спину в вытянутом положении и ориентированной головой на восток (рис. 25.-31). В могиле обнаружены фрагменты керамического сосуда и железный нож (рис. 25.-32–33). Во всех указанных курганах погребенные люди были снабжены заупокойной пищей. Курган № 4 имел, вероятнее всего, ритуальное назначение и не содержал погребения, хотя в центре имелась яма, но какой-либо инвентарь также отсутствовал, а грабительских перекопов не отмечено. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв.

Лит.: Алехин, 1996; Алехин, 1999; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011.

45. Ивановка-XVII, курганный могильник. Памятник находился в 0,75 км к северо-западу–западу от курганной группы Ивановка-XIV, в 0,3 км к западу от дороги Ивановка–Кузнецово в Курьинском районе Алтайского края. Состоял из двух каменно-земляных и распахиваемых курганов диаметром 8 и 9 м, высотой, соответственно, 0,2 и 0,3 м. Открыт в 1985 г. Ю.П. Алехиным и в 1988 г. им же полностью исследован. Под курганами находилось по одной ограбленной могиле. В кургане № 1 погребенный подросток лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток–восток. В могиле найдены следующие предметы: железный нож с остатками деревянных ножен и черешковый наконечник стрелы. В центре насыпи кургана № 2, вокруг могилы, имелась выкладка из крупных камней. Исследовано погребение женщины 35–40 лет (определение А.Р. Кима) и сопроводительное захоронение лошади. Найдены железное кресало, бронзовая бляха с растительным орнаментом (рис. 25.-34–35), фрагменты железных удил, ножа, кожаного ремня, деревянного предмета и раковина-каури. В заполнении могилы встречены мелкие фрагменты древесной трухи. В обеих раскопанных могилах находились хвостовые позвонки мелкого рогатого скота (МРС) – остатки заупокойной пищи. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: Алехин, 1996; Алехин, 1997; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011.

46. Ивановка-XX, курганный могильник. Находился в 0,5 км к северу–северо-востоку от кургана Ивановка-XVIII, на пашне в Курьинском районе Алтайского края. Состоял из четырех каменно-земляных распахиваемых курганов диаметром 8–16 м и высотой 0,05–0,8 м. Памятник открыт в 1985 г. Ю.П. Алехиным, им же полностью исследован в 1988 г. В центре курганов, под насыпями, находилось по одной могиле, ориентированных с запада на восток. Глубина могил достигала 1,49 м. В кургане № 1 оказался каменный ящик. По-

гребение мужчины 40–45 лет (определение А.Р. Кима), уложенного на спине в вытянутом положении и ориентированного головой на восток, оказалось ограбленным. Найдены два железных, черешковых (трехлопастной и трехгранно-трехлопастной) наконечника стрел и удила (рис. 25.-43), а также хвостовые позвонки МРС (заупокойная пища) и мелкие фрагменты дерева. В кургане № 2 отмечена бревенчатая погребальная камера. Погребенная женщина находилась на спине в вытянутом положении и была ориентирована головой на восток. Погребение ограблено. В могиле найдены каплевидная подвеска от серьги из серебра (рис. 25.-42), а также хвостовые позвонки МРС – заупокойная пища. В кургане № 3 зафиксирован ящик с перекрытием из каменных плит. Погребенная женщина 30–35 лет (определение А.Р. Кима) лежала на спине в вытянутом положении и была ориентирована головой на восток. Найдены фрагмент железного предмета и хвостовые позвонки МРС (заупокойная пища). Курганы № 1–3 были расположены в виде цепочки, вытянутой с юго-запада на северо-восток. Курган № 4 находился в стороне. Могила не имела внутри конструкций и оказалась не ограбленной. В ней обнаружено погребение женщины 20–25 лет (определение А.Р. Кима?), а также захоронение лошади. Человек был уложен на спине в вытянутом положении и ориентирован головой на восток. На уступе, выше и к югу от него, находилось сопроводительное захоронение взнузданной лошади, уложенной на левый бок с подогнутыми конечностями. Между скелетами человека и животного зафиксирован вкопанный деревянный столбик. Сопроводительный инвентарь состоял из следующих изделий: железный нож, пять черешковых крупных наконечников стрел в берестяном колчане с железной пластиной, лук (сохранились две центральные костяные накладки), бронзовая серьга, костяная пластина с отверстием, железные пробои от седла (рис. 25.-36–41, 44–49), а также железные кольчатые удила и остатки деревянного седла. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован

в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Алехин*, 1996; *Алехин*, 2003; *Тишкин*, *Горбунов*, *Горбунова*, 2011.

47. Ивановка-XXIV, курганный могильник. Памятник находился на пашне в 0,6 км к северо-востоку–востоку от курганной группы Ивановка-XXIII, в окрестностях одноименного села Курьинского района Алтайского края. Он был открыт в 1985 г. Ю.П. Алехиным и состоял из двух каменно-земляных ограбленных курганов диаметром 8 и 10 м, высотой, соответственно, 0,1 и 0,4 м. В 1988 г. исследован аварийный курган № 2. В могиле зафиксировано погребение мужчины 25–30 лет (определение А.Р. Кима) в сопровождении с конским захоронением. Человек и лошадь были ориентированы головой на восток. Найдены фрагменты двух железных ножей, сабли, плоской обоймы, крюка, железных наконечников стрел, а также серьга и сердцевидная бляха. Раскопанный курган может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв.

Лит.: *Алехин*, 1996; *Тишкин*, *Горбунов*, *Горбунова*, 2011.

48. Ивановка-XXVI, курганный могильник. Памятник находился в 0,9 км к северу–северо-востоку от курганной группы Ивановка-XXIV, в окрестностях одноименного села Курьинского района Алтайского края. Он состоял из двух каменно-земляных, поврежденных дорогой и распашкой курганов. Диаметр первого объекта был 20 м, высота 0,8 м, а второго – 8 и 0,15 м, соответственно. Памятник открыт в 1988 г. Ю.П. Алехиным, тогда же им полностью исследован. Под курганом № 1 находились три могилы, располагавшиеся вблизи друг от друга. В основной был погребен мужчина 25–30 лет, а две другие оказались детскими (определения А.Р. Кима). В ограбленной могиле-1 сохранились остатки каменного ящика. Обнаружен следующий предметный комплекс: бронзовая пряжка с железным язычком, фрагмент металлической

бляхи с растительным орнаментом, железная заклепка от седла, наконечник стрелы и фрагменты черешка аналогичного изделия, части удил и других предметов, а также роговая накладка лука, костяная аппликация с циркульным орнаментом (раскрашен красной краской), накладки от колчана, фрагменты деревянной основы лука, обломки древесной коры, кусок мумифицировавшейся ткани погребенного, хвостовые позвонки МРС (заупокойная пища). В могиле-2 (погребение ребенка 8–9 лет) найдены костяной амулет, фрагмент железного наконечника стрелы, хвостовые позвонки МРС (заупокойная пища). Погребение ребенка 9–10 лет в могиле-3 оказалось безынвентарным. Все погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. В кургане № 2 могила была ограблена, зафиксированы остатки перекрытия из нетолстых бревен. Погребенный человек лежал в вытянутом положении головой на восток. Найдены фрагменты железных удил и неизвестного предмета, а также хвостовые позвонки МРС (заупокойная пища). Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Алехин*, 1996; *Тишкин, Горбунов, Горбунова*, 2011.

49. Иня-1, курганный могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 0,8 км к юго-западу от с. Иня и в 0,4 км к северу от обской протоки Топтушка, на террасе левого берега р. Иня, правого притока Оби. Датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Исследовался в 1951, 1959 гг. А.П. Уманским, в 1989–1990 гг. – С.В. Неверовым, в 1998, 2000 гг. – В.В. Горбуновым. Состоял из 37 земляных курганов диаметром 5–12 м, высотой 0,1–0,7 м (рис. 26.-1). Площадь курганного поля 140 (В–З) x 110 (Ю–С) м. Раскопано 29 курганов (рис. 26.-2), содержавших 52 погребения по обряду ингумации с конем (рис. 26.-3), собакой, овцой, коровой, одиночной ингумации (рис. 26.-4), кремации, кремации с конем (рис. 26.-3–4). В настоящее время площадь

памятника используется под пастбище. Среди находок необходимо отметить железные наконечники стрел, меч, панцирные пластины, кинжалы, ножи, тесла, налобную бляху, берестяные колчаны, костяные накладки лука, пряжки, цурки, бронзовые пряжки, тренчики, бляхи, наконечники и распределители ремней от узды и поясов, серьги, перстни, подвески, монеты, керамические сосуды (рис. 26.-5–40; вкл. 74–86). Также были найдены удила с псалиями, стремяна, браслеты, пронизки, бусы и некоторые другие вещи. Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 11250; в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета, № 1 и № 3; в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 145.

Арх. МАиЭА: *Горбунов*, 1999, № 166; *Горбунов*, 2001, № 157.

Лит.: *Уманский*, 1970; *Ефремов*, 1990; *Горбунов*, 2000; *Горбунов, Кунгуров, Тишкин*, 2001; *Горбунов*, 2011; *Горбунов*, 2017.

50. Ишаново, курганный могильник. Находится в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, на северо-западной окраине с. Русскоурское, на левом берегу р. Ур, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1995 г. А.М. Илюшиным и им же полностью раскопан в 2004–2007 гг. Состоял из 10 земляных курганов со рвами диаметром 8,5–18,7 м, высотой 0,3–1 м (рис. 27.-1). Общая площадь памятника 10 га. Под насыпями курганов выявлены остатки деревянных столбов (рис. 27.-2). Исследованы 34 могилы, которые содержали погребения людей по обряду одиночной ингумации, ингумации с конем (рис. 27.-3), отдельное захоронение шкуры лошади и собаки. В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Среди находок наиболее значимыми являются железный меч, наконечники стрел, ножи, кресало, пряжки, распределители, удила с псалиями, стремяна, костяные накладки на лук и колчан, пряжка, бронзовые

игольники, зеркала, булавка, серьги, стеклянные бусы, керамические сосуды (рис. 27.-4–30). Также найдены фрагменты железных кинжалов и казана, берестяная обкладка полки ленчика седла.

Лит.: *Илюшин*, 2014.

51. Кайгородка-V, курганный могильник. Находится в Хабарском районе Алтайского края, в окрестностях с. Кайгородка, на левом берегу р. Бурла, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Памятник открыт В.С. Удодовым в 1984 г. и исследовался археологическим отрядом Барнаульского педуниверситета под руководством С.М. Ситникова в 1999 г. Состоял из двух земляных курганов диаметром 12–18 м, высотой 0,3–0,5 м. Раскопано погребение в центре кургана № 2. Оно содержало захоронение человека по обряду ингумации в сопровождении лошади (рис. 28.-1). В современном состоянии площадь памятника распахивается. Среди найденного инвентаря необходимо отметить железные наконечники стрел, ножи, удила с псалиями, седельные пробои, бронзовый позолоченный комплект узды из налобной бляхи, султанчика, пряжек, тренчиков, наконечников ремней и блях-накладок, поясной распределитель, костяную цурку (рис. 28.-2–14), а также железное острие клинка меча и кожаные ремни с отпечатками блях. Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Барнаульского государственного педагогического университета.

Лит.: *Горбунов, Ситников*, 2001.

52. Камень-I, курганный могильник. Находится в Алтайском крае в 4 км к юго-востоку от г. Камень-на-Оби, на верхней террасе левого берега р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1953 г. М.Н. Комаровой, в 1974 г. исследовался В.А. Могильниковым и А.П. Уманским. Памятник состоял из четырех земляных курганов диаметром 9–18 м, высотой 0,4–0,7 м. Был раскопан курган № 1, содержащий одно погребение по

обряду ингумации, на уровне древнего горизонта, в деревянной раме, в изголовье которого вкопан деревянный столб (рис. 28.-15). В современном состоянии памятник подвергается распашке. Находок не обнаружено.

Лит.: *Могильников, Уманский*, 1998.

53. Камень-II, курганный могильник. Находится в Алтайском крае в 3 км к юго-юго-востоку от г. Камень-на-Оби, на коренной террасе левого берега р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт в 1953 г. М.Н. Комаровой, в 1974–1976 гг. исследовался В.А. Могильниковым и А.В. Куйбышевым. Памятник состоял из 26 земляных курганов, расположенных цепочками по линии ЮЗ–СВ, протяженностью до 500 м. Все объекты раскопаны, но из них только курган № 13 (размеры 18×20 м, высота 0,3 м), относится к сrostкинской культуре. Он содержал четыре погребения по обряду одиночной ингумации и парной ингумации с конем. В современном состоянии площадь памятника распахивается. Среди находок нужно отметить железный меч, наконечники стрел, ножи, пробои, костяные накладки на рукоять лука, костяные, бронзовые и железная пряжки (рис. 28.-16–29). Кроме этого, было обнаружено 70 бронзовых рельефных блях и тренчик от поясов и портупей, железное тесло, шило и берестяной колчан. Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 14563; в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета, № 74.

Арх. ИА: *Могильников, Куйбышев*, 1977, № Р-I 6474.

Лит.: *Куйбышев, Медникова, Могильников, Неверов, Суразаков, Уманский*, 1977; *Могильников, Куйбышев*, 1982.

54. Кирилловка-V, курганный могильник. Находится в Бурлинском районе Алтайского края, в 2 км к северо-востоку от с. Кирилловка, на левом берегу р. Бурла, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется

ется второй половиной IX – первой половиной X вв. Памятник исследовался В.А. Могильниковым в 1985 г. Состоял из четырех земляных курганов диаметром 18–23 м, высотой 0,3–0,5 м. Раскопан один курган со рвом, под насыпью которого исследованы три погребения по обряду одиночной ингумации (рис. 28.-30) и ингумации с конем. В современном состоянии площадь памятника распахивается. Из находок опубликованы железный нож и фрагмент бронзового китайского зеркала эпохи династии Тан (рис. 28.-31–32). В Алтайском государственном краеведческом музее находится коллекция № 15367, в которой хранятся находки из указанного памятника, в том числе каменная подвеска (вкл.-87).

Лит.: Могильников, 1996.

55. Ключи, курганный могильник. Находится в Ключевском районе Алтайского края, на северной окраине с. Ключи, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Исследовался археологическим отрядом Барнаульского пединститута под руководством А.Н. Телегина в 1992 г. Раскопано три земляных кургана, один из которых (диаметр 8 м, высота 0,1 м) относится к сросткинской культуре. Исследовано погребение по обряду одиночной ингумации (рис. 29.-1). В современном состоянии площадь памятника распахивается. Из погребального инвентаря найден железный нож (рис. 29.-2).

Лит.: Телегин, Караваев, 1995.

56. Коловый Мыс, курганный могильник. Находится в Усть-Пристанском районе Алтайского края, в 0,75 км к ЮЗ от с. Коловый Мыс, на мысовидном выступе надпойменной террасы левого берега р. Чарыш, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1998 г. Я.В. Фроловым во время работ археологической экспедиции Алтайского госуниверситета. Состоял из трех земляных курганов диаметром 6–9 м, высотой 0,1–0,12 м. Раскопан курган № 1, содержащий погребение по обряду ингумации с конем. В настоящее время

площадь памятника распахивается. Среди находок можно отметить железные наконечники стрел, нож, пробой и удила (рис. 29.-3–8). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтайского государственного университета, № 556.

Лит.: Фролов, 1999.

57. Комаришинский Карьер, курганный могильник. Находится в Шипуновском районе Алтайского края, на седьмом километре дороги с. Комариха – с. Эстония, в пределах Предалтайской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Памятник открыт В.А. Рябцевым в 1980 г. Его аварийные раскопки проводились археологическим отрядом Барнаульского пединститута под руководством А.Н. Телегина в 1999 г. Был раскопан один курган диаметром 10 м. Под его насыпью выявлена каменная трапециевидная ограда. Исследовано два погребения по обряду одиночной ингумации. В современном состоянии площадь памятника частично занята дорогой. Среди найденного инвентаря следует отметить железный меч, наконечники стрел, фрагменты псаля и кольчатого распределителя (рис. 29.-9–16). Особо выделяются бронзовые позолоченные бляхи-накладки и наконечники ремней с изображением львов. Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Барнаульского государственного педагогического университета.

Лит.: Телегин, Боровков, 2001; Алтай в зеркале веков, 2001.

58. Кондратьевка-IV, курганный могильник. Находится в Новошуйбинском районе Семипалатинской области Республики Казахстан, в 2,4 км от с. Кондратьевка, в пределах Предалтайской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт в 1988 г. Ю.П. Алехиным и им же исследовался в 1989 и 1993–1994 гг. Состоял из шести каменно-земляных курганов. Из них только курган № 2, диаметром 22 м, высотой 1,64 м, может быть отнесен к сросткинской культуре. Под его насыпью выявлен деревянный столб и две могилы с погребениями по

обряду одиночной ингумации и ингумации с тремя конями. Современное состояние памятника неизвестно. Среди сопроводительного инвентаря необходимо отметить бронзовые подвески в виде воинов-всадников (вкл.-88–89), подвески с мужской и женской личинами, амулет в виде фигурки оленя, серповидную подвеску, зажим для прически и колокольчики (рис. 29.-17–25), с также бронзовые, частью позолоченные, пряжки и бляхи-накладки, железный наконечник стрелы, костяную накладку на лук, пряжку, цурки, деревянный ленчик седла. Часть коллекции хранится в Змеиногорском краеведческом музее.

Лит.: *Алехин*, 1998.

59. Корболиха-II, курганный могильник. Памятник открыт в 1972 г. В.А. Могильниковым и располагался на правом берегу Алея в 6 км от с. Корболиха по дороге Гилево–Корболиха в Третьяковском районе Алтайского края. Его территория была ограничена с одной стороны кромкой террасы, а с другой – небольшим оврагом, на расстоянии. Комплекс насчитывал семь археологических объектов с каменно-земляными насыпями, сгруппированными в цепочки, которые были ориентированы по линии Ю–С (рис. 30.-1). Могильник полностью исследован В.А. Могильниковым в 1972 г. Под насыпями ограбленных курганов находились погребения, совершенные по обряду ингумации, в том числе с конем (рис. 30.-2) и трупосожжения, а также кенотаф с сопроводительным захоронением лошади. Обнаружен следующий предметный комплекс: железные наконечники стрел, копья, кресало, пряжки, удила, костяная накладка лука и колчана, бляхи и наконечники ремней, пряжка и тренчик от конской амуниции, серьга из цветного металла (рис. 30.-3–20), а также железные фрагменты от клинка меча, казана, тесла, ножа, стремян и сланцевый оселок. Отметим находку оригинально оформленной копоушки и двух подвесок в виде рыбок, изготовленных из цветного металла (рис. 30.-21–22). Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Тишкин, Казаков*, 1996; *Могильников*, 2002.

60. Корболиха-III, курганный могильник. Памятник открыт В.А. Могильниковым в 1972 г. Он располагался в 3,5 км к востоку от с. Корболиха, на краю коренного правого берега Алея, в Третьяковском районе Алтайского края. Комплекс насчитывал три кургана (диаметром 7–10 м, высотой 0,35–0,5 м), которые стояли один от другого на расстоянии примерно 100 м по линии Ю–С (параллельно р. Березовки и перпендикулярно краю террасы Алея). Полностью исследован в 1972 г. Курганы округлые с каменно-земляной конструкцией (рис. 31.-1). В могилах зафиксирован обряд ингумации. В одном из курганов отмечено сопроводительное захоронение лошади, а в другом остатки погребальной пищи в виде поясничных позвонков овцы (рис. 31.-2–3). Обнаружены следующие целые и сломанные изделия: железные наконечники стрел, тесло, удила (в том числе с псалиями), бляхи и наконечники ремней из цветного металла, роговая пряжка с железным язычком (рис. 31.-4–11), а также обломок ножа. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13465.

Лит.: *Тишкин, Казаков*, 1996; *Могильников*, 2002.

61. Корболиха-IV, курганный могильник. Памятник был открыт В.А. Могильниковым в 1972 г. Он располагался в 2,5 км к северу–северо-западу от с. Корболиха в Третьяковском районе Алтайского края и насчитывал пять каменно-земляных курганов (диаметром 6–8 м, высотой 0,1–0,6 м) со следами ограбления (рис. 31.-12). Комплекс полностью исследован. В могилах четырех объектов, за исключением двух фрагментов керамического сосуда и железных удилищ, вещей не найдено. В кургане № 5, где зафиксировано погребение мужчины с сопроводительным захоронением

ем коня (рис. 31.-13), обнаружены фрагменты S-видного рогового псаля с окончанием в виде рыбьего хвоста и обломок железного кольца от удил (рис. 31.-14), а также четыре бронзовые уздечные бляшки. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.*

62. Корболиха-V, курганный могильник. Памятник был открыт В.А. Могильниковым в 1973 г. Он располагался в 3 км на запад–северо-запад от с. Корболиха, на склоне коренной террасы правого берега Алея, в Третьяковском районе Алтайского края и насчитывал семь курганов овальной формы и разных размеров (рис. 32.-1). В том же году комплекс полностью исследован. Три объекта (№ 1–3) со следами ограбления отнесены к эпохе Средневековья. Это овальные насыпи с каменной наброской, под которыми располагались погребения по обряду ингумации с конем и кенотаф (рис. 32.-2). В них обнаружены железные наконечники стрел, удила с псалием, пряжка (рис. 32.-3–6), а также фрагмент ножа с остатками деревянных ножен. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13266.

Лит.: *Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.*

63. Корболиха-VI, курганный могильник. Памятник открыт в 1973 г. В.А. Могильниковым. Он располагался в 4,5 км к западу от с. Корболиха, на краю коренной террасы правого берега Алея, в Третьяковском районе Алтайского края и насчитывал три кургана (диаметром 8–9 м, высотой 0,1–0,4 м) со следами ограбления (рис. 32.-7). Исследованы два объекта, третий был почти полностью разрушен силосной ямой. Зафиксирован обряд ингумации, в том числе в сопровождении барана (рис. 32.-8). Найдена двухсоставная застежка

из цветного металла (рис. 32.-9). Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 14558.

Лит.: *Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.*

64. Корболиха-VII, одиночный курган. Был открыт и исследован в 1973 г. В.А. Могильниковым. Он располагался в 0,3 км к востоку–северо-востоку от курганного могильника Корболиха-VI, на возвышении коренного правого берега Алея, в Третьяковском районе Алтайского края. Каменно-земляная насыпь размерами 9,6×8 м и высотой 0,5 м имела следы ограбления в виде большой западины (рис. 32.-10). В могиле кости человека не обнаружены, но найдены кости ног и остатки черепов от трех коней. Погребальный инвентарь включал изделия из железа: удила, стремяна, тесло, пряжку и распределители ремней, изделия из цветных металлов (вкл. 90-93): бляхи, пряжки, тренчики и наконечники ремней, перстни, подвески, копоушку, игольники (рис. 32.-11–28), а также бусы (вкл.-97), фрагментированный керамический сосуд и обломки от железного казана. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13266, 14562.

Лит.: *Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.*

65. Корболиха-VIII, курганный могильник. Памятник был открыт в 1974 г. В.А. Могильниковым. Он располагался в 1–2 км к северо-западу от с. Корболиха, на возвышении коренного правого берега Алея, в Третьяковском районе Алтайского края и насчитывал девять курганов со следами ограбления (рис. 33.-1). В 1975 г. исследованы восемь объектов, из которых семь отнесены к эпохе Средневековья.

Курганы имели каменно-земляную конструкцию (рис. 33.-2) и содержали захоронения по обряду ингумации и кремации, часть из которых сопровождалась лошаадьми. В одном случае, под полой насыпи, зафиксирован скелет собаки. Инвентарь состоял из железных наконечников стрел и копья, тесел, удила и стремян, роговых накладок на лук, различной гарнитуры от узды и пояса (вкл.-94–96), серег из цветного металла, керамического сосуда (рис. 33.-3–34). Также встречены обломки мечей и их ножен, казанов и другие фрагментированные находки. В засыпке одной могильной ямы обнаружены зерна проса. Предметный комплекс позволяет отнести памятник к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датировать его в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13476.

Лит.: Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.

66. Корболиха-IX, курганный могильник. Памятник был открыт В.А. Могильниковым в 1974 г. Он располагался в 2,5 км к западу–северо-западу от с. Корболиха, на небольшом возвышении террасы Алея, в Третьяковском районе Алтайского края. Комплекс насчитывал три кургана с каменно-земляными насыпями (диаметром 10–14 м, высотой 0,3–0,9 м) со следами ограбления (рис. 33.-35), которые отнесены к эпохе Средневековья. Исследован полностью в 1975 г. Несмотря на то, что могилы ограблены (рис. 33.-36), были найдены целые вещи и обломки разных предметов, связанных как с погребениями людей, так и с сопроводительными захоронениями лошадей. Среди них железный наконечник стрелы, бляхи и султанчик из цветного металла (рис. 33.-37–40), а также наконечник ремня, обломок кольца и бусы. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв.

Лит.: Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.

67. Корболиха-X, курганный могильник. Памятник был открыт в 1975 г. В.А. Могильниковым и объединял две группы курганов. Он располагался в 4 км к западу от с. Корболиха, довольно далеко от края коренной террасы правого берега Алея, на водоразделе р. Березовка и р. Моховушка, в Третьяковском районе Алтайского края. Курганы № 1–8 располагались цепочкой, ориентированной с юга на север, а курганы № 9–11 образовывали отдельную группу. Памятник полностью исследован в 1975 г. Насыпи курганов были каменно-земляными со следами ограбления (рис. 34.-1). К эпохе Средневековья отнесены восемь объектов (№ 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9 и 11). В них обнаружены одиночные (рис. 34.-2–3) и коллективные погребения (в том числе в сопровождении с лошаадьми). Курган № 1 обозначен как семейный. Он содержал могилы, в которых находились умершие мужчина и женщина, а также дети. Лошадь была захоронена в отдельной яме (рис. 34.-1). В погребениях людей найдены кости лошади и овцы от заупокойной пищи. Обнаружен следующий предметный комплекс: железная сабля, наконечники стрел, ножи, тесло, кресало, пряжки, удила с псалиями, пробой, роговые псалии и пряжка, бронзовая налобная бляха и пряжки от пояса и узды, керамические сосуды (рис. 34.-4–24), а также обломки мечей, стремян, казана и ряд других вещей. Инвентарь характерен для грязновского этапа сrostкинской культуры и датируется в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13615.

Лит.: Тишкин, Казаков, 1996; Могильников, 2002.

Крохалевка-13, курганный могильник. Находится в Коченевском районе Новосибирской области, в 4 км к северо-востоку от с. Крохалевка, на правом берегу р. Чик, в пределах Обского левобережья. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Исследовался Т.Н. Троицкой в 1985–1986 гг. и А.А. Адамовым в 1989 г. Могильник насчитывал 43 земляных кургана. Было раскопано

10 курганов, но могилы сrostкинской культуры зафиксированы только в одном кургане с ровом диаметром 7 м. В нем исследованы четыре погребения по обряду одиночной ингумации (рис. 35.-1–2). В настоящее время площадь памятника занята борovým массивом. Найденный инвентарь представлен: железным ножом, кресалами, пряжками, крюками на кольцах, бронзовыми подвесками и колокольчиком (рис. 35.-3–13), а также серьгами и стеклянными бусами.

Лит.: *Адамов*, 2000.

69. Кукушкин Елбан-2, курганный могильник. Находится в Смоленском районе Алтайского края, в окрестностях с. Точильное, на правом берегу р. Песчаной, в пределах восточной части Предалтайской равнины. Датировается второй половиной IX – первой половиной X вв. Исследовался М.Т. Абдулганеевым и А.Б. Шамшиным в 1986 г. Состоял из трех земляных курганов. Раскопан один объект, содержащий погребение по обряду кремации. В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Найденный инвентарь представлен железным ножом, удилами с псалиями, стременами и четырьмя бронзовыми китайскими монетами с легендой «кайюань тунбао» (рис. 35.-14–20).

Лит.: *Абдулганеев, Шамшин*, 1990.

70. Кулунда, курганный могильник. Находился в пределах Кулундинской равнины, на границе Алтайского края и Казахстана. Раскопан В.В. Радловым в 1862 г. Состоял из двух земляных курганов. На одном из курганов оказалась гранитная обтесанная плита, его могила была ограблена и в ней найдены только удила и отдельные кости. Другой курган диаметром более 11 м, высотой более 2 м содержал неграбленное погребение по обряду парной ингумации с конем. В могиле были найдены два железных меча (один с бронзовым навершием рукояти и кожаной оплеткой), наконечник копья и наконечники стрел (рис. 35.-21–25), а также нож, удила, уздечная гарнитура, четыре стремена, бронзовая пряжка и два кольца, деревянный колчан с

железными кольцами. По инвентарю объект датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. В настоящее время точное местонахождение этого памятника не известно. Место хранения коллекции также не известно.

Лит.: *Радлов*, 1989; *Артюх*, 2010.

71. Кулундинская Волость, одиночный курган. Находился в Кулундинской волости Барнаульского округа, то есть в пределах Кулундинской равнины. В 1956 г. Л.И. Шренком была раскопана «чудская» могила, в которой найдена бронзовая бляха-подвеска, изображающая пешего воина, стреляющего из лука. По ней объект датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Аналогичные бляхи-подвески в виде воинов характерны для погребального инвентаря сrostкинской культуры. В настоящее время точное местонахождение этого памятника не известно. Находка хранится в Музее антропологии и этнографии, коллекция № 35/81.

Лит.: *Попова*, 1988; *Горбунов*, 2003; *Горбунов, Тишкин*, 2019.

72. Кураевка-1, курганный могильник. Памятник открыт В.А. Могильниковым в 1975 г. Он располагался в 1,5 км на северо-восток от с. Кураевка, на высокой надпойменной террасе Алея, в Третьяковском районе Алтайского края и насчитывал четыре кургана (диаметром 9–12 м, высотой 0,5–1 м) со следами ограбления. К эпохе Средневековья отнесены два объекта. Только в кургане № 1 зафиксировано разрушенное погребение мужчины вместе с костями лошади (рис. 36.-1). Инвентарь состоял из железных наконечников стрел, клинка ножа, кресала, удила, поясной и колчанной гарнитуры из цветного металла: пряжка, наконечник ремня, бляхи-накладки (рис. 36.-2–20) Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Тишкин, Казаков*, 1996; *Могильников*, 2002.

73. Кучук-1, курганный могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 0,3 км к Ю от с. Кучук, на левобережье р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Летом 1990 г. на памятнике проводились хозяйственные работы археологической экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством А.Б. Шамшина. Состоял из семи земляных курганов. Все они были раскопаны. К сrostкинской культуре относятся курганы № 6–7 диаметром 15–19 м, окруженные рвом, которые содержали шесть погребений по обряду одиночной и коллективной ингумации. В настоящее время площадь памятника распаивается. Среди находок следует отметить железные наконечники стрел, бронзовую и железную пряжки, железные ножи, бронзовые бляхи и наконечник с растительным орнаментом, тренчик и кольчатую серьгу (рис. 36.-22–36). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтайского государственного университета, № 151.

Лит.: Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992.

74. Лесной, курганный могильник. Находится в Первомайском районе Алтайского края, в 2 км к западу от пос. Лесной, на левом берегу р. Бобровка, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Обследовался Э.М. Медниковой в 1970 г. и Я.В. Фроловым в 2001 г. В результате исследования две разрушенные могилы, предположительно курганного типа, в одной из которых находилось погребение по обряду парной ингумации с конем (рис. 37.-1). В современном состоянии площадь памятника частично занята строительством автодороги и карьером, частично распаивается, курганные насыпи не визуализируются. Среди найденного инвентаря следует отметить железный наконечник стрелы, нож, пробои, бронзовую пряжку, наконечник ремня и бляхи-накладки (рис. 37.-2–7), а также железную саблю и наконечник копья неполной сохранности. Часть вещей хранится в Алтайском государственном

краеведческом музее (коллекция № 12908), а часть в Новоалтайском городском краеведческом музее.

Лит.: Фролов, Горбунов, 2006.

75. Луговское-1, курганный могильник. Находится в Локтевском районе Алтайского края, в 250 м к востоку от бывшего с. Луговское, на правом берегу р. Алея, в пределах Предальтайской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Обследовался отрядом Лаборатории исторического краеведения Барнаульского педуниверситета под руководством С.М. Ситникова в 1999 г. Состоял из двух каменно-земляных курганов диаметром 12–17 м, высотой 0,4–0,5 м. Оба объекта имели следы ограбления по центру насыпи. В кургане № 1 в грабительской воронке были найдены средневековые вещи. В настоящее время площадь памятника занята старыми постройками животноводческой фермы. Найденный инвентарь представлен обломками железного меча, бронзовыми пряжками и бляхами-накладками от поясной гарнитуры (рис. 37.-8–12). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Барнаульского государственного педагогического университета.

Лит.: Горбунов, Ситников, 2000.

76. Маралиха, одиночный курган. Находится в Чарышском районе Алтайского края, в 10 км к северу от с. Маралиха, в урочище «Под хутором», на берегу р. Выдриха, в пределах Предальтайской равнины. Объект представляет собой насыпь с каменной наброской и западиной в центре, диаметром 6,5 м, высотой 0,6 м. В 1997 г. во время сельхозработ из насыпи кургана плугом был вывернут фрагмент кольчуги (рис. 37.-13–15, вкл.-98). Тогда же место находки было обследовано В.В. Горбуновым и А.А. Тишкиным, а само изделие передано в Алтайский госуниверситет. В настоящее время поле, на котором находится курган, продолжает распаиваться. По типологическим особенностям кольчуга датируется XI–XII вв., что позволяет отнести памятник к сrostкинской культуре. Коллекция

с находкой хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 173.

Лит.: Горбунов, Тишкин, 1998; Горбунов, 2003.

77. Михайловка, курганный могильник. Памятник состоял из двух курганов, расположенных на распаханном поле в 1,3 км к северу–северо-востоку от с. Михайловка, на водоразделе, между речками Таловка и Кошечкина Таловка в Третьяковском районе Алтайского края. Он был обнаружен А.Б. Шамшиным в ходе обследования зоны планировавшегося участка для мелиорации на территории колхоза «Прогресс». Раскопки проводились Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина в 1990 г. Памятник исследован полностью. В одном кургане зафиксировано трупосожжение с сопроводительным захоронением лошади, у которой оказались железные удила и пряжка, а также Т-образная рельефная бляха с растительным орнаментом (рис. 38.-1–3, вкл.-99). Второй курган был ограблен. Обнаружены кости мужчины 35–40 лет, фрагменты железных предметов и обломок каменного жернова. В настоящее время памятник относится к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в пределах второй половины IX – первой половины X вв. Обнаруженные находки хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, коллекция № 148.

Арх. МАиЭА: Тишкин, 1991, № 119.

Лит.: Тишкин, 1991.

78. Мусохраново-1, курганный могильник. Находится в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, в 0,4 км к востоку от с. Мусохраново, на левом берегу р. Касьмы, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датировается второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1958 г. А.И. Мартыновым, обследовался в 1988 г. М.Г. Сулейменовым, а в 1991–1993, 1995, 2008 гг. – А.М. Илюшиным. Им же полностью раскопан в течение 1994, 2008–2011 гг. Состоял из

семи земляных курганов диаметром 9–22,5 м, высотой 0,39–0,8 м, вытянутых двумя параллельными цепочками по линии Ю–С (рис. 39.-1). Под насыпями курганов выявлены остатки деревянных рам-оград и столбов (рис. 39.-2). Один курган был окружен рвом. Всего исследованы 17 могил, которые содержали погребения людей по обряду одиночной ингумации, кремации, ингумации с конем и собакой, и отдельные захоронения лошадей (рис. 39.-3–4). В настоящее время на площади памятника имеются грунтовые дороги, линия ЛЭП, молочная ферма. Среди многочисленных находок стоит отметить железный меч, наконечники стрел, топоры, тесла, ножи, псалии, стремяна, роговую пряжку и цурку, уздечную и поясную гарнитуру, а также перстень из цветного металла, включая каменные бляхи (рис. 39.-5–40; вкл.-100–106). Кроме этого, были найдены железные сковородки, фрагменты удил и рогового псалия, обломок китайского зеркала.

Лит.: Гребенникова, Илюшин, Тишкин, 2013; Илюшин, 2021.

79. Мусохраново-3, курганный могильник. Находится в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, в 0,8 км к югу от с. Мусохраново, на правом берегу р. Касьмы, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датировается второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1993 г. А.М. Илюшиным и им же полностью раскопан в 1994 г. Состоял из пяти земляных курганов диаметром 10–14 м, высотой 0,28–1,5 м, вытянутых цепочкой по линии ЮЮВ–ССЗ на 165 м (рис. 40.-1). Под насыпями курганов выявлены остатки деревянных столбов (рис. 40.-2). Исследованы 10 могил, которые содержали погребения людей по обряду одиночной ингумации, кремации, ингумации с конем в сопроводительных ямах (рис. 40.-3). В настоящее время площадь памятника пересекают грунтовые дороги и линия водопровода. Среди находок надо отметить железные мечи, наконечники стрел, тесло, ножи, пряжку, удила с псалиями и стремяна, пряжки и наконечник стрелы из кости, бронзовые серьги (рис. 40.-4–24).

Лит.: *Илюшин, Сулейменов, 1998; Илюшин, 2021.*

80. Нечунаево-3, курганный могильник. Находится в Шипуновском районе Алтайского края, в 1,5 км к северо-востоку от с. Нечунаево, на левом берегу р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Был открыт в 1962 г. археологической экспедицией Алтайского краеведческого музея под руководством А.П. Уманского. Состоял из трех земляных курганов диаметром 12–15 м, высотой 0,5–0,8 м. Был раскопан курган № 1, содержащий два погребения по обряду одиночной ингумации (рис. 41.-1). В настоящее время площадь памятника распахивается. Среди находок можно выделить три бронзовых изделия в виде летящей птицы от двухсоставных застезек, две бронзовые крупные кольчатые серьги и железный нож (рис. 41.-2–7). Также упоминаются удила. Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 11590.

Лит.: *Уманский, 1997.*

81. Нижний Кучук-VII, одиночный курган. Находится в Благовещенском районе Алтайского края, у северо-восточной окраины с. Нижний Кучук, на правом берегу р. Кучук, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Исследовался Кулундинской экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина в 1991 г. Объект был сильно разрушен дорожной трассой Благовещенка–Родино. Исследованы два погребения по обряду одиночной ингумации и, вероятно, кенотаф с конем. В настоящее время место расположения памятника занято обочиной автомобильной трассы. Сопроводительный инвентарь составили следующие предметы: бронзовый комплект от узды из налобной бляхи, султанчика, наконечников ремней, пряжки и блях-накладок, железный нож, бронзовая пряжка от пояса, стеклянные бусы и керамический сосуд (рис. 41.-8–21). Коллекция хранится в Музее

археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 152.

Лит.: *Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994; Горбунова, 2006.*

82. Новотроицкое-I, курганный могильник. Находится в Тальменском районе Алтайского края, в 0,7 км к северо-западу от с. Новотроицкое, на правом берегу р. Чумыш, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Впервые профессионально был обследован в 1956 г. А.П. Уманским, раскопки начаты в 1977 г. С.В. Неверовым и продолжены в 1980–1989 гг. Чумышским отрядом экспедиции Института археологии АН СССР и Барнаульского пединститута (начальник отряда – А.П. Уманский, начальник экспедиции – В.А. Могильников). Состоял из 39 земляных курганов, из которых только курган № 27 (диаметр 11 м, высота 0,5 м) относится к сrostкинской культуре и датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Под насыпью этого объекта выявлена деревянная рама-ограда и столбы (рис. 42.-1). Исследовано одно погребение по обряду одиночной ингумации (рис. 42.-2). В настоящее время площадь памятника разрушается оврагами. Сопроводительный инвентарь могилы представлен железными наконечниками стрел, теслом, костяными накладками на лук (рис. 42.-3–10). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Барнаульского государственного педагогического университета.

Лит.: *Шульга, Уманский, Могильников, 2009.*

83. Новofireсово-VII, курганный могильник. Памятник находился на взгорке в 0,38 км к югу–юго-западу от курганной группы Новofireсово-VI, в 4,5 км к северо-востоку–востоку от с. Новofireсово Курьинского района Алтайского края. Он был открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным и состоял из четырех каменно-земляных курганов диаметром 7–10 м, высотой 0,15–0,4 м, из которых три оказались ограбленными (рис. 42.-11). В 1983–1984 гг. раскопаны три кургана (№ 1, 3, 4). Курган № 3 имел диаметр 7 м, высоту 0,2 м. Под камен-

ной наброской округлой формы он содержал три не ограбленных погребения (рис. 42.-12). Все могилы имели сплошную каменную забутовку и были ориентированы по направлению с запада на восток. Центральное погребение было совершено по обряду трупосожжения и сопровождалось не побывавшим в огне инвентарем. Две других могилы содержали ингумации: детскую и мужчины 50–60 лет (рис. 42.-13). Из инвентаря следует отметить железные наконечники стрел, удила с псалиями, нож, пряжку, пробои, керамический сосуд со сложным орнаментом (рис. 42.-14–22). Все могилы, кроме детской, содержали позвоночные и крестцовые кости овцы, в одном случае – птицы. В насыпи кургана зафиксированы остатки поминальной тризны (кости барана и ягненка). Курган № 4 имел такую же конструкцию, как и предыдущий объект. Две могилы, ориентированные с юго-запада–запада на северо-восток–восток, оказались ограблены. В центральном погребении, совершенном по обряду трупосожжения, найдены железные наконечник стрелы и бытовой нож. Погребение в южной части кургана было совершено по обряду трупоположения. В насыпи кургана найден фрагмент средневековой керамики. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Арх. МАиЭА: Алехин, 1983, № 38.

Лит.: Алехин, 1990; Алехин, 1996.

84. *Объездное-I*, курганный могильник. Находится в Шипуновском районе Алтайского края, в 5 км к северо-западу от д. *Объездное*, у истока р. Язевка, левый приток р. Аля, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Исследования памятника начаты в 2000 г. археологической экспедицией Барнаульского педуниверситета под руководством А.Н. Телегина. Включает 15 земляных курганов, из которых только курган № 15 относится к сrostкинской культуре. Данный объект, окруженный рвом, был раскопан в 2003 г. и содержал два погребения

по обряду ингумации с конем и парной ингумации. В настоящее время площадь памятника распаивается. Из инвентаря следует отметить бронзовые позолоченные детали от конского снаряжения и кольчатые серьги, а также железные наконечники стрел. Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета.

Лит.: Телегин, 2004.

85. *Объездное-2*, курганный могильник. Находится в Шипуновском районе Алтайского края, в 0,8 км к юго-востоку от полевой дороги с. Родино – д. *Объездное*, у истока р. Язевка, левый приток р. Аля, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт в 1962 г. А.П. Уманским. Обследовался в июле 1998 г. археологическим отрядом Барнаульского педуниверситета под руководством А.Н. Телегина. Состоял из четырех земляных курганов. Раскопан курган № 2 со рвом и тремя деревянными столбами, размерами 32×35 м, высотой 0,55 м, содержащий погребение по обряду ингумации с конем. В настоящее время площадь памятника распаивается. Среди находок можно выделить полный комплект узды с железными удилами, остатками кожаных ремней, бронзовыми позолоченными бляхами-накладками (рис. 42.-23), наконечниками, пряжками и тренчиками – всего 42 предмета, железные наконечник стрелы, стремяна (рис. 42.-24) и котел. Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета.

Лит.: Телегин, 1999; Телегин, 2000.

86. *Озерки-I*, курганный могильник. Находится в Промышленном районе Кемеровской области, в 2,5 км юго-восточнее с. Калтышино, на правом берегу р. Исток, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X в. Исследовался А.С. Васютиным в 2004–2005 гг. Состоял из двух земляных курганов диаметром 8 и 21 м, высотой 0,2 и 0,8 м (рис. 43.-1). Оба кургана

раскопаны, под их насыпями выявлены деревянные рамы-ограды и столбы (рис. 43.-2). Исследованы 10 могил по обряду кремации и ингумации с конем (рис. 43.-3–4). В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Среди найденного инвентаря следует отметить железные пластины от ламеллярного панциря (около 392 экз.), меч, наконечники стрел, тесла, уздечные пряжки, тренчики, наконечники, бляхи-накладки и бляхи-тройники, стремяна, бронзовые скобы с обоймами от ножен меча, поясной распределитель, серьги, костяные пряжку и застежку (рис. 43.-5–22), а также фрагментированный железный наконечник копья и нож, керамический сосуд, берестяные туески.

Лит.: *Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012.*

87. Озерки-II, курганный могильник. Находится в Промышленном районе Кемеровской области, в 2,5 км юго-восточнее с. Калтышино, на правом берегу р. Исток, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X в. Исследовался А.С. Васютиным в 2004 г. Состоял из шести земляных курганов (рис. 43.-1). Раскопан один курган диаметром 8,9 м. Под его насыпью выявлена деревянная рама-ограда и столбы (рис. 43.-23). Исследованы две могилы по обряду кремации и ингумации (рис. 43.-24). В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Найденный инвентарь представлен железным наконечником стрелы и копья (рис. 43.-25–26), а также обломками ножа и фрагментами от керамических сосудов.

Лит.: *Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012.*

88. Озерки-V, курганный могильник. Находится в Промышленном районе Кемеровской области, в 1,8 км юго-восточнее с. Калтышино, на правом берегу р. Исток, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Исследовался А.С. Васютиным в 2004 г. Состоял из трех земляных курганов (рис. 43.-27). Раскопан один курган со рвом диаметром

16,4–22 м. Под его насыпью выявлена деревянная рама-ограда и исследованы четыре могилы по обряду ингумации и ингумации со шкурой коня (рис. 43.-28). В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Среди найденного инвентаря можно выделить железную саблю со скобой от ножен, наконечники стрел, костяную накладку на лук и пряжку (рис. 43.-29–33), фрагменты от керамических сосудов.

Лит.: *Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012.*

89. Павловка-I, курганный могильник. Памятник располагался на левобережной террасе р. Щелчихи, в 0,8 км к юго-востоку от д. Павловка Локтевского района Алтайского края и состоял из четырех курганов (рис. 44.-1). В 1976 г. В.А. Могильниковым раскопан один объект из его состава (рис. 44.-2). В дальнейшем исследование могильника было продолжено. Три кургана отнесены к эпохе Средневековья. Зафиксированы два погребения мужчин с конем и одно парное, нарушенных в ходе ограбления (рис. 44.-3). Обнаружен следующий предметный комплекс: железные наконечники стрел (в том числе в колчане), удила с псалями, пряжки, распределители, пробои, костяная цурка (рис. 44.-4–16) и ряд других вещей во фрагментах. Памятник может быть отнесен к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины X – первой половины XI вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13478.

Лит.: *Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.*

90. Павловка-II, одиночный курган. Он располагался на левобережной террасе р. Щелчихи у впадения ручья Родничка, в 1,5 км от с. Павловка в Локтевском районе Алтайского края. Диаметр насыпи 8 м, высота 0,3 м, в центре западина от грабительского проникновения. В могиле зафиксировано парное погребение (рис. 44.-17). Найден плоскодонный керамический сосуд (рис. 44.-18) и железный

нож рядом с хвостовыми позвонками овец. Значительный интерес представляет находка каменного изваяния в Алейской степи. Скульптура имеет вид подпрямоугольного в сечении столба, в верхней части которого моделировано лицо (рис. 44.-19). Первоначально она стояла у основания кургана. По стилю несколько отличается от изваяний из горных районов Алтая. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сросткинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекции № 13478, 13733.

Лит.: Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996; Могильников, 2002.

91. Плотниково, курганный могильник. Находится в Каменском районе Алтайского края, в окрестностях с. Плотниково, на левобережье р. Оби, в пределах Приобского плато, в составе одной из трех курганных групп. Датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. В 1987 г. на пашне около с. Плотниково Н.А. Ломодуровым был найден комплект предметов конского снаряжения, который состоял из бронзовых позолоченных изделий от узды: пять четырехугольных блях-накладок с колечком, наконечник ремня и обломанная трехлучевая бляха-распределитель, украшенные зооморфным орнаментом (рис. 44.-20–22, вкл.-107–108). Размеры памятника и современное состояние не известны. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 131, и в Каменском краеведческом музее.

Лит.: Памятники истории..., 1990.

92. Поповская Дача, курганный могильник. Находится в Алейском районе Алтайского края, в 3,25 км к северо-востоку от с. Безголосово и в 0,6 км к северу–северо-востоку от оз. Яровское, на надпойменной террасе правого берега р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Раскопан в 2001 г. отрядом Алейской археологической экспеди-

ции Алтайского госуниверситета под руководством В.В. Горбунова. Состоял из одного земляного кургана со рвом и деревянными столбами, размерами 25×30 м, высотой 0,8 м (рис. 45.-1), содержащего пять погребений по обряду коллективной ингумации с двумя конями, одиночной и парной ингумации (рис. 45.-2–3). В настоящее время площадь памятника используется под выпас скота. Среди находок следует назвать кусок шелковой ткани, расшитый мехом, золотой и серебряной фольгой, фрагмент бронзового зеркала, бронзовые позолоченные кольчатые серьги, бронзовые застежки, бляхи и наконечники, украшенные растительным орнаментом или сделанные в виде стилизованных птиц и зверей, а также железные мечи, наконечники стрел, удила с псалями, стремяна, налобную бляху, втулку султана и распределители ремней, ножи (рис. 45.-4–28, вкл.-109–122). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 167.

Арх. МАиЭА: Горбунов, 2002, № 186.

Лит.: Горбунов, Тишкин, 2001; Горбунов, Тишкин, 2022.

93. Поспелихинский, курганный могильник. Находится в Поспелихинском районе Алтайского края, в 5 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза «Поспелихинский», на правом берегу р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. В 1962 г. археологическая экспедиция Алтайского краеведческого музея под руководством А.П. Уманского доисследовала разрушенный хозяйственными работами один земляной курган. Он содержал центральное погребение с каменной наброской сверху и внутримогильной деревянной конструкцией. На дне могилы обнаружены кости человека и лошади. Насыпь кургана, окруженная рвом, имела диаметр около 15 м и высоту более 1 м. Современное состояние не известно. Среди находок можно отметить железные удила с кольчатым псалием, бронзовые сердцевидную бляху-ко-

локольчик, две пятиугольные бляхи-накладки, килевидный наконечник ремня от узды, железный нож (рис. 46.-1–6). Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 11590.

Лит.: Уманский, Неверов, 1982.

94. Промышленная-1, курганный могильник. Находится в Промышленном районе Кемеровской области, в 1,5 км северо-восточнее пос. Промышленная, на правом берегу р. Иня, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Исследовался В.В. Бобровым в 1978 г. Состоял из восьми земляных курганов диаметром 15–20 м, высотой 0,4–0,7 м (рис. 46.-7). Раскопан один курган со рвом диаметром 13–16 м, высотой 0,4 м, разрушенный водопроводом (рис. 46.-8). Под его насыпью выявлен деревянный столб и обнаружены три могилы по обряду одиночной ингумации и ингумации с конем или шкурой коня (рис. 46.-9–10). В настоящее время площадь памятника занята старыми сельхозпостройками и частично грунтовой дорогой. Найденный инвентарь представлен железным череном меча, костяными накладками на колчан и пряжкой (рис. 46.-11–14), а также венчиком от керамического сосуда.

Лит.: Бобров, 1997.

95. Прудской, курганный могильник. Находится в Калманском районе Алтайского края, в 4 км к юго-востоку от пос. Прудской и в 5,5 км к северо-западу от с. Шадрино, на мысу водораздельной террасы левого берега р. Шадриха (левый приток Оби), в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Раскопан в 2001 г. Калманским археологическим отрядом Алтайского госуниверситета под руководством В.В. Горбунова. Состоял из шести земляных курганов диаметром 10–16 м, высотой 0,2–0,35 м (рис. 47.-1). Один из них был окружен рвом, три имели деревянные рамы-ограды (рис. 47.-2), три – деревянные столбы. Всего исследованы 10 погребений по обряду одиночной ингумации (рис. 47.-3–4). В со-

временном состоянии площадь памятника используется под пастбище. Среди инвентаря следует отметить железные наконечники стрел, мечи (один с целой рукоятью), ножи, напильник, удила, бляхи, султанчик, распределители и наконечники ремней, тренчики от узды, седельные пробои, бронзовые пряжку, серьги, подвески, костяные пряжки и накладку на рукоять лука с остатками деревянной кибити и берестяной обмотки, деревянный наконечник стрелы (рис. 47.-5–35, вкл.-123–151). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 169.

Арх. МАиЭА: Горбунов, 2002, № 186.

Лит.: Горбунов, Тишкин, 2001; Горбунов, Тишкин, 2022.

96. Рогозиха-1, курганный могильник. Находится в Павловском районе Алтайского края, в 3 км к северо-западу от с. Рогозиха, справа от дороги Павловск–Ребриха, на левобережье р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. В 1985 г. совместная археологическая экспедиция Алтайского госуниверситета и Барнаульского пединститута, под руководством А.Б. Шамшина и А.П. Уманского, провела хоздоговорные раскопки этого могильника. Памятник состоял из 18 земляных курганов, образующих три группы (рис. 48.-1). Все объекты раскопаны, но из них только четыре кургана (№ 9, 10, 11, 15) относятся к сrostкинской культуре. Они имели диаметр 15–25 м, высоту 0,15–0,7 м, были окружены рвами и содержали семь погребений по обряду одиночной и парной ингумации, а также ингумации с конем (рис. 48.-2–3). В настоящее время площадь памятника распахивается. Среди находок можно отметить обломки железных удил с псалями, стремян и меча с перекрестием, две бронзовые бляхи от пояса, бронзовый наконечник ремня, наносный султан (вкл.-152) и бронзовую позолоченную бляху от узды, две бронзовые серьги и фрагмент бронзового зеркала (рис. 48.-4–16), а также пять стеклянных бусин. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии

Алтая Алтайского государственного университета, № 141.

Лит.: *Неверов*, 1990; *Тишкин, Горбунов*, 2000; *Уманский, Шагин, Шульга*, 2005.

97. Сапогово-1, курганный могильник. Находится в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, в 2 км юго-западнее с. Сапогово, на левом берегу р. Касьмы, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1988 г. М.Г. Сулейменовым, исследовался А.М. Илюшиным в 1993–1995 гг. Состоял из 19 земляных курганов (рис. 48.-17). Площадь курганного поля составляла 600 (Ю–С) × 250 (З–В) м. Все курганы были раскопаны. Из 78 зафиксированных погребений только четыре относятся к сrostкинской культуре. Каждая такая могила находилась под отдельным курганом (один с ровом, один с деревянным столбом) диаметром 9–11,5 м, высотой 0,13–0,31 м (рис. 48.-18). В одной могиле прослежен обряд кремации, в остальных – ингумации (рис. 48.-19). В настоящее время площадь памятника распаивается и частично занята старыми строениями молочной фермы. Инвентарь представлен следующими предметами: железные наконечники стрел и копья, пряжка, костяные пряжки, фрагменты керамического сосуда (рис. 48.-20–27). Также были найдены обломки от кинжала, ножей, кресала, удила с псалями и стремян и некоторые другие вещи.

Лит.: *Илюшин, Ковалевский, Сулейменов*, 1996.

98. Сибирь, курганный могильник. На момент исследований памятник состоял из девяти визуально фиксируемых объектов, расположенных на распаиваемом поле в 2 км к северу–северо-востоку от с. Михайловка, на водоразделе между речками Таловка и Кошечкина Таловка в Третьяковском районе Алтайского края. Он был обнаружен А.Б. Шамшиным в ходе обследования зоны планировавшегося участка для мелиорации на территории колхоза «Прогресс». Раскопки проводились Юго-Западной археологической

экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина в 1990 г. Надмогильные каменные конструкции оказались сильно разрушенными и имели западины. Исследованы три кургана. Все они оказались сильно разграбленными. Обнаружены обломки железных предметов, а также остеологический материал, среди которого стоит отметить кости лошадей. В настоящее время памятник предположительно относится к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в пределах второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Тишкин*, 1991.

99. Солоновка, курганный могильник. Находится в Смоленском районе Алтайского края, за северо-западной окраиной с. Солоновка, на левом берегу р. Песчаная, в пределах восточной части Предалтайской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт и исследовался экспедицией Бийского музея под руководством А.П. Маркова в 1937 г. Состоял из 20 каменно-земляных курганов, шесть из которых были раскопаны. К сrostкинской культуре относится только курган № 1, содержащий погребение по обряду кремации. В настоящее время площадь памятника частично занята дорогой, а частично сельскими постройками. Сделанные находки представлены железным мечом, наконечниками стрел, теслом и удилами (рис. 49.-1–5). Коллекция хранится в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, № 858.

Арх. Бийского краеведческого музея: Марков А.П. Д. 22. Ф. 2: Археология, № 3–4 по описи.

Лит.: *Абдулганеев*, 2006.

100. Солонцы-4, курганный могильник. Находится в Красногорском районе Алтайского края, в 0,5 км к северо-востоку от с. Пильно, на левом берегу р. Бия, в пределах Бийско-Катунского междуречья. Датируется второй половиной XI – XII вв. Исследовался экспедицией Алтайского госуниверситета и

НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева в 1996 г. Состоял из двух земляных курганов, один из которых, диаметром 7 м, высотой 0,4 м, был раскопан (рис. 49.-6). Исследовано погребение по обряду одиночной ингумации с конем (рис. 49.-7). В настоящее время площадь памятника частично распахивается, а частично используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь включает следующие предметы: железные наконечники стрел, тесло, стамеску, бляху-накладку, удила с псалями, стремена, бронзовые бляхи-накладки, костяную накладку на лук, накладку на колчан, наконечник стрелы (рис. 49.-8–24), а также костяное изделие неясного назначения. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 60.

Лит.: *Абдулганеев*, 2006.

101. Сростки-I, курганный могильник. Находится в Бийском районе Алтайского края, на восточной окраине с. Сростки (южный склон г. Пикет), в 25 км к юго-востоку–востоку от г. Бийска, на правом берегу р. Катуня, в пределах предгорной зоны Бийско-Катунского междуречья. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Исследовался в 1925 г. М.Д. Копытовым и М.Н. Комаровой, в 1930 г. С.М. Сергеевым, в 2012–2014, 2016 гг. В.В. Горбуновым. Состоит из 60 земляных курганов диаметром 4–14,5 м, высотой 0,3–1 м. Раскопаны 56 курганов, но из них полностью – только шесть объектов (рис. 50.-1–2, 51.-1–2). Исследованы 66 могил. Погребальный обряд представлен одиночной и парной ингумацией, ингумацией с конем, кремацией, захоронением шкуры коня (рис. 50.-3–4, 51.-3–4). В современном состоянии площадь памятника используется как пастбище, а часть ее интенсивно зарастает облепихой. Среди находок стоит выделить железные мечи, наконечники стрел и копья, удила с псалями, стремена, тесла, кресала, ножи, напильники, пряжки, скобы, крюки на кольцах, костяные накладки луков, псалии, пряжки, берестяные колчаны, бронзовые пряжки, бляхи и наконечники ремней от поясов и узды, двухсоставные

застежки, серьги, подвески, китайские монеты (вкл.-153–164), стеклянные и каменные бусы (рис. 50.-5–33, 51.-5–36; вкл.-165–167). Особо следует отметить бронзовые, частично позолоченные, детали от ножен и рукоятей мечей с растительным орнаментом и изображениями львов (рис. 50.-5–6, 51.-29; вкл.-168–174) и антропоморфные подвески и бляхи (рис. 50.-8, 11–12, 22, 27, 31). Коллекция хранится в Бийском краеведческом музее, № 849; в Государственном Эрмитаже, № 1285 и 4381; в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 650, 656, 669, 690.

Арх. МАиЭА: Горбунов, 2013, № 270; Горбунов, 2014, № 274; Горбунов, 2016, № 297.

Лит.: *Савинов*, 1998; *Сергеев*, 1998; *Горбунов*, 2010; *Горбунов, Тишкин*, 2014; *Горбунов, Кунгуров, Тишкин*, 2017; *Горбунов, Тишкин*, 2018; *Тишкин, Горбунов, Серов*, 2020; *Тишкин, Горбунов*, 2022.

102. Степной Кучук-1, курганный могильник. Находится в Родинском районе Алтайского края, в 30 м к северу от дороги с. Степной Кучук – с. Родино, на левом берегу р. Кучук, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт и исследован экспедицией Алтайского краевого музея под руководством А.П. Уманского в 1960 г. Состоял из двух земляных курганов со рвами диаметром 17–18 м, высотой 0,9–1,1 м. Оба объекта раскопаны. Исследованы два погребения по обряду одиночной ингумации. В настоящее время площадь памятника распахивается. Среди найденного инвентаря присутствуют наконечники стрел, нож, пряжки, удила, пробой, костяные накладки на лук (рис. 52.-1–11), а также обломки меча и других плохо сохранившихся предметов. Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 14796, 16873.

Лит.: *Уманский*, 1993.

103. Сурья Сонка, одиночный курган. Находится в Шипуновском районе Алтайского

края, в 10 км к северо-западу от с. Комариха, на правом берегу р. Комариха, в пределах Предалтайской равнины. В 1983 г. сотрудниками Новосибирской геодезической партии в местности под названием «Сурья Сопка» был снесен курган, в котором разрушено погребение. Находки, происходящие из этого объекта, датируются второй половиной IX – первой половиной X вв., что позволяет отнести памятник к сросткинской культуре. В настоящее время площадь памятника занята пунктом государственной геодезической сети. Найденный инвентарь представлен бронзовыми позолоченными деталями конской амуниции: пряжка, тренчик, наконечники ремней и бляхи-накладки, украшенные растительным орнаментом (рис. 52.-12–20). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее пос. Шипуново, № 1313.

Лит.: *Боровков*, 2001.

104. Торопово-1, курганный могильник. Находится в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, на юго-западной окраине с. Торопово, в 1 км к западу от кладбища, на правом берегу р. Касьмы, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1993 г. А.М. Илюшиным и им же исследовался в 1995–1997 гг. Состоял из 13 земляных курганов со рвами диаметром 6,6–18 м, высотой 0,28–1,5 м (рис. 53.-1). Все курганы раскопаны, под их насыпями выявлены сооружения из деревянных столбов (рис. 53.-2). Исследованы 58 могил, которые содержали погребения людей по обряду одиночной ингумации и кремации, ингумации и кремации с конем, отдельные сопроводительные захоронения лошади (рис. 53.-3–4). В настоящее время площадь памятника распахивается. Среди найденного инвентаря можно выделить железные мечи и сабли, наконечники стрел, кинжалы, тесло, ножи, пряжки, наконечники ремней и бляхи, крюки на кольцах, удила, пробои, костяные накладки на лук, пряжки, застежки, берестяные колчаны, бронзовые пряжки, серьги, зеркала (рис. 53.-5–31),

а также обломки стремян, стеклянные бусы, керамические сосуды.

Илюшин, 1999.

105. Тузовские Бугры-2, курганный могильник. Находится в Первомайском районе Алтайского края, в 6,5 км к юго-западу от с. Рассказиха, на правом берегу р. Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Открыт и исследовался в 1998 г. Рассказихинским отрядом экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством А.В. Шмидта. Во время шурфовки поверхности елбана был частично раскопан земляной курган со рвом, визуалью на поверхности не фиксируемый. В нем исследовано погребение по обряду одиночной ингумации. В настоящее время площадь памятника задернована и поросла травяной растительностью. Сопроводительный инвентарь изученной могилы представлен керамическим круглодонным сосудом с орнаментом, характерным для раннего этапа сросткинской культуры (рис. 52.-21). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 548.

Лит.: *Шмидт*, 1999.

106. Успенровка-II, курганный могильник. Находится в Алейском районе Алтайского края, в 1,75 км к северо-востоку от с. Успенровка и в 3,5 км к юго-западу от с. Новоколпаково, на коренной террасе левого берега р. Алея, в пределах Приобского плато. Обнаружен в 2001 г. А.А. Тишкиным в ходе планового археологического обследования. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Исследовался в 2002 г. отрядом Алейской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством В.В. Горбунова. Состоит из трех земляных курганов со рвами, диаметром 17–23 м, высотой 0,7–1,7 м (рис. 54.-1). Раскопан курган № 3 со рвом и столбовой ямой (рис. 54.-2), который содержал три погребения по обряду одиночной ингумации (рис. 54.-3). В настоящее время площадь памятника используется

под выпас скота. Среди инвентаря можно назвать железный клинок меча, напильник, шило, роговой орнаментированный футляр, керамический сосуд (рис. 54.-4–8, вкл.-175). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 179.

Арх. МАиЭА: Тишкин, 2002, № 159; Горбунов, 2003, № 187.

Лит.: *Тишкин, Горбунов, 2002; Тишкин, 2020; Горбунов, Тишкин, 2022.*

107. Усть-Козлуха, одиночный курган. Находился в Чарышском (Бацелакском) районе Алтайского края, в окрестностях с. Усть-Козлуха, на правом берегу р. Чарыш, в пределах Предалтайской равнины. В 1928 г. Р.С. Малых передал в Бийский краеведческий музей несколько находок из размытого на берегу реки кургана. Облик предметов позволяет датировать объект второй половиной X – первой половиной XI вв. и отнести его к сrostкинской культуре. В настоящее время точное местонахождение этого памятника не установлено. Найденные предметы представлены железным мечом, крюками с кольчатыми окончаниями и удилами с псалями. Коллекция хранится в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки, № 851.

Лит.: *Горбунов, 2006.*

108. Филин-1, курганный могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 7,25 км к югу от с. Новообинцево и в 265 м к юго-западу от оз. Филин, на водораздельной террасе правого берега р. Чесноковка, левого притока р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. В 1998 г. А.С. Тагильцев сообщил в НПЦ «Наследие» о разрушающейся могиле и передал находки из нее. В 2000–2001 гг. Шелаболихинский археологический отряд Алтайского госуниверситета под руководством А.Л. Кунгурова и В.В. Горбунова произвел раскопки данного памятника. Он состоял из двух земляных курганов размерами 25×30 м, высотой 0,5–0,6 м (рис. 55.-1), окруженных рвами (рис. 55.-2). В одном из

них зафиксирован деревянный столб. Каждый курган содержал по одной могильной яме. В первом объекте она была двухкамерной с погребением мужчины, оказавшимся неграбленным (рис. 55.-3), женщины, ребенка и двумя конями, во втором – простая яма для мужчины с конем. В настоящее время место памятника распаивается. Среди находок необходимо выделить железный меч с деталями ножен, наконечники стрел, ножи, поясные наборы с пряжками, крюками на кольцах, бляхами и наконечниками, удила с псалями, стремяна, пробой, казаны, бронзовую пряжку и тренчик от портупей и уздечную гарнитуру из пряжек, тренчика, блях и наконечников, украшенных растительным и орнитоморфным орнаментом (рис. 55.-4–28, вкл.-176–226). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 168.

Арх. МАиЭА: Кунгуров, 2001, № 155; Горбунов, 2002, № 186.

Лит.: *Горбунов, Тишкин, 1999; Горбунов, Тишкин, 2018; Горбунов, Тишкин, 2022.*

109. Хлеборобный Елбан-1, курганный могильник. Находится в Быстроистокском районе Алтайского края, в 1,5 км к северо-западу от с. Хлеборобное. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт в 1992 г. В.В. Горбуновым и тогда же исследовался разведочным отрядом экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством М.Т. Абдулганеева. Состоял из пяти земляных курганов диаметром 8–16 м, высотой до 0,35 м. Раскопан аварийный курган № 1 (диаметр 11 м, высота 0,3 м), под насыпью которого исследованы три погребения по обряду одиночной ингумации. В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь представлен фрагментом клинка железного меча, наконечником стрелы и двумя керамическими сосудами (рис. 52.-22–25). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 155.

Лит.: *Казаков, Горбунов, 1993.*

110. Черный Камень, курганный могильник. Памятник, состоявший из 12 курганов, находится в 3 км к югу–юго-востоку от с. VI Конгресс Рубцовского района Алтайского края, на левом берегу р. Устьянки, на северо-восточном склоне небольшого холма. Он был выявлен сотрудником АлтГУ В.Б. Бородаевым во время обследования зон мелиоративного освоения территории колхоза «Восток». Раскопки шести курганов проводились Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина в 1990 г. Все объекты сильно пострадали от грабителей (рис. 38.-4, 6). Обнаружены человеческие и конские кости. Из находок можно отметить часть железного восьмерковидного стремени (рис. 38.-5), а также фрагменты керамики. В настоящее время памятник предположительно относится к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в пределах второй половины IX – первой половины X вв. Коллекция материалов хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 190.

Арх. МАиЭА: Тишкин, 1990, № 118; Тишкин, 1991, № 119.

Лит.: Тишкин, Тишкина, 1991.

111. Чингис-2, курганный могильник. Находится в Ордынском районе Новосибирской области, в 15 км к северо-востоку от с. Чингис, на берегу Новосибирского водохранилища, в пределах Обского правобережья. Датруется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Исследовался Т.Н. Троицкой и А.В. Новиковым в 1967 и 1985–1986 гг. Могильник насчитывал 15 земляных курганов, часть которых к 1980-м гг. была уничтожена песчаным карьером. Всего раскопано семь курганов диаметром 6–9,4 м, высотой 0,5–1 м (рис. 56.-1). Исследованы шесть погребений по обряду одиночной ингумации и ингумации с конем (рис. 56.-3–4). В настоящее время площадь памятника покрыта густым сосновым бором. Среди находок следует отметить железную саблю, наконечники стрел и копий, кинжал, удила с псалями, стремя, железную и брон-

зовую garnитуру от поясов и узды, костяные напершия плетей, керамические сосуды, бронзовые серьги, колокольчики и тюргешскую монету (рис. 56.-5–31), а также тесло, ножи, костяные наконечники стрел, стеклянные бусы, каменные оселки. Материалы хранятся в фондах Новосибирского областного краеведческого музея.

Лит.: Троицкая, Новиков, 1995; Троицкая, Новиков, 1998.

112. Чинета-II, курганный могильник. Разновременный памятник находится в Краснощековском районе Алтайского края, в 1 км к югу–юго-востоку от с. Чинета, на второй надпойменной левобережной террасе р. Иня (приток Чарыша). Он был открыт в 1978 г. преподавателем Алтайского государственного университета В.А. Посредниковым и состоял из 23 разновременных курганов. В начале 2000-х гг. исследования на памятнике осуществляла Краснощековская археологическая экспедиция АлтГУ под руководством П.К. Дашковского. В ходе работ раскопаны пять курганов, содержащие погребения по обряду одиночной ингумации и ингумации с конем, которые отнесены к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датированы в пределах второй половины IX – первой половины X вв. Для кургана № 1 памятника Чинета-II получена радиоуглеродная калиброванная дата 882–1164 гг. н. э. (СОАН-4854), которая не противоречит археологическому определению хронологии изученного объекта. Стоит отметить следующие находки: железные наконечники стрел, нож, удила с псалями, стремя, костяную накладку лука и фигурное изделие, бронзовую garnитуру от пояса и узды, серьги, колокольчики, рамчатую шестилепестковую подвеску, подвеску в виде мужской личины и игольник в виде парных рыб (рис. 57.-1–29, вкл.-227–244). Коллекция полученных материалов хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 185.

Арх. МАиЭА: Дашковский, 2003, № 188; Дашковский, 2004, № 202; Дашковский, 2005, № 217.

Лит.: Тишкин, Дашковский, 2002; Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004.

113. Шабаново-3, курганный могильник. Находится в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, в центре с. Шабаново, на правом берегу р. Касьмы, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1989 г. А.М. Илюшиным и им же полностью раскопан в 1990 г. Состоял из шести земляных курганов диаметром 10–14 м, высотой 0,28–1,5 м (рис. 57.-30). Под насыпями курганов выявлены сооружения из деревянных рам-оград и столбов (рис. 57.-32). Исследованы 13 могил, которые содержали погребения людей по обряду кремации и ингумации, а также захоронение лошади в отдельной сопроводительной яме (рис. 57.-31, 33–34). Через памятник проходят две грунтовые дороги, а часть его площади занята огородами усадебных хозяйств. Среди находок необходимо выделить железные мечи, наконечники стрел и копья, тесло, бронзовую скобу с обоями от ножен меча, перстень со стеклянной вставкой (рис. 57.-35–44). Более фрагментарно сохранились железные ножи, казан, пряжка, удила с псалиями и стремяна, керамический сосуд.

Лит.: Илюшин, 1998.

114. Шадринцево-1, курганный могильник. Находится в Тальменском районе Алтайского края, в 0,3 км к юго-западу от с. Шадринцево, на террасе правого берега р. Чумыш, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Исследовался в 1979 г. В.Л. Кобзевым, в 1986 г. С.В. Неверовым. Состоял из восьми земляных курганов (рис. 58.-1). Раскопан крупный курган № 1 (размеры 14×24 м, высота 1,3 м), содержащий четыре погребения по обряду одиночной ингумации, ингумации с конем и ингумации со шкурой коня (рис. 58.-2–4), и четыре малых кургана № 3–6 (диаметр 3,5–5 м, высота 0,4–0,6 м) оказавшихся поминальниками. В настоящее время памятнику угрожает лишь подмыв

кромки террасы рекой. Среди находок следует отметить железные наконечники стрел, меч, панцирную пластину, удила с псалиями, стремяна, тесло, ножи, берестяной колчан, костяные пряжки и костыльки-застежки, бронзовые пряжки, бляхи, наконечники и распределители ремней от узды и поясов, фрагмент зеркала и игольник (рис. 58.-5–47). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 135.

Лит.: Неверов, Горбунов, 1996.

115. Шанда, курганный могильник. Находится в Гурьевском районе Кемеровской области, в 1 км севернее д. Шанда, по левому берегу р. М. Бачат, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1959 г. Ф.И. Александровым, исследовался им и П.Н. Муштем в 1960–1965 гг. Состоял из 18 земляных курганов диаметром 10–14 м, высотой 0,68–1,5 м (рис. 59.-1). Площадь курганного поля 2,5 (СВ–ЮЗ) × 1,5 (ЮВ–СЗ) км. Раскопано 17 курганов со рвами, среди которых один с деревянным столбом (рис. 59.-2), содержащих 34 погребения людей по обряду ингумации и 14 захоронений лошадей в отдельных сопроводительных ямах (рис. 59.-3–4). В настоящее время площадь памятника распахивается и частично занята железной и автомобильной дорогами. Среди находок необходимо отметить железные мечи, наконечники стрел, ножи, тесла, кольчатые и прорезные распределители ремней, удила с псалиями, стремяна, пробой, костяные пряжки, бронзовые бляхи-накладки и наконечник ремня от узды, серьги, ажурные подвески, кулоны-бубенчики, фрагмент зеркала (рис. 59.-5–40). Коллекция хранится в Гурьевском городском краеведческом музее.

Лит.: Илюшин, 1993.

116. Шелаболиха-3, курганный могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 2 км к юго-западу от с. Шелаболиха, на левобережье р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной

ной X – первой половиной XI вв. В 1991 г. на памятнике проводились хозяйственные работы археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством С.Ю. Лузина. Было раскопано шесть земляных курганов, два из которых (№ 6 и 7) относятся к сrostкинской культуре. Курганы имели диаметр 16–18 м, высоту 0,2–0,3 м. Один из них был окружен двойным рвом, имел три деревянных столба и пять погребений по обряду одиночной ингумации (рис. 54.-9). Другой содержал две могилы по обряду ингумации с конем и одиночной ингумации. В настоящее время площадь памятника распахивается. Среди находок необходимо отметить бронзовую и костяную пряжки с сердцевидными рамками (рис. 54.-10–11). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 153.

Лит.: *Горбунов*, 1996.

117. Щепчиха-I, курганный могильник. Памятник находился в 2,5–3,5 км от села Локоток Змеиногорского района Алтайского края, на гребне водораздела и холме между реками Ближняя и Дальняя Щелчиха. Он был выявлен сотрудником АлтГУ В.Б. Бородаевым в 1981 г. во время обследования зон мелиоративного освоения территории колхоза «25 лет Октября». Первоначально зафиксировано 11 объектов, из которых восемь оказались курганами, а три – скальными выходами. За памятником закрепилось ошибочное обозначение, которое было дано первооткрывателем из-за неточного распознавания на землеустроительной карте-схеме названия ближайших рек. Летом 1991 г. Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина проведены аварийные раскопки всех выявленных курганов, попадавших в зону строительства проектируемого орошаемого участка. В трех исследованных курганах (№ 3, 4 и 6) получен довольно обширный археологический материал, относящийся к периоду раннего Средневековья (рис. 60, вкл.-245–256, 265–266). Он включает предметы вооруже-

ния, снаряжения верхового коня, украшения, орудия труда, вещи бытового предназначения и может быть соотнесен с шадринцевским этапом (вторая половина X – первая половина XI вв.) сrostкинской культуры. Коллекция находок хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 150.

Арх. МАиЭА: Тишкин, 1992, № 112.

Лит.: *Тишкин*, 1993; *Алехин*, *Кирюшин*, 1996.

118. Шестаки-I, курганный могильник. Находится в Беловском районе Кемеровской области, в 2 км к востоку от с. Старобачаты, по правому берегу р. Артышта, в пределах западной части Кузнецкой котловины. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Открыт в 1997 г. Ю.В. Шириным и А.Ю. Огурцовым. Исследовался экспедицией историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» под руководством Н.А. Кузнецова в 1998 и 2003 гг. Состоял из трех земляных курганов (два со рвами) диаметром 9–13 м, высотой 0,3–0,85 м, вытянутых цепочкой по линии ЮВ–СЗ на 210 м (рис.61.-1). Все курганы были раскопаны. Под их насыпями выявлены каменные наброски над могилами, деревянные и каменный столбы (рис. 61.-2). Исследованы девять погребений по обряду ингумации с конем (рис. 61.-3–4) и, видимо, одиночной ингумации. В настоящее время площадь памятника занята руинами старых построек от бывшей деревни. Среди находок необходимо отметить железную саблю, наконечники стрел, тесла, ножи, кресало, пряжки, крюки на кольцах, удила с псалиями, султанчик, распределители, стремяна, пробой, бронзовые пряжки и бляхи-накладки от поясов и узды (рис. 61.-5–27). Коллекция хранится в историко-архитектурном музее «Кузнецкая крепость».

Лит.: *Кузнецов*, 2004.

119. Яровское-III, курганный могильник. Находится в Алейском районе Алтайского края, в 2,8 км к северо-востоку с. Безголосово и в 0,5 км к востоку от оз. Яровское, на надпойменной террасе правого берега р. Алея, в

пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Раскопан в 1997 г. отрядом Алейской археологической экспедиции Алтайского государственного университета под руководством А.Л. Кунгурова. Состоял из одного земляного кургана диаметром 20 м, высотой 0,35 м, содержащего погребение по обряду парной ингумации (рис. 62.-1-2). В современном состоянии место памятника распаивается. Среди находок нужно отметить клинок железного меча, бусы из хрусталя, сердолика и халцедона, фрагмент бронзового зеркала (рис. 62.-3–10, вкл.-258–263), а также фрагменты ткани с узором. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 164.

Арх. МАиЭА: Кунгуров, 2001, № 155.

Лит.: Тишкин, Горбунов, 1998; Горбунов, Тишкин, 2022.

120. Яровское-V, курганный могильник. Находится в Алейском районе Алтайского края, в 2 км к юго-западу от с. Безголосово и в 0,9 км к югу от оз. Яровское, на надпойменной террасе правого берега р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Раскопан в 2000 г. отрядом Алейской археологической экспедиции Алтайского государственного университета под руководством А.Л. Кунгурова. Состоял из четырех земляных курганов диаметром 8–12 м, высотой 0,2–0,35 м (рис. 62.-11), имевших деревянные столбы (рис. 62.-12) и содержавших семь погребений по обряду одиночной ингумации (рис. 62.-13–14). В настоящее время площадь памятника используется под выпас скота. Среди находок стоит отметить железные наконечники стрел, ножи, шило, удила с кольчатыми псалями и каменный диск с отверстием (рис. 62.-15–20). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 165.

Арх. МАиЭА: Кунгуров, 2001, № 155.

Лит.: Тишкин, Горбунов, 2000; Горбунов, Тишкин, 2022.

2. Грунтовые могильники

121. Ближние Елбаны-V, грунтовый могильник. Памятник находится в урочище Ближние Елбаны около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края, вблизи вытекающей из лесного массива р. Большой Речки, на правом берегу Оби. По всей видимости, впервые могильник был обнаружен Н.С. Гуляевым в 1903 г., когда он обследовал дюну, разрушавшуюся ветрами, и нашел железные стремена, удила, меч и наременные бляхи из цветного металла, хранящиеся в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул). В 1915 г. В.П. Михайлов раскопал в том же месте одно погребение. В 1924 г., вероятно, там же М.Д. Копытов нашел серию вещей из одного погребения: зеркало (вкл.-264), бубенчики, бусы, ажурную двухсоставную застежку (рис. 63.-16; вкл.-257), которые хранятся в Бийском краеведческом музее, коллекция № 843. В 1925 г. М.П. Грязновым на рассматриваемом памятнике были осуществлены сборы подъемного материала и вскрыто одно раннесредневековое погребение. Наличие или отсутствие курганов не установлено, так как дюна частично была разрушена, а местами перекрыта толстым слоем навеечного песка. Поэтому могильник обозначен как грунтовый. Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова в 1946, 1947 и 1949 гг. производила раскопки на Ближних Елбанах, в том числе и на рассматриваемом памятнике, где были собраны вещи из разветленных погребений, а также вскрыта площадь в 280 кв. м, на которой исследованы четыре могилы. Одна из них представляла кенотаф (рис. 63.-1). Среди находок можно отметить железные наконечники стрел, тесло, пряжки, керамический сосуд, бронзовые пряжки, наконечники ремней и бляхи, костяную пряжку (рис. 63.-2–15), а также меч и удила. Обнаруженные находки хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). Памятник относится к инскому этапу (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) сrostкинской культуры.

Лит.: Грязнов, 1956; Тишкин, Горбунов, 2022.

122. Ближние Елбаны-VII, грунтовый могильник. Памятник находится в урочище Ближние Елбаны около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края, вблизи вытекающей из лесного массива р. Большой Речки, на правом берегу Оби. Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова в 1946, 1947 и 1949 гг. производила раскопки на Ближних Елбанах, в том числе и на рассматриваемом памятнике, где были исследованы две могилы по обряду одиночной ингумации (рис. 63.-17). Обнаружен характерный археологический материал, среди которого железные наконечники стрел, тесло, удила с псалиями, бронзовая пряжка и наконечник ремня, серьги с бусинами (рис. 63.-18–24), а также меч, нож и некоторые другие вещи. В 1982 г. в этом же пункте Ю.Ф. Кирюшиным было доисследовано еще одно погребение по обряду ингумации. В области тазовых костей человека найдены бронзовая и железная пряжки (рис. 63.-25–26). Памятник может быть соотнесен с шадринцевским этапом (вторая половина X – первая половина XI вв.) сросткинской культуры. Обнаруженные находки хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург).

Лит.: Грязнов, 1956; Кирюшин, Неверов, 1991.

123. Ближние Елбаны-XVI, грунтовый могильник. Памятник находится в урочище Ближние Елбаны около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края, вблизи вытекающей из лесного массива р. Большой Речки, на правом берегу Оби. Он открыт Ю.Ф. Кирюшиным в 1981 г. в центральной части дюн, в 80 м к северо-востоку от пункта БЕ-VII и в 60 м к западу от пункта БЕ-VI. В 1993–1994 гг. в урочище Ближние Елбаны аварийные раскопки проводила экспедиция Алтайского государственного университета под руководством М.Т. Абдулганеева. Обнаружены две могилы по обряду ингумации с

конем. Сопроводительный инвентарь представлен железной гарнитурой от узды, среди которой выделяется крупная налобная бляха и мелкие круглые бляхи-накладки, крюком с кольцом, бронзовыми серьгами, ажурными застежками, обломком зеркала, железной булавкой с бронзовым орнитоморфным навершием (рис. 63.-28–35). Памятник можно отнести к змеевскому этапу сросткинской культуры и датированные в пределах второй половины XI – XII вв. Материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая, коллекция № 157.

Лит.: Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995.

124. Борковский Елбан-6, грунтовый могильник. Находится в Калманском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Нижняя Петровка, на правом берегу р. Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Датруется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Открыт и обследовался В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым в 1977–1978 гг., повторно был обследован, с заложением шурфа, Т.Г. Горбуновой в 2002 г. В результате этих работ на памятнике были зафиксированы поврежденные выдувами грунтовые могилы с погребениями по обряду кремации, выявлен деревянный столб около одной из могил (рис. 64.-1). В настоящее время площадь памятника задернована и покрыта травяной растительностью. На месте погребений собран следующий сопроводительный инвентарь: бронзовые бляхи-накладки и наконечники ремней от уздечных и поясных наборов (рис. 64.-2–14), а также фрагмент костяной пряжки. Особо следует отметить наконечник ремня, украшенный изображением лани и гроздьями винограда (рис. 64.-12). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 134.

Лит.: Бородаев, Горбунов, 1995; Горбунова, 2003.

125. Боровиково-V, грунтовый могильник. Находится в Павловском районе Алтайского края, в 1 км к востоку от с. Боровиково, на краю мыса коренной террасы левого берега

р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной XI – XII вв. В 2004 г. А.В. Кондрашевым, во время работ археологической экспедиции Алтайского госуниверситета, при осмотре кромки обского берега было обнаружено частично обвалившееся погребение, содержащее под перекрытием из бревен захоронение человека, уложенного вытянуто на спине, головой на северо-восток–восток (рис. 64.-15). В настоящее время данное место полностью разрушено осыпью берега. Сопроводительный инвентарь был представлен костяной пряжкой, железными удилами и ножом (рис. 64.-16–18). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 186.

Лит.: Горбунов, Кондрашов, 2005.

126. Восход-I, грунтовый могильник. Находится в Быстроистокском районе Алтайского края, на западной окраине старого с. Восход, на левом берегу р. Оби, в пределах восточной части Предалтайской равнины. Исследовался Приобской экспедицией Алтайского госуниверситета в 1991 г. Раскопано три могилы, из которых одна относится к сrostкинской культуре и датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Эта могила содержала погребение по обряду одиночной ингумации (рис. 64.-19), в изголовье которого был вкопан деревянный столб. В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь представлен следующими предметами: железные удила с псалями, костяные накладки на лук и накладки для подвешивания берестяного колчана к стрелковому поясу (рис. 64.-20–22). Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 142.

Лит.: Кирюшин, Горбунов, 1998.

127. Гилево-II, грунтовый могильник. Поселение с таким обозначением было открыто в 1971 г. В.А. Могильниковым. Памятник располагался на останце террасы правого берега Алея, в ее пойме (урочище «Вторая согра»),

между деревнями Гилево и Павловка в Локтевском районе Алтайского края. В 1975–1976 гг. полностью раскопано. Вскрытая площадь составила около 3000 кв. м. Основной комплекс материалов относится к поздней бронзе, но есть материалы периода энеолита и раннего железного века. Кроме того, на площади поселения исследованы средневековые погребения ребенка и женщины (рис. 64.-23). Найден следующий предметный комплекс: роговая пряжка, бронзовая серьга, керамическое пряслице и кувшин ручной работы (рис. 64.-24–27), а также оселок, кремневая проколка, подвеска из резца марала, железная заклепка. Памятник может быть отнесен к змеевскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины XI – XII вв. Материалы хранятся в фондах Алтайского государственного краеведческого музея, коллекция № 13732.

Лит.: Могильников, 2002; Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996.

128. Ильинка, грунтовый могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в пойме на елбане севернее с. Ильинка, на левом берегу р. Оби, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной XI – XII вв. Летом 1972 г. археологическая экспедиция Барнаульского пединститута под руководством А.П. Уманского произвела раскопки на группе из семи елбанов, с которых ранее поступали случайные находки от местных жителей. Там на первом елбане исследованы четыре погребения первой половины II тыс. н. э., два из которых (№ 2 и 3) относятся к сrostкинской культуре. В этих могилах оказались захоронения по обряду ингумации с конем и коллективной ингумации (рис. 65.-1–2). Елбан-1 имел около 40 м в длину по линии ЮЗ–СВ и до 16 м в ширину. В настоящее время памятник продолжает разрушаться половодьем и выдувами. Из находок в могилах следует отметить два комплекта железных крюков и колец от крепления сапог к поясу, двое удил с кольчатými псалями, тесло, наконечник стрелы, нож (рис. 65.-4–9, 12), восемь стеклянных бус. Также были получены

сборы подъемного материала сrostкинско-го времени, представленные железным наконечником копья и бронзовыми бляхами от узды (рис. 65.-3, 10–11). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета, № 59.

Лит.: Уманский, Караваев, 1992; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001.

129. Красная Горка-1, разрушенное погребение. Доисследованный археологический объект располагался в 3 км на северо-восток от с. Новосклюиха Рубцовского района Алтайского края и в 0,12 км к востоку от правого (высокого) надпойменного берега р. Склюихи. Его географические координаты по GPS-приемнику следующие: N – 51° 33.571'; E – 081° 26.954'. Памятник получил название «Красная Горка-1» по обозначению местными жителями урочища около бывшего с. Красная Речка. Исследования проводились Рубцовским отрядом Юго-Западной археологической экспедиции Алтайского государственного университета в июле 2009 г. На месте разрушенной могилы был заложен раскоп общей площадью 13,5 кв. м. В ходе раскопок найдены два бронзовых наконечника поясного ремня (рис. 38.-11–12), а также на различной глубине обнаружены неопределимые фрагменты железных предметов и остеологический материал (остатки скелета взрослого мужчины и кости лошади). Ранее работниками прокуратуры были собраны остеологические материалы, железные черешковые трехгранные и трехлопастные килевидные наконечники стрел, «кольчатая» бронзовая серьга (рис. 38.-7–10). Комплекс может быть предварительно датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв. Все найденные на памятнике Красная горка-1 находки переданы на хранение в Музей-институт семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург). Не исключено, что рядом с найденным захоронением располагаются другие аналогичные объекты.

Арх. МАиЭА: Серегин, 2010, № 258.

Лит.: Тишкин, Серегин, 2009.

130. Мало-Панюшово, грунтовый могильник. Находится в Алейском районе Алтайского края, на территории с. Мало-Панюшово, на левом берегу р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. В 1962 г. археологическая экспедиция Алтайского краеведческого музея под руководством А.П. Уманского доисследовала разрушенную при строительстве могилу с деревянной конструкцией, содержащую погребение взрослого человека и ребенка. Размеры памятника и современное состояние не известны. Среди находок надо отметить бронзовый обломок бляхи-тройника и прямоугольную бляху-накладку от узды, шесть сердцевидных ажурных подвесок, подвеску в виде пары птиц, подвеску в виде копытного животного, две рельефные подвески ромбовидной конфигурации, два перстня, ложку, гребень и игольник в виде пары рыб (рис. 65.-13–24), а также железное несомкнутое кольцо и керамический сосуд. Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 11590, и в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 133.

Лит.: Уманский, Неверов, 1982.

131. Нечунаевский Елбан-2, грунтовый могильник. Находится в Шипуновском районе Алтайского края, на песчаной дюне верхней террасы левого берега р. Алея, между селами Нечунаево и Кабаково, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. В 1962 г. археологическая экспедиция Алтайского краеведческого музея под руководством А.П. Уманского доисследовала две могилы на Елбане-2 в месте карьера. Одна из них содержала погребение ребенка 5–6 лет, скелет которого лежал на спине в вытянутом положении, головой на юг. Другая полностью обвалилась. Размеры памятника и современное состояние не известны. Среди находок следует отметить железные наконечники стрел и нож, бронзовую серьгу (рис. 65.-25–28), белую и шесть черных бусин. Особо выделяются остатки кожаного пояса с бронзовым набором из пряжки, наконечника, шести

прорезных блях-накладок и двух малых наконечников, украшенных растительным орнаментом (вкл. 267–275). Коллекция хранится в Алтайском государственном краеведческом музее, № 11590.

Лит.: Уманский, Неверов, 1982.

132. Николаевка, грунтовый могильник. Находится в Славгородском районе Алтайского края, на территории с. Николаевка, в пределах восточной части Кулундинской равнины. Датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. В 1965 г. при рытье траншеи для водопровода в с. Николаевка была разрушена грунтовая могила, совершенная по обряду ингумации. Вещи из нее были переданы В.Д. Гордиенко в Барнаульский пединститут. В настоящее время площадь памятника занята сельскими постройками. Инвентарь, найденный в погребении, представлен обломками железного меча и бронзовой пряжкой (рис. 65.-29–30). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета.

Лит.: Уманский, 1991.

133. Осинки, грунтовый могильник. Находится в Усть-Пристанском районе Алтайского края, в 7 км к северу от с. Камышенка, на гряде дюн при впадении р. Камышенка в оз. Шибаево, на правом берегу р. Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Датируется второй половиной XI – XII вв. Открыт в 1969 г. Н.Л. Членовой, в 1970 г. исследовался Д.Г. Савиновым. Раскопано 77 могил, из которых 16 относятся к сrostкинской культуре. Все они совершены по обряду одиночной ингумации (рис. 66.-1–3). Размеры останца, на котором расположен памятник, – 600×40 м, высота 3,5–4 м, площадь могильника 120×25 м. В современном состоянии разрушается половодьем. Среди находок необходимо выделить железные наконечники стрел, кинжал, панцирную пластину, тесла, бляхи-накладки, костяные накладки луков и колчана, наконечники стрел, наверхие плети, бронзовые бляхи-нашивки, серьги, фрагменты зеркал, серебряные пронизки, лазурито-

вые и перламутровые подвески, стеклянные бусы (рис. 66.-4–40; вкл.-276–278). Также были найдены обломки наконечников копий, пряжки, ножей и ряд других вещей. Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже, № 2472, 2473.

Лит.: Савинов, Новиков, Росляков, 2008.

134. Татарские Могилки, грунтовый могильник. Находится в Целинном районе Алтайского края, в 1,5 км ниже по течению от с. Степной Чумыш, на левом берегу р. Чумыш, в пределах Предсалаирской равнины. Открыт и исследовался А.П. Уманским в 1963 и 1978 гг., а затем Ю.В. Шириным в 1991 г. Раскопаны четыре грунтовых могилы, из которых только одна относится к сrostкинской культуре и датируется второй половиной XI – XII вв. В ней исследовано погребение по обряду коллективной ингумации (рис. 67.-1). В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь представлен железными наконечниками стрел и костяными пряжками (рис. 67.-2–10), а также обломком керамического сосуда. Коллекция хранится в историко-архитектурном музее «Кузнецкая крепость».

Лит.: Ширин, 1994.

135. Точильное-5, грунтовый могильник. Находится в Смоленском районе Алтайского края, в окрестностях с. Точильное, на правом берегу р. Песчаная, в пределах восточной части Предалтайской равнины. Датируется второй половиной VIII – первой половиной IX вв. Исследовался М.Т. Абдулганеевым и А.Б. Шамшиным в 1987 г. На месте многослойного поселения раннего бронзового века и раннего железного века раскопано одно погребение по обряду ингумации с конем. В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Найденный инвентарь представлен железными удилами с псалиями, стременами, подпружной пряжкой, золотой бляхой с изображением личины человека (рис. 67.-11–14), а также керамическим пряслицем. Часть коллекции хранится в Музее

археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 65.

Лит.: Абдулганеев, Шамшин, 1990.

136. Усть-Шамони́ха-1, грунтовый могильник. Находится в Целинном районе Алтайского края, в 1,5 км к юго-западу от с. Победа, на правом берегу р. Чумыш, в пределах Предсалаирской равнины. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Открыт и исследовался Восточным отрядом экспедиции Алтайского госуниверситета под руководством А.Л. Кунгурова в 1990 г. Раскопана одна грунтовая могила по обряду одиночной ингумации (рис. 67.-15). В настоящее время площадь памятника используется под пастбище. Сопроводительный инвентарь представлен следующими предметами: биметаллической булавкой с орноморфным навершием, бронзовыми серьгами, половинкой игольника и целым зеркалом (рис. 67.-16–21, вкл.-279), а также нашивками и бусами, одна из которых сердоликовая. Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 154.

Лит.: Горбунов, 1992.

137. Хабази́но-4, грунтовый могильник. Находится в Топчихинском районе Алтайского края, на юго-восточной окраине с. Хабазино, на мысовидном выступе надпойменной террасы левого берега р. Алея, в пределах Приобского плато. Датируется второй половиной IX – первой половиной X вв. Весной 1985 г. там оврагом разрушило половину могилы, которую «доисследовали» местные жители. В 1992 г. данное место было обследовано В.В. Горбуновым. Удалось выяснить, что могила имела перекрытие из жердей, под которым находились кости скелета человека и лошади. Размеры мыса, на котором расположен памятник, – 50×80 м, высота 10 м. В настоящее время эта площадь разрушается оврагом и используется под сельскую свалку. Из инвентаря уцелели шесть железных наконечников стрел и железное стремя (рис. 67.-22–24). Коллекция хранится в Музее архе-

ологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, № 170.

Лит.: Горбунов, 2013.

138. Чекановский Лог-10А, грунтовый могильник. Находится в Третьяковском районе Алтайского края, в 1,5 км к юго-востоку от с. Корболиха, на правом берегу Гилевского водохранилища, в пределах Предалтайской равнины. В 2008 г. С.М. Ситниковым в ходе обследования береговой кромки могильника Чекановский Лог-10А была собрана серия изделий от одного поясного набора, скорее всего, происходящего из разрушенного водохранилищем грунтового погребения. Облик предметов позволяет датировать объект второй половиной IX – первой половиной X вв. и отнести его к сроткинской культуре. В настоящее время площадь памятника продолжает разрушаться водохранилищем во время половодья. В состав поясного набора входили следующие бронзовые предметы: пряжки, тренчики, наконечники ремней, распределители ремней и бляхи-накладки, украшенные растительным орнаментом (рис. 67.-25–37). Коллекция хранится в Историко-краеведческом музее Барнаульского государственного педагогического университета.

Лит.: Горбунов, Ситников, 2009.

3. Городища, поселения и местонахождения

139. Аба́кша-1, городище. Памятник расположен к востоку от пос. Научный Городок на границе территории, подчиненной администрации г. Барнаула, и Павловского района Алтайского края, на мысе правого борта крупного лога, который прорезает 40-метровую толщу Приобского плато. С напольной стороны городище было защищено рвом (ширина 5 м, глубина 0,8 м) и валом (ширина 3 м, высота 1 м). Городище открыто в 1979 г. А.Л. Кунгуровым и В.Б. Бородаевым, а исследовалось В.Б. Бородаевым в 1981–1984 гг. На нем раскопаны участки в аварийной зоне. Найдены фрагменты керамических сосудов, украшенные треугольно-зубчатым штампом и ямками. Обнаружен небольшой остеологиче-

ский материал и следы плавки железа. Результаты исследований указанного памятника, к сожалению, полностью не изданы. Имеются лишь краткие упоминания. Отдельные находки хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул). Окончательную датировку памятника еще предстоит выяснить. Предварительно городище отнесено к змеевскому этапу сrostкинской культуры и датируется в пределах второй половины XI – XII вв.

Лит.: Памятники истории и культуры Барнаула, 1983; Кунгуров, Сингаевский, 2006; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

140. Ближнее Елбаны-II, поселение. Памятник расположен в пойме правого берега р. Оби около с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края. Он был выявлен М.П. Грязновым в 1925 г. и исследовался им в 1946 г. Вскрытая площадь составила 30 кв.м. Среди найденного керамического материала к сrostкинской культуре может быть отнесен горшковидный сосуд с сильноизогнутым венчиком, орнаментированный треугольно-зубчатым штампом и ямками. Штамп идет по венчику, образует горизонтальный пояс у основания шейки и примыкающие к нему дуговидные фестоны. Выше к поясу штампа примыкает пояс из ямок (рис. 68.-1). На этом поселении также найден фрагмент роговой концевой фронтальной накладки лука (рис. 68.-2). Накладки такого типа бытовали в IX–XIV вв., а на территории Лесостепного Алтая встречены в сrostкинских погребениях второй половины XI – XII вв. Все материалы, обнаруженные на комплексе, должны храниться в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). Поселение можно предварительно отнести к змеевскому этапу сrostкинской культуры и датировать в пределах второй половины XI – XII вв.

Лит.: Грязнов, 1956; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

141. Боровое-I, поселение. Находится в Тогучинском районе Новосибирской области, в

2,5 км к юго-западу от с. Боровое, на левом берегу р. Иня, в пределах Обского правобережья. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Памятник открыт В.И. Молодиным в 1970 г. и исследовался А.А. Адамовым в 1985 г. Поселение насчитывало 25 жилищных западин (рис. 69.-1). Раскопом 165 кв. м исследованы три жилища, котлованы которых имели размеры 3,92–5,16×4–5,3 м. Выявлены четырехугольные конструкции с очагами в центре и короткими входами-коридорами (рис. 69.-2). В настоящее время площадь памятника занята боровым массивом. В раскопе найдены фрагменты керамики не менее чем от девяти сосудов (рис. 69.-3–8). Их профилировка и орнамент характерны для керамики сrostкинской культуры.

Лит.: Адамов, 2000.

142. Елбанка, городище. Памятник находится к востоку от одноименного села в Усть-Пристанском районе Алтайского края, в пойме левого берега Оби, в устьевой зоне ее притока – р. Чарыш. Он занимает останец (елбан) высотой 20–25 м. В юго-западной пологой части останца имеется ров (ширина 6–7 м, глубина 1–1,2 м). Городище открыто Н.С. Гуляевым в 1903 г., исследовалось Э.М. Медниковой в 1968, 1970–1971 гг. и В.А. Могильниковым в 1987 г. Всего там зафиксировано 36 неглубоких западин, и вскрыта площадь более 900 кв. м. Наиболее полно материалы памятника обработаны и введены в научный оборот М.Т. Абдулганеевым, который выделил пять культурно-хронологических комплексов городища. Последний (самый большой по числу находок) можно отнести к сrostкинской культуре. На это указывает форма сосудов, представленных горшками и чашами, а также орнамент из треугольно-зубчатого штампа, насечек и ямок, образующих горизонтальные пояса, дуговидные и ромбовидные фестоны (рис. 68.-3–6). Среди других находок важное значение имеет ряд железных изделий, имеющих датированные аналогии. Это длинная пятиугольная подпружная пряжка с подвижным язычком, крупный железный нож с прямыми плечиками и

наконечник остроги с втульчатым насадом и выступающим шипом (рис. 68.-7–9). Аналогичные по форме и конструкции пряжки есть в могильниках Среднего Причулымья середины XI – XIII вв., но в сrostкинских могильниках они пока не встречены. Боевые ножи, близкие елбанскому экземпляру, наоборот, известны в сrostкинских погребениях второй половины IX – первой половины XI вв. Наконечник остроги с похожим пером (но с черешковым насадом) найден в насыпи сrostкинского кургана второй половины IX – первой половины X вв. у с. Дмитро-Титово. Материалы, обнаруженные в период с 1968 по 1971 гг., хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее (коллекции № 12693, 12909, 12985). Судя по имеющимся находкам, культурный слой сrostкинской культуры может быть отнесен к змеевскому этапу (вторая половина XI – XII вв.).

Лит.: *Абдулганеев*, 2001; *Тишкина*, 2010; *Горбунов, Тишкин, Кунгуров*, 2016.

143. Зайцево-2, поселение. Памятник расположен у одноименного села в Тальменском районе Алтайского края, на елбане, в пойме р. Чумыша. Он открыт А.П. Уманским в 1959 г., обследовался А.Б. Шамшиным в 1978 и 1983 гг. В разрушениях объекта собрана керамика, среди которой имеются сильно профилированные венчики, в том числе с карнизами, и стенки. Они украшены насечками и ямками. Частично реконструируемый сосуд представляет горшок, орнаментированный по венчику насечками, по шейке – рядом ямок, а ниже – поясом треугольно-зубчатого штампа с отходящими фестонами сложного узора из прочерченных линий (рис. 68.-10). Эти находки хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета и отнесены к сrostкинской культуре раннего средневековья.

Лит.: *Шамшин, Горбунов*, 1993; *Горбунов, Тишкин, Кунгуров*, 2016.

144. Калиновка-I, поселение. Памятник находится к северо-востоку от с. Черная Курья в Мамонтовском районе Алтайского края, на

елбане в пойме оз. Горькое. Он открыт и обследовался Г.Е. Ивановым в 1981 г. Получены разновременные материалы. К сrostкинской культуре можно отнести фрагменты керамических стенок и венчиков, орнаментированных треугольно-зубчатым штампом, ямками и насечками, образующими горизонтальные пояса и фестоны (рис. 68.-12–13). Датированной находкой является бронзовая подвеска в виде мужской личины (рис. 68.-11). Такие изделия характерны для сrostкинских погребений второй половины IX – первой половины X вв. Поселение Калиновка-I, видимо, существовало на грязновском этапе (вторая половина IX – первая половина X вв.) сrostкинской культуры, а, возможно, и позже. Материалы хранились в Чернокурьянской средней школе. В настоящее время их местонахождение пока неизвестно.

Лит.: *Иванов*, 2000; *Горбунов, Тишкин, Кунгуров*, 2016.

145. Камышенка, местонахождение. Памятник находится возле одноименного села в Усть-Пристанском районе Алтайского края, на елбане в пойме правого берега р. Оби. Открыт М.П. Грязновым в 1925 г. Тогда же были произведены сборы подъемного материала. Фрагменты керамики представлены образцами одинцовской культуры и более поздней серией, в которой присутствуют венчики с треугольно-зубчатым штампом и ямками, характерные для сrostкинской культуры. Материал хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), коллекция № 4617. Памятник может быть отнесен к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датирован в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Казаков*, 2016; *Горбунов, Тишкин, Кунгуров*, 2016.

146. Кипринский Борок-7, поселение и могильник. Находится в Шелаболихинском районе Алтайского края, в 0,5 км к северо-востоку от с. Киприно, на крупном елбане в пойме левого берега р. Оби, в пределах Приобского плато. Он неоднократно обследо-

довался М.Н. Комаровой (1952–1954 г.), А.П. Уманским (1959 г.), П.Л. Рудометовым (1990-е г.), В.В. Горбуновым, К.Ю. Кирюшиным и Л. Рудометовым (2001 г.) и др. Значительная серия средневековых находок, которая может быть соотнесена со сrostкинской культурой, обнаружена на выдуве № 7. Это в основном фрагменты венчиков и стенок, украшенные треугольно-зубчатым штампом, ямками и уголком лопатки. Среди орнамента распознаются горизонтальные пояса и фестоны (рис. 68.-14–20). Кроме того, в указанном пункте найдены бронзовые предметы сrostкинско-го облика: уздечные сердцевидные пятидольные бляхи-накладки, бляха-нашивка и перстень (рис. 68.-21–24), вероятно, из разрушенного грунтового погребения. Наиболее узко (второй половиной VIII – первой половиной IX вв.) датируются уздечные бляхи по аналогиям из погребальных памятников. В целом поселение и могильник Кипринский Борок-7 можно соотнести с инским этапом сrostкинской культуры. Площадь нахождения археологических материалов на елбане составляет 0,8×1,5 км. В современном состоянии памятник разрушается половодьем. Часть материалов хранится в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул), а другая часть – в школьном музее с. Киприно.

Лит.: Горбунов, Рудометов, 2003; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

147. Кокорское-1, городище. Памятник находится к юго-западу от одноименного села в Заринском районе Алтайского края, на высоком мысе надпойменной террасы р. Чумыша. Памятник открыт и обследован А.В. Гончаровым в 2004 г. На нем зафиксированы ров, вал и многочисленные западины. В шурфе между двумя большими западинами были обнаружены фрагменты керамики. Наиболее показательны из них профилированный венчик с карнизом, украшенный треугольно-зубчатым штампом. Пояском такого же штампа орнаментирована и шейка сосуда, что позволяет связать данный объект со сrostкинской культурой. Местонахождение находок пока неизвестно.

Лит.: Гончаров, 2005; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

148. Комарово-5, поселение. Памятник расположен к северо-западу–западу от одноименного села в Зональном районе Алтайского края, на мысовидном выступе террасы правого берега р. Иткуль. Он состоял из шести западин, образующих два ряда. В 1987 г. исследования на поселении проводил М.Т. Абдулганеев. Площадью 140 кв. м полностью раскопано жилище прямоугольной формы полуземляночного типа с каркасной конструкцией и хозяйственная постройка из жердей (рис. 70.-1). Найдены развалы от двух целых сосудов и фрагменты еще восьми. Все сосуды горшковидные с профилированными венчиками и орнаментом из треугольно-зубчатого штампа, насечек, ямок и прочерченных линий. Эти элементы образуют горизонтальные пояса и треугольные фестоны, характерные для сrostкинско-го керамического комплекса (рис. 70.-2–4). Поселение может быть отнесено к шадринцевскому этапу сrostкинско-й культуры и датировано в рамках второй половины X – первой половины XI вв.

Лит.: Абдулганеев, 1990; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

149. Коровья Пристань-III, поселение. Памятник находится к югу от с. Вершинино в Зональном районе Алтайского края, на мысовидном участке южного берега оз. Большой Иткуль. Он исследовался Б.Х. Кадиковым в 1956 г. и Ю.Ф. Кирюшиным в 1978–1981 гг. Вскрытая площадь составила 466 кв.м. Памятник многослойный, на нем найдены фрагменты керамики от трех сосудов, которые могут быть связаны со сrostкинско-й культурой. Сосуды горшковидные, с сильно профилированными венчиками, часть из которых имеет карнизы. Орнаментальные элементы представлены ямками и треугольно-зубчатым штампом, расположенными горизонтальными поясами. На одном сосуде ямки образуют ромбовидные фигуры (рис. 70.-13–15). Часть материалов хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, коллекция № 268.

Остальные находки с поселения были переданы в Бийский краеведческий музей. Поселение может быть отнесено к грязновскому этапу сrostкинской культуры и датировано в рамках второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Кирюшин, Казаков, 1997; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.*

150. Костенкова Избушка, поселение. Памятник находится западнее поселения Коровья Пристать-III в Зональном районе Алтайского края. Исследовался Б.Х. Кадиковым в 1956 г. и Ю.Ф. Кирюшиным в 1978–1981 гг. На нем была вскрыта площадь 2310 кв.м. Памятник многослойный и его верхний культурный горизонт содержал обломки от 15 сосудов, сопоставимых со сrostкинским комплексом. Посуда, видимо в основной массе горшки, украшена ямками, насечками, треугольно-зубчатым штампом и прочерченными линиями, образующими пояса и треугольные фестоны. Редким элементом является валик. Полностью реконструирован один сосуд кувшиновидной формы. Его венчик украшен треугольно-зубчатым штампом, по шейке идет ряд ямок, по плечикам пояс из редкого треугольно-зубчатого штампа, который частично перекрывают фигурноскобчатые фестоны из обычного штампа (рис. 70.-5–12). Возможно, что материалы раскопок с поселения хранятся в Бийском краеведческом музее. Поселение может быть отнесено к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и датировано в рамках второй половины X – первой половины XI вв.

Лит.: *Кирюшин, Казаков, 1997; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.*

151. Ордынское-5, поселение. Находится в Ордынском районе Новосибирской области, в 1,5 км к юго-востоку от с. Ордынское, на берегу Новосибирского водохранилища, в пределах Обского левобережья. Датруется второй половиной X – первой половиной XI вв. Памятник открыт В.Я. Есиным в 1966 г. и исследовался Т.Н. Троицкой в 1967 г. и А.А. Адамовым в 1988 г. Поселение состояло из 14

земляных платформ подпрямоугольной и подквадратной формы, размерами 5×6 и 8×11 м, высотой 0,2–0,3 м. Раскопаны три наземных жилища, платформы которых имели размеры 5,4–7×6–7 м, при высоте 0,2 м. В центре жилищ выявлены очаги, по краям столбовые ямы (рис. 69.-9). В настоящее время площадь памятника покрыта сосновым бором. В жилищах и за ними найдены фрагменты керамики от 13 сосудов (рис. 69.-11–15). Их профилировка и орнамент характерны для керамики сrostкинской культуры.

Лит.: *Адамов, 2000.*

152. Ручей Смольёв, местонахождение. Памятник зафиксирован на небольшом водотоке одноименного ручья в Калманском районе Алтайского края, на правом берегу Оби, между протокой Заломная и р. Петровкой. Сборы на памятнике проведены В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым на правом берегу ручья, частично разрушенном при строительстве дамбы-перехода через русло. К сrostкинской культуре можно отнести фрагмент керамического сосуда, украшенный по венчику треугольно-зубчатым штампом, а по шейке – ямками. Эту и другие аналогичные находки предварительно можно связать с грязновским этапом и датировать в пределах второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Кунгуров, 2001; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.*

153. Седова Заимка, городище. Находится в Новосибирском районе Новосибирской области, в 2 км к югу от д. Седова Заимка, на правом берегу р. Оби. Датруется второй половиной X – первой половиной XI вв. Памятник исследовался Т.Н. Троицкой в 1962 и 1966 гг. и В.Д. Романцовой в 1973–1974 гг. Городище расположено на коренной террасе, с трех сторон укрепленной фортификационными сооружениями из двух валов и рвов. Ширина валов 4–5 м, высота до 4 м, ширина рвов 3,5–7 м. С северной стороны имеется въезд с двумя бастионами, с западной стороны еще один въезд. Площадь памятника составляет

4100 кв. м, раскопано 400 кв. м. В раскопе выявлены остатки построек и две сводчатые печи. В настоящее время площадь памятника покрыта смешанным лесом. При раскопках найдены железный и костяные наконечники стрел (рис. 71.-1–3), фрагменты керамики от 100 сосудов (рис. 71.-4–10) и некоторые другие вещи. Часть керамики имеет форму и орнамент, характерные для сrostкинской культуры.

Лит.: *Адамов, 2000.*

154. Селезневский Борок, поселение. Памятник находится на крупном елбане у с. Киприно в Шелаболихинском районе Алтайского края. Сборы материалов с раздува производились В.В. Горбуновым, К.Ю. Кирюшиным и П.Л. Рудометовым в 2001 г. Найдены стенки керамических сосудов, украшенные треугольно-зубчатым штампом и ямками, которые образуют пояса и фестоны (рис. 68.-25–26). Посуда близка сrostкинскому комплексу с Кипринского Борка-7. Материал хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Находки могут быть соотнесены с инским этапом и датированы второй половиной VIII – первой половиной IX вв.

Лит.: *Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.*

155. Серебrenниково-III, поселение. Памятник расположен к западу от одноименного села в Алейском районе Алтайского края, на окончании надпойменной террасы у оз. Бахматовское. Он исследовался под руководством А.А. Тишкина в 1995 г. Вскрыта площадь составила 100 кв. м. Полученные материалы относятся к периоду развитой бронзы, раннему железному веку и средневековью. В ходе раскопок обнаружено одно жилище наземного типа, у которого хорошо прослеживались оставшиеся столбовые ямки (рис. 72.-1). С этим сооружением связаны находки двух сильно профилированных венчиков с карнизом, украшенных треугольно-зубчатым штампом и ямками (рис. 72.-2–3), которые относятся к сrostкинской культуре и могут быть датированы в пределах второй половины X – первой половины XI вв. (шадринцевский

этап). Материал хранится в фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

Лит.: *Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.*

156. Солдатово, местонахождение. Обнаружено к востоку от одноименного села в Петропавловском районе Алтайского края, на елбане в пойме правого берега Оби. Памятник открыт и обследован М.П. Грязновым в 1927 г. Среди сборов (помимо кулайской и одинцовской керамики) присутствуют венчики, орнаментированные треугольно-зубчатым штампом и ямками, которые образуют пояса и фестоны, что характерно для сrostкинских комплексов. Этот материал хранится в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), коллекция № 4400. Предварительно его можно связать с грязновским этапом и датировать в пределах второй половины IX – первой половины X вв.

Лит.: *Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.*

157. Троицк-3, поселение. Памятник расположен восточнее пос. Троицк в Калманском районе Алтайского края, на елбане, в излучине старицы Алея (левый приток Оби). Открыт А.П. Уманским в 1972 г., обследовался В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым в 1986–1987 гг. и В.В. Горбуновым в 1992–1994 гг. На поселении собрана значительная коллекция керамики, большая часть которой относится к сrostкинской культуре: венчики, орнаментированные треугольно-зубчатым штампом и ямками, и стенки, украшенные таким же штампом. На ряде фрагментов хорошо просматриваются горизонтальные пояса и фестоны, образованные оттисками штампа (рис. 72.-5–15). Кроме того, найдено перо железного наконечника стрелы килевидного абриса и ромбовидного сечения (рис. 72.-4). Аналогичные экземпляры встречаются в сrostкинских погребениях второй половины IX – первой половины XI вв. По всей видимости, поселение существовало на грязновском этапе. Хотя не стоит исключать его бытование и на шадринцевском этапе (первая половина X – первая половина XI вв.). Коллекция материалов хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 161.

Лит.: Горбунов, Бородаев, 1995; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

158. Улица Радищева, поселение. Памятник находился на одноименной улице в квартале АБ г. Бийска (Алтайский край), на гриве второй надпойменной террасы р. Бии. Исследовался А.Л. Кунгуровым в 1984 г. Там раскопана хозяйственная яма с развалами трех сосудов и подвеской из лазурита (рис. 70.-16–19). Два сосуда – это горшки, украшенные поясами треугольно-зубчатого штампа и ямок, а третий – крупная чаша с рядом ямок по шейке. Такая керамика вполне вписывается в сросткинский комплекс и может соотноситься со змеевским этапом (вторая половина XI – XII вв.). Лазуритовая подвеска имеет датирующее значение, поскольку изделия такой формы и орнаментации бытовали ограниченное время в середине XI – XII вв.

Лит.: Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

159. Урлапово, поселение. Памятник располагается на елбане к югу от одноименного села в Шипуновском районе Алтайского края. Обследовалось Э.М. Медниковой в 1966 г. Материалы разновременные, среди керамики выделяются венчики, орнаментированные насечками, треугольно-зубчатым штампом и ямками, которые с большой долей вероятности принадлежат сросткинскому комплексу. Возможно, материалы хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее. Их можно соотнести с шадринцевским этапом (вторая половина X – первая половина XI вв.).

Лит.: Иванов, 1982; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

160. Усть-Алейский Елбан, местонахождение. Обнаружено В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым в 1978 г. у подножья крупного останца на левом берегу Алея в Калманском районе Алтайского края. Там был найден фрагмент керамического венчика сросткинского облика, с карнизом, украшенного треугольно-зубчатым штампом. Его можно соотнести с шадринцевским этапом (вторая

половина X – первая половина XI вв.). Где хранится находка, пока неизвестно.

Лит.: Кунгуров, 2001; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

161. Черная Курья-VI, поселение. Памятник находится южнее одноименного села в Мамонтовском районе Алтайского края, на невысоком берегу высохшего болота. Открыто и обследовано Г.Е. Ивановым в 1982 г. Среди материалов памятника есть венчик, орнаментированный насечками, ямками и штампом с треугольными зубьями, а также перо железного наконечника копья-рогатины вытянуто-ромбического абриса и уплощенно-ромбовидного сечения (рис. 68.-27–28). Наконечники копий с аналогичным пером встречаются в погребениях сросткинской культуры второй половины IX – первой половины X вв. (грязновский этап). При этом не стоит исключать существование поселения и на шадринцевском этапе (вторая половина X – первая половина XI вв.). Место хранения указанных материалов пока неизвестно.

Лит.: Кунгуров, 2001; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016.

162. Черный Борок-20, городище. Находится в Колыванском районе Новосибирской области, в 8 км к югу от пос. Колывань, на левом берегу р. Оби. Датируется второй половиной X – первой половиной XI вв. Памятник открыт А.А. Адамовым в 1982 г. и им же исследовался в 1984 г. Городище расположено на краю надпойменной террасы и состоит из двух частей. Большая часть имеет размеры 50×70 м и окружена с трех сторон рвом, ширина которого 10 м, а глубина 4 м. За рвом имеется прерывистый вал шириной 4 м, высотой 0,5 м с семью выступающими бастионами и въездом. Меньшая часть имеет размеры 50×50 м и примыкает с севера к большей части. Она также укреплена рвом (ширина 7 м, глубина 2 м) и внутренним валом (ширина 3 м, высота 0,5 м). Здесь есть два бастиона и два въезда. В юго-западной части городища раскопана площадь 92 кв. м, в юго-восточ-

ной – 116 кв. м. В раскопах выявлены остатки канав и ям, прокалы, обломки металлургического горна, сгоревшие бревна, жерди и доски. В настоящее время площадь памятника покрыта сосновым лесом. При раскопках найдены железные наконечники стрел, фрагмент панцирной пластины, ножи, костяные наконечники стрел (рис. 71.-11–15), обломки керамики от 85 сосудов (рис. 71.-16–26), а также другие предметы. Значительная часть керамики имеет форму и орнамент, характерные для сrostкинской культуры.

Лит.: *Адамов*, 2000.

163. Шатово-III, поселение. Расположено южнее с. Черная Курья в Мамонтовском районе Алтайского края, на елбане у берега одноименного болота. Открыто и обследовано Г.Е. Ивановым в 1982 г. Памятник раз-

новременный. Из полученных материалов к сrostкинской культуре можно отнести серию венчиков с карнизами, украшенных насечками, треугольно-зубчатым штампом и ямками (рис. 68.-29–30). Исходя из этих данных, предварительно время существования поселения можно определить шадринцевским этапом (вторая половина X – первая половина XI вв.). Место хранения указанных материалов пока неизвестно.

Лит.: *Иванов*, 2000; *Горбунов, Тишкин, Кунгуров*, 2016.

Как уже было выше отмечено, в данном издании не рассматриваются случайные находки. Отметим лишь одну из них (вкл.-280), которая введена в научный оборот (Тишкин, Серегин, 2011, с. 55).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работы, следует отметить, что авторы постарались рассмотреть все известные на сегодняшний день памятники сrostкинской культуры на юге Западной Сибири. Для этого были привлечены опубликованные данные, доступные архивные материалы, полевая документация и коллекции музейных предметов, а также имеющиеся реконструкции (вкл.-281, 282).

Всего собрана и обобщена информация о 163 памятниках, из которых 120 курганных могильников (включая одиночные курганы), 18 грунтовых могильников (включая одиночные могилы), 20 поселений (включая местонахождения поселенческого типа) и пять городищ (рис. 1). На 138 погребальных памятниках были раскопаны или доисследованы 778 могил.

Согласно современной периодизации сrostкинской культуры (Неверов, Горбунов, 2001; Тишкин, Горбунов, 2002; Горбунов, 2009; 2012; Горбунов, Тишкин, 2022), все эти памятники можно разделить на четыре хронологические группы:

1. Инской этап, вторая половина VIII – первая половина IX вв., 13 памятников: 11 могильников (73 погребения) и два поселения.

2. Грязновский этап, вторая половина IX – первая половина X вв., 67 памятников: 60 могильников (251 погребение) и семь поселений.

3. Шадринцевский этап, вторая половина X – первая половина XI вв., 67 памятников: 55 могильников (410 погребений), девять поселений и три городища.

4. Змеевский этап, вторая половина XI – XII вв., 16 памятников: 12 могильников (44 погребения), два поселения и два городища.

Памятники сrostкинской культуры известны во всех районах Лесостепного Алтая: на

левобережье Оби в пределах Предалтайской равнины, Приобского плато, восточной части Кулундинской равнины; на правобережье Оби в пределах предгорной зоны Бийско-Катунского междуречья, Предсалаирской равнины и Бийско-Чумышской возвышенности. Также они присутствуют в Новосибирском Приобье и западных районах Кузнецкой котловины (рис. 1).

Метод картографии позволяет уточнить ареал сrostкинской культуры и проследить его изменения во времени согласно разработанной периодизации. Данные изменения можно сопоставить с известными событиями письменной истории Центральной Азии, тем самым установив их причинно-следственные связи и реконструировав основные вехи развития сrostкинского объединения.

Памятники инского этапа локализуются в восточной части Предалтайской равнины (Точильное-5), на Приобском плато (Кипринский Борок-7, Мало-Панюшово, Плотниково, Селезневский Борок), на северо-востоке Кулундинской равнины (Кулунда, Кулундинская волость, Николаевка), вдоль кромки поймы правого берега р. Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-V, Борковский Елбан-6, Тузовские Бугры-2) и севернее нее (Иня-1, Чингис-2). Таким образом, они занимают широкую полосу вдоль верхнего течения Оби, от предгорий Алтая до Новосибирского Приобья. Центральным районом здесь выступает Приобское плато, являвшееся ядром территории, на которой происходило формирование сrostкинской культуры. Начало инского этапа связано с гибелью II Восточно-тюркского каганата (744 г.) и переселением тюркских племен на юг Западной Сибири. Тюрки через левобережные предгорья, очевидно, вышли в лесостепь и за-

няли Приобское плато. Прилегающие к нему земли на этом этапе еще не были полностью освоены, за исключением небольшого участка Кулундинской степи и правобережной поймы Оби напротив плато.

Памятники грязновского этапа выявлены на Предалтайской равнине (Белый Камень, Гилево-I–VI, VIII, IX, XI, XIV, XVI, Гора Тараскина-V, Ивановка-IX, XVII, XX, XXVI, Иванов Ключ-I, Комаришинский карьер, Кондратьевка-IV, Корболиха-II, IV, VII, VIII, X, Красная Горка-I, Кукушкин Елбан-2, Кураевка-I, Луговское-1, Михайловка, Новофирово-VII, Павловка-II, Сибирь, Солоновка, Сурья Сопка, Хлебобобный Елбан-I, Чекановский Лог-10, Черный Камень, Чинета-II); на Приобском плато (Быково, Быково-IV, Грязново-I–IV, Калиновка-I, Камень-II, Нечунаево-3, Нечунаевский Елбан-2, Обьездное-2, Троицк-3, Успенровка-II, Хабазино-4, Черная Курья-VI, Яровское-III), в восточной части Кулундинской равнины (Архангельское, Екатериновка-3, Кирилловка-V, Ключи), на Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-VI, Дмитротитово, Камышенка, Коровья Пристань-III, Ручей Смольев, Солдатово), в Бийско-Катунском междуречье (Сростки-I) и на Предсалаирской равнине (Усть-Шамониха-I). Они занимают уже всю территорию Лесостепного Алтая, а их число значительно увеличивается. Данный факт свидетельствует о росте сrostкинского населения и завершении консолидации общества. Начало Грязновского этапа можно сопоставить с военной экспансией Кыргызского каганата (840–847 гг.) и образованием Кимакского каганата. Интересы этих держав столкнулись в междуречье Иртыша и Алея. В западной части Предалтайской равнины (Алейская степь) наблюдается массовое появление сrostкинских могильников, ряд из которых соседствует с курганами кыргызов (Гилево-III, Чинета-II). Это позволяет предположить, что сrostкинское объединение выступало на данном этапе в союзе с Кыргызским каганатом против кимаков, благодаря чему за ним были закреплены юго-западные рубежи, которые позволили освоить и весь восток Кулундинской равнины.

Памятники шадринцевского этапа располагаются на Предалтайской равнине (Веселоярск, Восход-I, Гилево-VII, XII, XIII, XV, Ивановка-III, XXIV, Корболиха-III, V, VI, IX, Павловка-I, Усть-Козлуха, Щепчиха-1), на Приобском плато (Гоньба, Грань, Заковряшино, Камень-I, Коловый Мыс, Кучук-1, Обьездное-I, Поповская Дача, Пospelихинский, Прудской, Рогозиха-1, Серебренниково-III, Усть-Алейский Елбан, Урлапово, Филин-I, Шатово-III, Шелаболиха-3, Яровское-V), на востоке Кулундинской равнины (Займище, Кайгородка-V, Нижний Кучук-VII, Степной Кучук-1), на Бийско-Чумышской возвышенности (Ближние Елбаны-VII, VIII, Горный-7, Зайцево-2, Кокорское-1, Комарово-5, Костенкова Избушка, Лесной, Новотроицкое-I, Шадринцево-1), в Новосибирском Приобье по обоим берегам Оби (Березовый Остров-1, Боровое-1, Высокий Борок, Крохалевка-13, Ордынское-5, Седова Заимка, Черный Борок-20) и в западной части Кузнецкой котловины (Беково, Ишаново, Мусохраново-1, 3, Озерки-I, II, V, Промышленная-1, Сапогово-1, Торопово-1, Шабаново-3, Шанда, Шестаки-I). Таким образом, происходит дальнейшее расширение ареала сrostкинской культуры за счет северных и восточных земель. Начало этого этапа можно связать с активностью империи Ляо, основанной монголоязычными киданями. Их походы в Монголию (924–994 гг.) привели к вытеснению ряда кочевых племен на запад и ослаблению Кыргызского и Кимакского каганатов. На этот этап приходится наибольший территориальный рост и расцвет сrostкинское объединения, которому способствовала благоприятная внешнеполитическая обстановка.

Памятники змеевского этапа локализуются на Предалтайской равнине (Гилево-II, Змеевка, Маралиха), на Приобском плато (Барчиха, Боровиково-IV, V, Ильинка), на Бийско-Чумышской возвышенности (Абакша-1, Ближние Елбаны-II, IX, XVI, Елбанка, Осинки, Татарские Могилки, Улица Радищева) и в Бийско-Катунском междуречье (Солонцы-4). Их число заметно сокращается. Начало Змеевского этапа совпадает с новыми миграци-

ями кочевых племен из Центральной Азии. Это привело к гибели Кимакского каганата (1048–1049 гг.) и усилению кыпчаков, которые занимают часть ареала сrostкинской культуры, в первую очередь Кулундинскую равнину и другие степные участки. Последние сrostкинские могильники находятся преимущественно в предгорьях и вдоль поймы р. Оби. В начале XIII в. территорию Лесостепного Алтая завоевывают монголы (1207 г.) и складывается новая общность, одним из ком-

понентов которой становятся потомки сrostкинского населения.

Материалы и их интерпретация, представленные в книге, будут способствовать дальнейшему расширению и уточнению представлений о сrostкинской культуре и послужат хорошей базой для сравнительного анализа с другими этнокультурными образованиями Западной Сибири, Центральной и Средней Азии в эпоху Средневековья.

Рис. 1. Карта расположения памятников сrostкинской культуры на юге Западной Сибири.

Курганные могильники

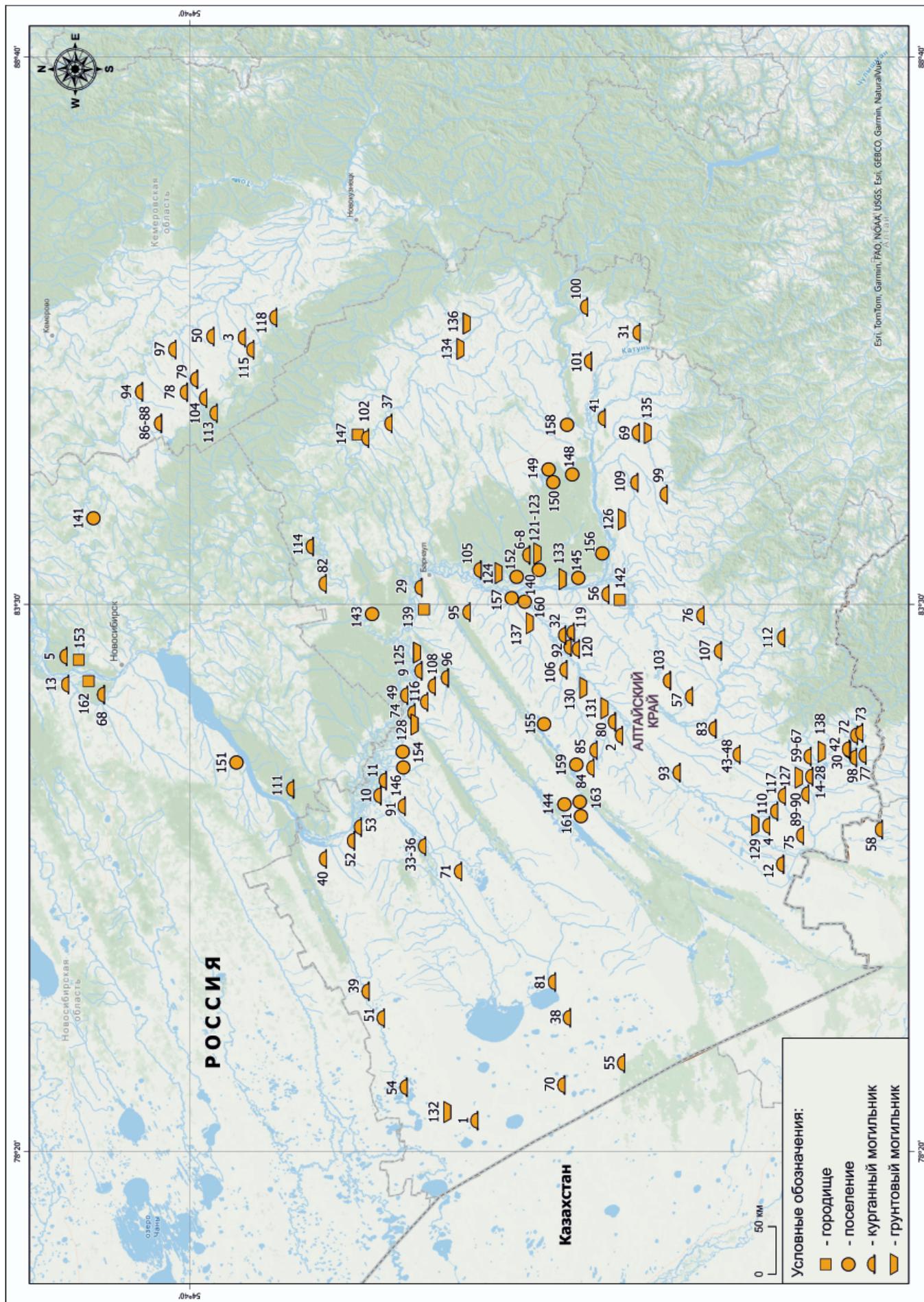
- 1 – Архангельское, 2 – Барчиха, 3 – Беково, 4 – Белый Камень, 5 – Березовый Остров-1, 6 – Ближние Елбаны-VI, 7 – Ближние Елбаны-VIII, 8 – Ближние Елбаны-IX, 9 – Боровиково-IV, 10 – Быково, 11 – Быково-IV, 12 – Веселоярск, 13 – Высокий Борок, 14 – Гилево-I, 15 – Гилево-II, 16 – Гилево-III, 17 – Гилево-IV, 18 – Гилево-V, 19 – Гилево-VI, 20 – Гилево-VII, 21 – Гилево-VIII, 22 – Гилево-IX, 23 – Гилево-XI, 24 – Гилево-XII, 25 – Гилево-XIII, 26 – Гилево-XIV, 27 – Гилево-XV, 28 – Гилево-XVI, 29 – Гоньба-Казачий взвоз, 30 – Гора Тараскина-V, 31 – Горный-7, 32 – Грань, 33 – Грязново-I, 34 – Грязново-II, 35 – Грязново-III, 36 – Грязново-IV, 37 – Дмитротитово, 38 – Екатериновка-3, 39 – Займище, 40 – Заковряшино, 41 – Змеевка, 42 – Иванов Ключ-I, 43 – Ивановка-III, 44 – Ивановка-IX, 45 – Ивановка-XVII, 46 – Ивановка-XX, 47 – Ивановка-XXIV, 48 – Ивановка-XXVI, 49 – Иня-1, 50 – Ишаново, 51 – Кайгородка-V, 52 – Камень-I, 53 – Камень-II, 54 – Кириловка-V, 55 – Ключи, 56 – Коловый Мыс, 57 – Комаришинский Карьер, 58 – Кондратьевка-IV, 59 – Корболиха-II, 60 – Корболиха-III, 61 – Корболиха-IV, 62 – Корболиха-V, 63 – Корболиха-VI, 64 – Корболиха-VII, 65 – Корболиха-VIII, 66 – Корболиха-IX, 67 – Корболиха-X, 68 – Крохалевка-13, 69 – Кукушкин Елбан-2, 70 – Кулунда, 71 – Кулундинская волость, 72 – Кураевка-I, 73 – Кучук-1, 74 – Лесной, 75 – Луговское-1, 76 – Маралиха, 77 – Михайловка, 78 – Мусохраново-1, 79 – Мусохраново-3, 80 – Нечунаево-3, 81 – Нижний Кучук-VII, 82 – Новотроицкое-I, 83 – Новофирсово-VII, 84 – Обьездное-1, 85 – Обьездное-2, 86 – Озерки-I, 87 – Озерки-II, 88 – Озерки-V, 89 – Павловка-I, 90 – Павловка-II, 91 – Плотниково, 92 – Поповская Дача, 93 – Пospelихинский, 94 – Промышленная-1, 95 – Прудской, 96 – Рогозиха-I, 97 – Сапогово-1, 98 – Сибирь, 99 – Солоновка, 100 – Солонцы-4, 101 – Сrostки-I, 102 – Степной Кучук-1, 103 – Сурья Сопка, 104 – Торопово-1, 105 – Тузовские Бугры-2, 106 – Успенровка-II, 107 – Усть-Козлуха, 108 – Филин-I, 109 – Хлеборобный Елбан-1, 110 – Черный Камень, 111 – Чингис-2, 112 – Чинета-II, 113 – Шабаново-3, 114 – Шадринцево-1, 115 – Шанда, 116 – Шелаболиха-3, 117 – Щепчиха-1, 118 – Шестаки-I, 119 – Яровское-III, 120 – Яровское-V.

Грунтовые могильники

- 121 – Ближние Елбаны-V, 122 – Ближние Елбаны-VII, 123 – Ближние Елбаны-XVI, 124 – Борковский Елбан-6, 125 – Боровиково-V, 126 – Восход-I, 127 – Гилево-II, 128 – Ильинка, 129 – Красная Горка-I, 130 – Мало-Панюшово, 131 – Нечунаевский Елбан-2, 132 – Николаевка, 133 – Осинки, 134 – Татарские Могилки, 135 – Точильное-5, 136 – Усть-Шамониha-I, 137 – Хабазино-4, 138 – Чекановский Лог-10А,

Поселения

- 139 – Абакша-1, 140 – Ближние Елбаны-II, 141 – Боровое-1, 142 – Елбанка, 143 – Зайцево-2, 144 – Калиновка-I, 145 – Камышенка, 146 – Кипринский Борок-7, 147 – Кокорское-1, 148 – Комарово-5, 149 – Коровья Пристань-III, 150 – Костенкова Избушка, 151 – Ордынское-5, 152 – Ручей Смольев, 153 – Седова Заимка, 154 – Селезневский Борок, 155 – Серебренниково-III, 156 – Солдатово, 157 – Троицк-3, 158 – Улица Радищева, 159 – Урлапово, 160 – Усть-Алейский Елбан, 161 – Черная Курья-VI, 162 – Черный Борок-20, 163 – Шатово-III.

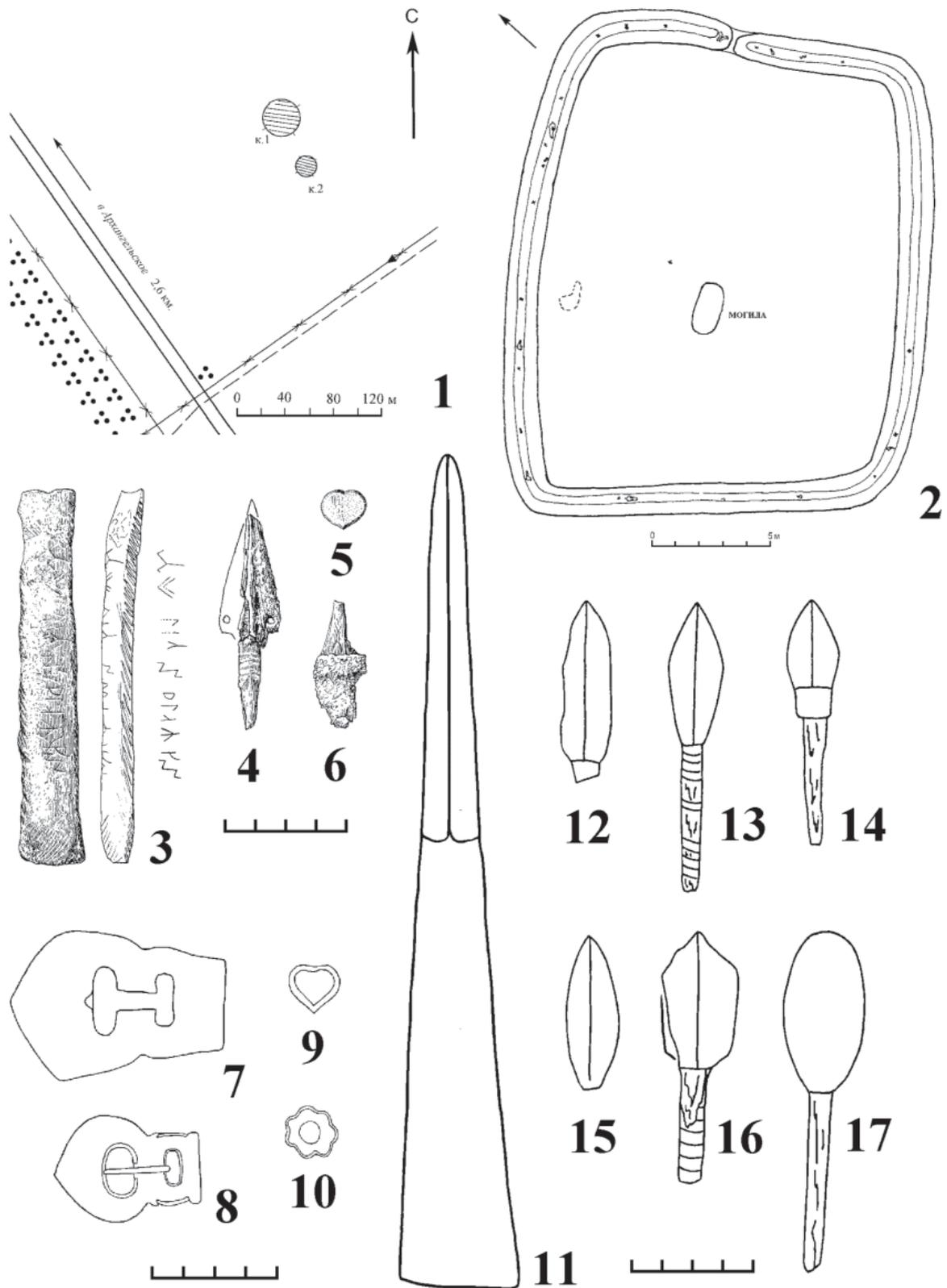

Рис. 2. Курганные могильники Архангельское (1–6) и Барчиха (7–17):
 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–17 – инвентарь (1–6 – по: Горбунов, Гельмел, 2007;
 7–17 – по: Телегин, 1998).

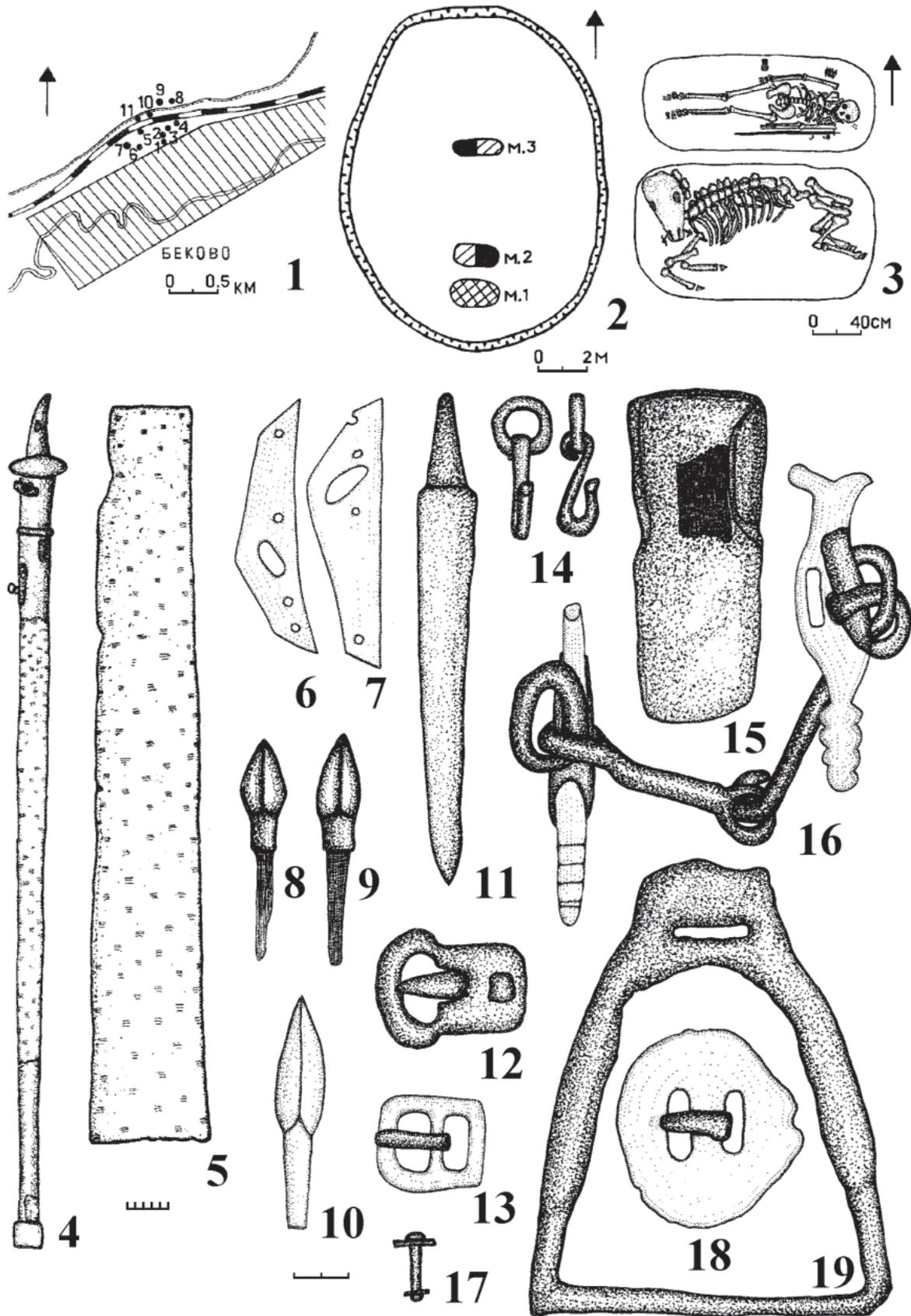

Рис. 3. Курганный могильник Беково: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3 – планы могил, 4–19 – инвентарь (по: Илюшин, 1993).

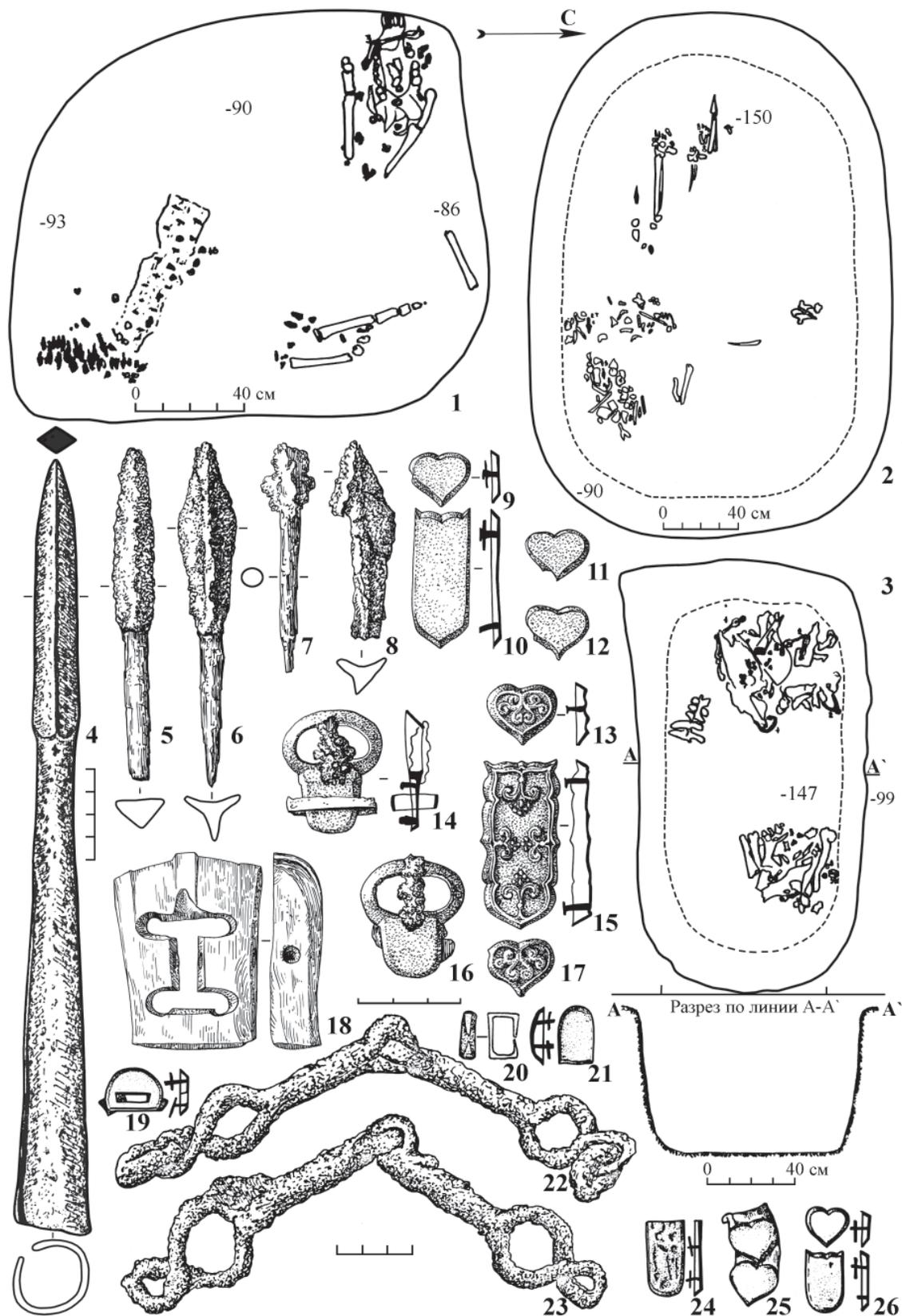

Рис. 4. Курганный могильник Белый Камень:
 1–3 – планы могил, 4–26 – инвентарь (по: Тишкин, 1993а).

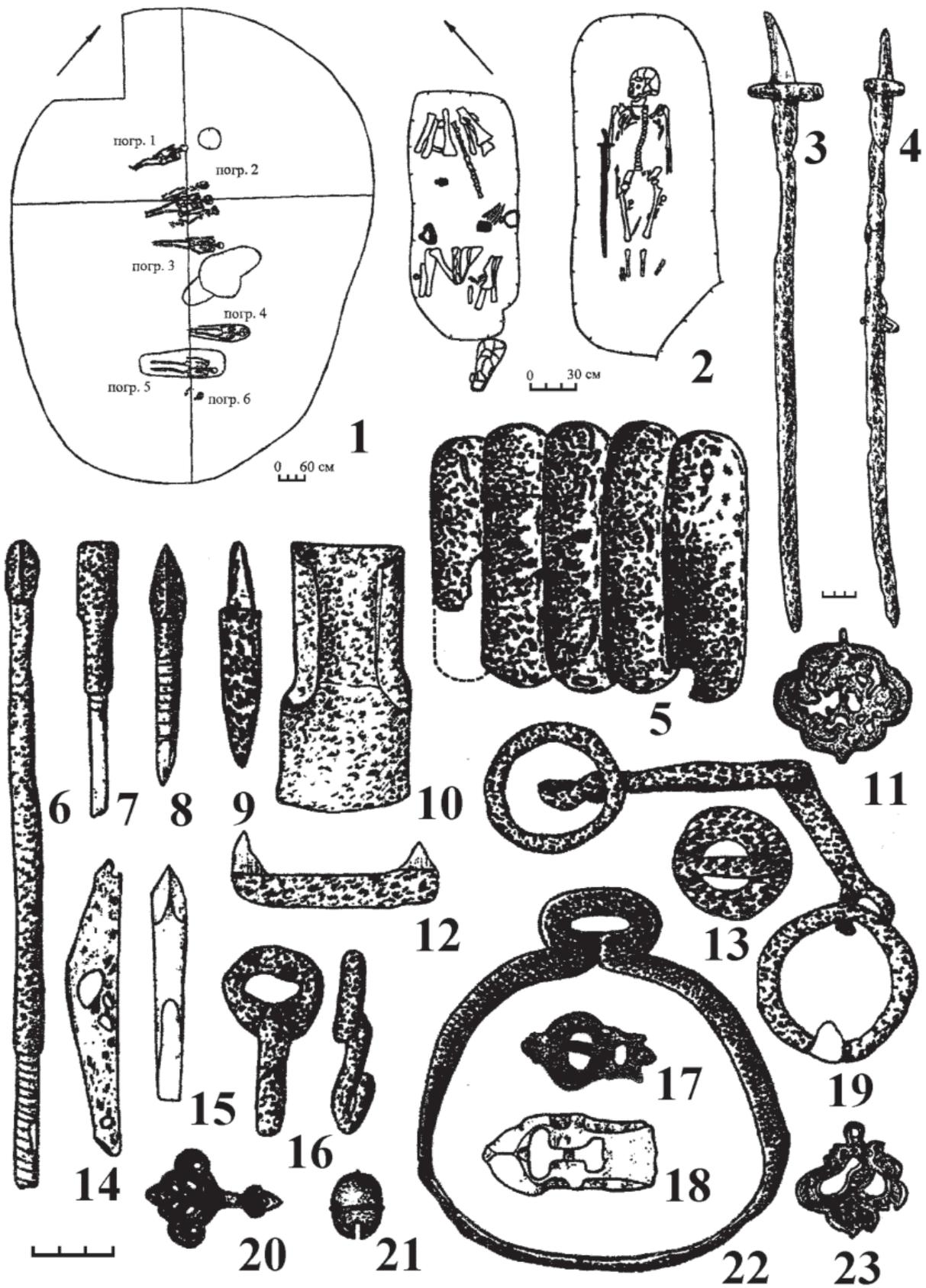

Рис. 5. Курганный могильник Березовый Остров-1:
 1 – план кургана, 2 – план могил, 3–23 – инвентарь (по: Адамов, 2000).

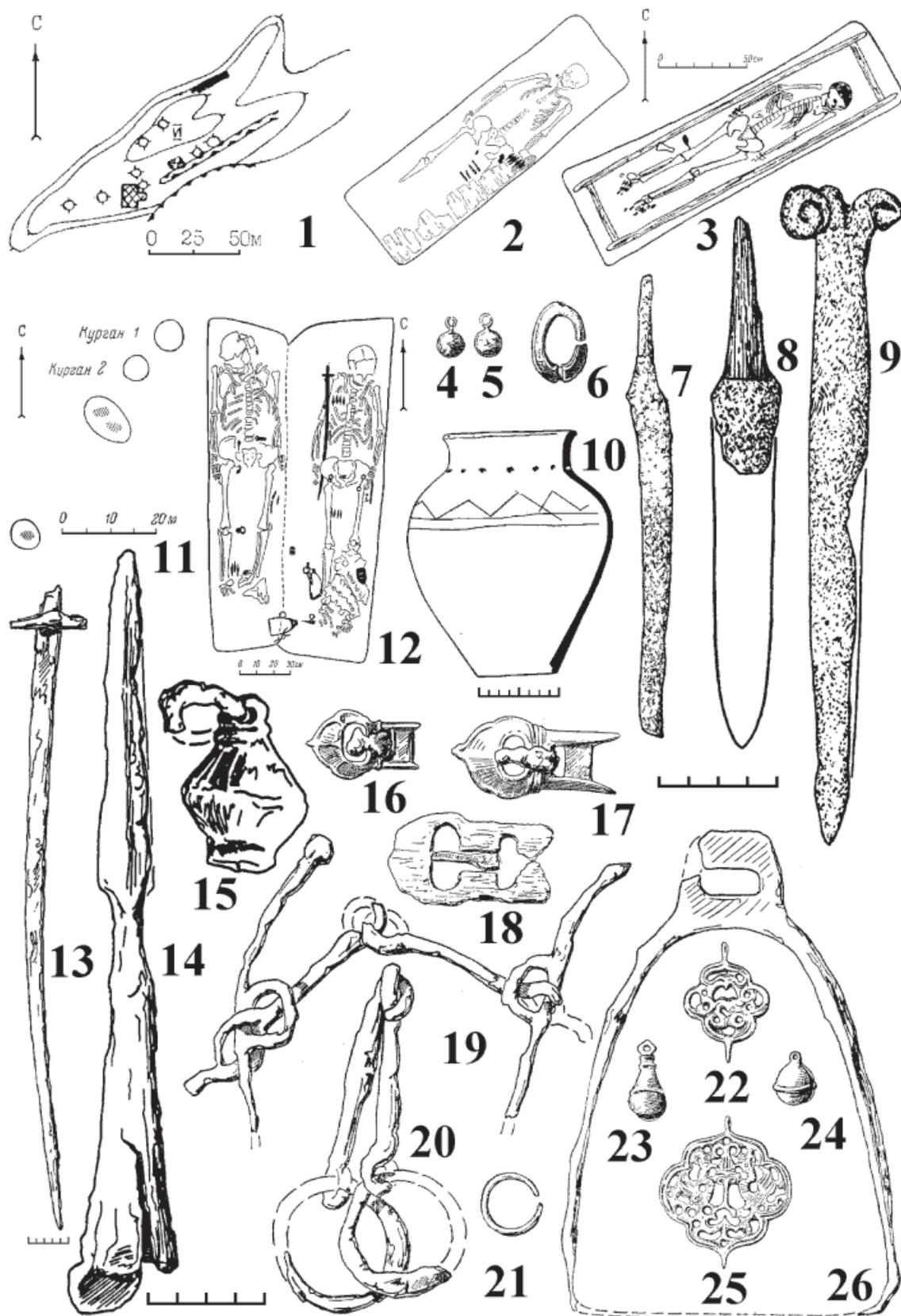

Рис. 6. Курганные могильники Ближние Елбаны-VI (1-10) и VIII (11-26):
 1, 11 – планы памятников, 2, 3, 12 – планы могил, 4-10, 13-26 – инвентарь
 (по: Грязнов, 1956; Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995).

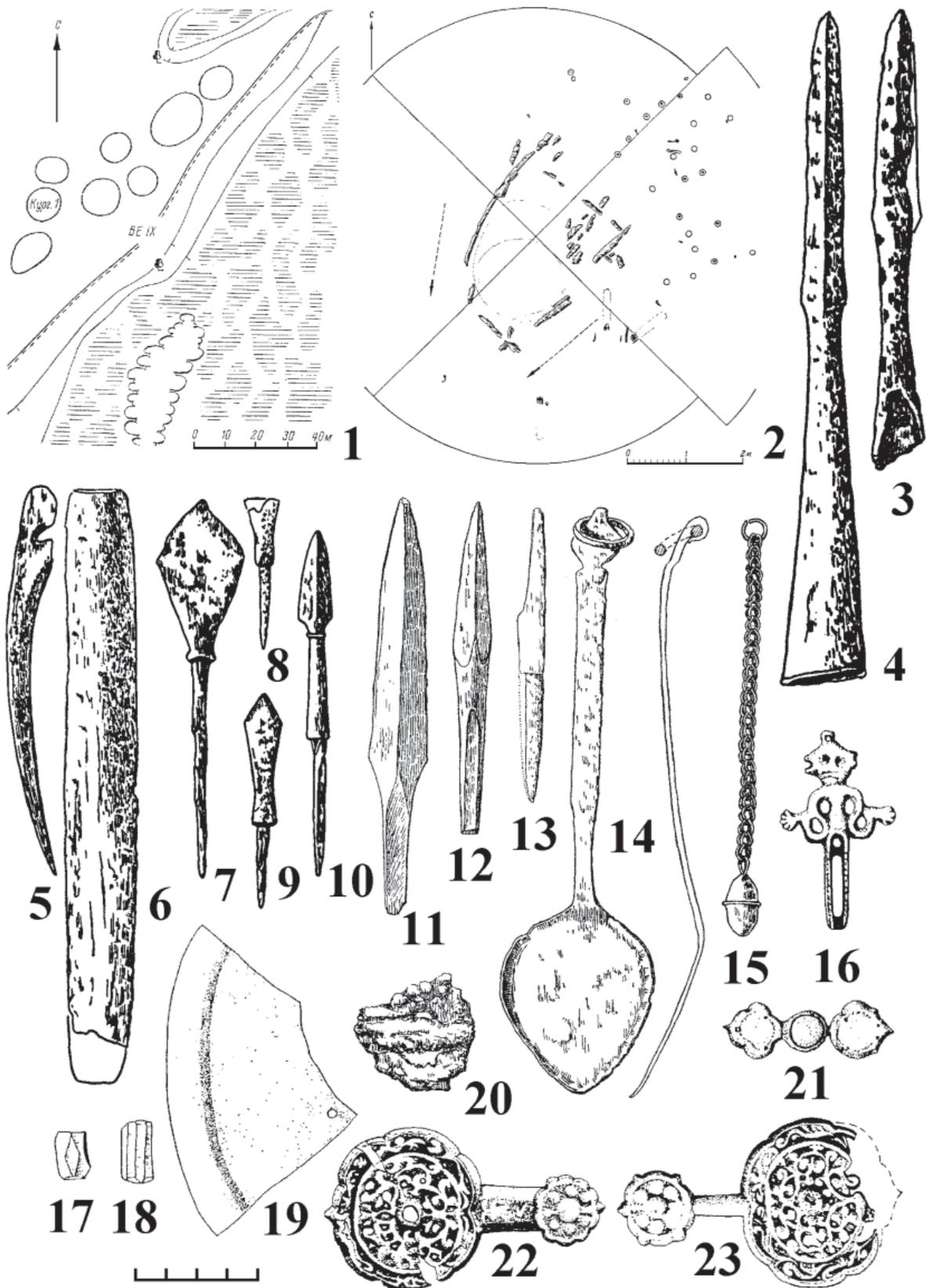

Рис. 7. Курганный могильник Ближние Елбаны-IX: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–23 – инвентарь (по: Грязнов, 1956; Абдулганеев, Егоров, 1995).

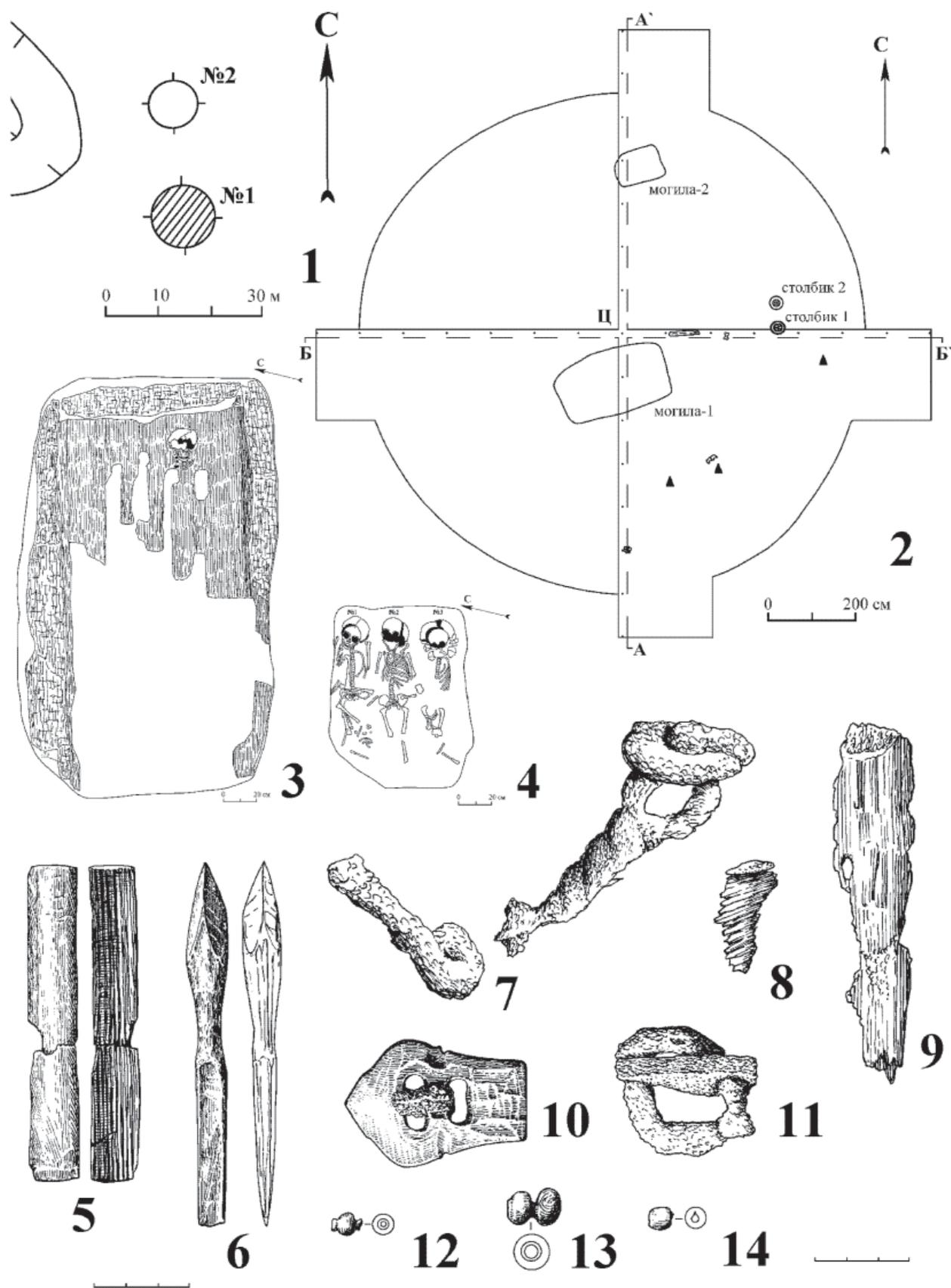

Рис. 8. Курганный могильник Боровиково-IV: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–14 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2022).

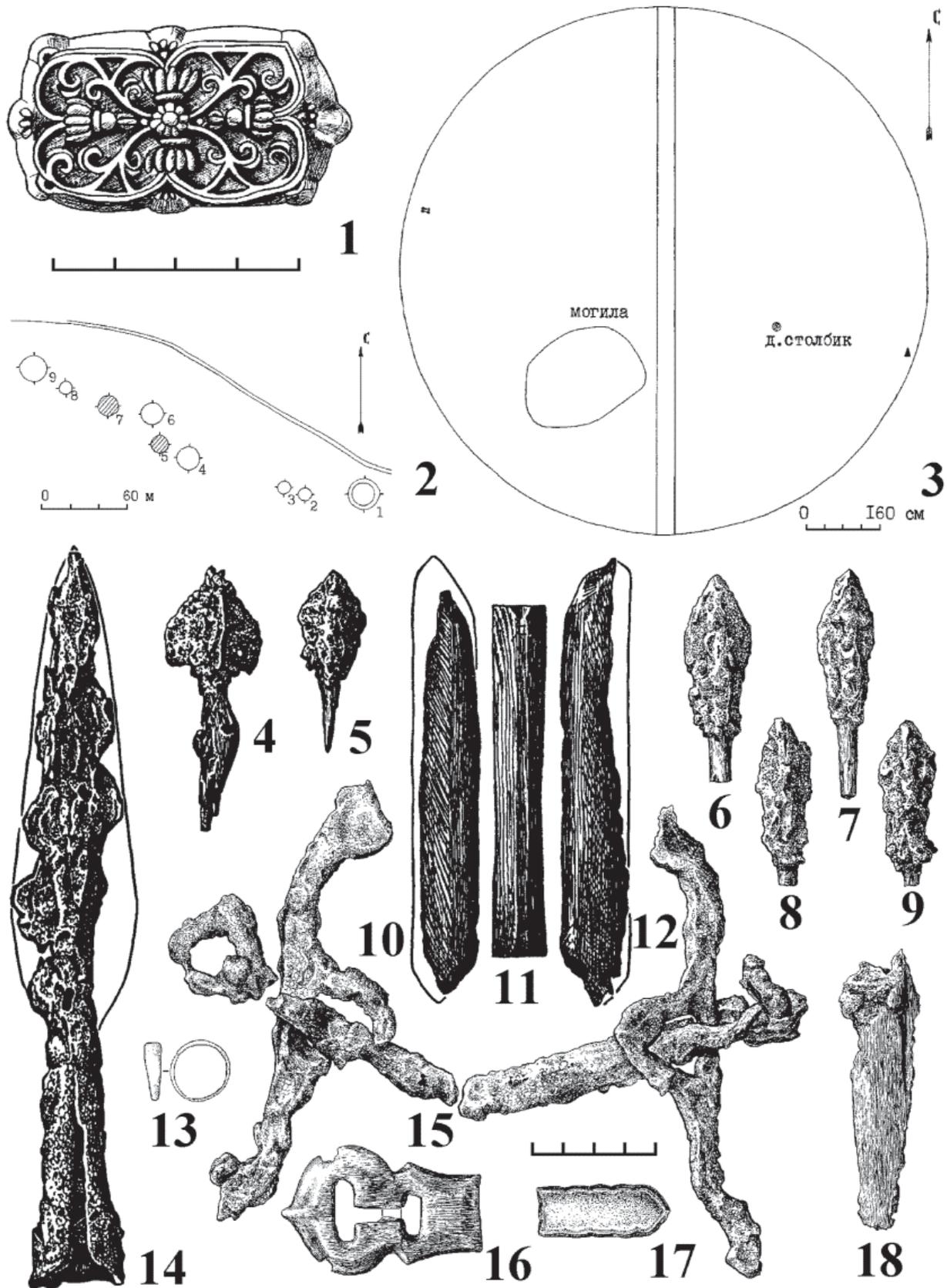

Рис. 9. Курганные могильники Быково (1) и Быково-IV (2–18):
 2 – план памятника, 3 – план кургана, 1, 4–18 – инвентарь (1 – по: Уманский, 1991;
 2–18 – по: Кирюшин, Горбунов, Алехин, 1999).

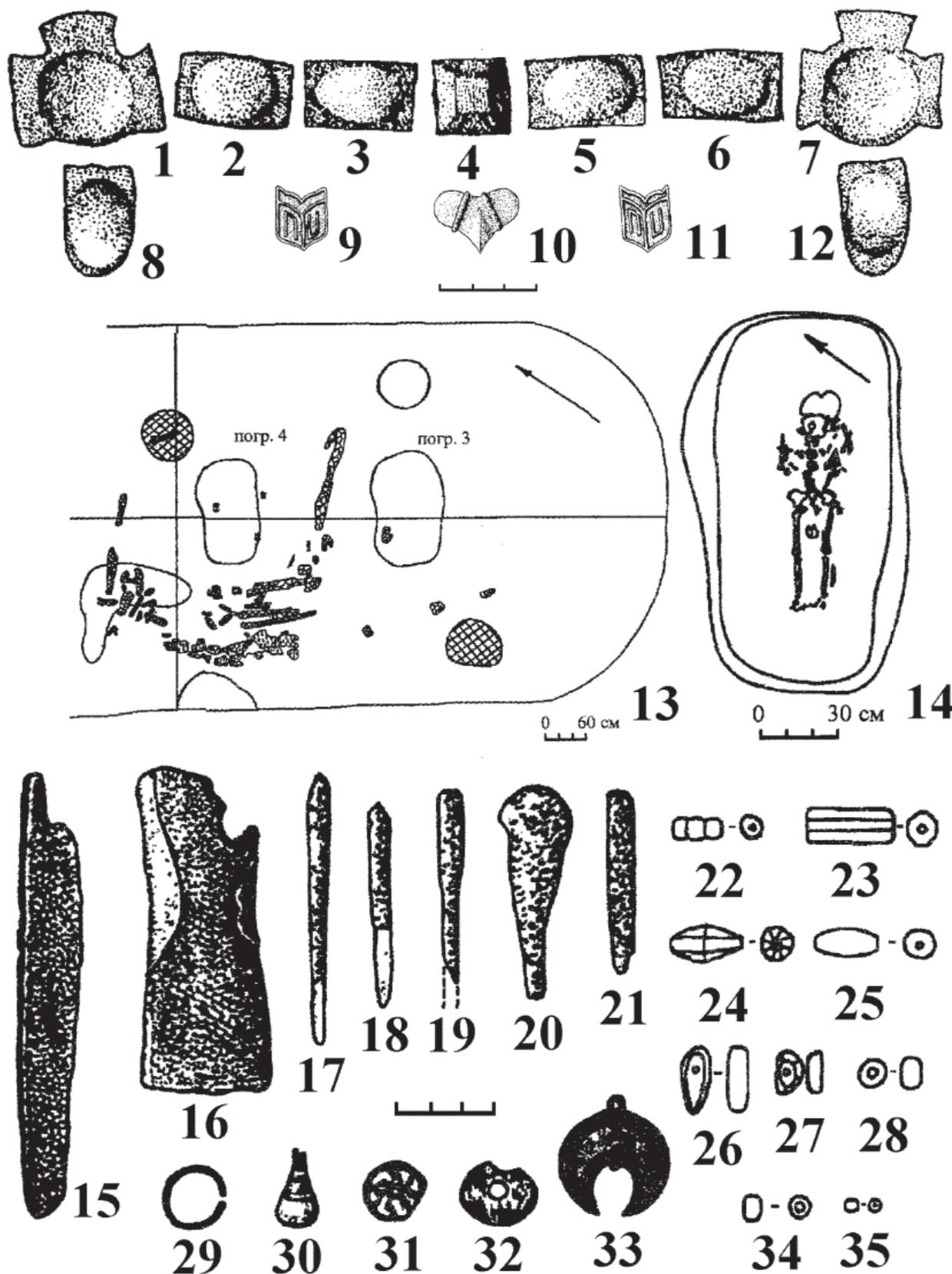

Рис. 10. Курганные могильники Веселоярск (1–12) и Высокий Борок (13–35):
 13 – план кургана, 14 – план могилы, 1–12, 15–35 – инвентарь (1–12 – по: Кирюшин, Тишкин,
 Казаков, 1996; 13–35 – по: Адамов, 2000).

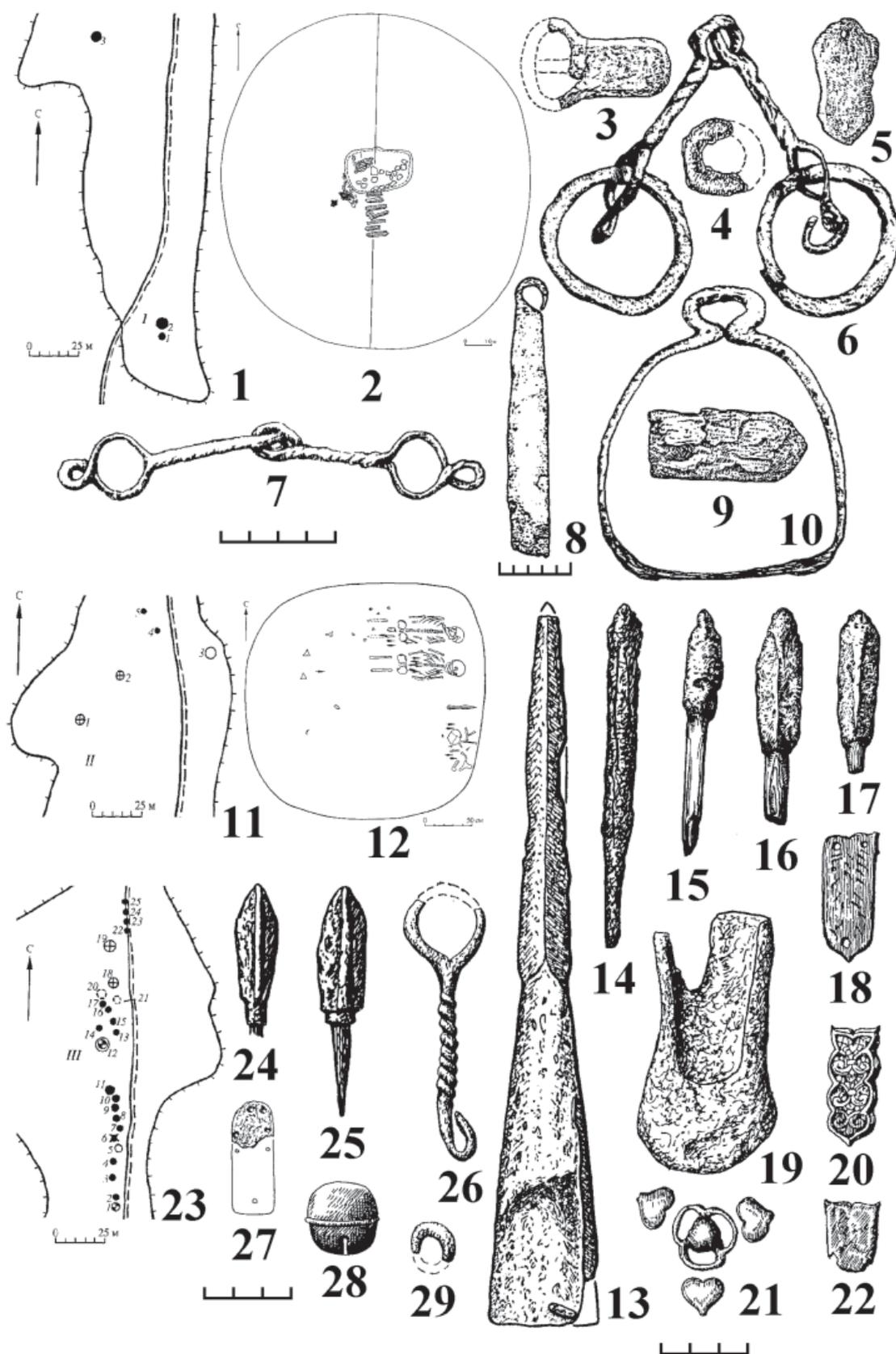

Рис. 11. Курганные могильники Гилево-I (1-10), II (11-22) и III (23-29):
 1, 11, 23 – планы памятников, 2 – план кургана, 12 – план могилы,
 3-10, 13-22, 24-29 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

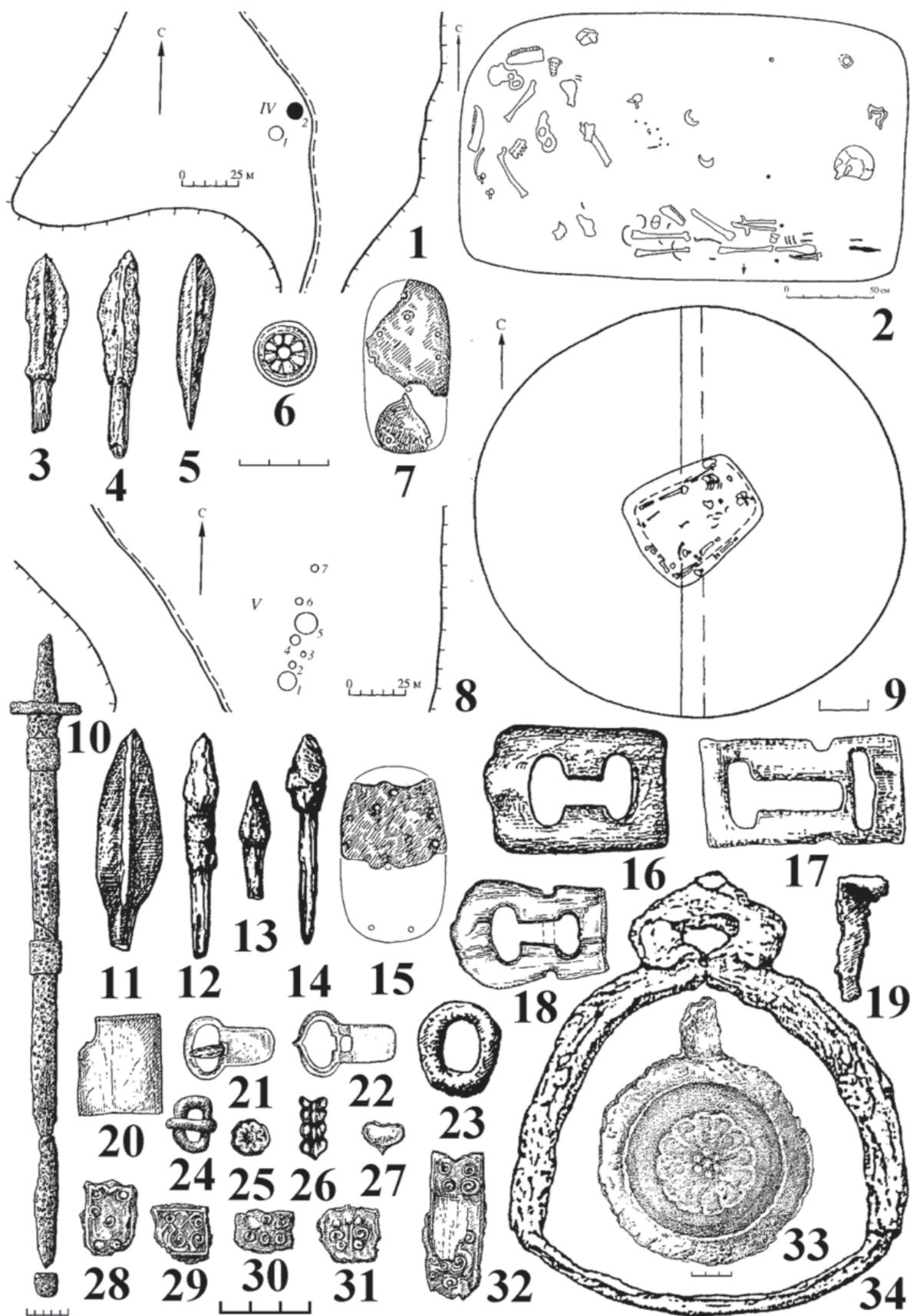

Рис. 12. Курганные могильники Гилево-IV (1-7) и V (8-34): 1, 8 – планы памятников, 2 – план могилы, 9 – план кургана, 3-7, 10-34 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

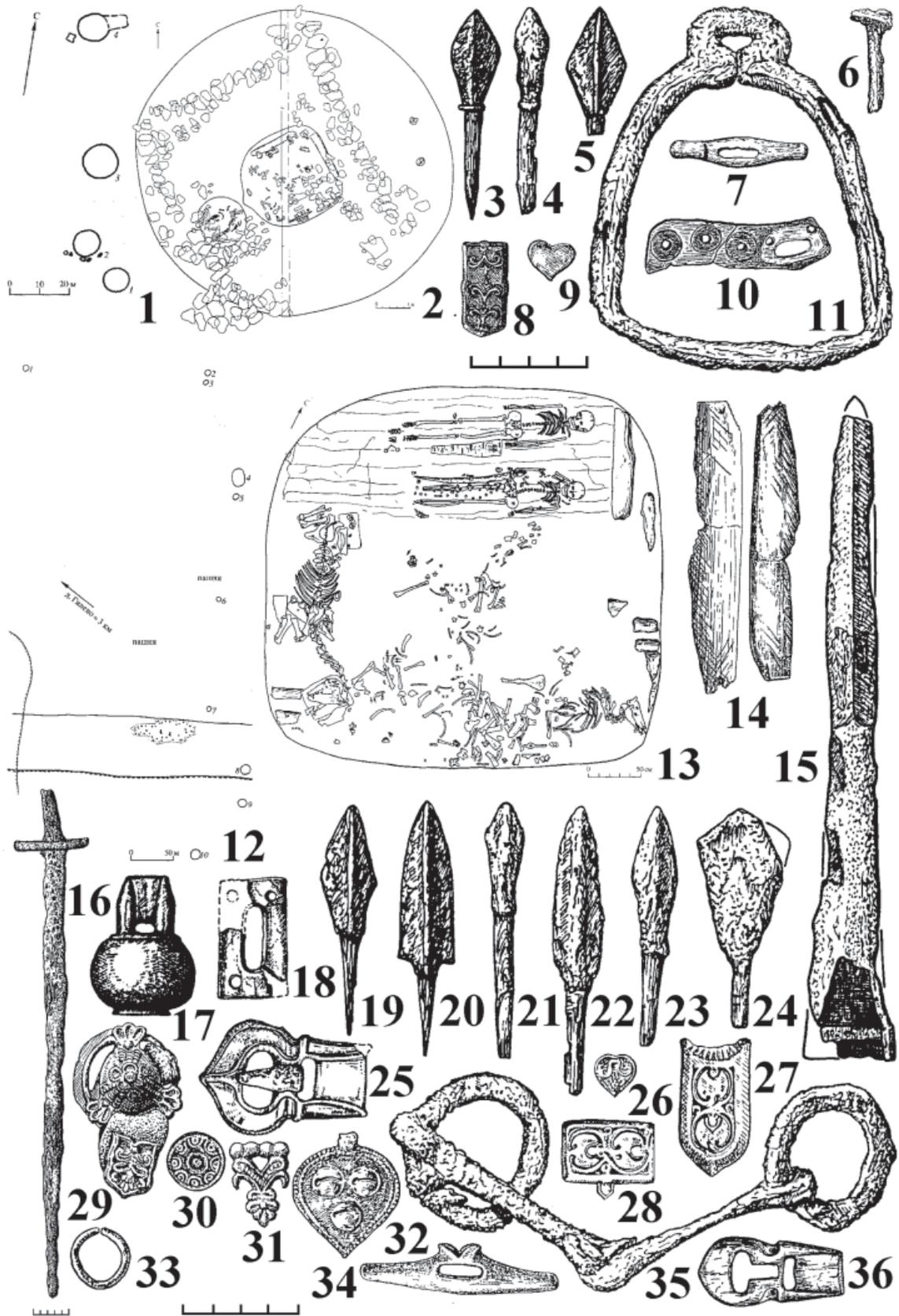

Рис. 13. Курганные могильники Гилево-VI (1-11) и VII (12-36): 1, 12 – планы памятников, 2 – план кургана, 13 – план могилы, 3-11, 14-36 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

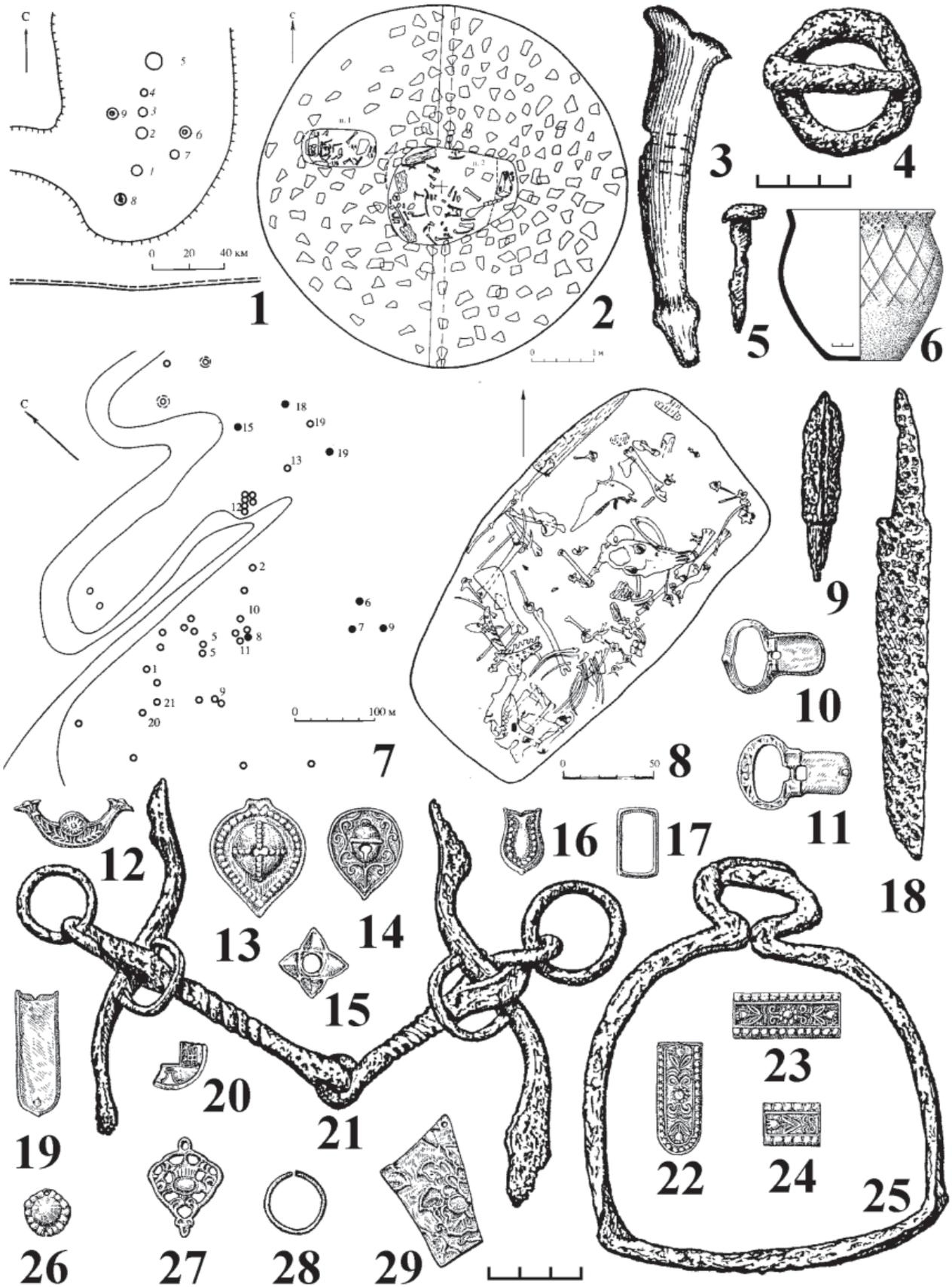

Рис. 14. Курганные могильники Гилево-VIII (1–6) и IX (7–29): 1, 7 – планы памятников, 2 – план кургана, 8 – план могилы, 3–6, 9–29 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

Рис. 15. Курганные могильники Гилево-XI (1-6) и XII (7-40): 1, 7 – планы памятников, 2 – план кургана, 8 – план могилы, 3-6, 9-40 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

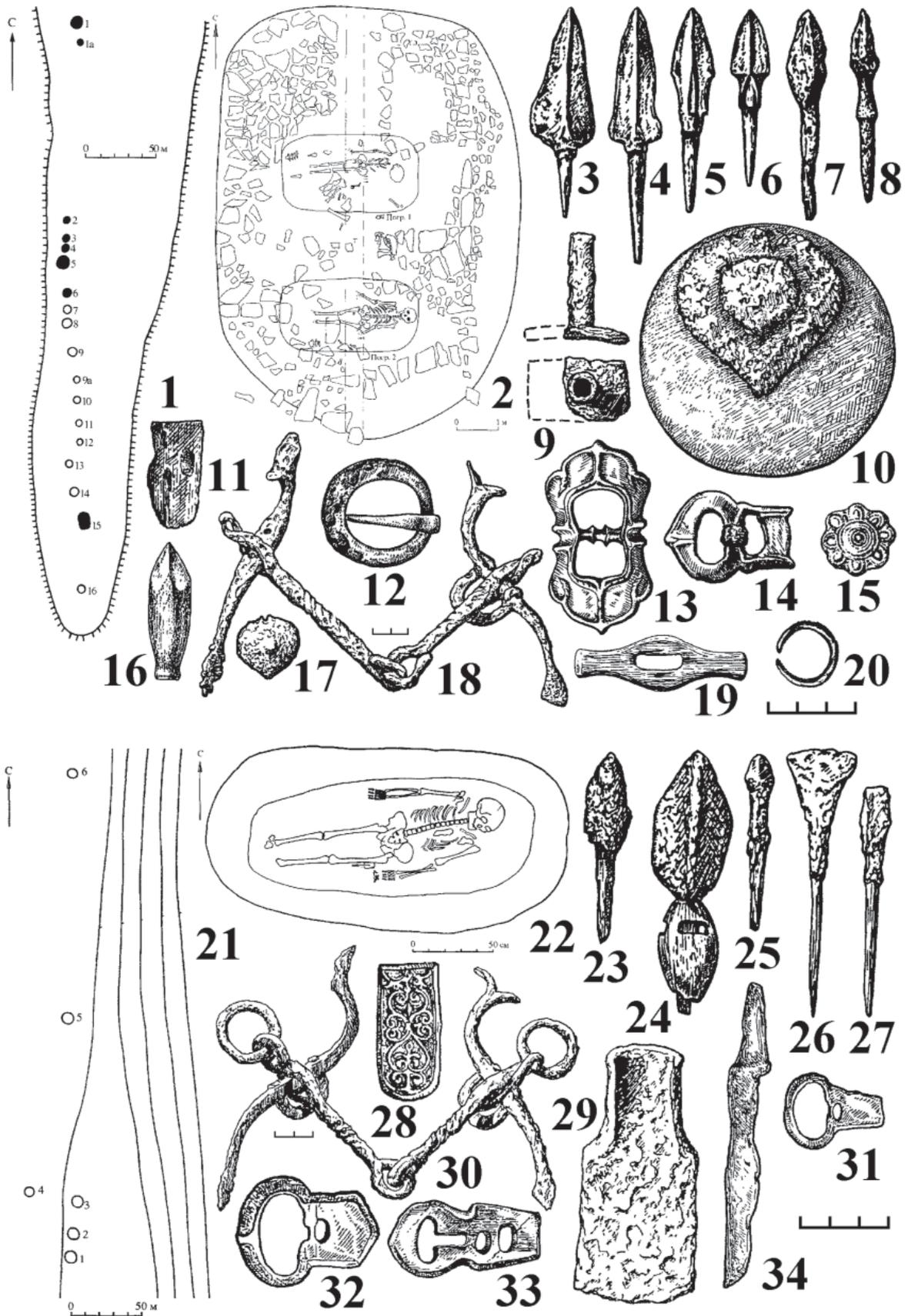

Рис. 16. Курганные могильники Гилево-ХІІІ (1–20) и ХІV (21–34): 1, 21 – планы памятников, 2 – план кургана, 22 – план могилы, 3–20, 23–34 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

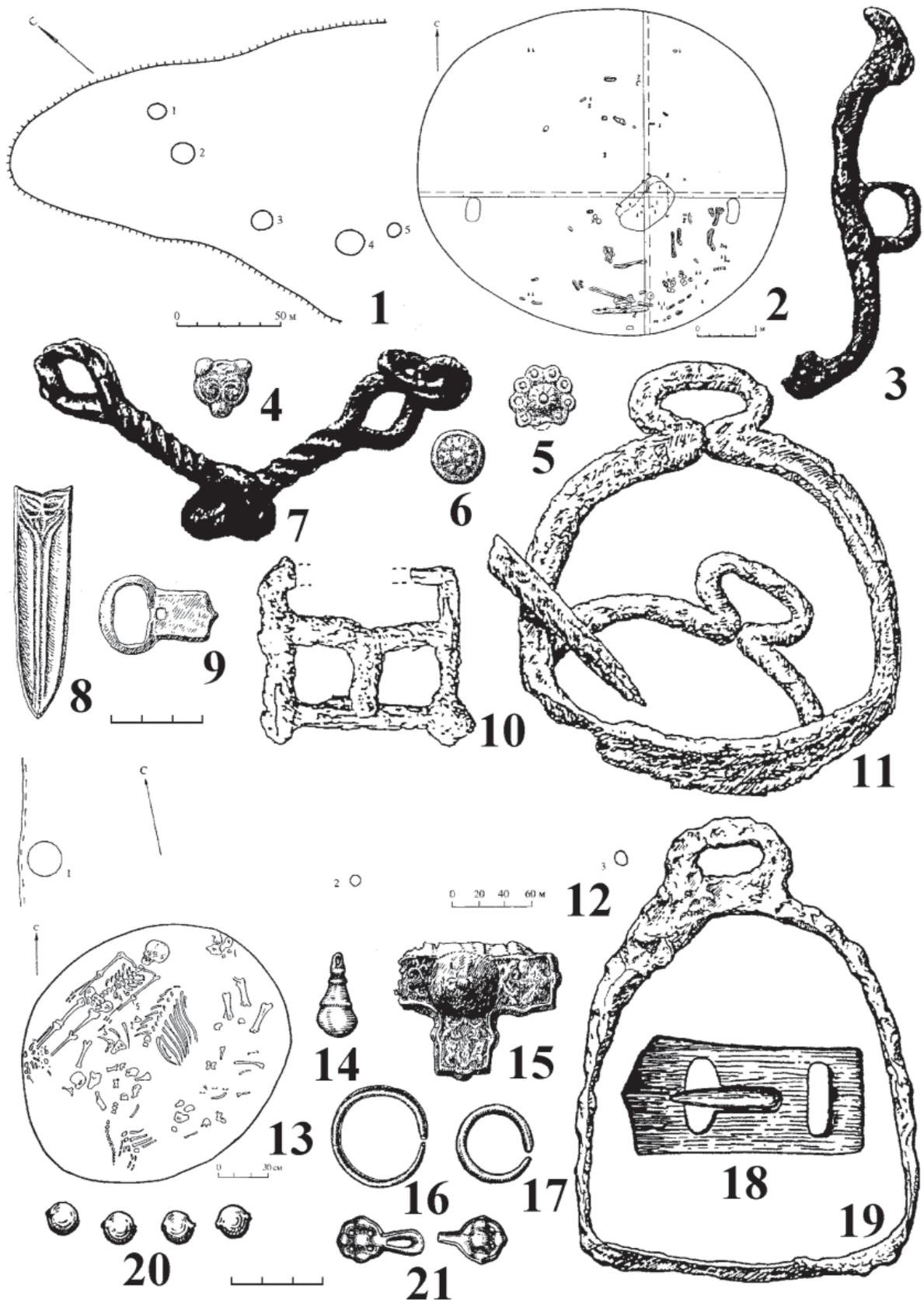

Рис. 17. Курганные могильники Гилево-XV (1–11) и XVI (12–21): 1, 12 – планы памятников, 2 – план кургана, 13 – план могилы, 3–11, 14–21 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

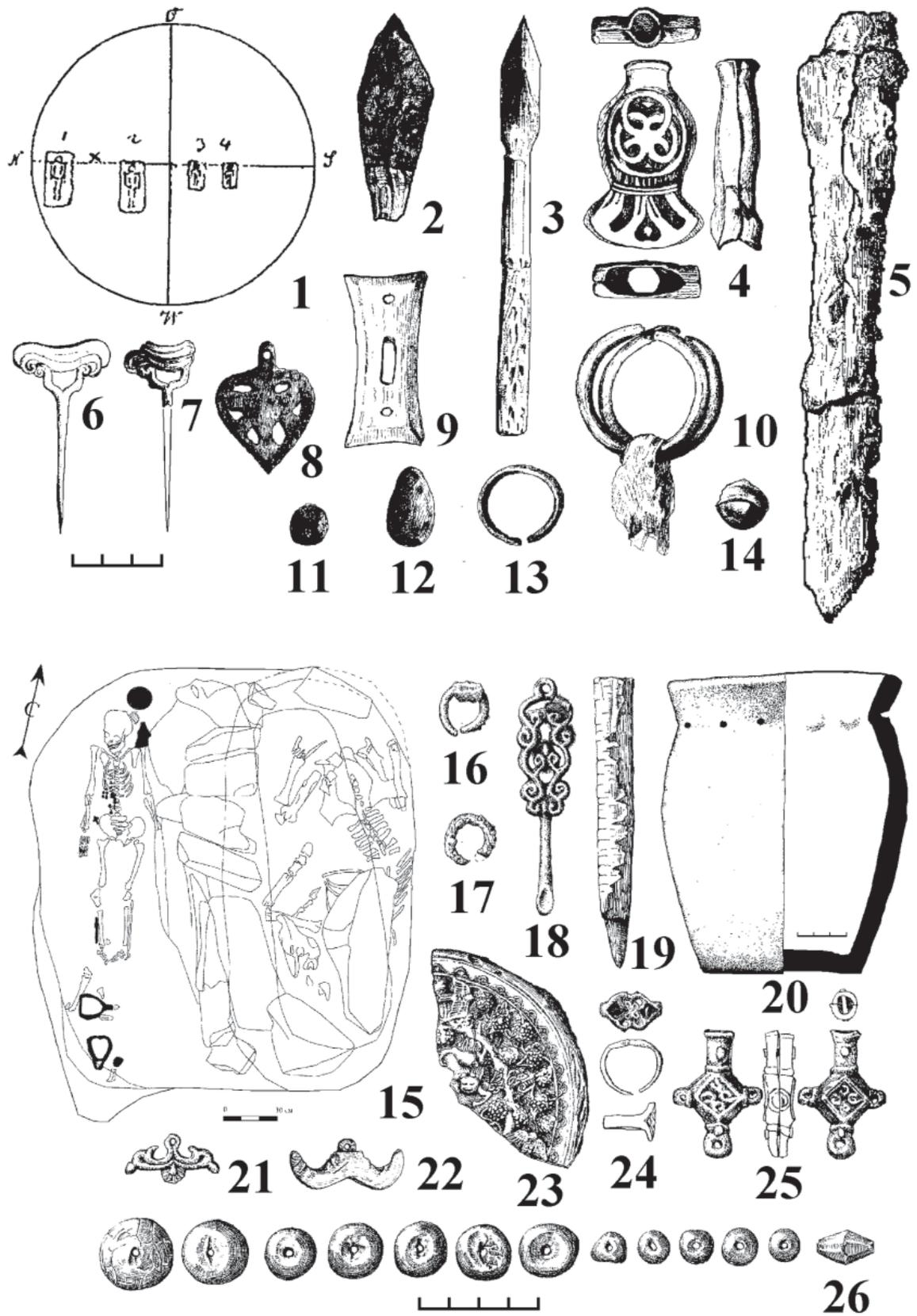

Рис. 18. Курганные могильники Гоньба (1–14) и Гора Тараскина-V (15–26):
 1 – план кургана, 15 – план могилы, 2–14, 16–26 – инвентарь (1–14 – по: Артюх, 2010;
 15–26 – по: Грушин, 2014).

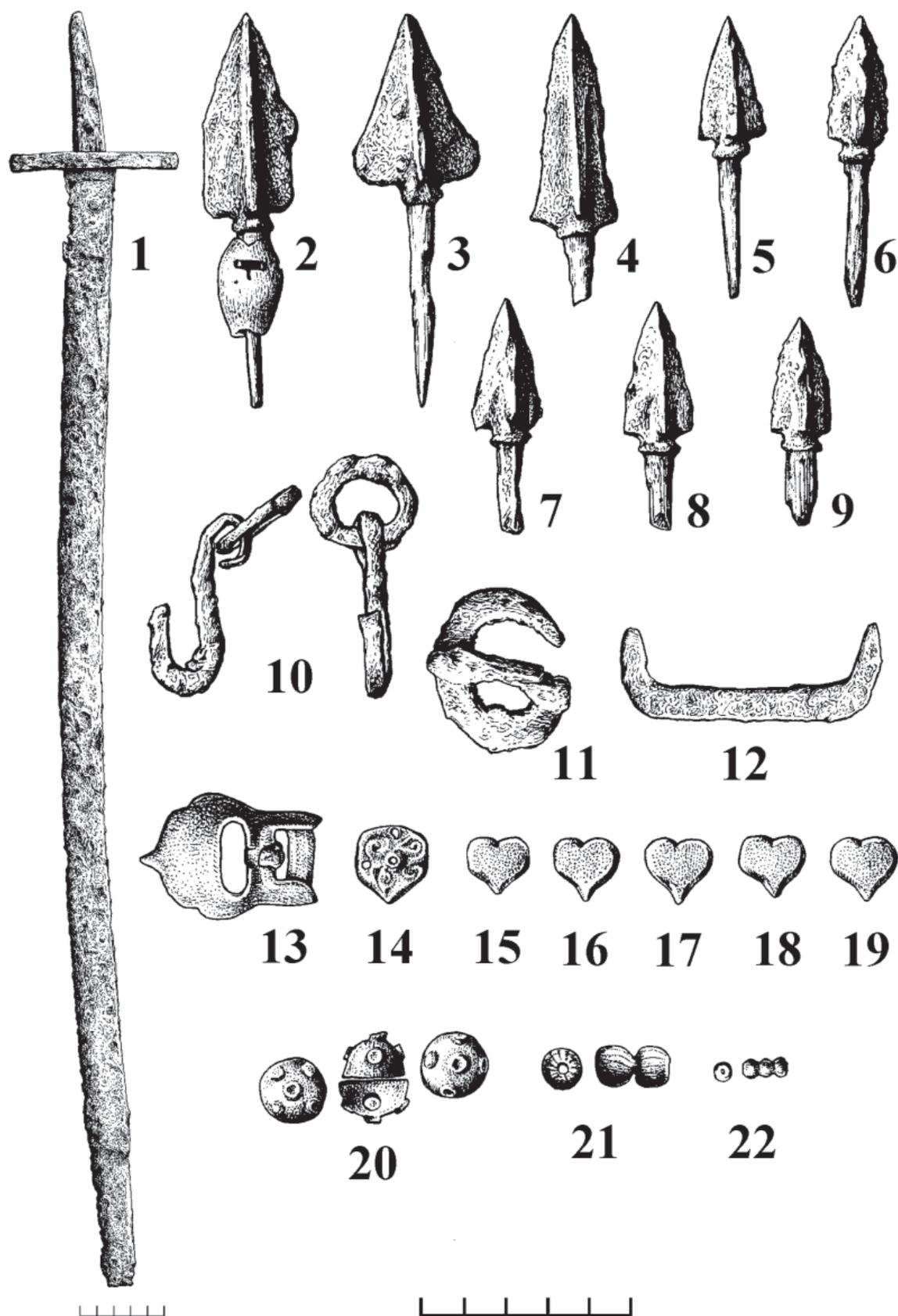

Рис. 19. Курганный могильник Горный-7:
1–22 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, Семибратов, 2020).

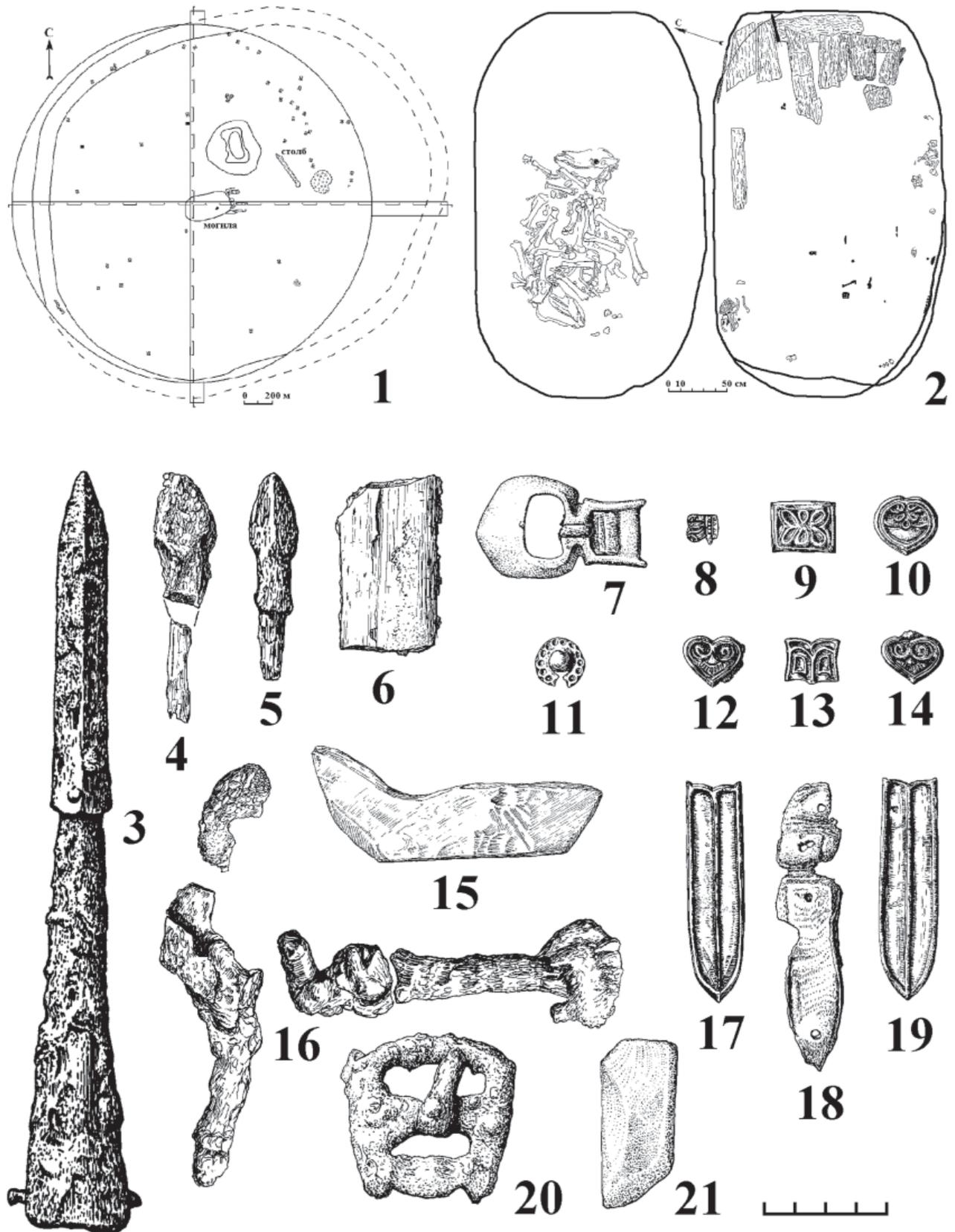

Рис. 20. Курган Грань: 1 – план кургана, 2 – планы могилы, 3–21 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2022).

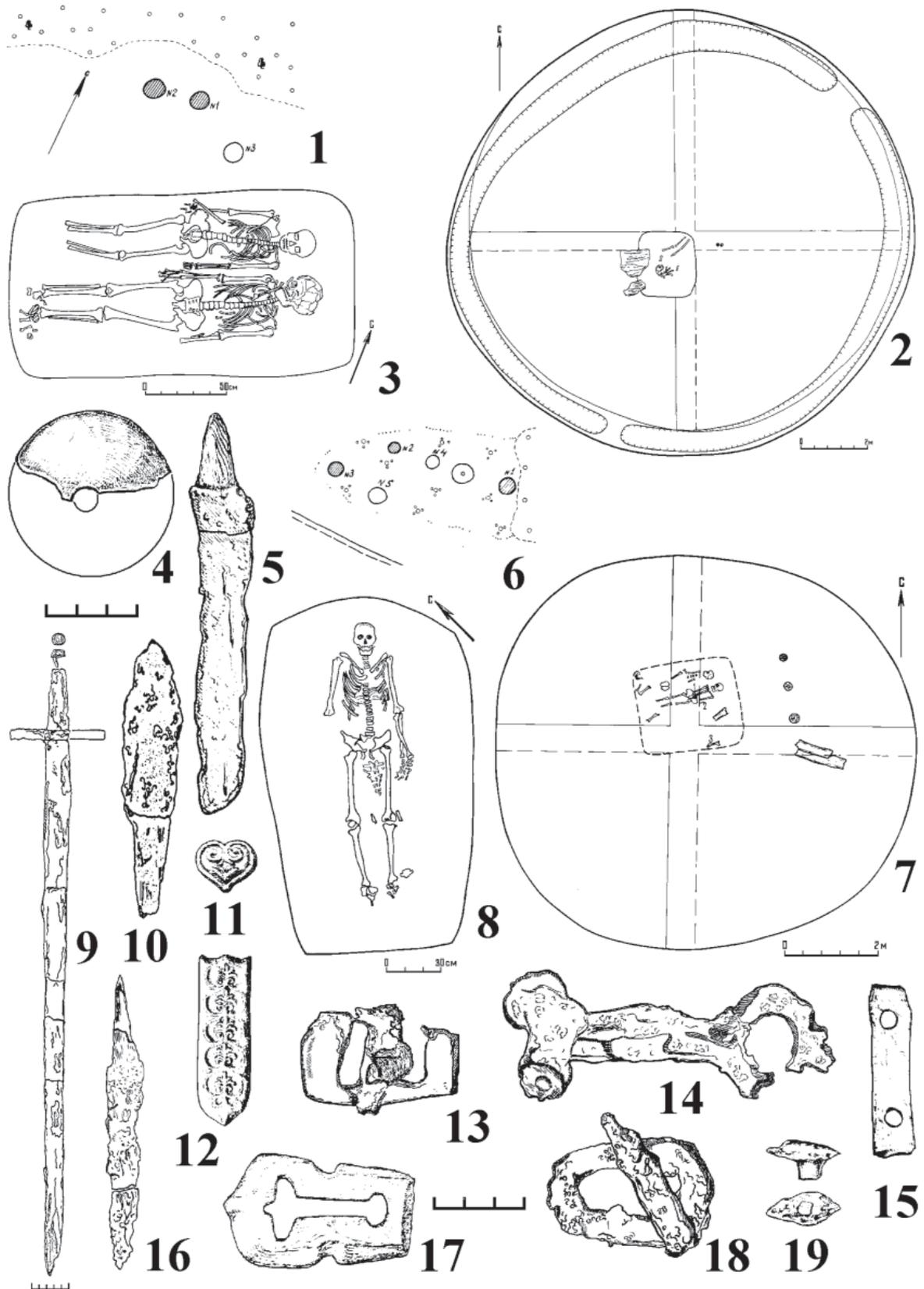

Рис. 21. Курганные могильники Грязново-I (1-5) и Грязново-II (6-19):
 1, 6 – планы памятников, 2, 7 – планы курганов, 3, 8 – планы могил,
 4-5, 9-19 – инвентарь (по: Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980).

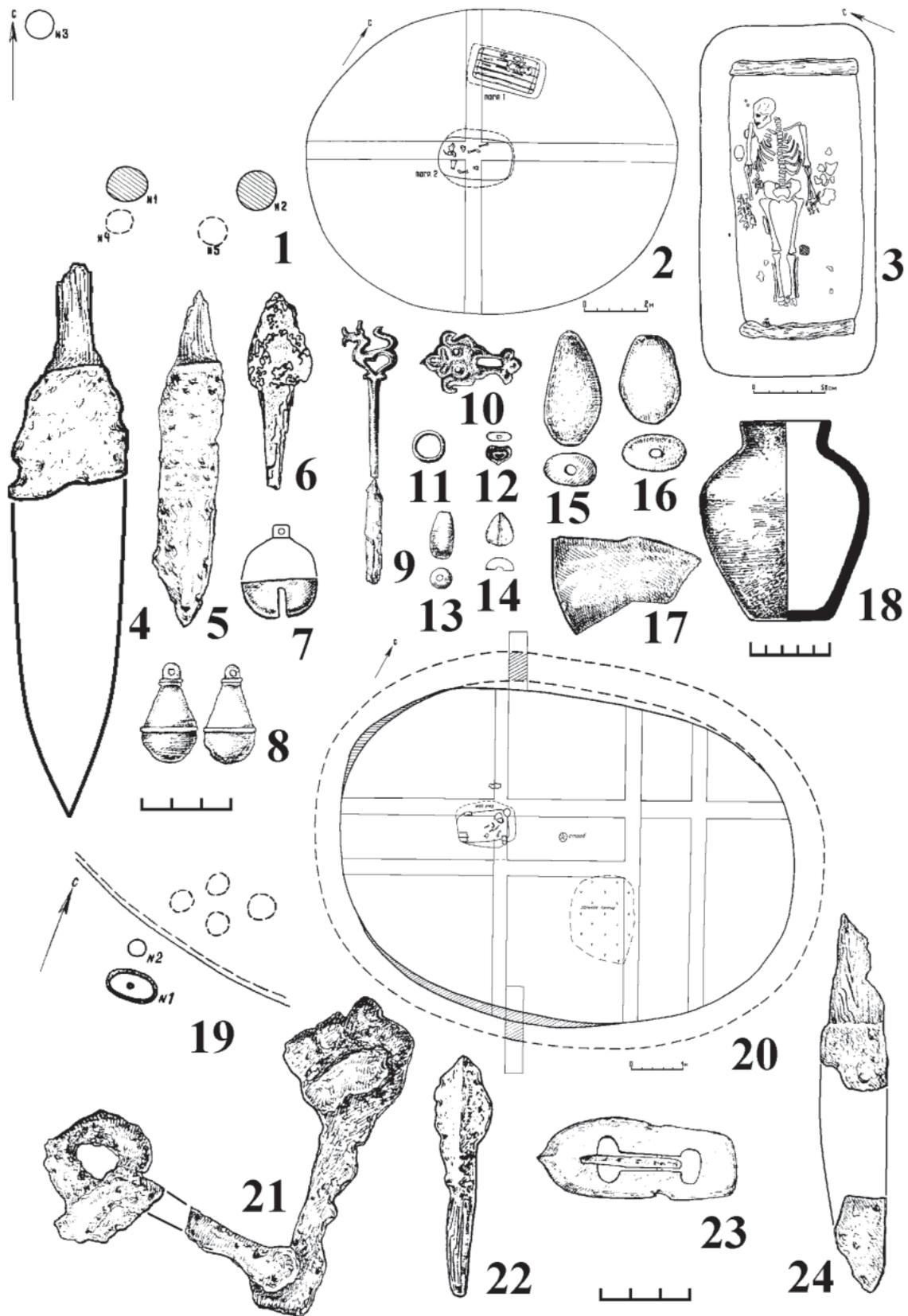

Рис. 22. Курганные могильники Грязново III (1–18) и IV (19–24): 1, 19 – планы памятников, 2, 20 – планы курганов, 3 – план могилы, 4–18, 21–24 – инвентарь (по: Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980).

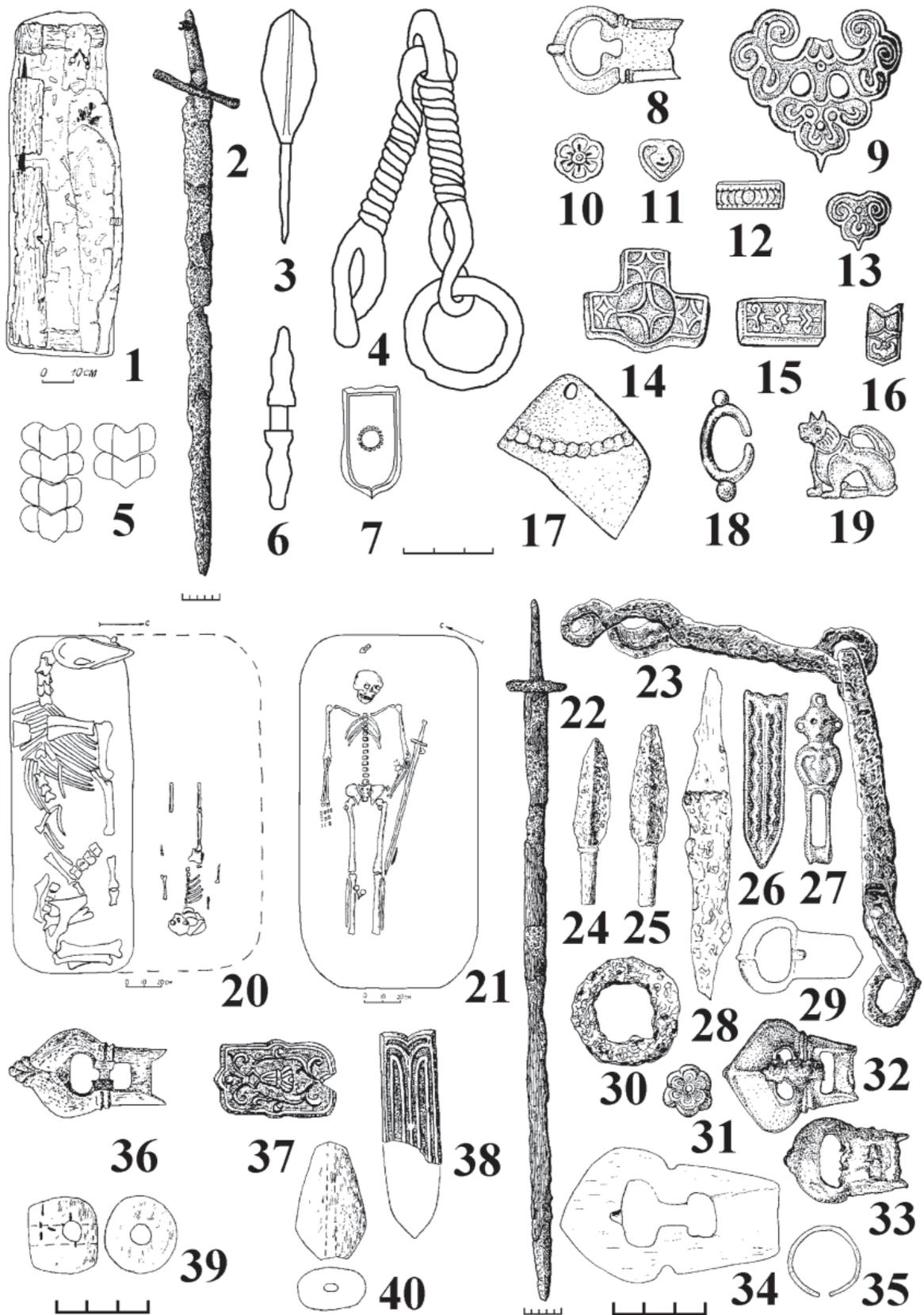

Рис. 23. Курганные могильники Дмитротитово (1–7), Екатериновка-3 (8–19), Займище (21–35) и Заковряшино (36–40): 1, 20–21 – планы могил, 2–19, 22–40 – инвентарь (1–7 – по: Кирюшин, Неверов, 1991; 8–35 – по: Удодов, 1988; 1990; 36–40 – по: Казаков, 1995).

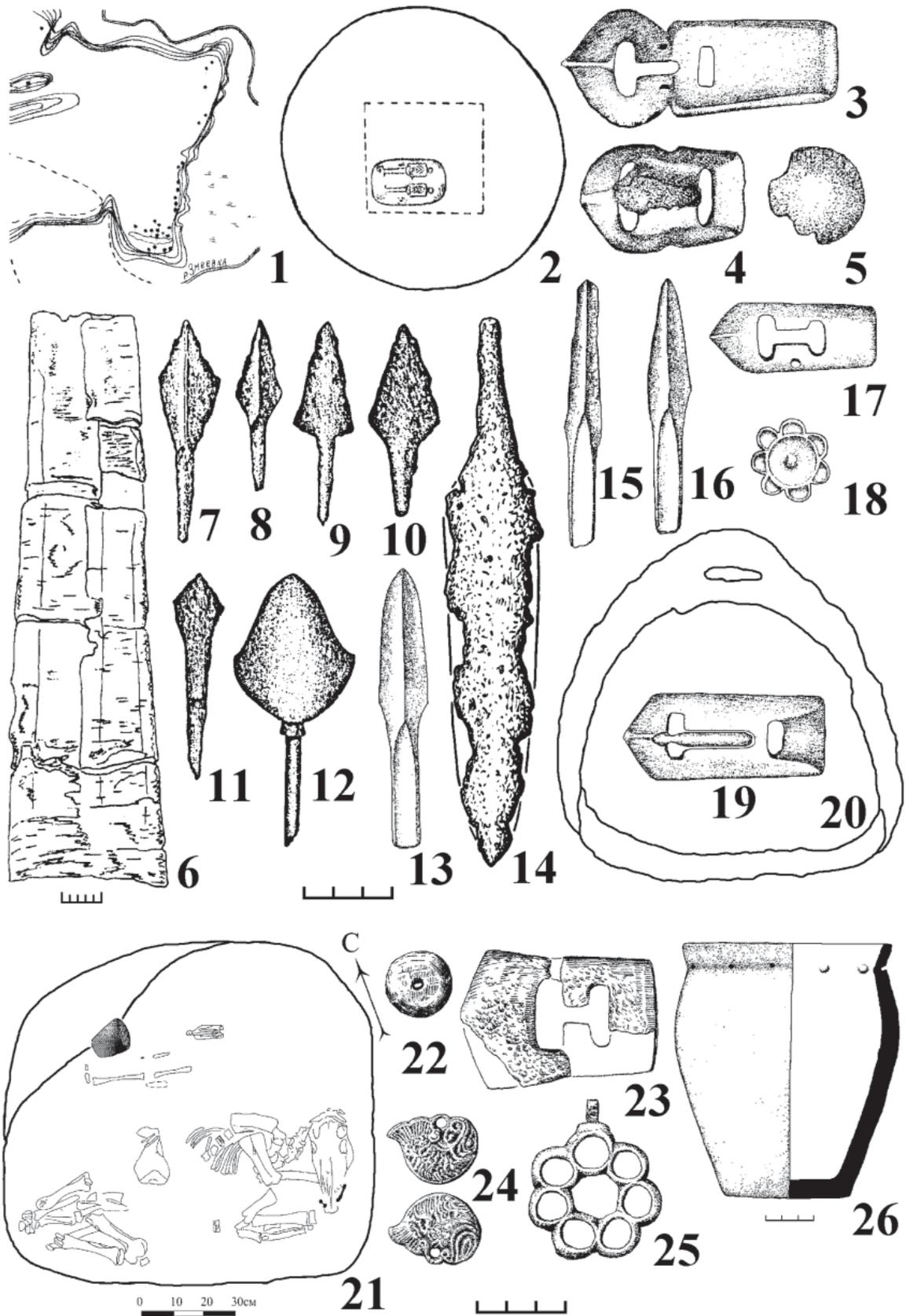

Рис. 24. Курганные могильники Змеевка (1–20) и Иванов Ключ-I (21–26):
 1 – план памятника, 2 – план кургана, 21 – план могил,
 3–20, 22–26 – инвентарь (1–20 – по: Неверов, 1982; 21–26 – по: Грушин, 2014).

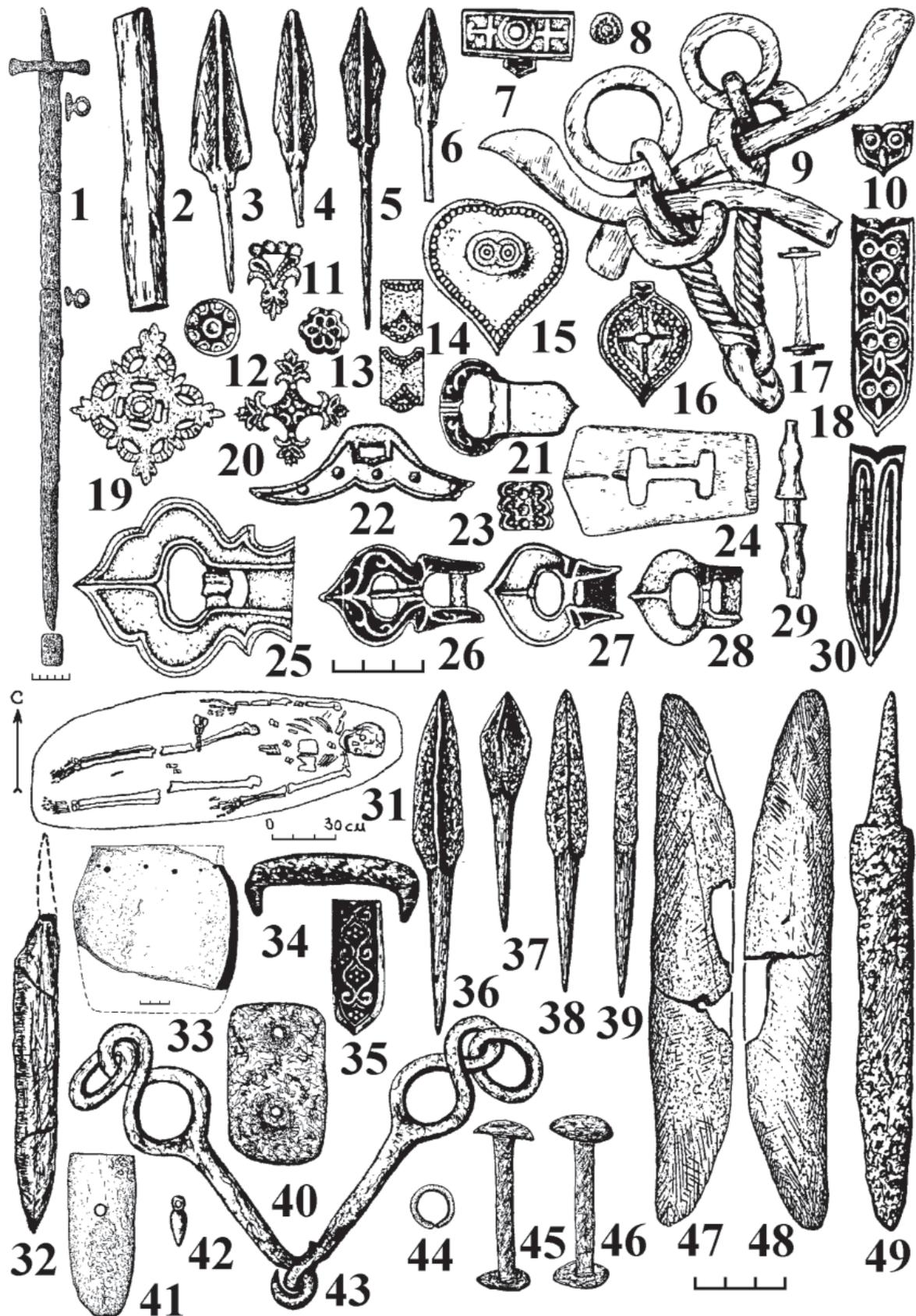

Рис. 25. Курганные могильники Ивановка-III (1–30), IX (31–33), XVII (34–35) и XX (36–49): 31 – план могилы, 1–30, 32–49 – инвентарь (по: Алехин, 1996; 1997; 1999; 2003).

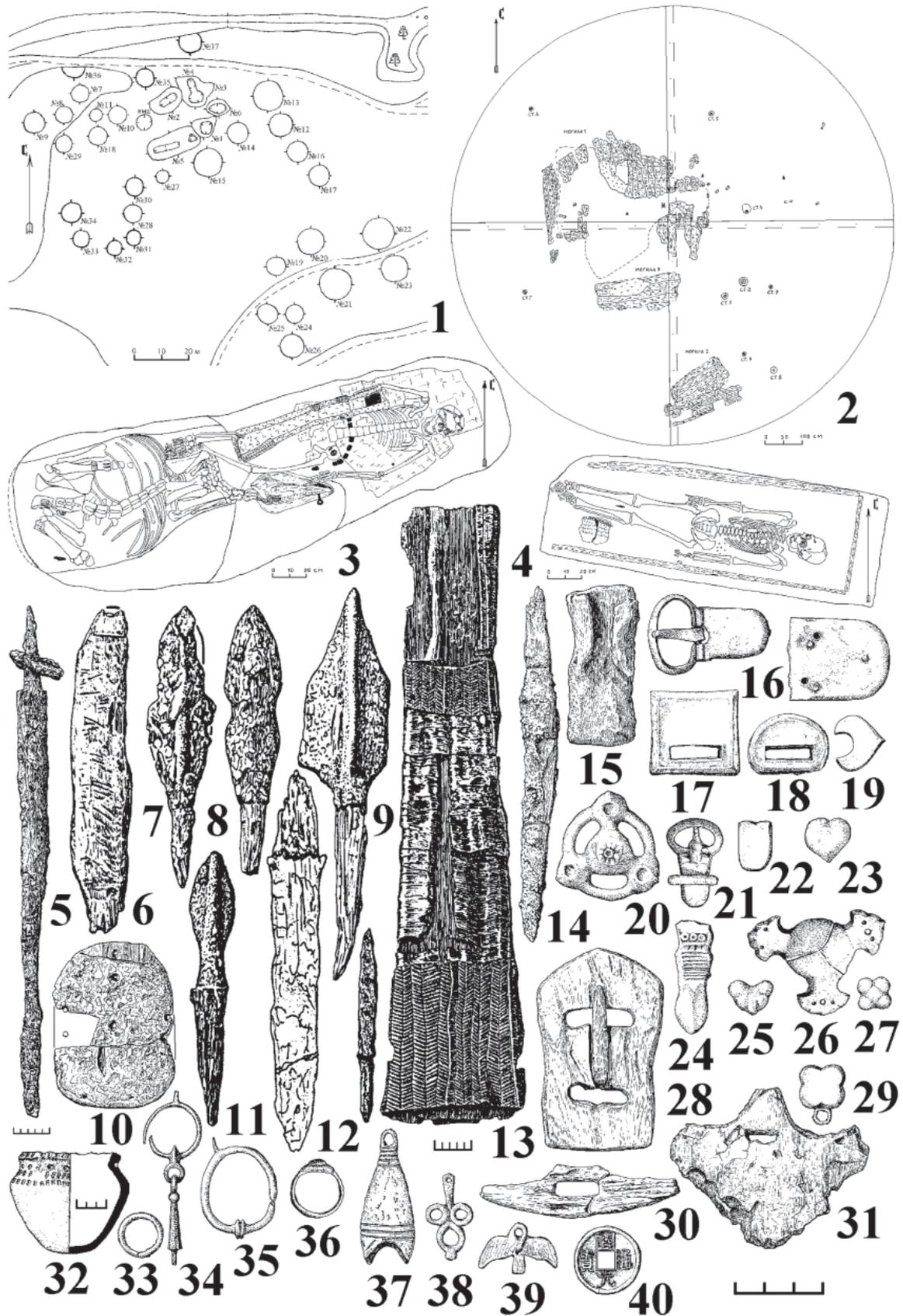

Рис. 26. Курганный могильник Иня-1: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–40 – инвентарь (по: Горбунов, 2011; 2017).

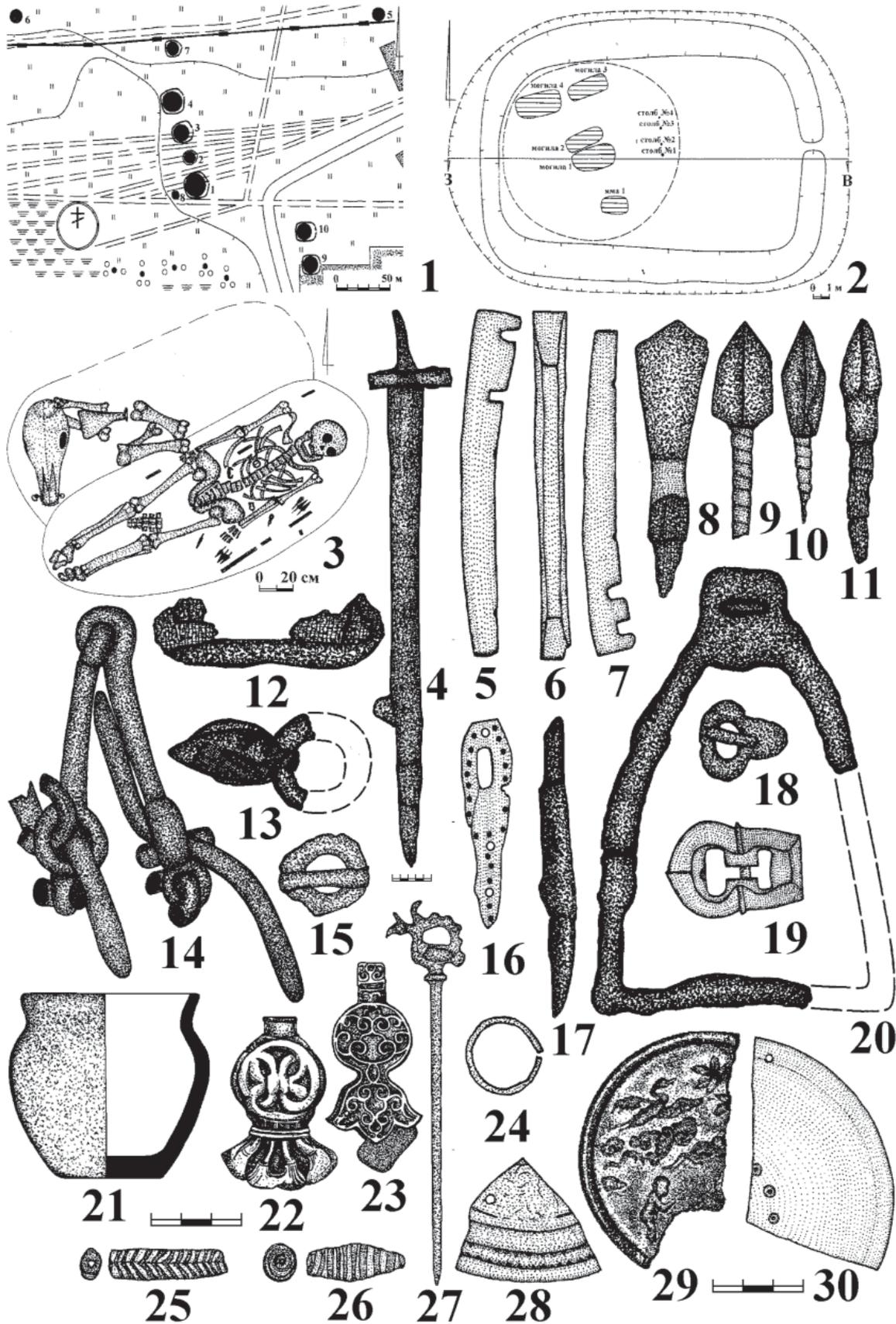

Рис. 27. Курганный могильник Ишаново: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3 – план могилы, 4–30 – инвентарь (по: Илюшин, 2014).

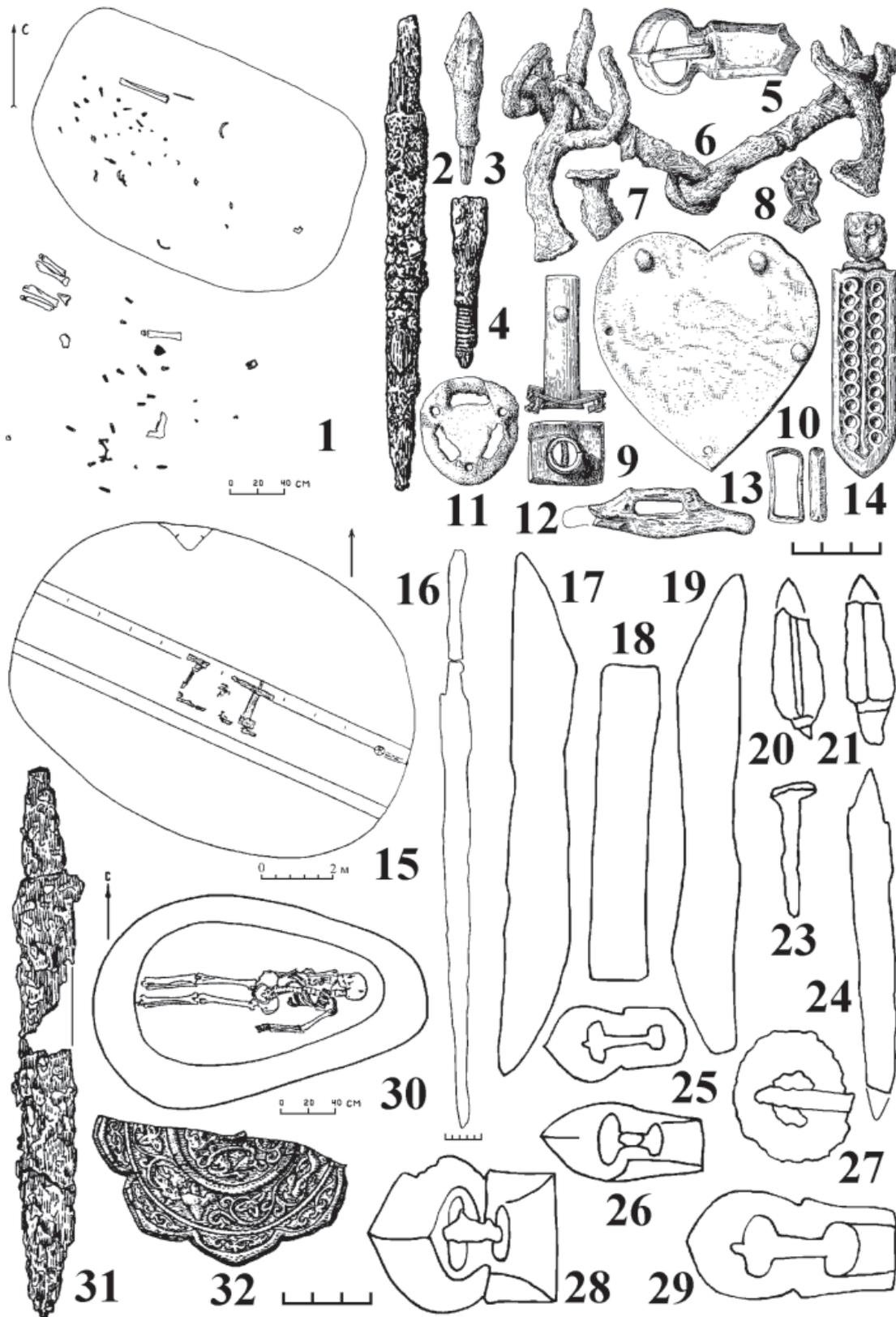

Рис. 28. Курганные могильники Кайгородка-V (1–14), Камень-I (15) и II (16–29), Кирилловка-V (21–35): 1, 30 – планы могил, 15 – план кургана, 2–14, 16–29, 31–32 – инвентарь (1–14 – по: Горбунов, Ситников, 2001; 15 – по: Могильников, Уманский, 1998; 16–29 – по: Могильников, Куйбышев, 1977; 30–32 – по: Могильников, 1996).

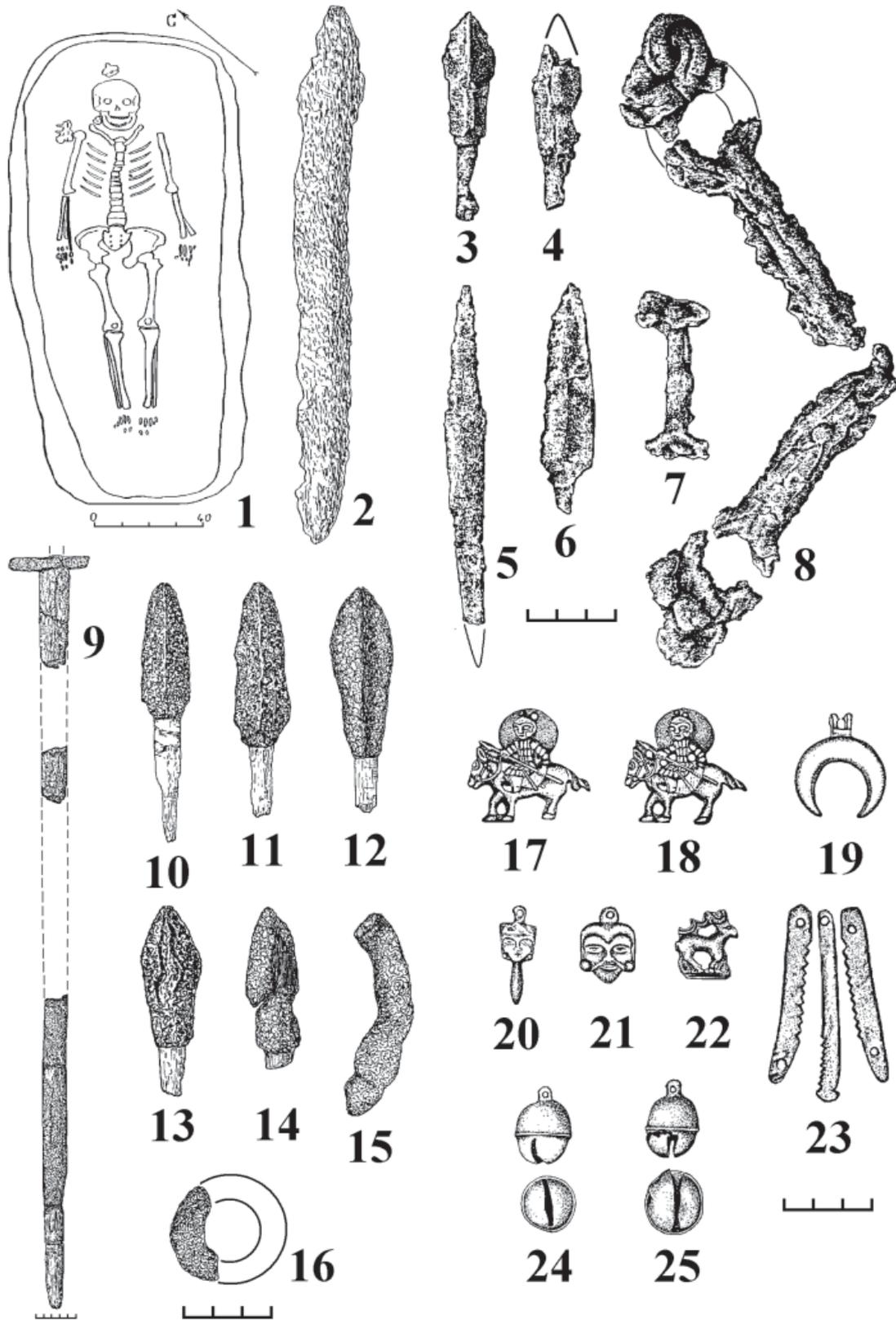

Рис. 29. Курганные могильники Ключи (1–2), Коловый Мыс (3–8),
 Комаришинский Карьер (9–16), Кондратьевка-IV (17–25):
 1 – план могилы, 2–25 – инвентарь (1–2 – по: Телегин, Караваяев, 1995;
 3–8 – по: Фролов, 1999; 9–16 – по: Телегин, Боровков, 2001; 17–25 – по: Алехин, 1998).

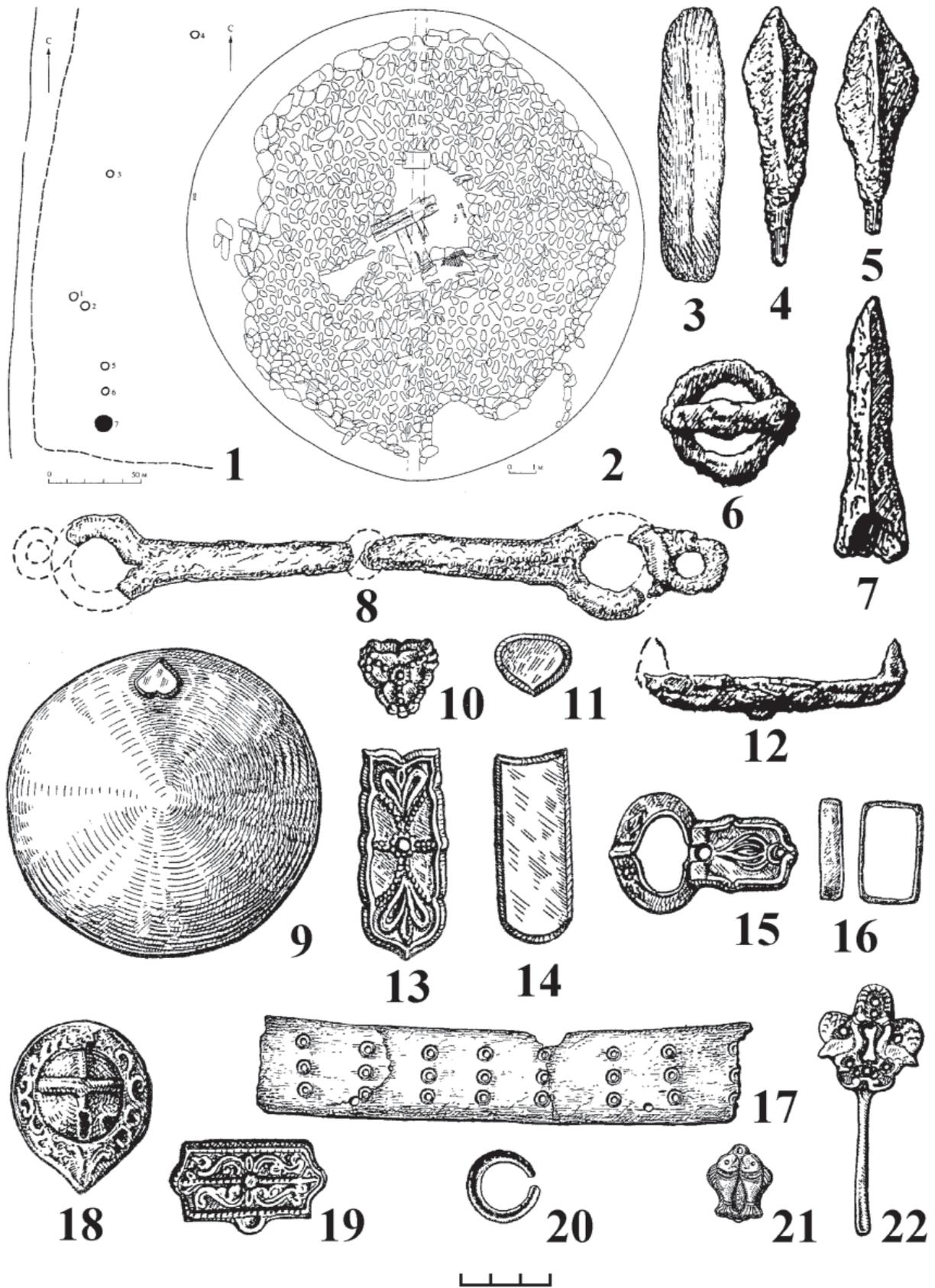

Рис. 30. Курганный могильник Корболиха-II:

1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–22 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

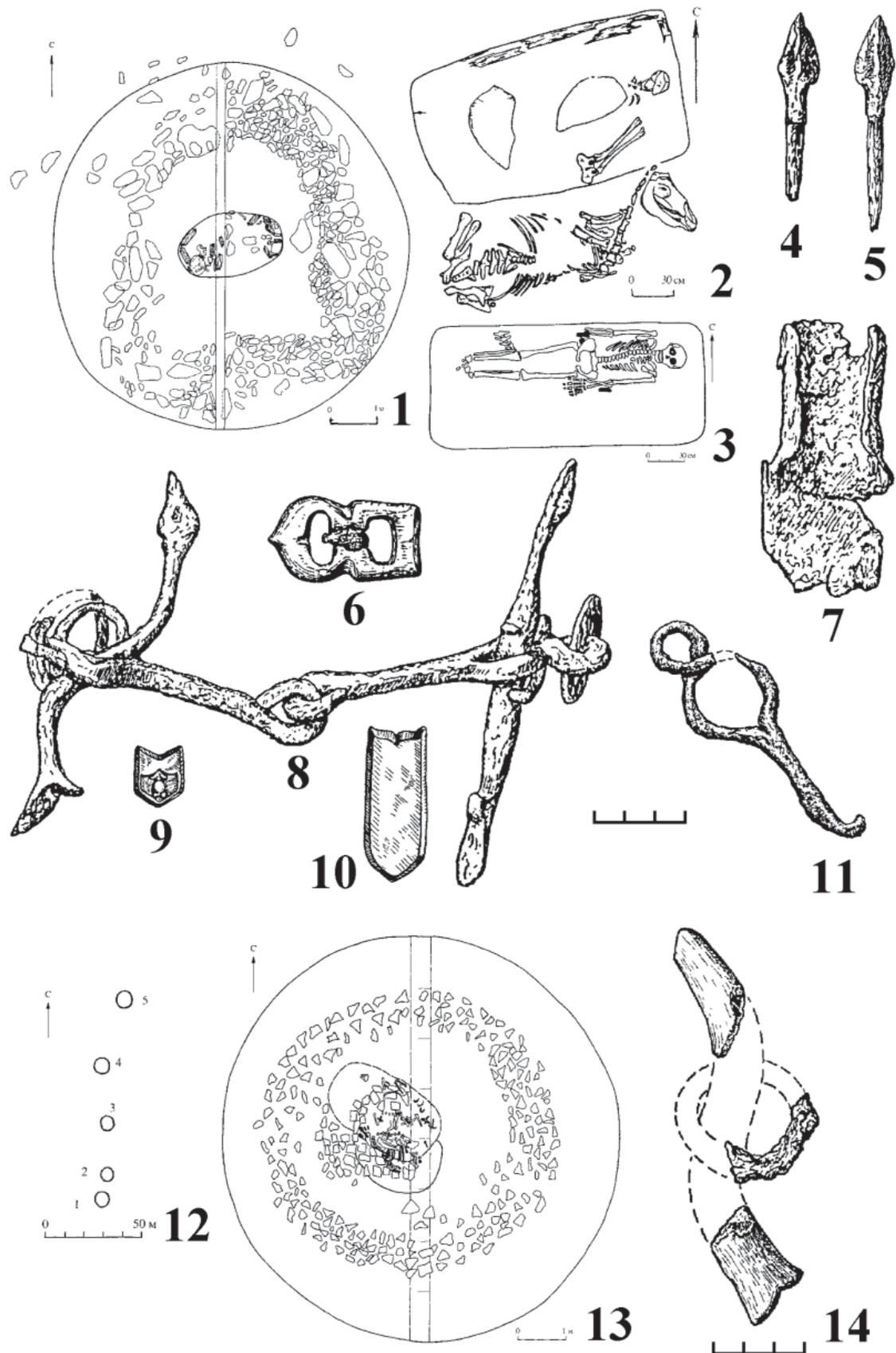

Рис. 31. Курганные могильники Корболиха-III (11–22) и IV (23–29): 1, 13 – планы курганов, 2–3 – планы могил, 12 – план памятника, 4–11, 14 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

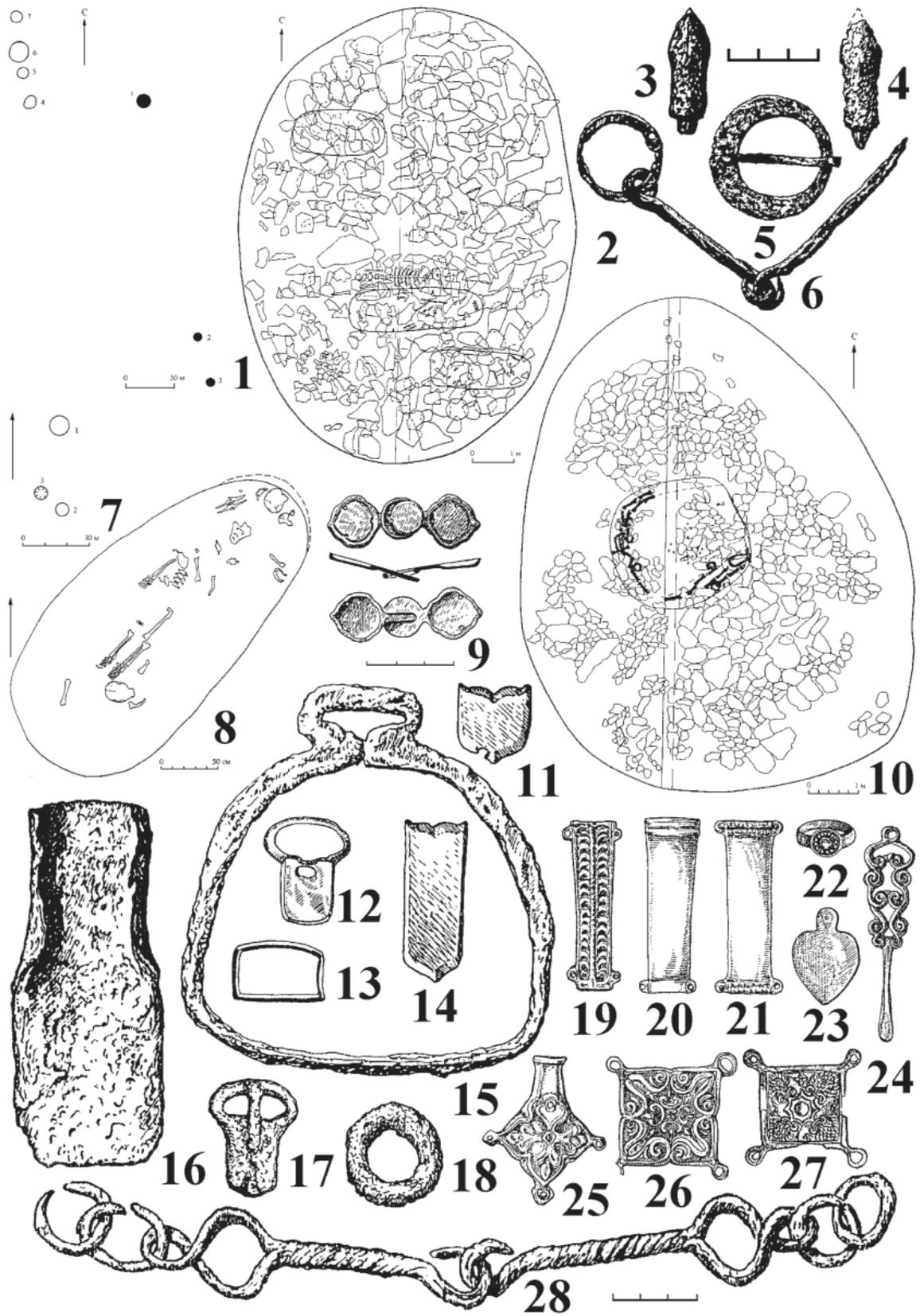

Рис. 32. Курганные могильники Корболиха-V (1-6), VI (7-9) и VII (10-28):
 1, 7 – планы памятников, 2, 10 – планы курганов, 8 – план могилы,
 3-6, 9, 11-28 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

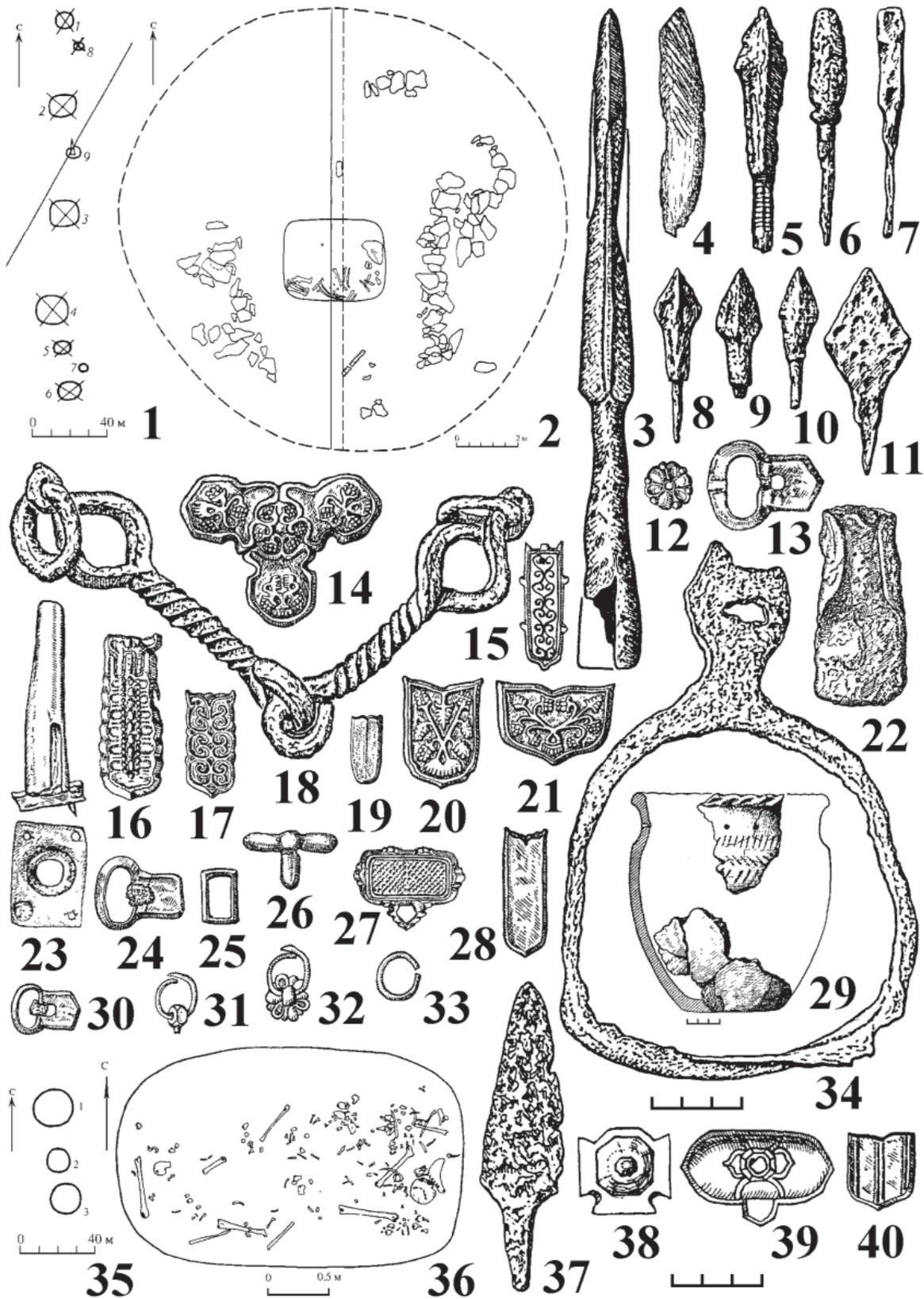

Рис. 33. Курганные могильники Корболиха-VIII (1-34), VI (7-9) и IX (35-40):
 1, 35 – планы памятников, 2 – план кургана, 36 – план могилы, 3-34,
 37-40 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

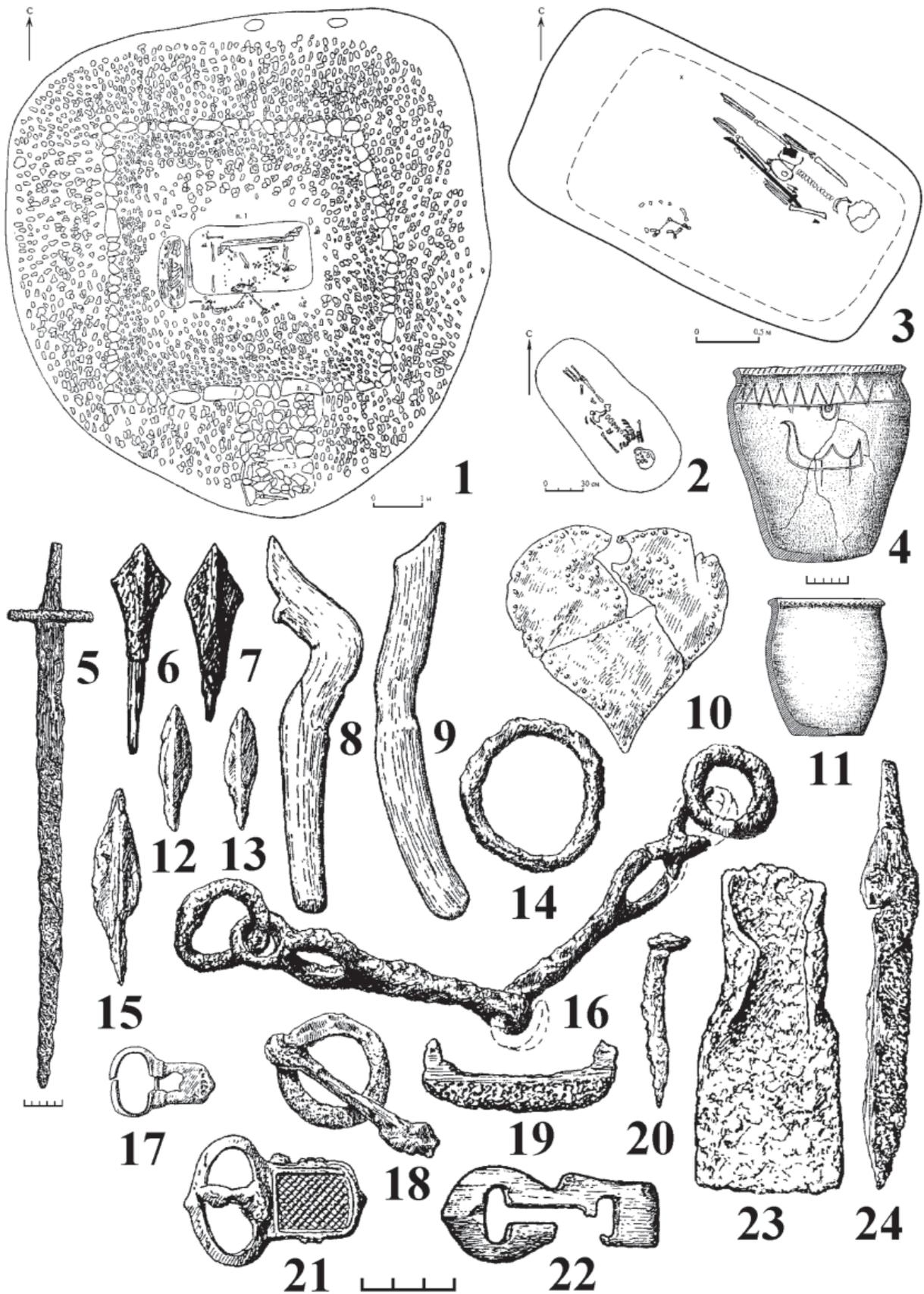

Рис. 34. Курганный могильник Корболиха-Х: 1 – план кургана, 2–3 – планы могил, 4–24 – инвентарь (по: Могильников, 2002).

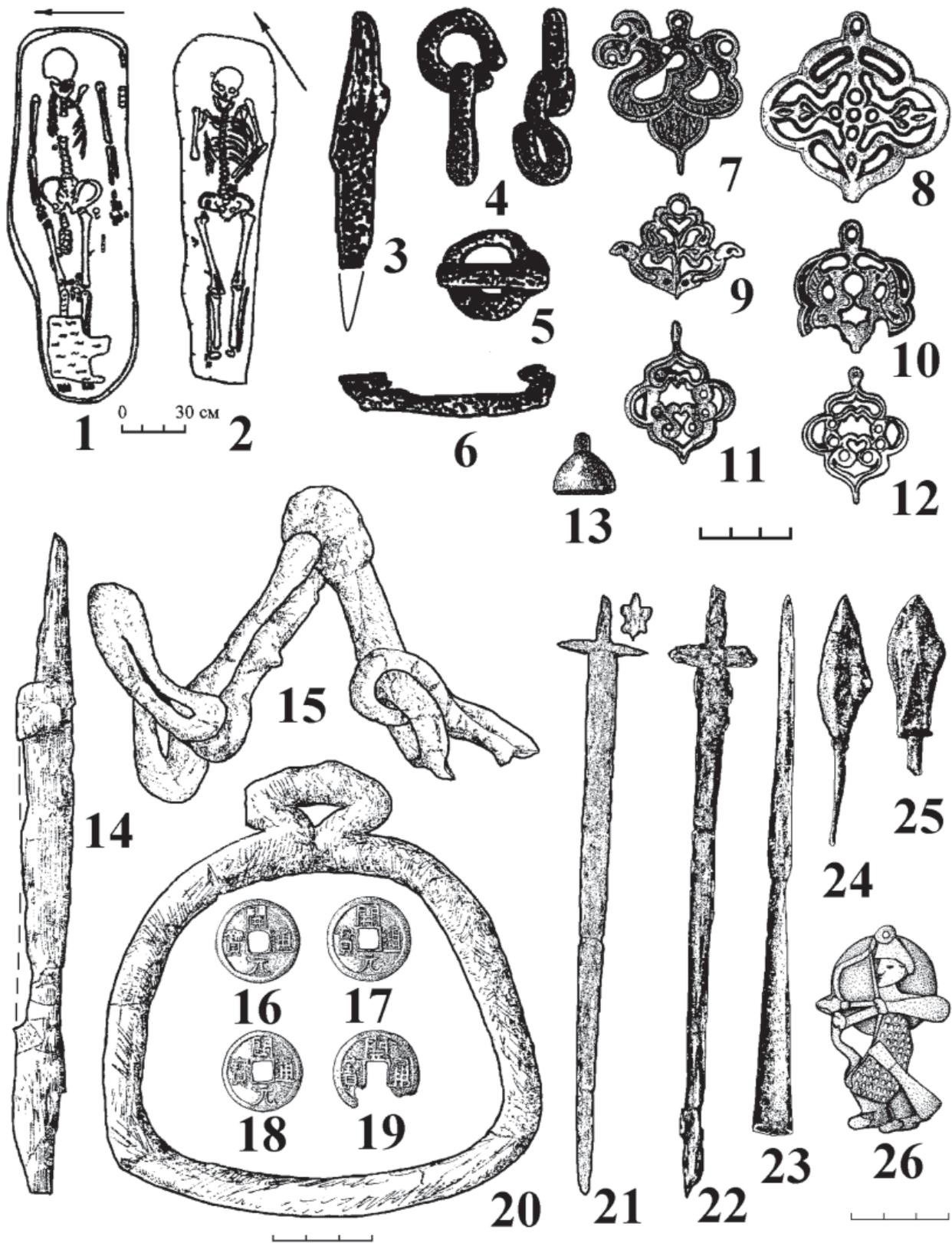

Рис. 35. Курганные могильники Крохалевка-13 (1-13), Кукушкин Елбан-2 (14-20), Кулунда (21-25) и Кулундинская Волость (26): 1-2 – планы могил, 3-26 – инвентарь (1-13 – по: Адамов, 2000; 14-20 – по: Абдулганеев, Шамшин, 1990; 21-25 – по: Артюх, 2010; 26 – по: Горбунов, 2003).

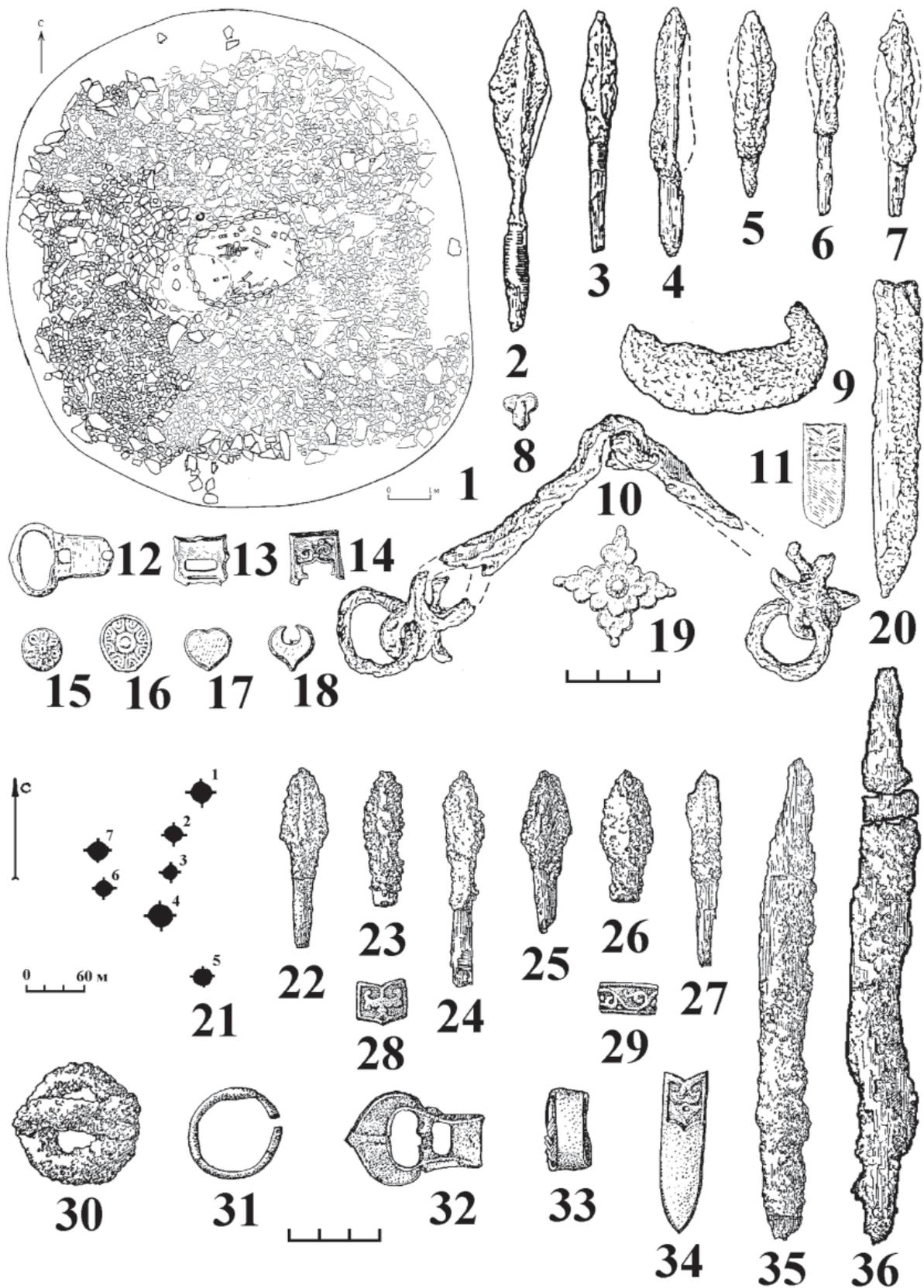

Рис. 36. Курганные могильники Кураевка-I (1–20) и Кучук-1 (21–36): 1 – план кургана, 21 – план памятника, 2–20, 22–36 – инвентарь (1–20 – по: Могильников, 2002; 21–36 – по: Шамшин, Лузин, Неверов, Изоткин, 1992).

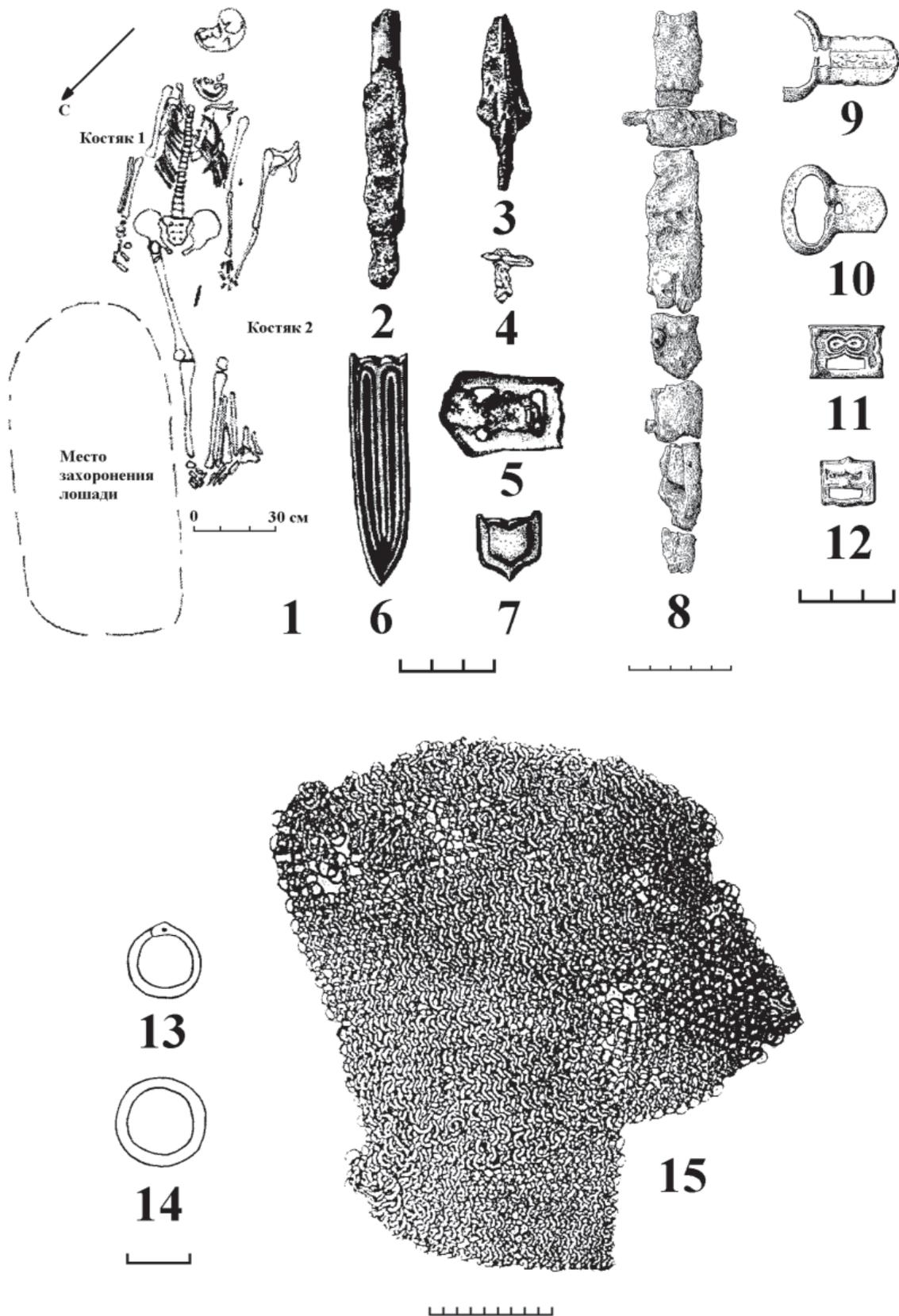

Рис. 37. Курганные могильники Лесной (1–7), Луговское-1 (8–12) и Маралиха (13–15):
 1 – план могилы, 2–15 – инвентарь (1–7 – по: Фролов, Горбунов, 2006;
 8–12 – по: Горбунов, Ситников, 2000; 13–15 – по: Горбунов, 2003).

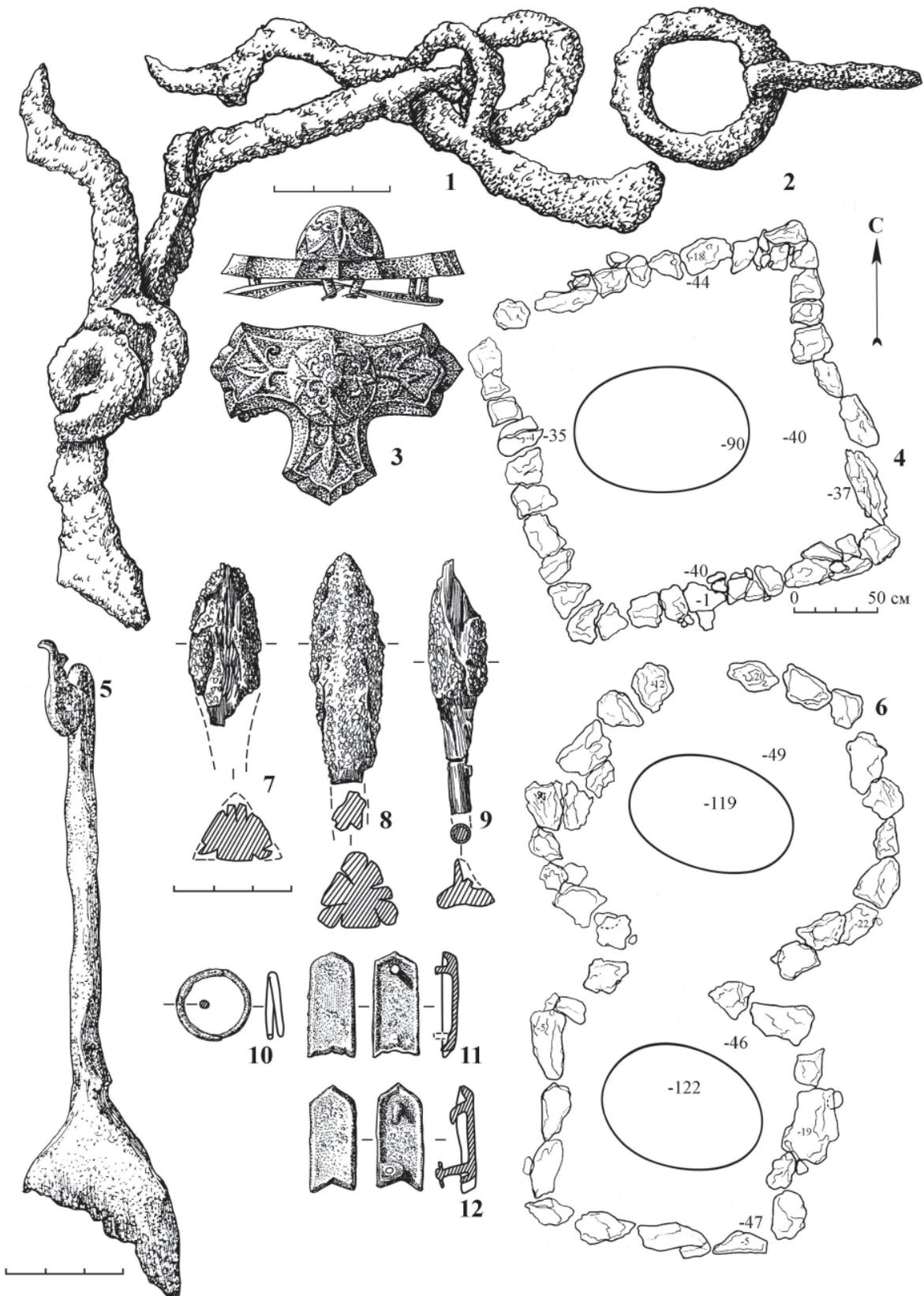

Рис. 38. Курганные могильники Михайловка (1–3), Черный Камень (4–6), Красная Горка-I (7–12): 1–3, 5, 7–12 – инвентарь, 4, 6 – планы внутрикурганых сооружений (1–3 – по: Тишкин, 1991; 4–6 – по: Тишкин, Тишкина, 1991; 7–12 – Тишкин, Серегин, 2009).

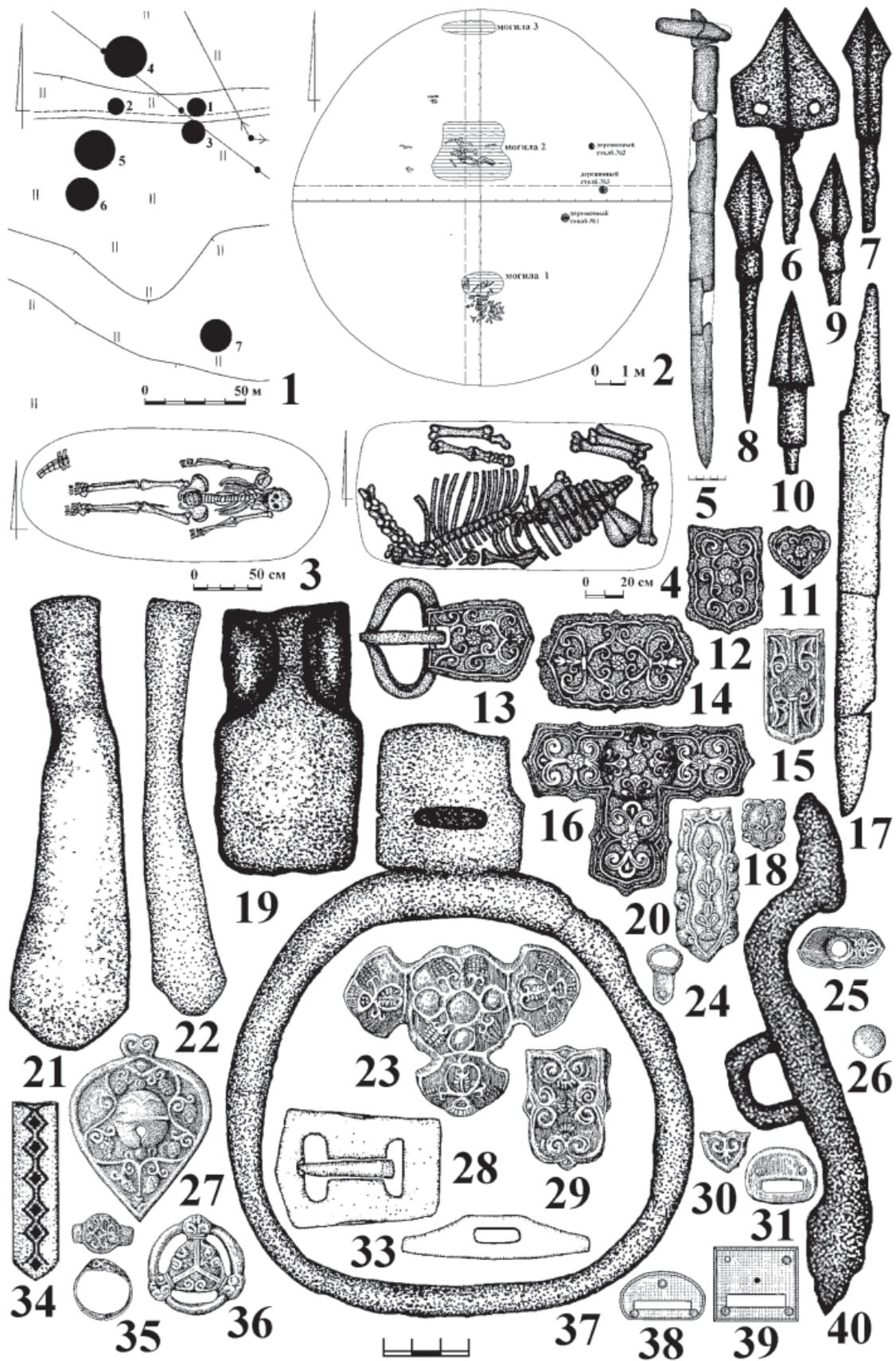

Рис. 39. Курганный могильник Мусохраново-1: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–40 – инвентарь (по: Илюшин, 2021).

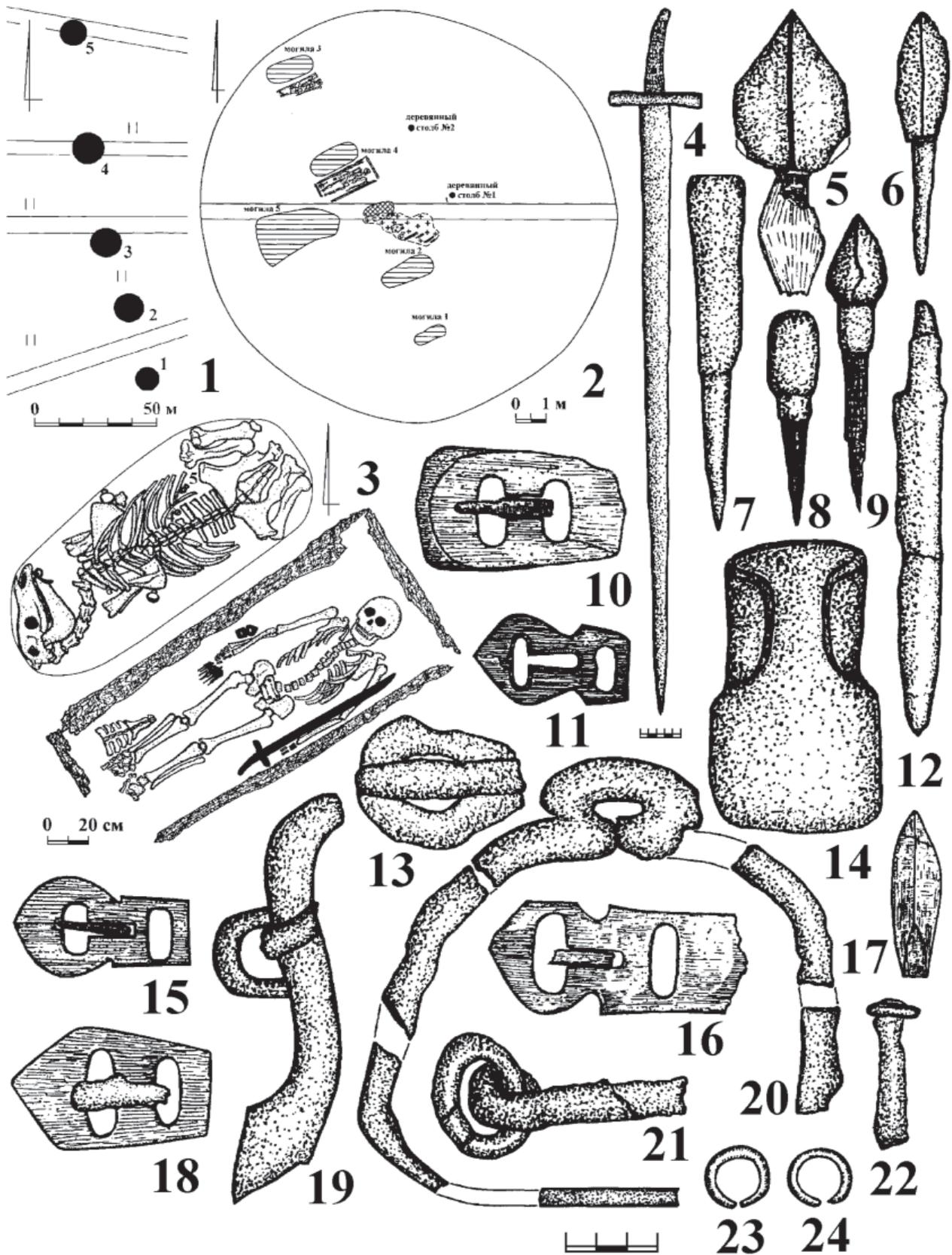

Рис. 40. Курганный могильник Мусохраново-3: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3 – план могилы, 4–24 – инвентарь (по: Илюшин, 2021).

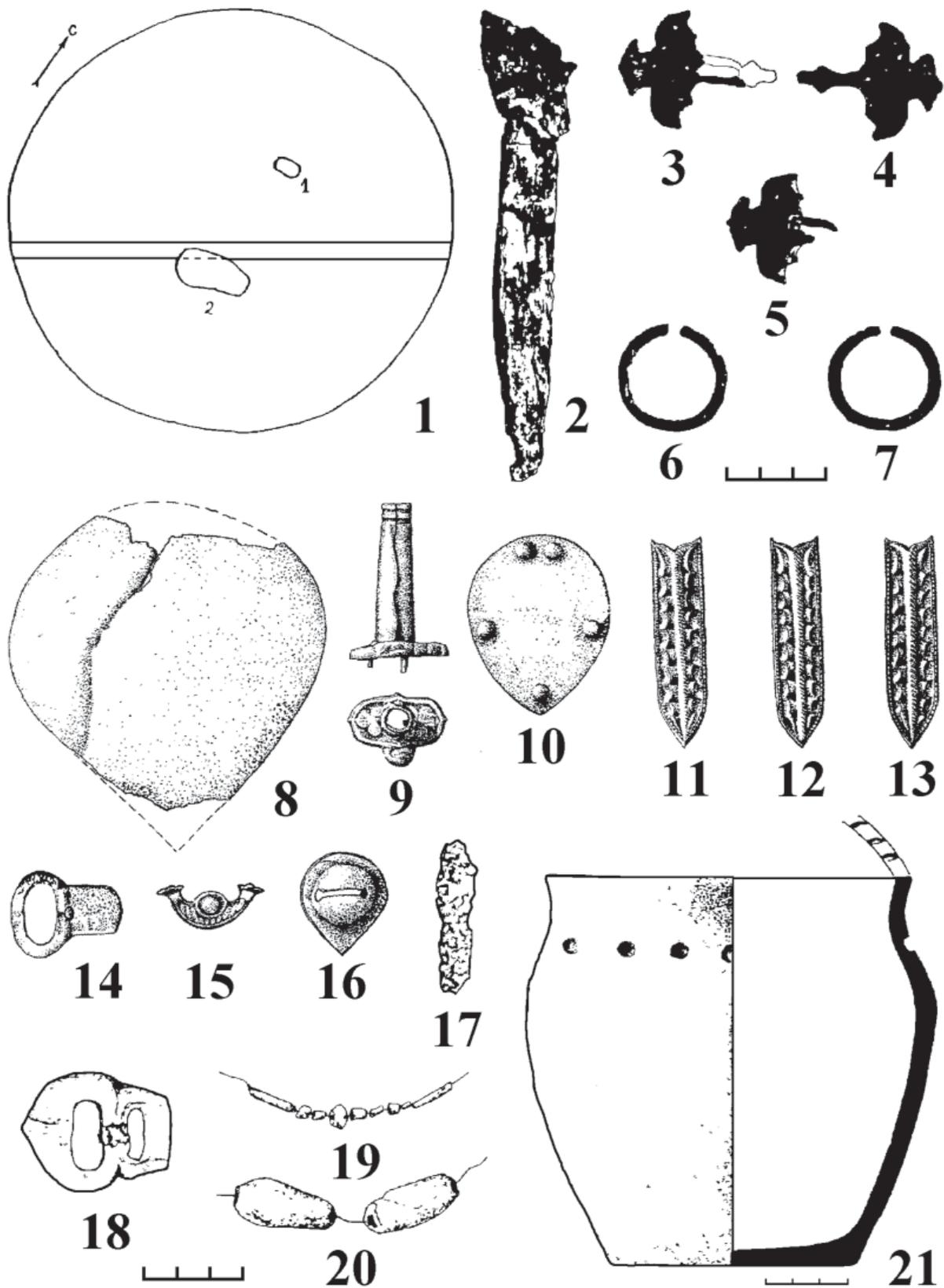

Рис. 41. Курганные могильники Нечунаево-3 (1–7) и Нижний Кучук-VII (8–21):
 1 – план кургана, 2–21 – инвентарь (1–7 – по: Уманский, 1997;
 8–21 – по: Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994; Горбунова, 2006).

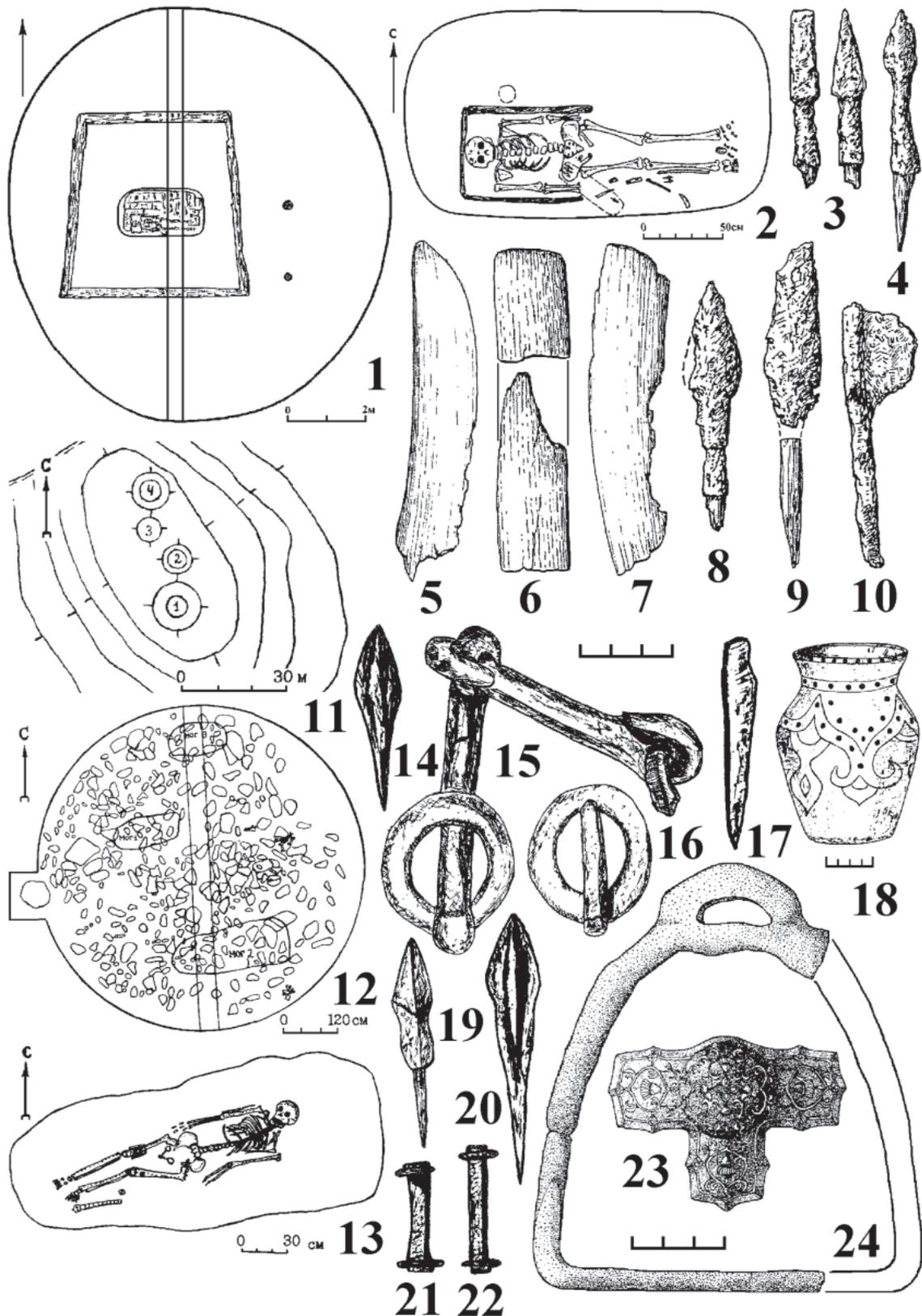

Рис. 42. Курганные могильники Новотроицкое-I (1–10), Новофирсово-VII (11–22) и Объездное-2 (23–24): 1, 12 – планы курганов, 2, 13 – планы могил, 11 – план памятника, 3–10, 14–24 – инвентарь (1–10 – по: Шульга, Уманский, Могильников, 2009; 11–22 – по: Алехин, 1990; 23–24 – по: Телегин, 1999; 2000).

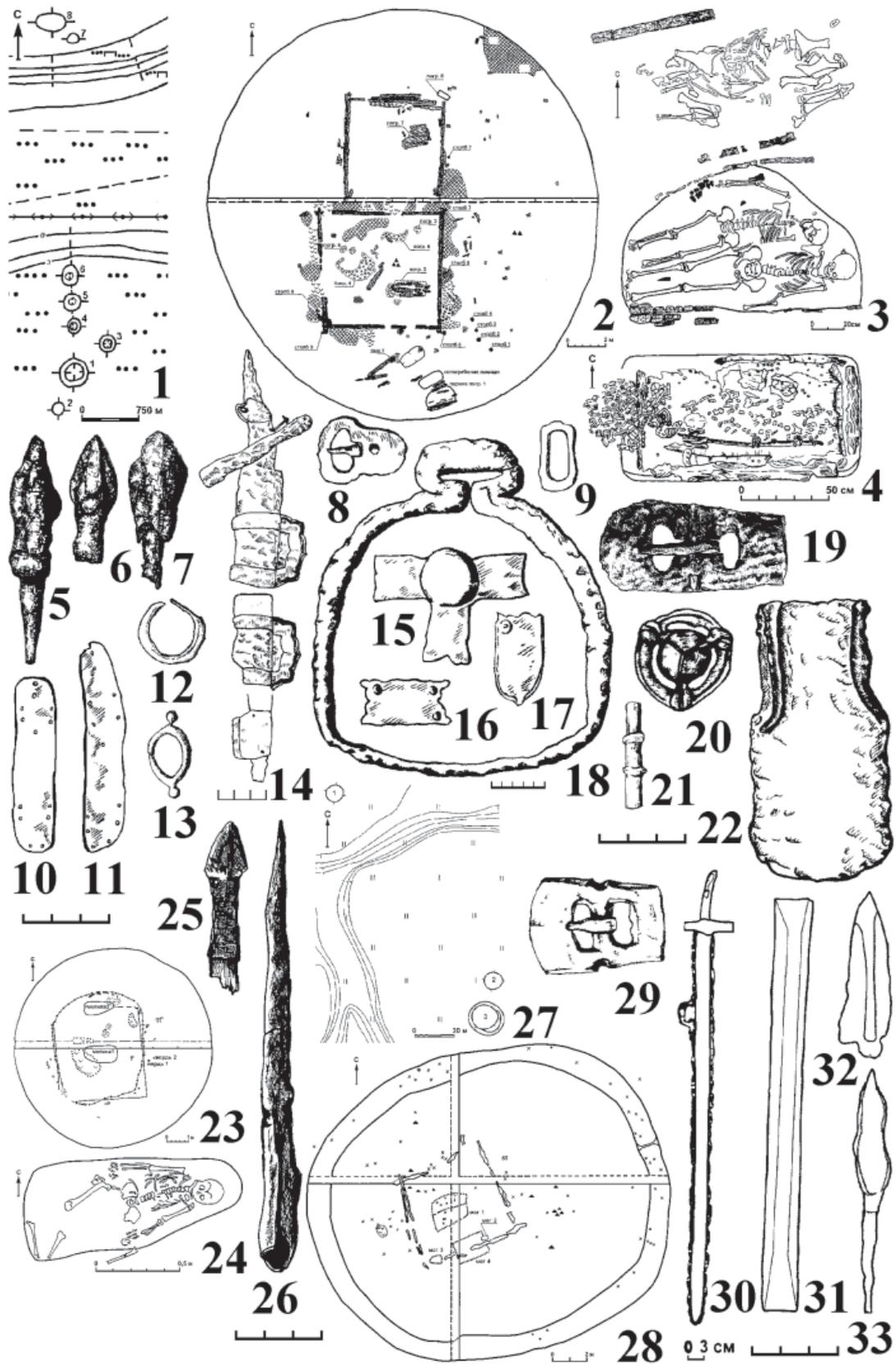

Рис. 43. Курганные могильники Озерки-I (1-22), Озерки-II (23-26) и Озерки-V (27-33):
 1, 27 – планы памятников, 2, 23, 28 – планы курганов, 3-4, 24 – планы могил,
 5-22, 25-26, 29-33 – инвентарь (по: Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко, 2012).

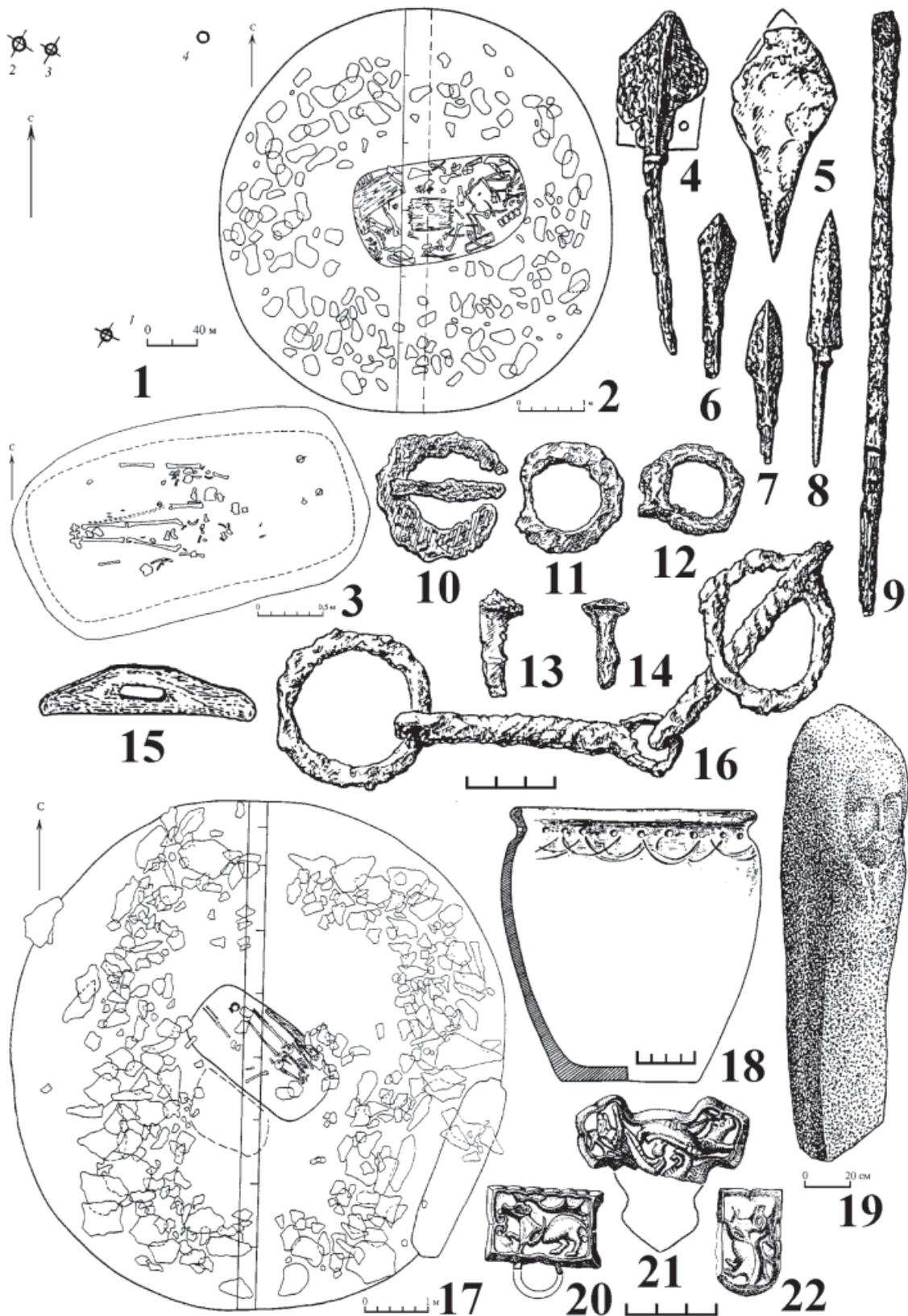

Рис. 44. Курганные могильники Павловка-I (1–16), Павловка-II (17–19) и Плотниково (20–22): 1 – план памятника, 2, 17 – планы курганов, 3 – план могилы, 19 – изваяние, 4–16, 18, 20–22 – инвентарь (1–19 – по: Могильников, 2002; 20–23 – по: Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая, 1990).

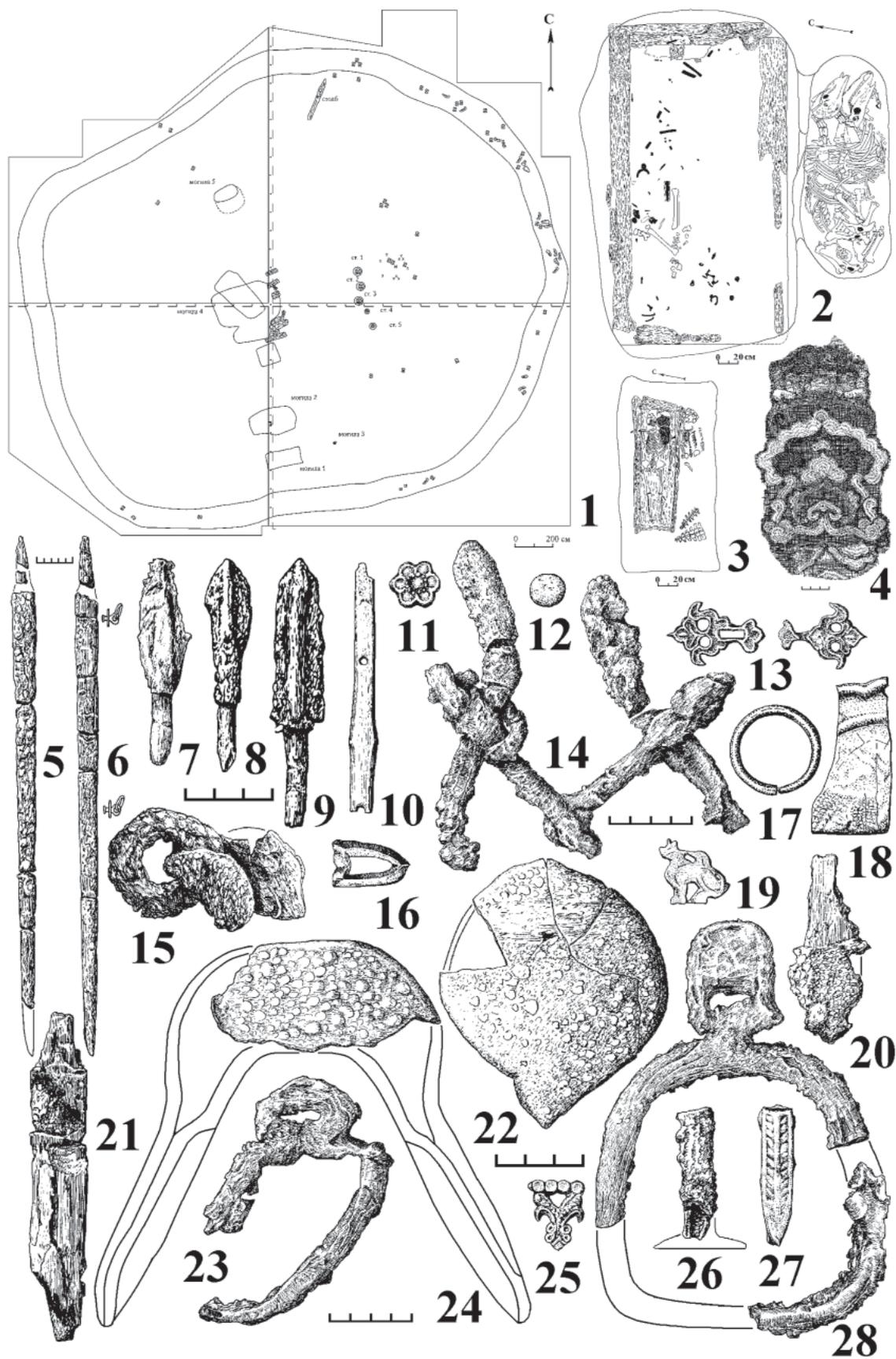

Рис. 45. Курган Поповская Дача:
 1 – план кургана, 2–3 – планы могил, 4–28 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2022).

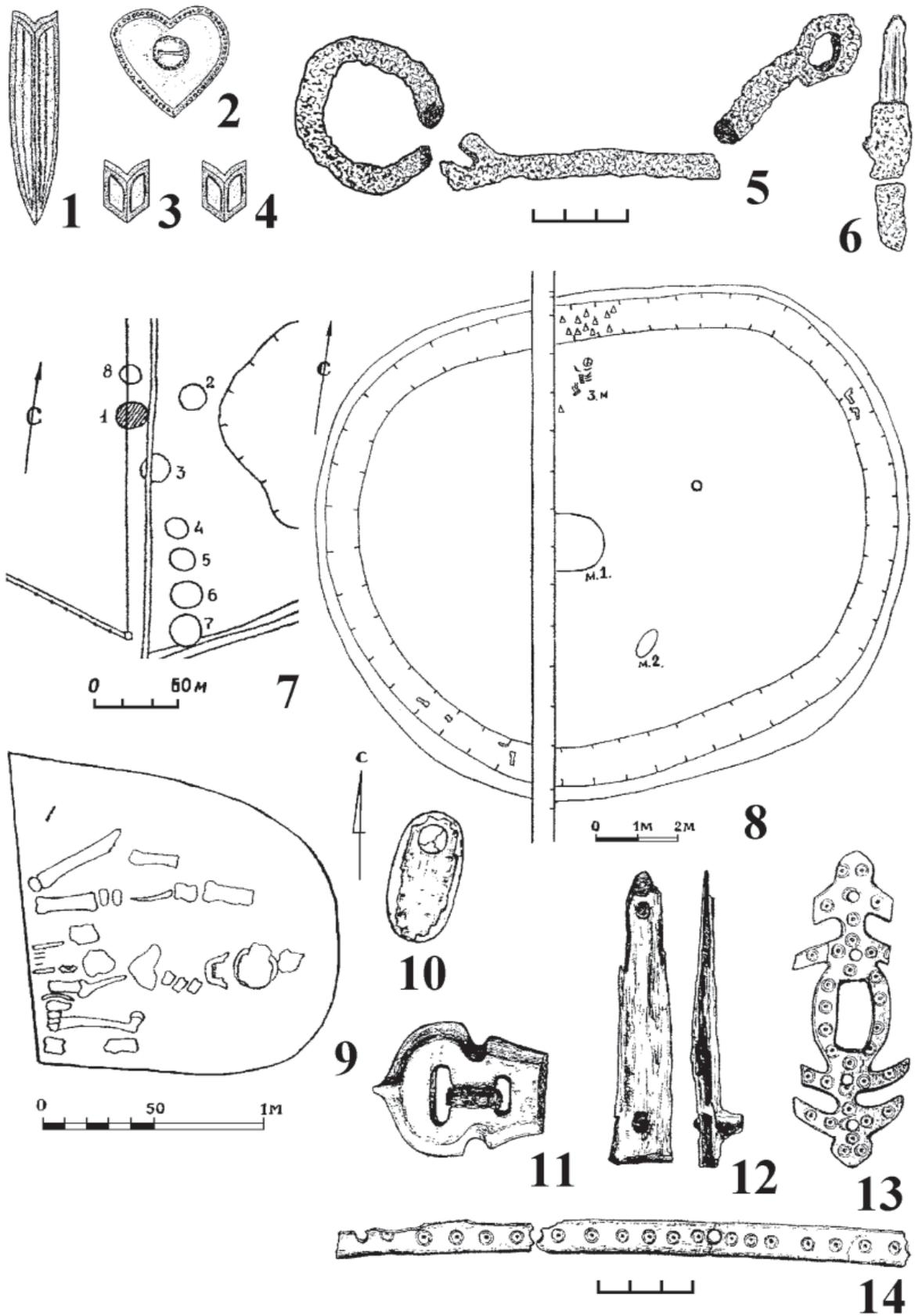

Рис. 46. Курганные могильники Пospelихинский (1–6) и Промышленная-1 (7–14): 1–6, 11–14 – инвентарь, 7 – план памятника, 8 – план кургана, 9–10 – планы могил (1–6 – по: Уманский, Неверов, 1982; 7–14 – по: Бобров, 1997).

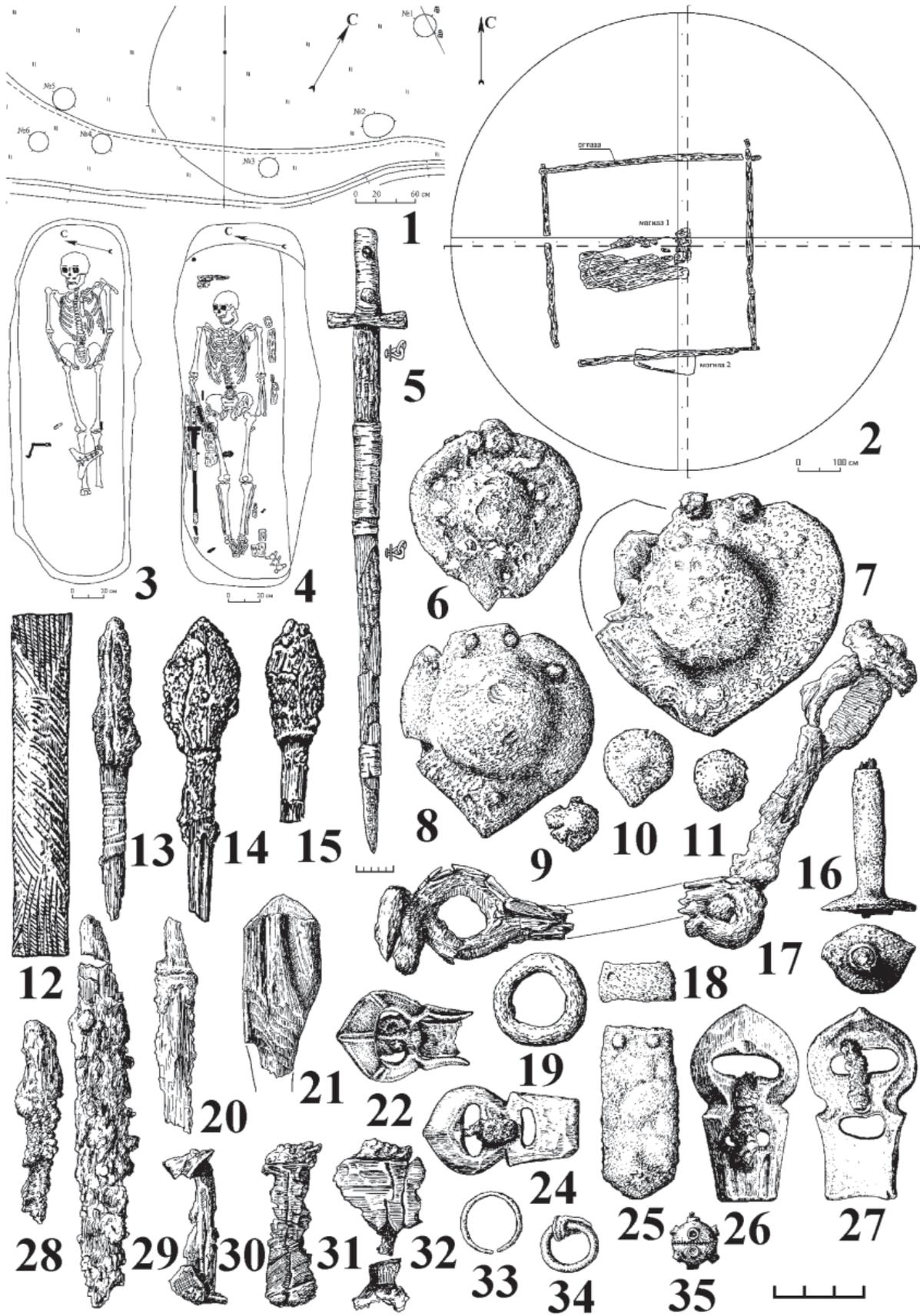

Рис. 47. Курганный могильник Прудской: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–35 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2022).

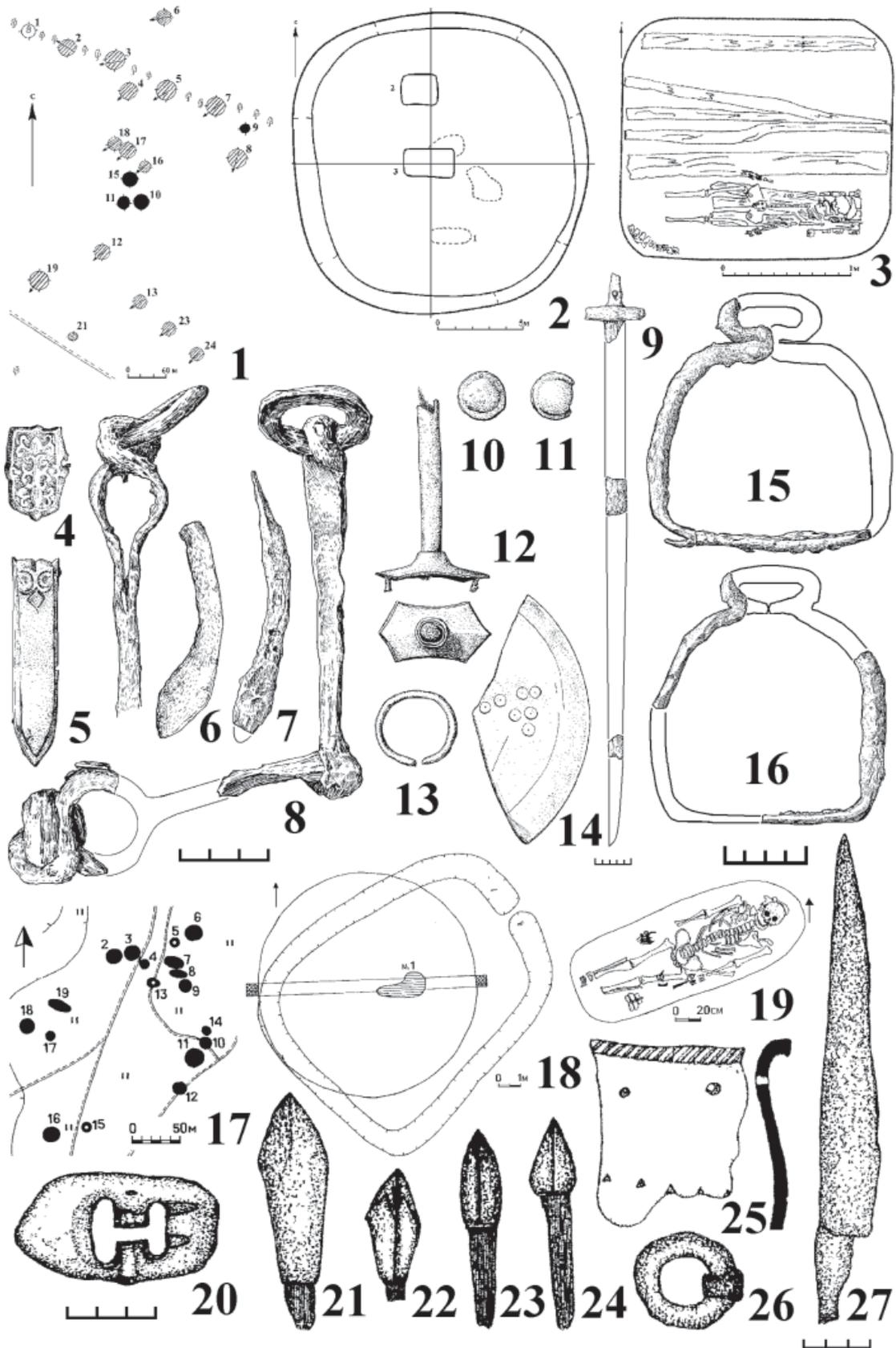

Рис. 48. Курганные могильники Рогозиха-1 (1–16) и Сапогово-1 (17–27): 1, 17 – планы памятников, 2, 18 – планы курганов, 3, 19 – планы могил, 4–16, 20–27 – инвентарь (1–16 – по: Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; 17–27 – по: Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996).

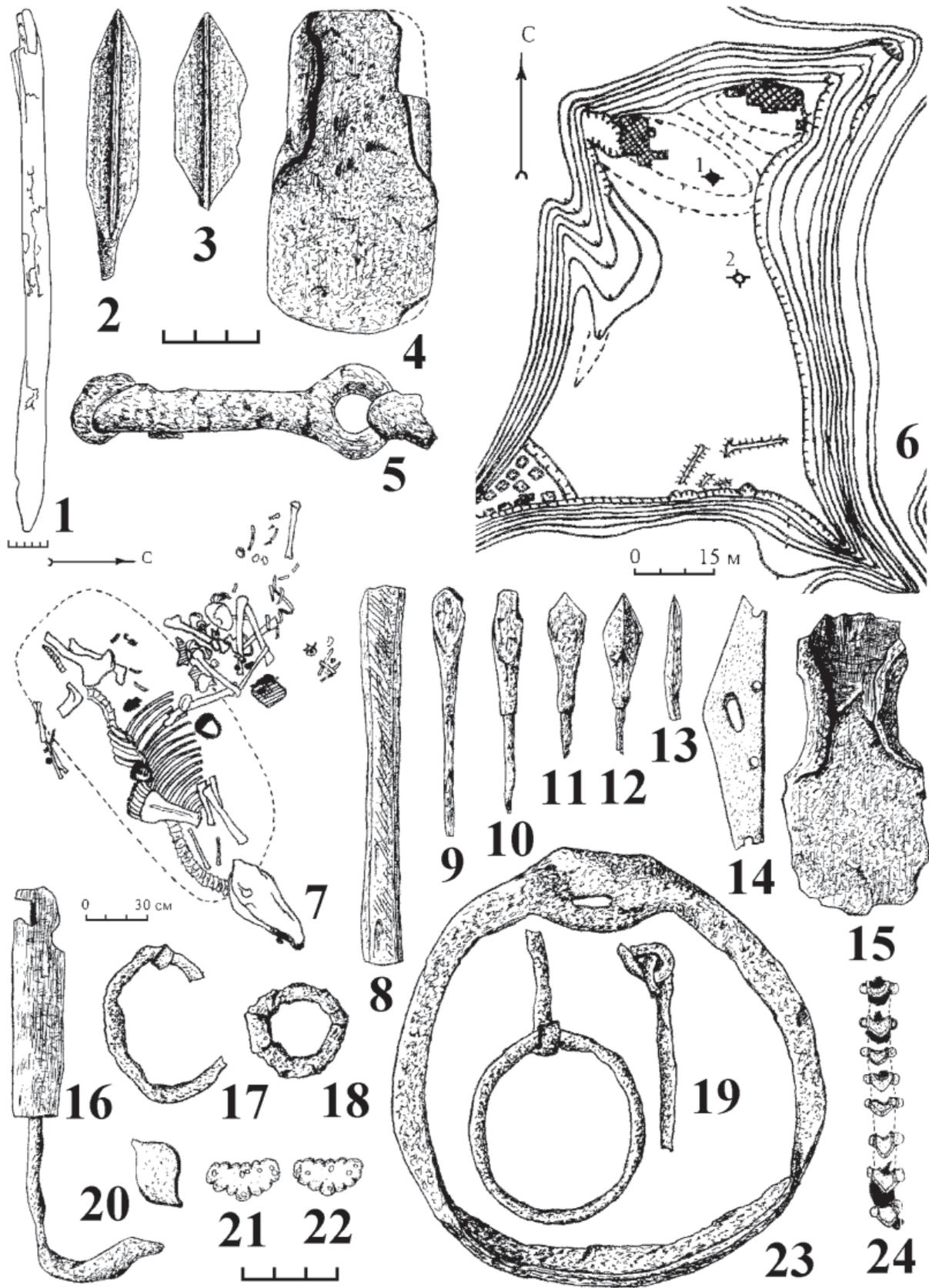

Рис. 49. Курганные могильники Солоновка (1-5) и Солонцы-4 (6-24): 1-5, 8-24 – инвентарь, 6 – план памятника, 7 – план могилы (по: Абдулганеев, 2006).

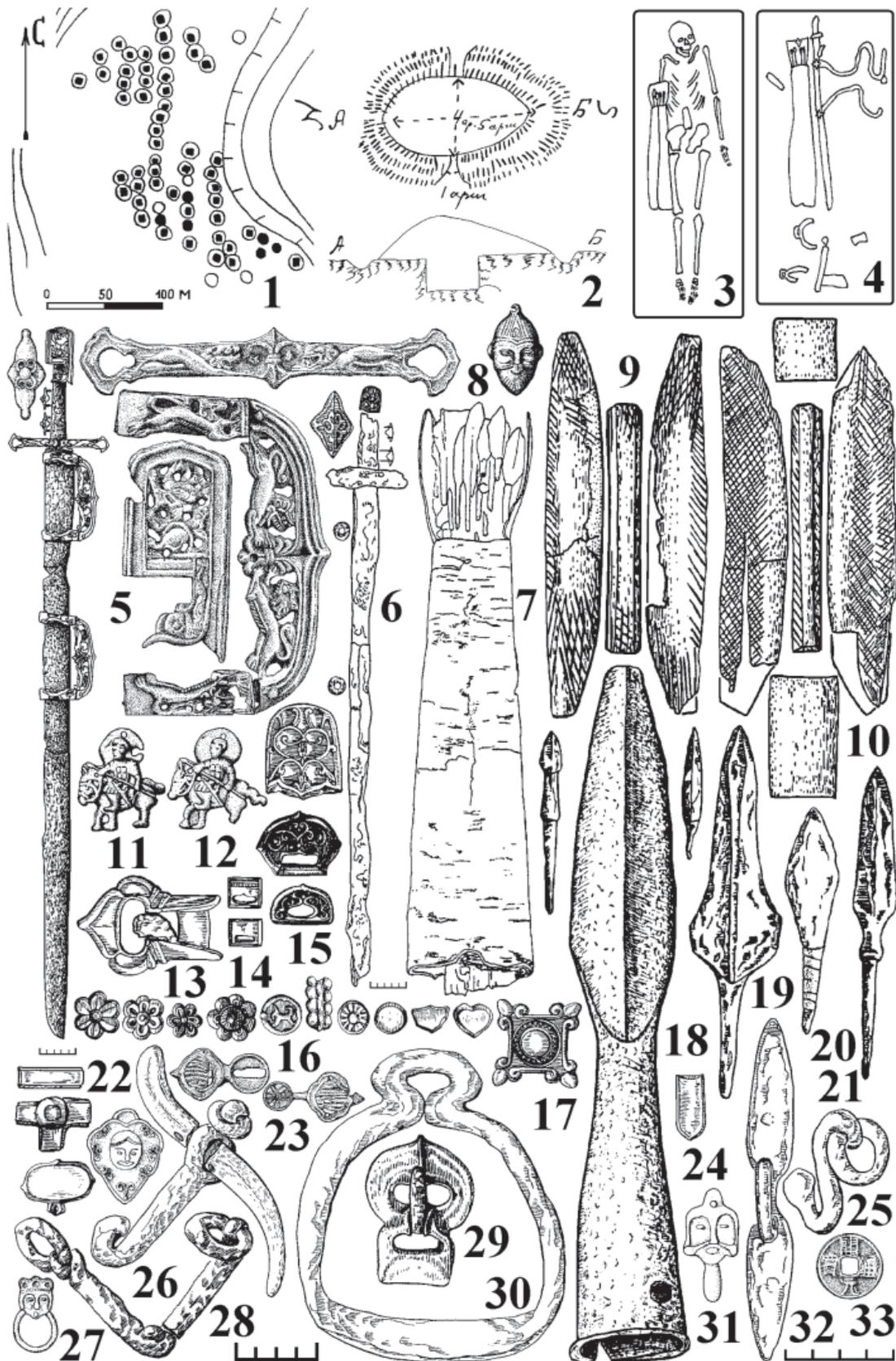

Рис. 50. Курганный могильник Сrostки-I: 1 – план памятника 1930 г., 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–33 – инвентарь (по: Сергеев, 1998; Савинов, 1998; Горбунов, 2010; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2017; Тишкин, Горбунов, Серов, 2020; Тишкин, Горбунов, 2022).

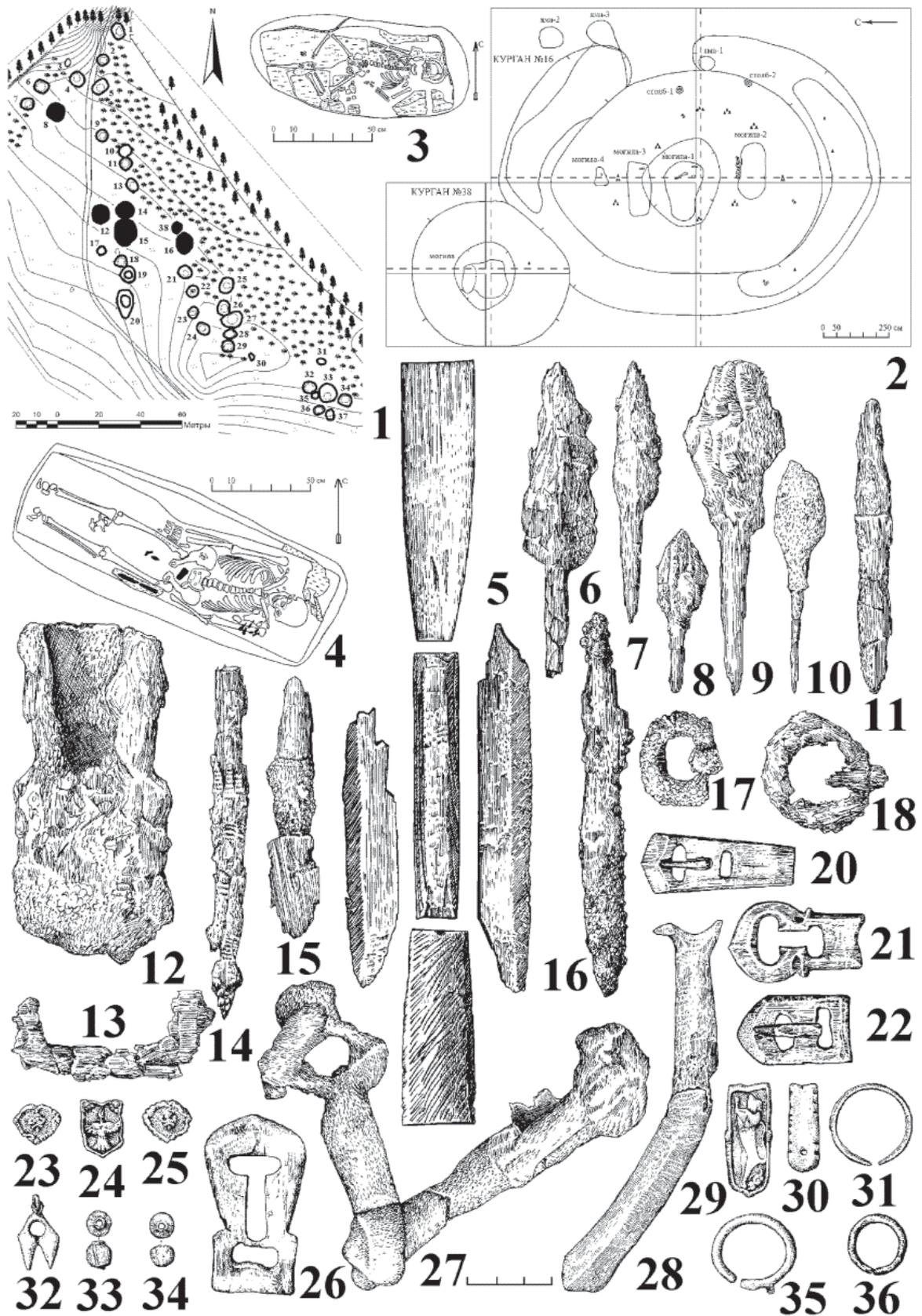

Рис. 51. Курганный могильник Сrostки-I: 1 – план памятника 2016 г., 2 – план курганов, 3–4 – планы могил, 5–36 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2014; 2018).

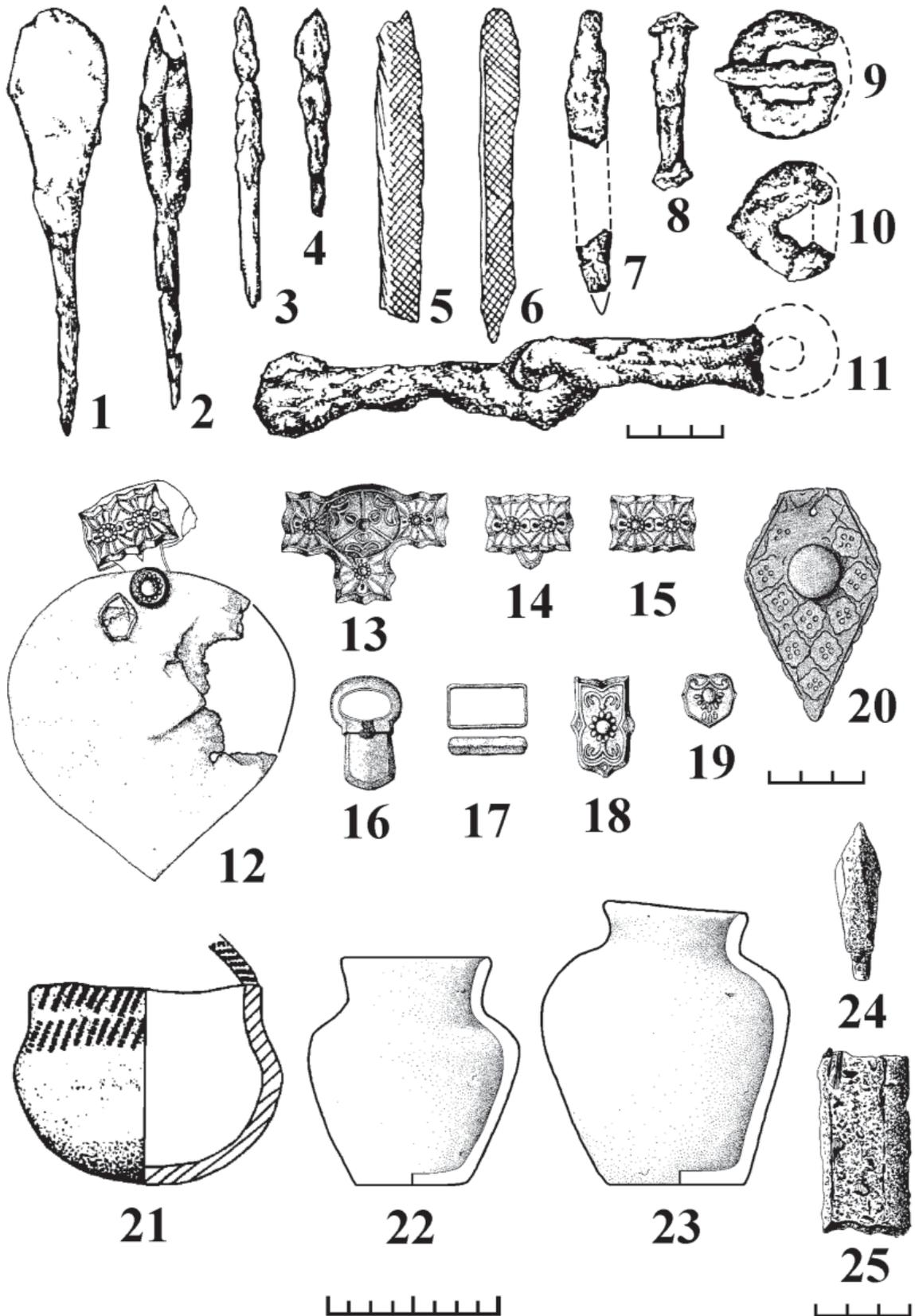

Рис. 52. Курганные могильники Степной Кучук-1 (1–11), Сурья Сопка (12–20), Тузовские Бугры-2 (21) и Хлеборобный Елбан-1 (22–25): 1–25 – инвентарь (1–11 – по: Уманский, 1993; 12–20 – по: Боровков, 2001; 21 – по: Шмидт, 1999; 22–25 – по: Казаков, Горбунов, 1993).

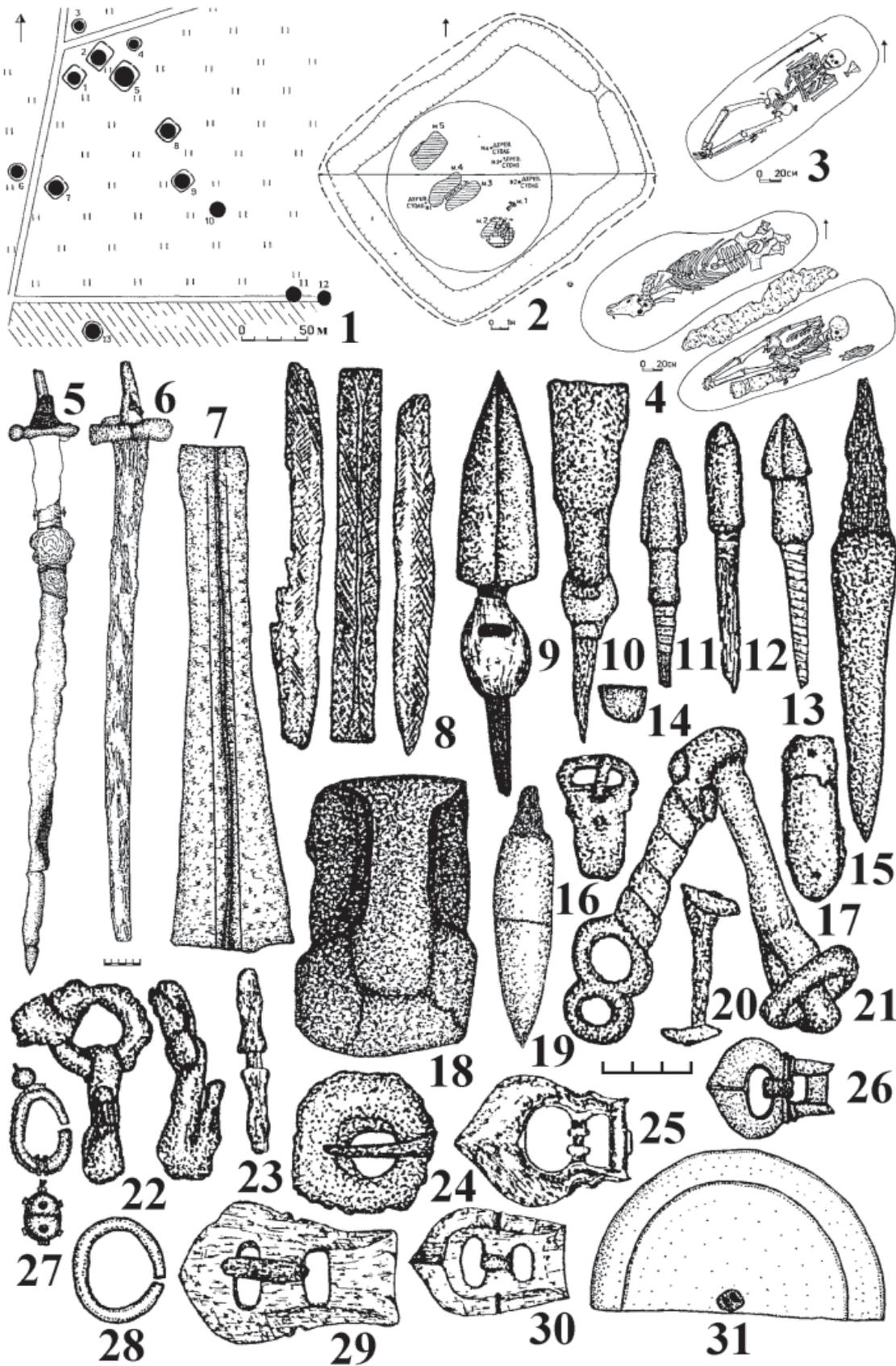

Рис. 53. Курганный могильник Торопово-1: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–31 – инвентарь (по: Илюшин, 1999).

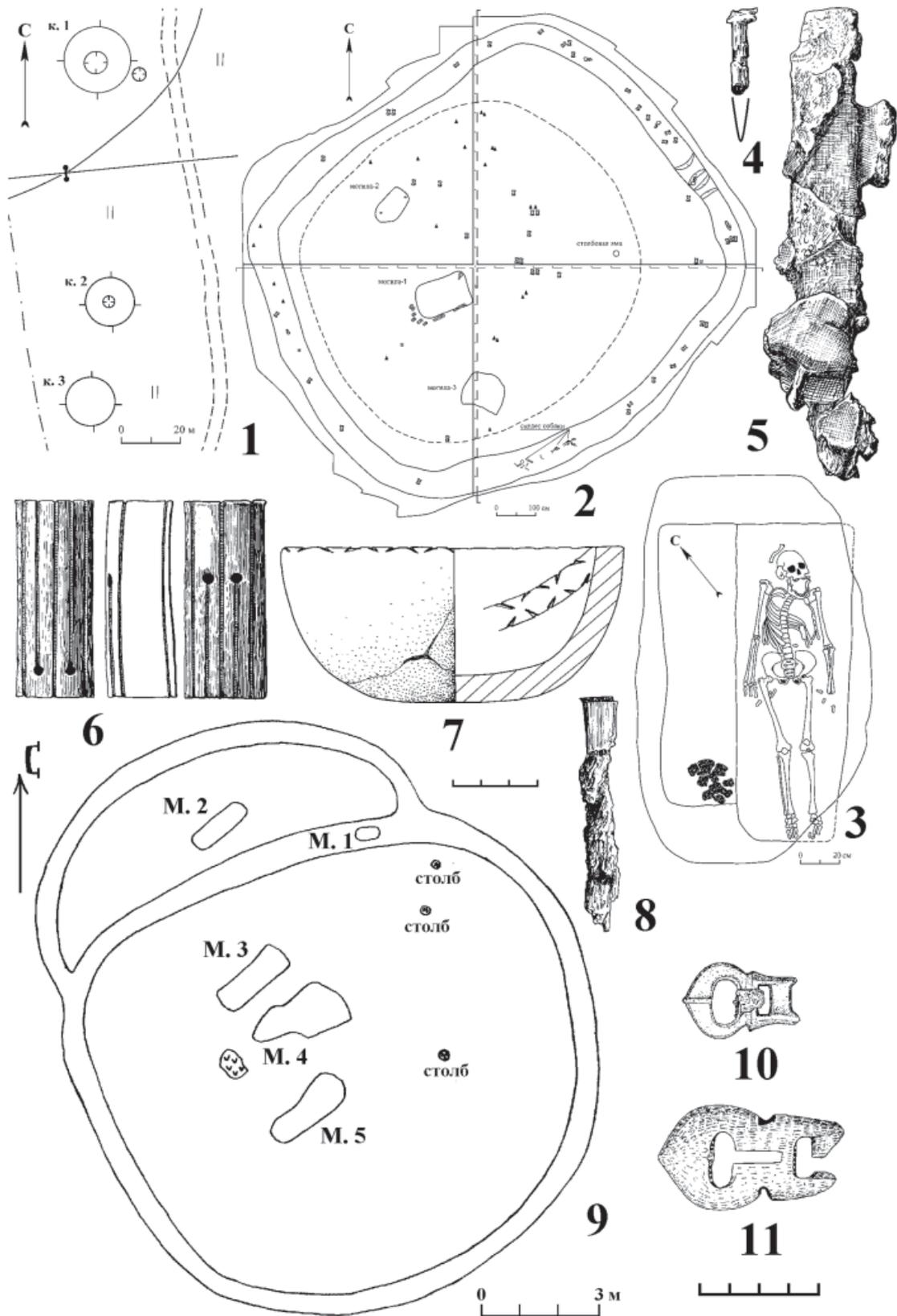

Рис. 54. Курганные могильники Успеновка-II (1–8) и Шелаболиха-3 (9–11):

1 – план памятника, 2, 9 – планы курганов, 3 – план могилы,
4–8, 10–11 – инвентарь (1–8 – по: Горбунов, Тишкин, 2022; 9–11 – по: Горбунов, 1996).

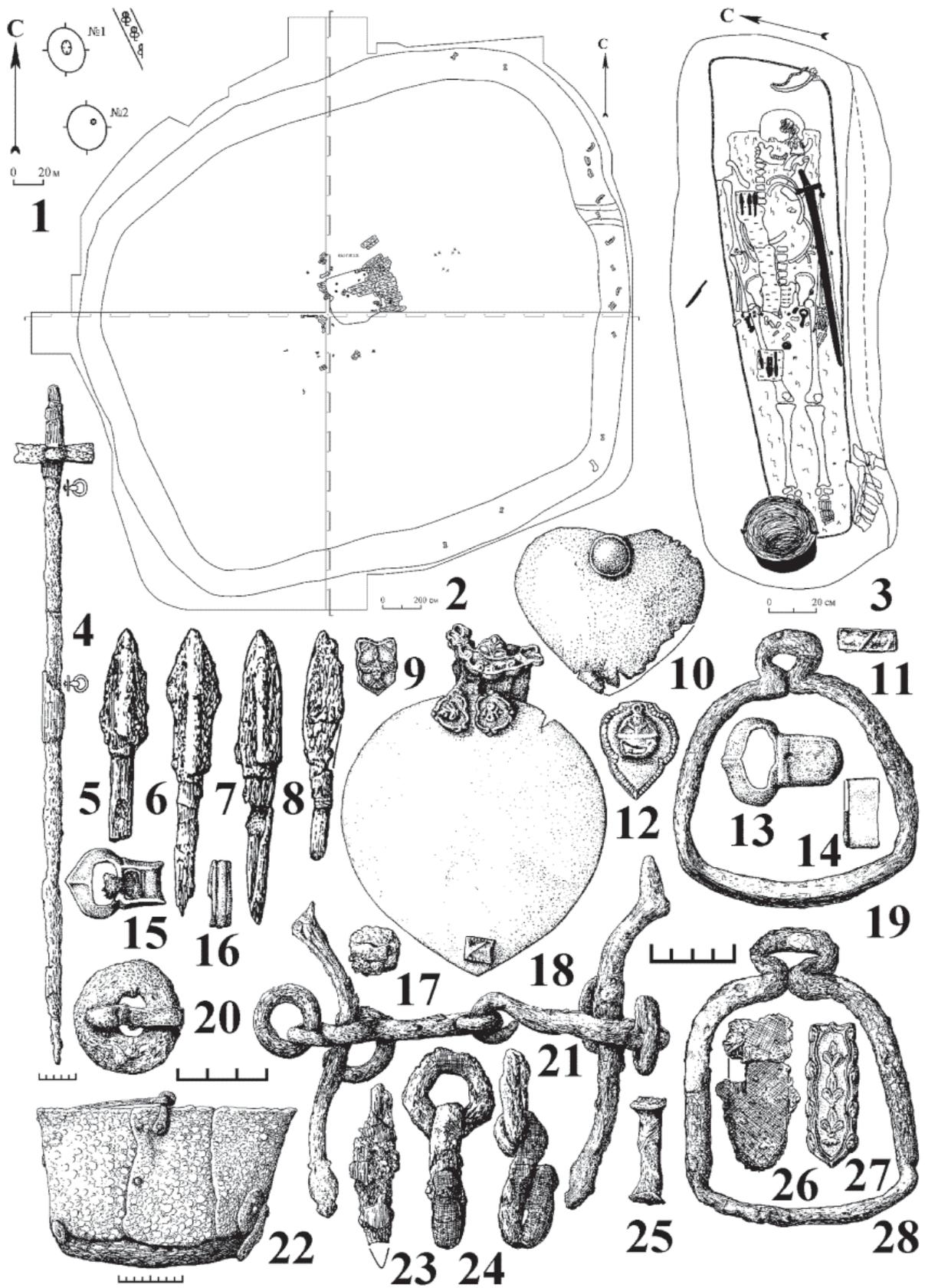

Рис. 55. Курганный могильник Филин-I: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3 – план могилы, 4–28 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2022).

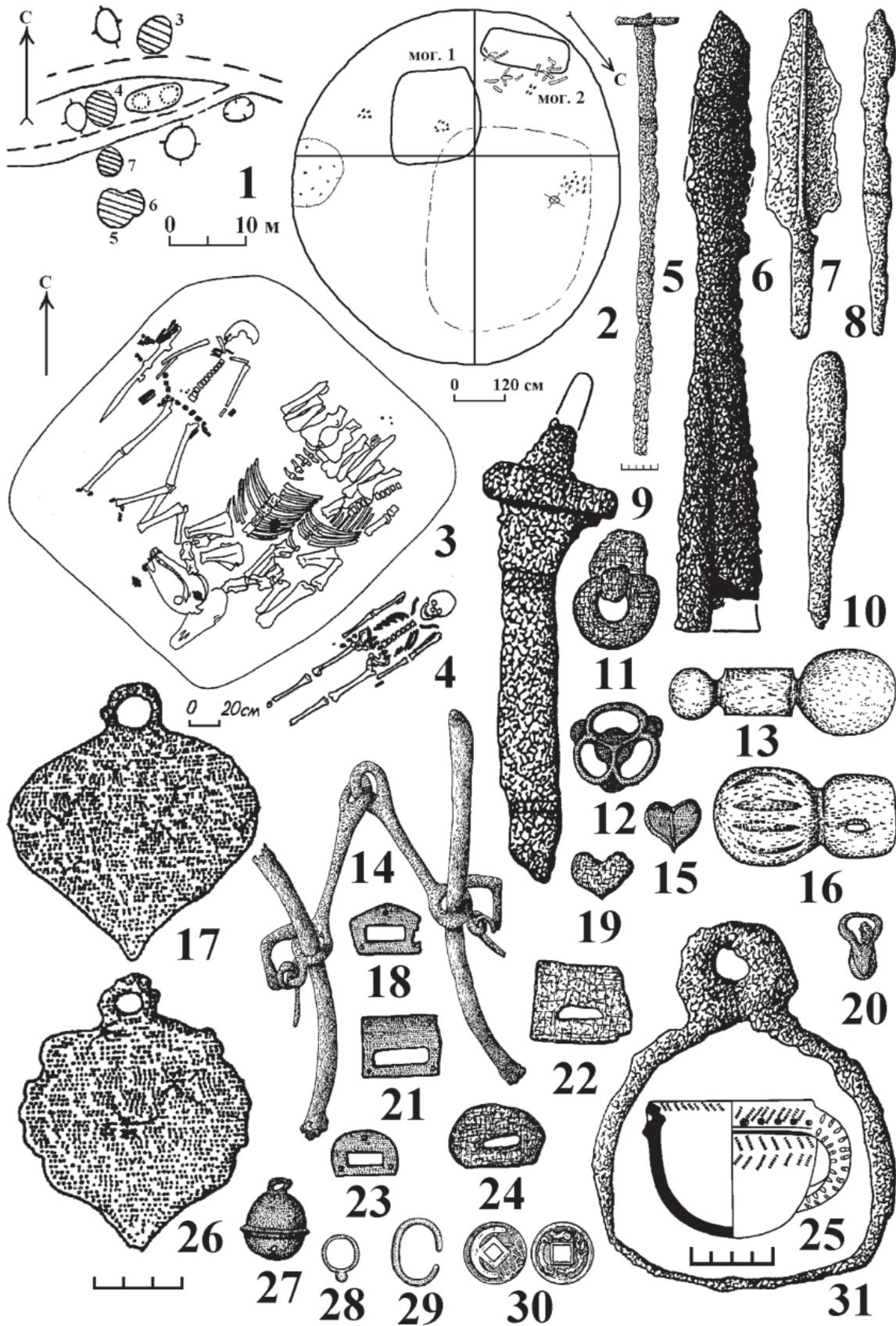

Рис. 56. Курганный могильник Чигис-2: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–31 – инвентарь (по: Троицкая, Новиков, 1995; 1998).

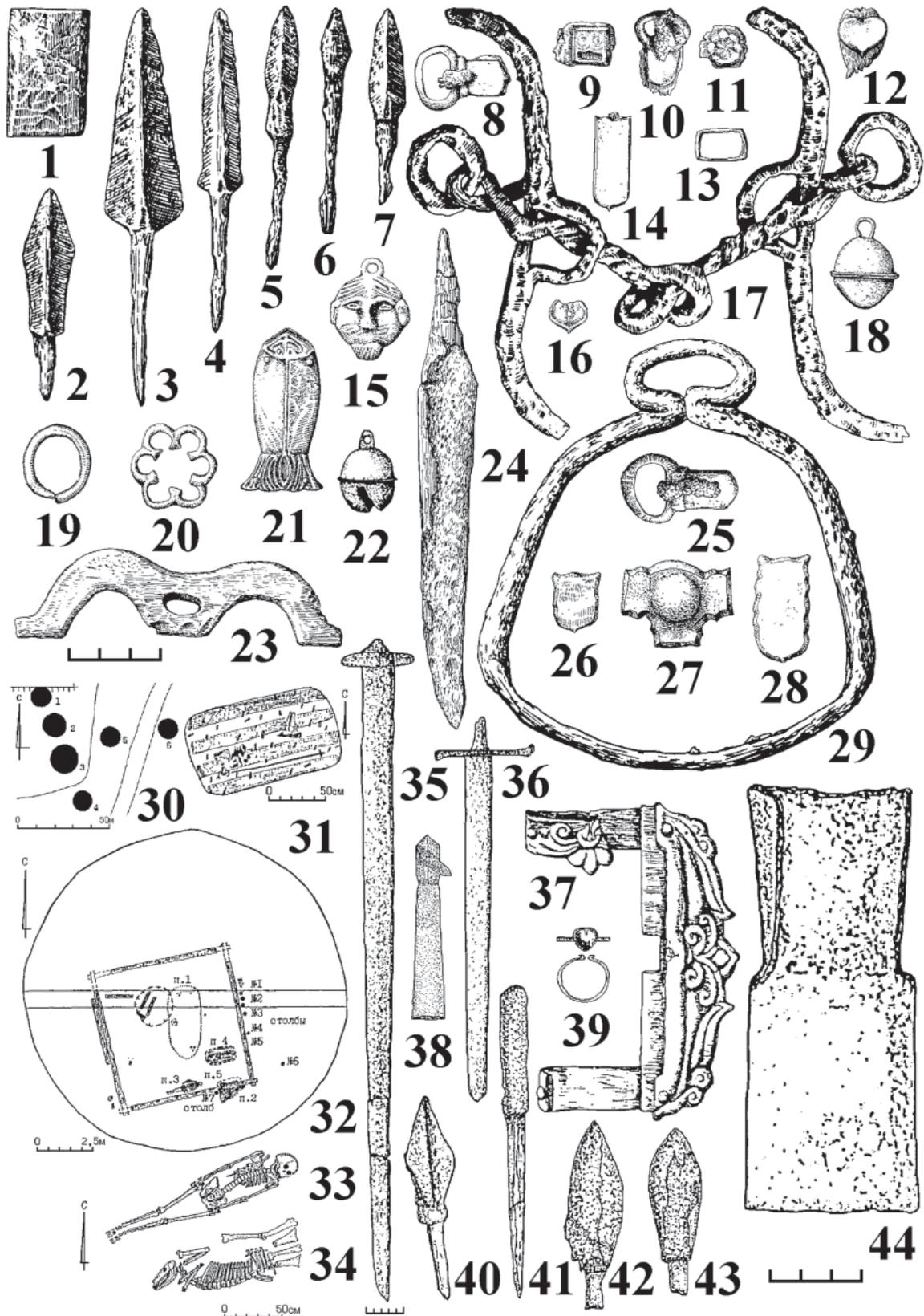

Рис. 57. Курганные могильники Чинета-II (1-29) и Шабаново-3 (30-44): 1-29, 35-44 – инвентарь, 30 – план памятника, 31, 33-34 – планы могил, 32 – план кургана (1-29 – по: Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004; 30-44 – по: Илюшин, 1998).

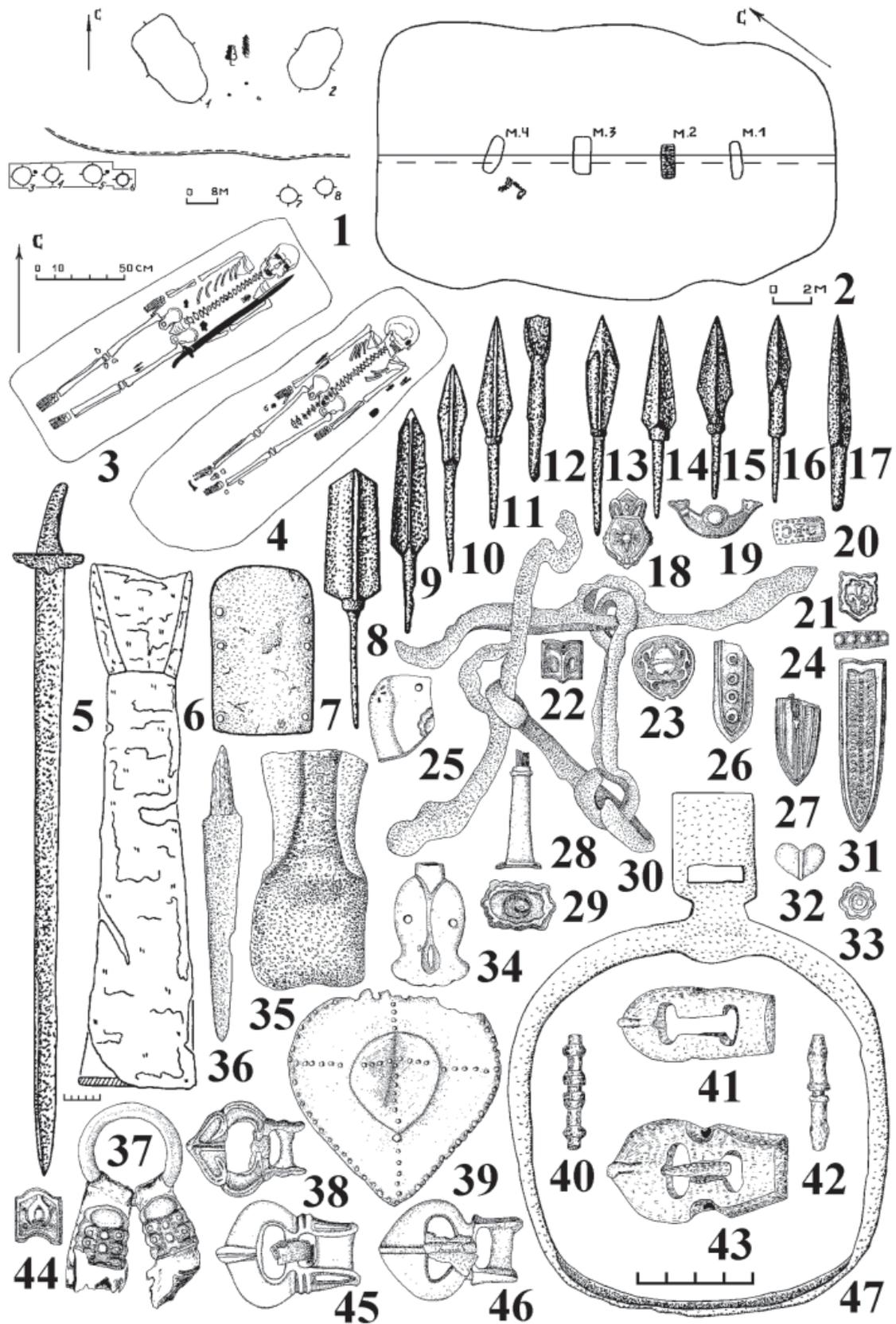

Рис. 58. Курганный могильник Шадринцево-1: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–47 – инвентарь (по: Неверов, горбунов, 1996).

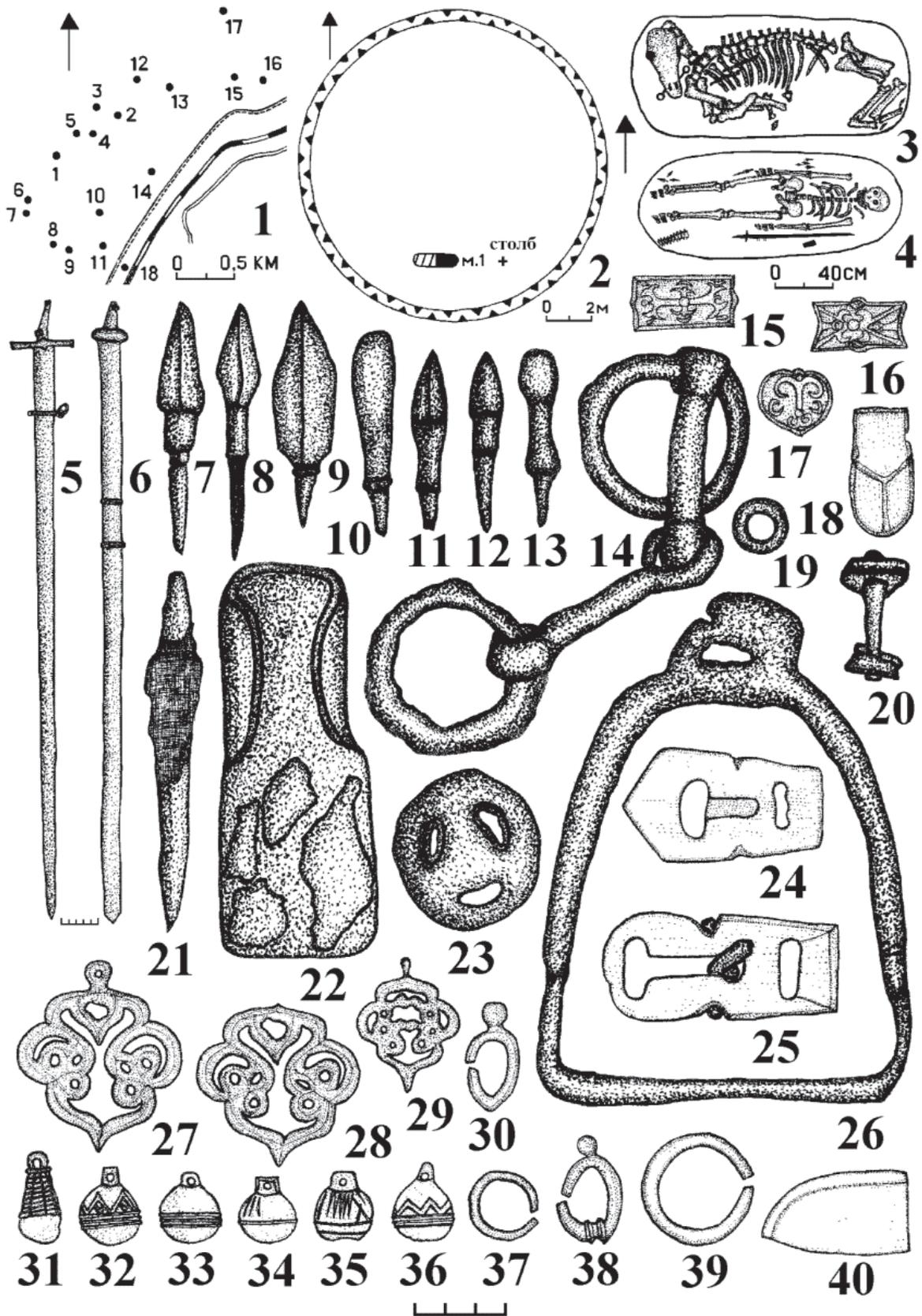

Рис. 59. Курганный могильник Шанда: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–40 – инвентарь (по: Илюшин, 1993).

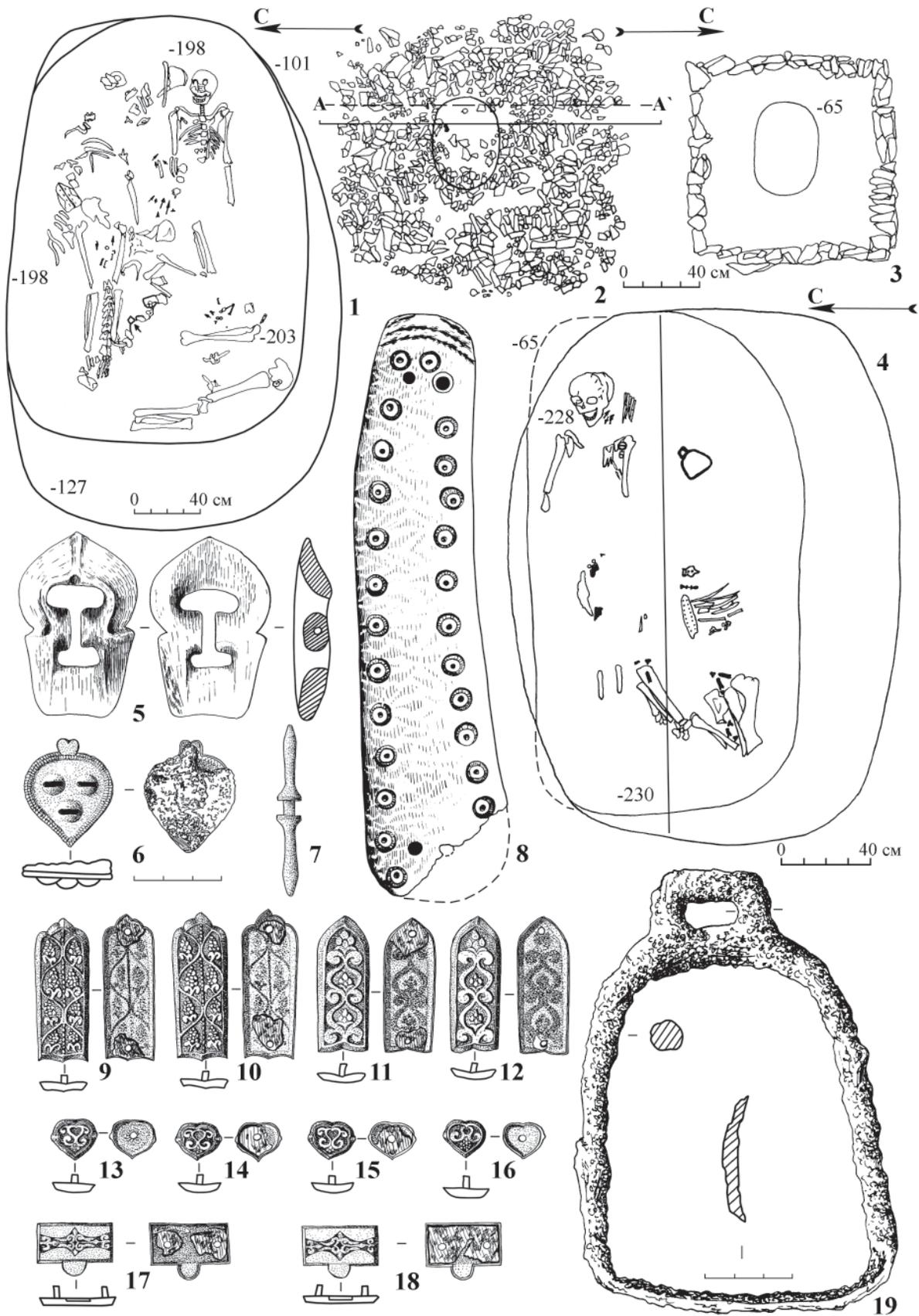

Рис. 60. Курганный могильник Щепчиха-I:
1-4 – планы могил и кургана, 5-19 – инвентарь (по: Тишкин, 1993).

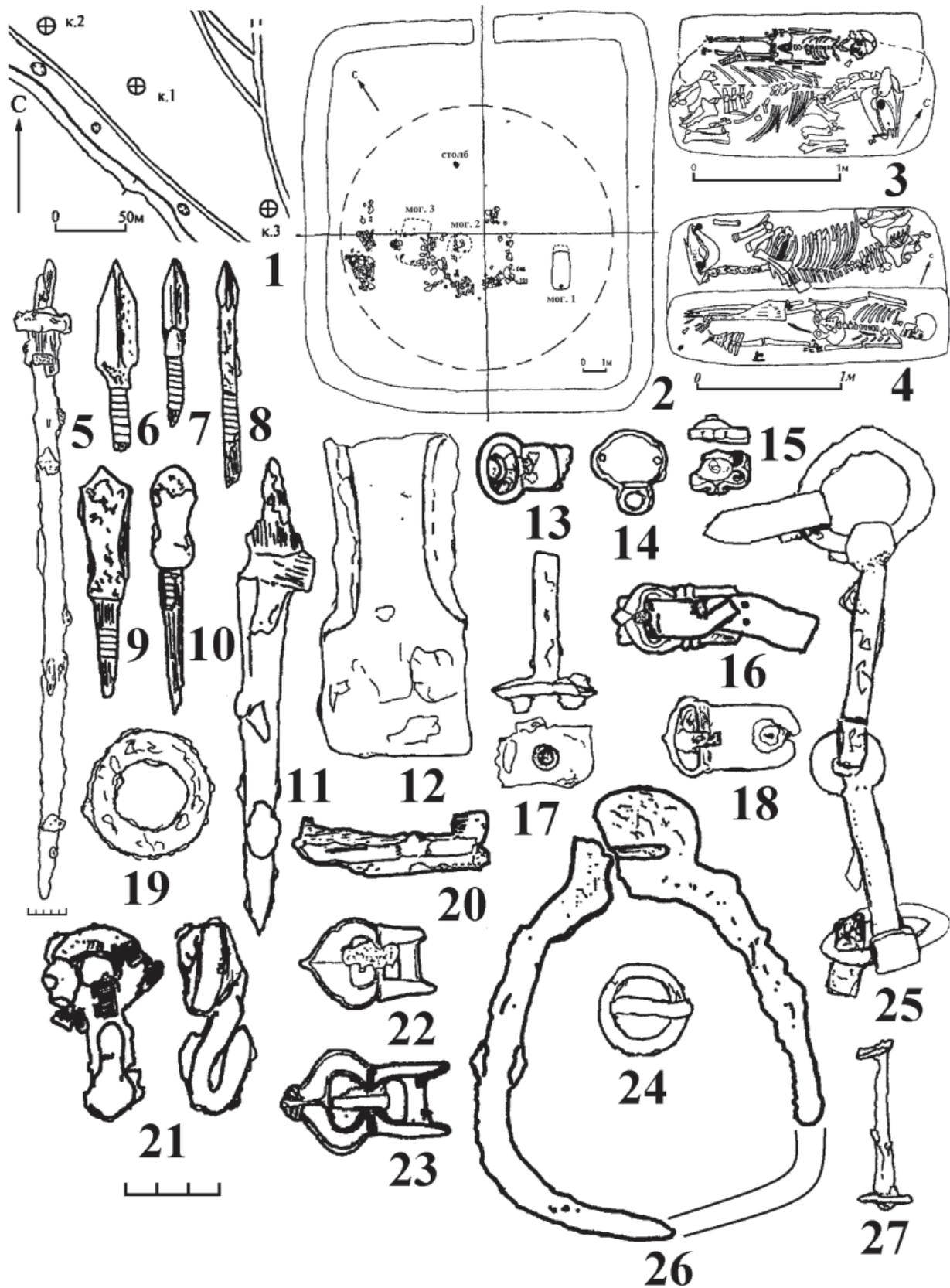

Рис. 61. Курганный могильник Шестаки-І: 1 – план памятника, 2 – план кургана, 3–4 – планы могил, 5–27 – инвентарь (по: Кузнецов, 2004).

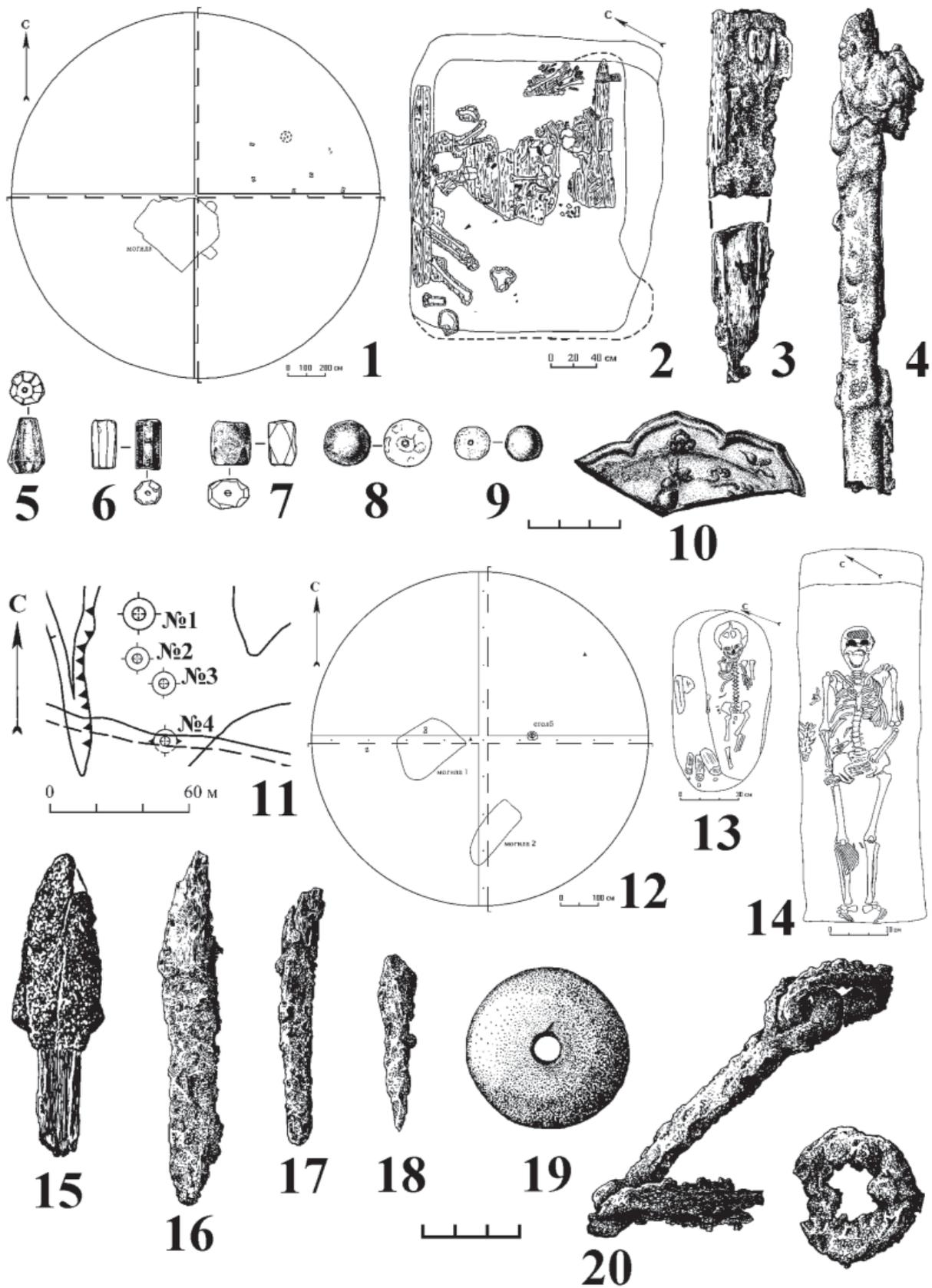

Рис. 62. Курганные могильники Яровское-III (1–10) и Яровское-V (11–20):
 1, 12 – планы курганов, 2, 13–14 – планы могил, 11 – план памятника,
 3–10, 15–20 – инвентарь (по: Горбунов, Тишкин, 2022).

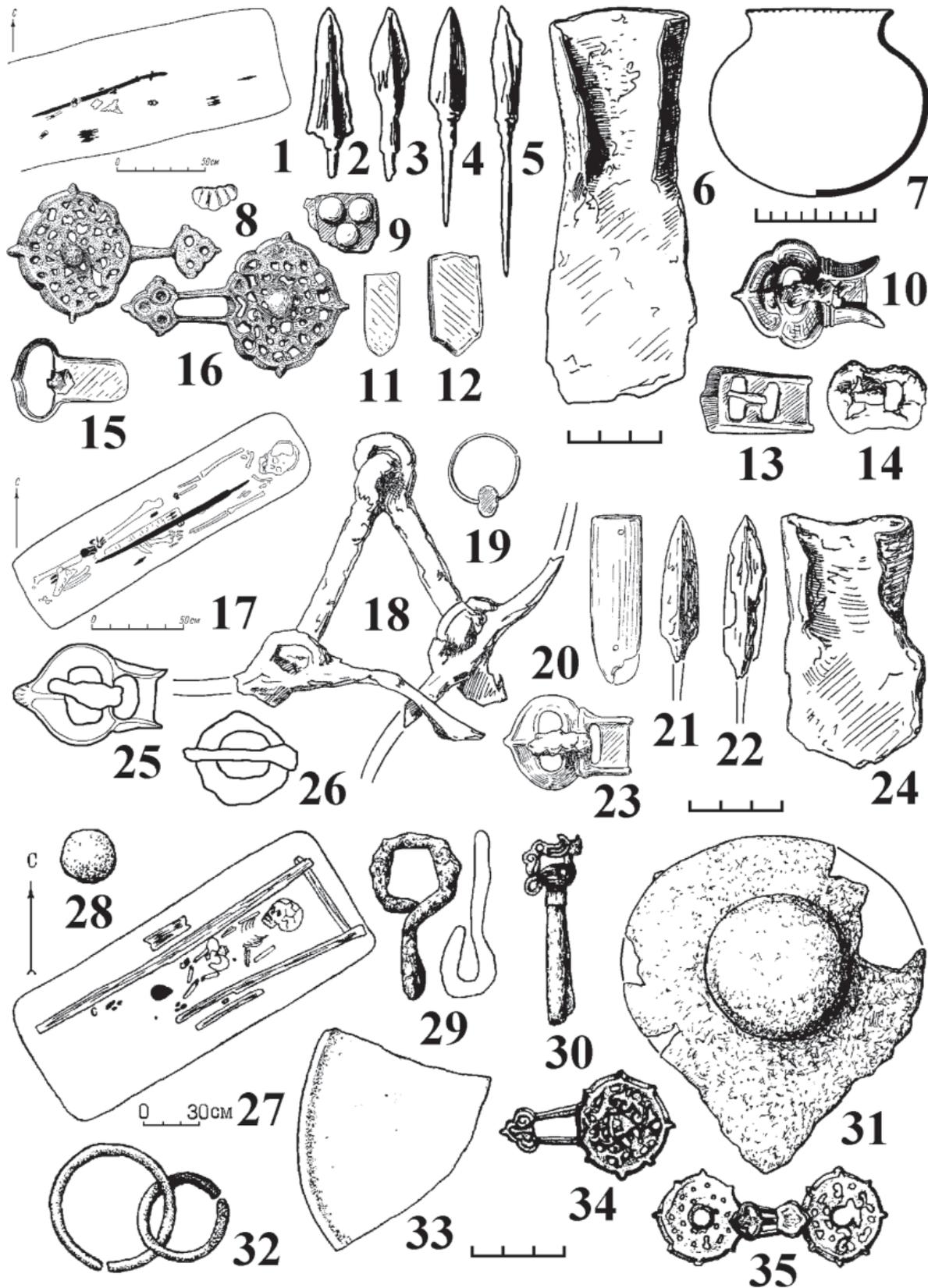

Рис. 63. Грунтовые могильники Ближние Елбаны-V (1–16), VII (17–26) и XVI (27–35):
 1, 17, 27 – планы могил, 2–16, 18–26, 28–35 – инвентарь (по: Грязнов, 1956;
 Абдулганеев, Горбунов, Казаков, 1995; Тишкин, Горбунов, 2022).

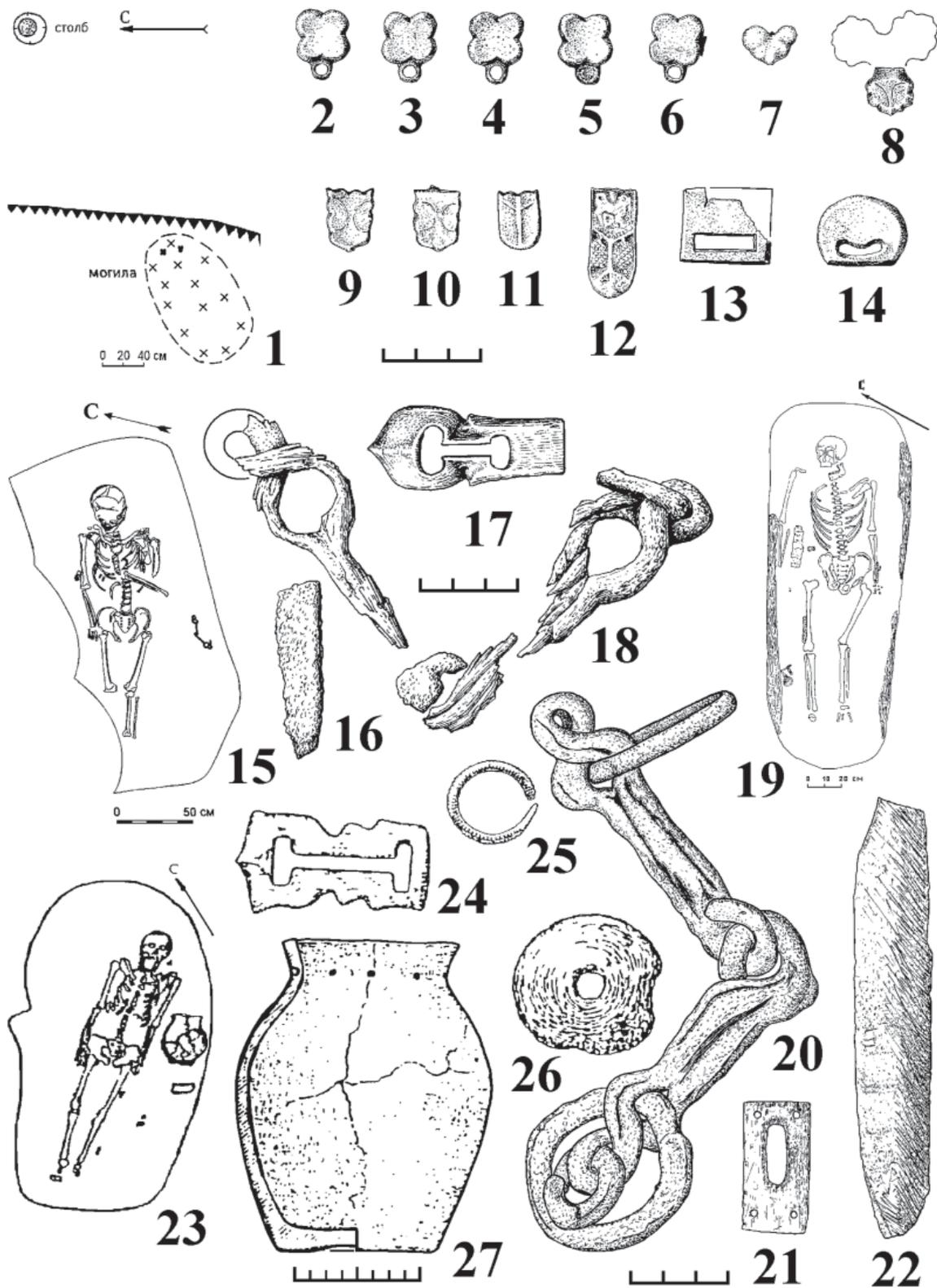

Рис. 64. Грунтовые могильники Борковский Елбан-6 (1–14), Боровиково-V (15–18),
Восход-I (19–22) и Гилево-II (23–27):

1, 15, 19, 23 – планы могил, 2–14, 16–18, 20–22, 24–27 – инвентарь (1–14 – по: Бородаев, Горбунов, 1995; Горбунова, 2003; 15–18 – по: Горбунов, Кондрашов, 2005; 19–22 – по: Кирюшин, Горбунов, 1998; 23–27 – по: Могильников, 2002).

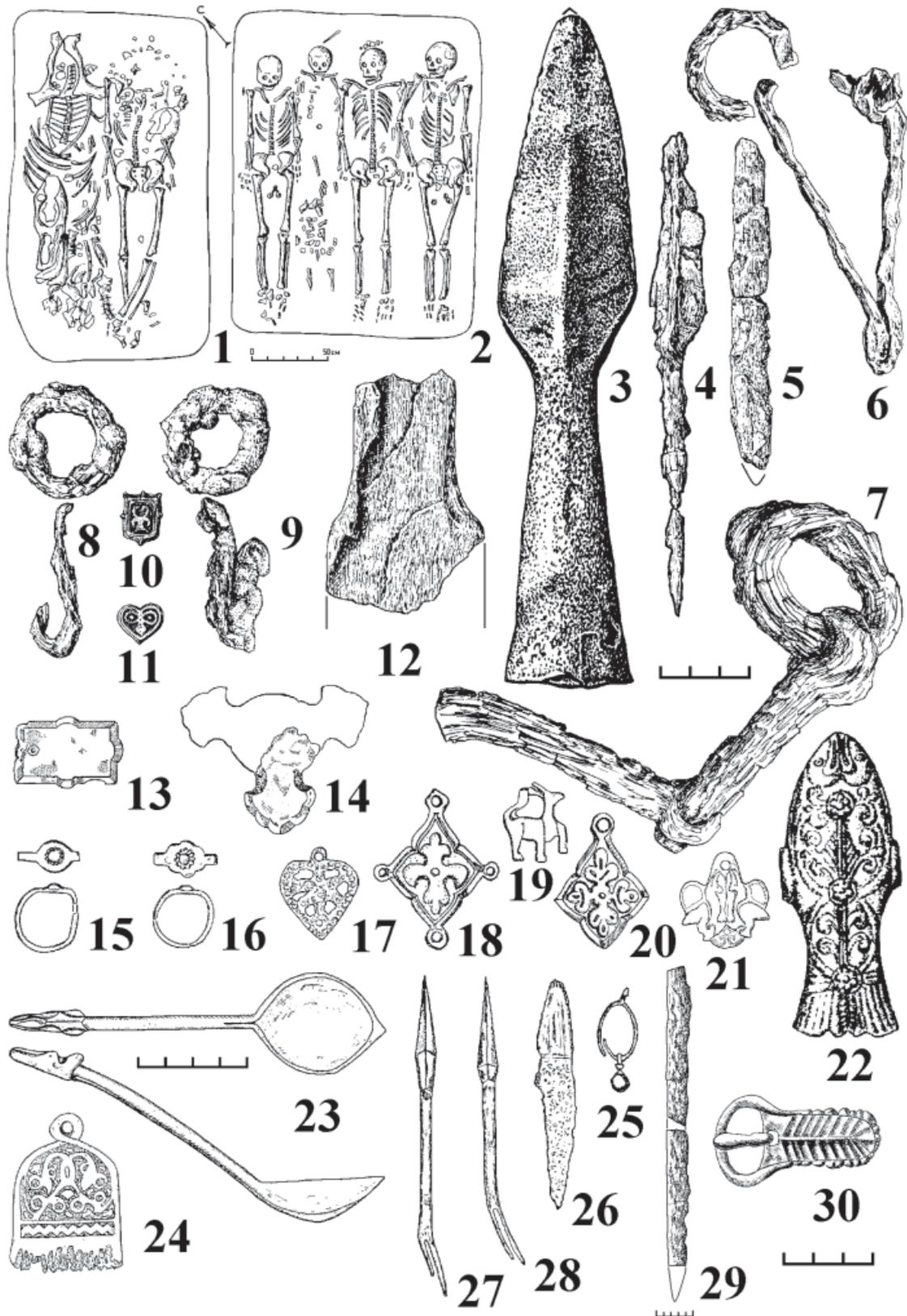

Рис. 65. Грунтовые могильники Ильинка (1–12), Мало-Панюшово (13–24),
Нечунаевский Елбан-2 (25–28) и Николаевка (29–30):

1–2 – планы могил, 3–30 – инвентарь (1–12 – по: Уманский, Караваев, 1992; Уманский, Тишкин, Горбунов, 2001; 13–28 – по: Уманский, Неверов, 1982; 29–30 – по: Уманский, 1991).

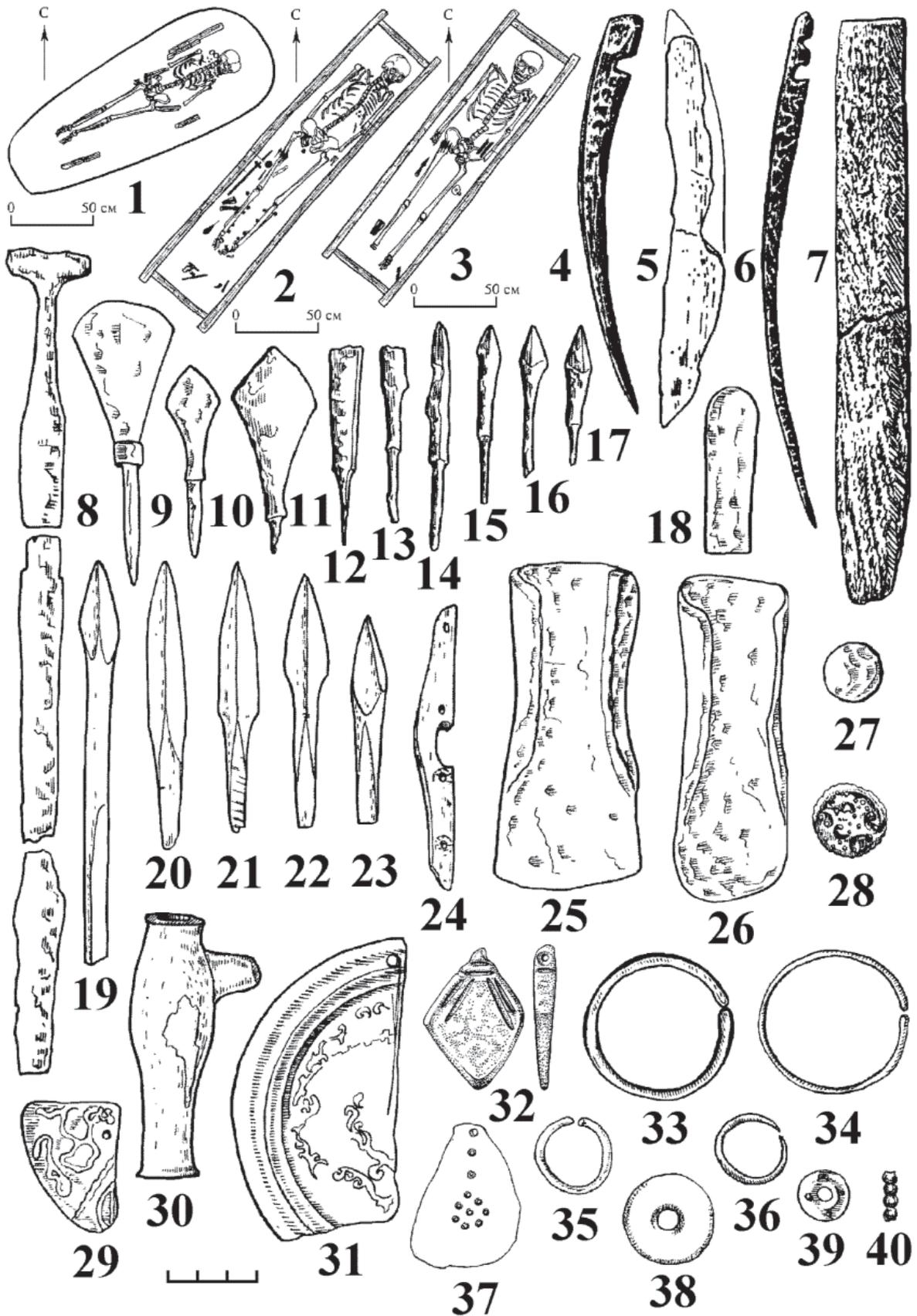

Рис. 66. Грунтовый могильник Осинки:
1–3 – планы могил, 4–40 – инвентарь (по: Савинов, Новиков, Росляков, 2008).

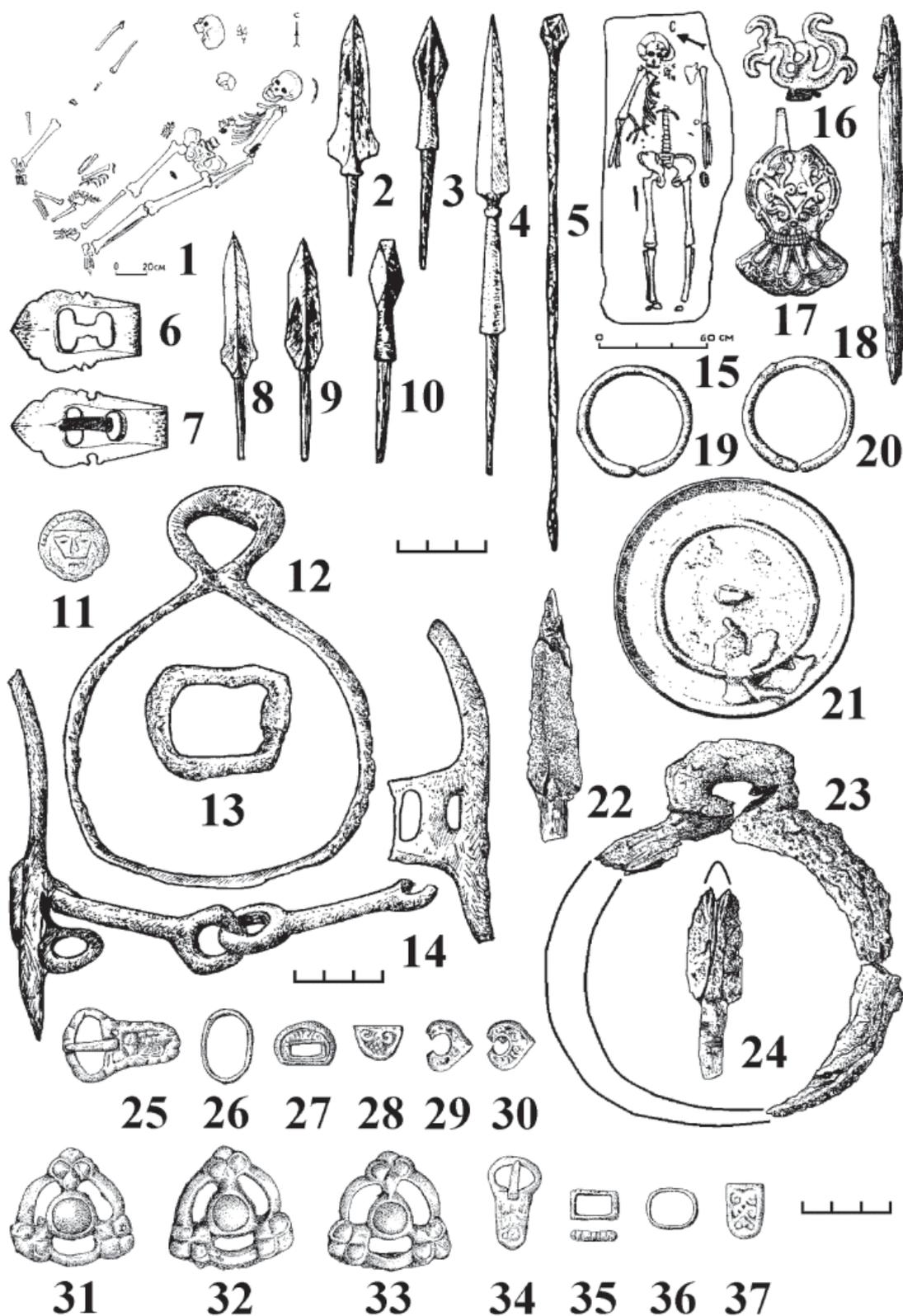

Рис. 67. Грунтовые могильники Татарские Могилки (1–10), Точильное-5 (11–14), Усть-Шамониha-I (15–21), Хабзино-4 (22–24) и Чекановский Лог-10А (25–37): 1, 15 – планы могил, 2–14, 16–37 – инвентарь (1–10 – по: Ширин, 1994; 11–14 – по: Абдулганеев, Шамшин, 1990; 15–21 – по: Горбунов, 1992; 22–24 – по: Горбунов, 2013; 25–37 – по: Горбунов, Ситников, 2009).

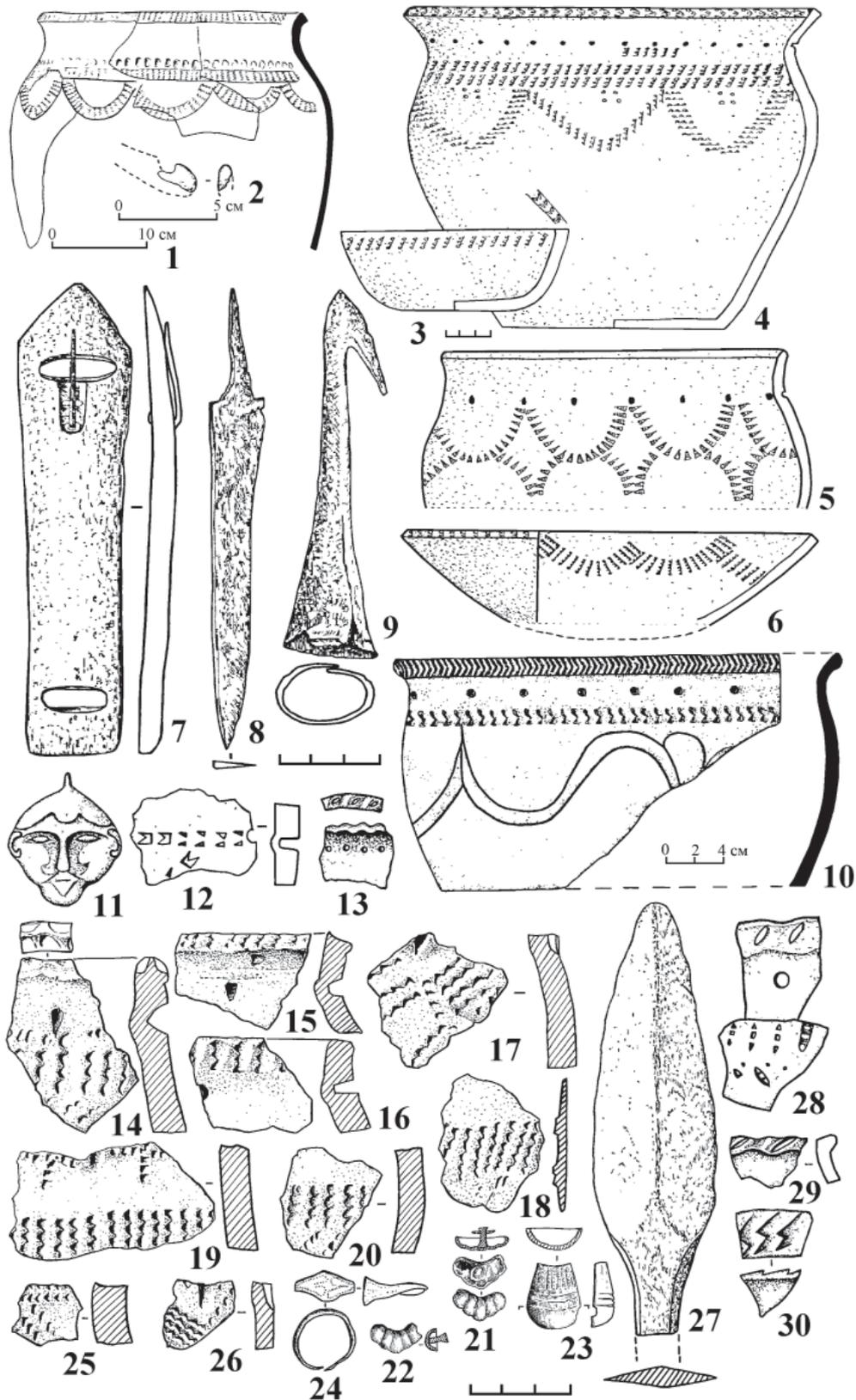

Рис. 68. Поселение Ближние Елбаны-II (1-2), городище Елбанка (3-9), поселения Зайцево-2 (10), Калиновка-I (11-13), Кипринский Борок-7 (14-24), Селезневский Борок (25-26), Черная Курья-VI (27-28) и Шатово-III (29-30): 1-30 – находки (по: Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016).

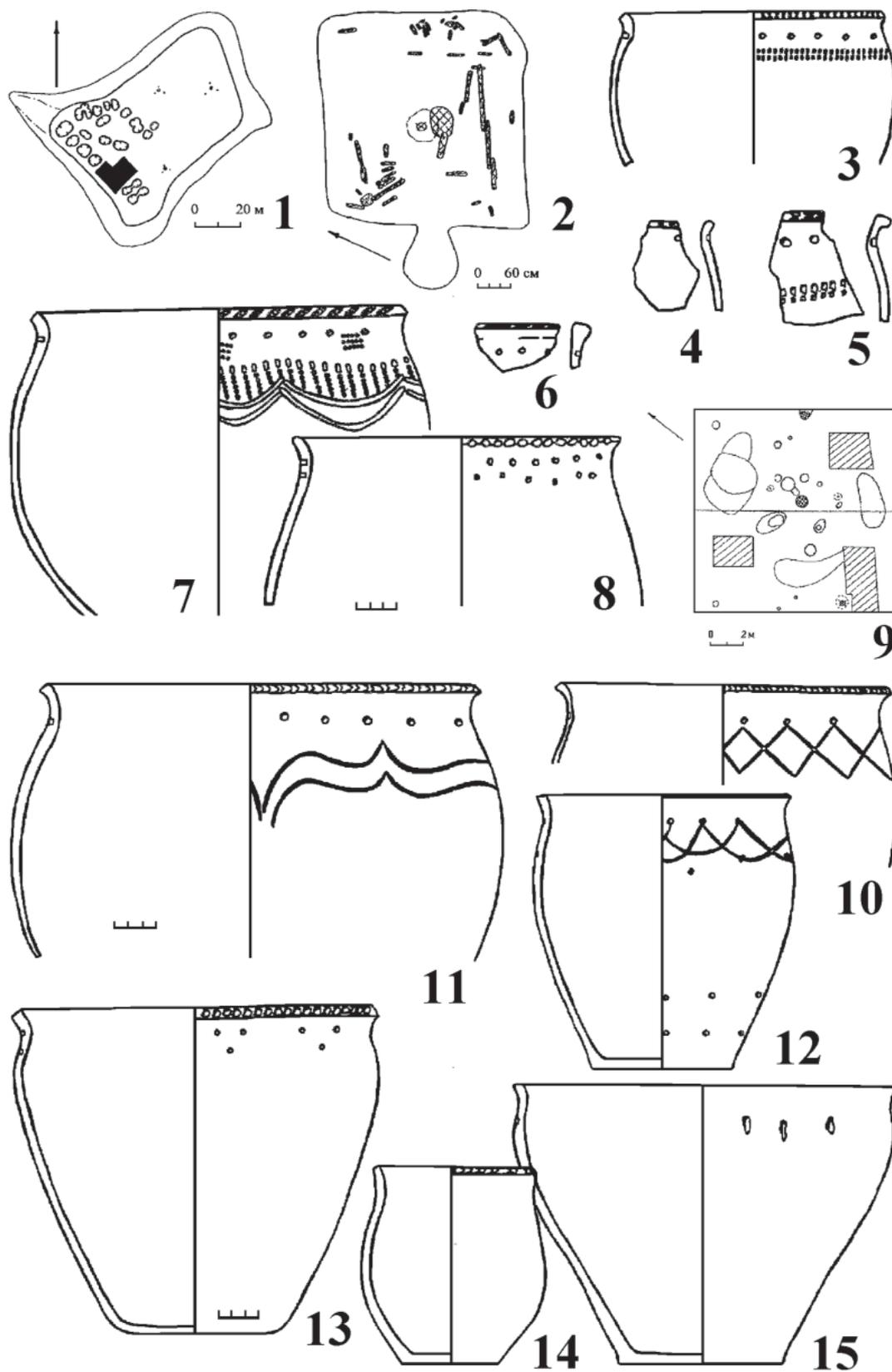

Рис. 69. Поселения Боровое-1 (1–8) и Ордынское-5 (9–15):
 1 – план памятника, 2, 9 – планы жилищ, 3–8, 10–15 – находки (по: Адамов, 2000).

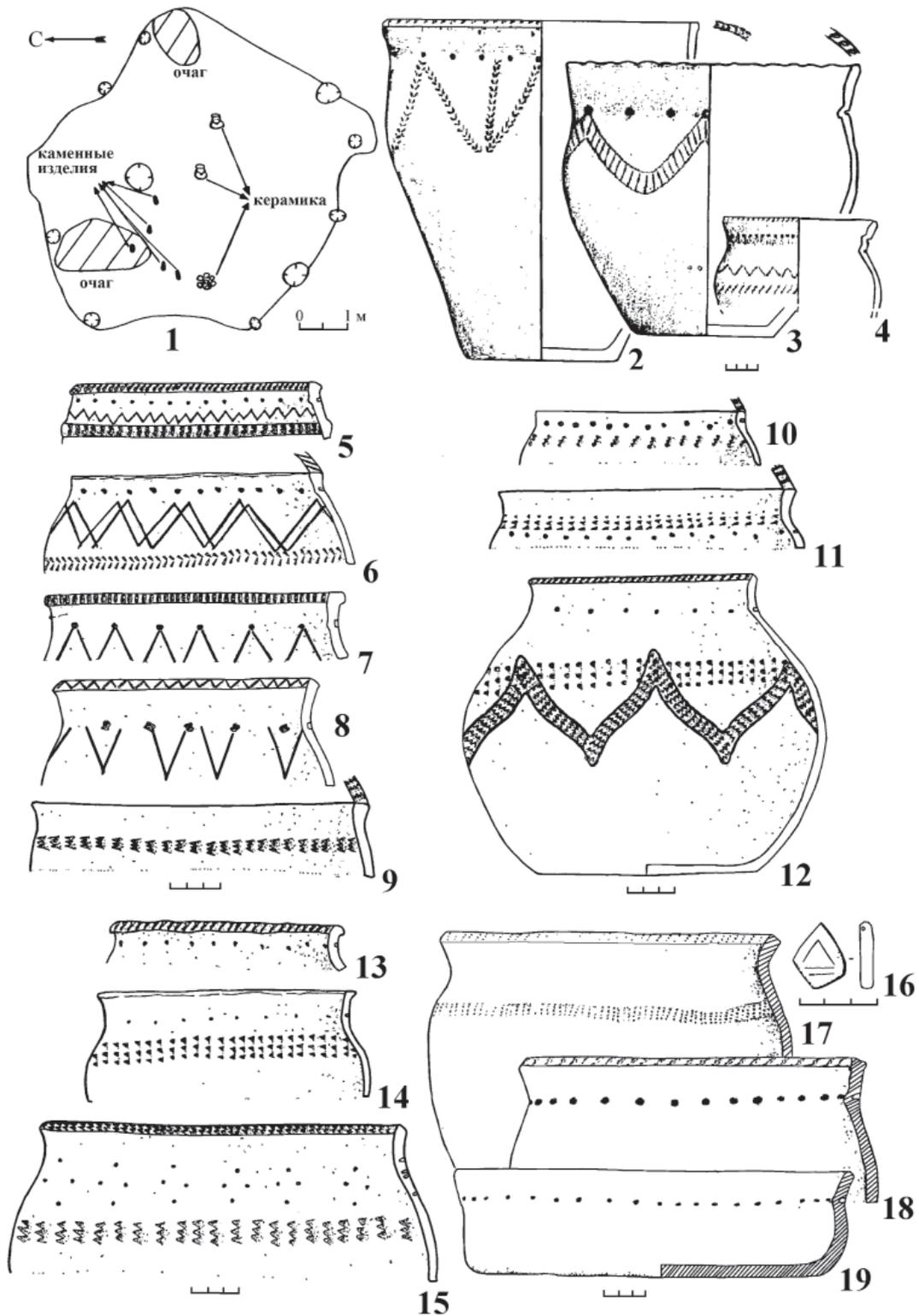

Рис. 70. Поселения Комарово-5 (1–4), Костенкова Избушка (5–12), Коровья Пристань-III (13–15) и Улица Радищева (16–19): 1 – план жилища, 2–19 – находки (по: Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016).

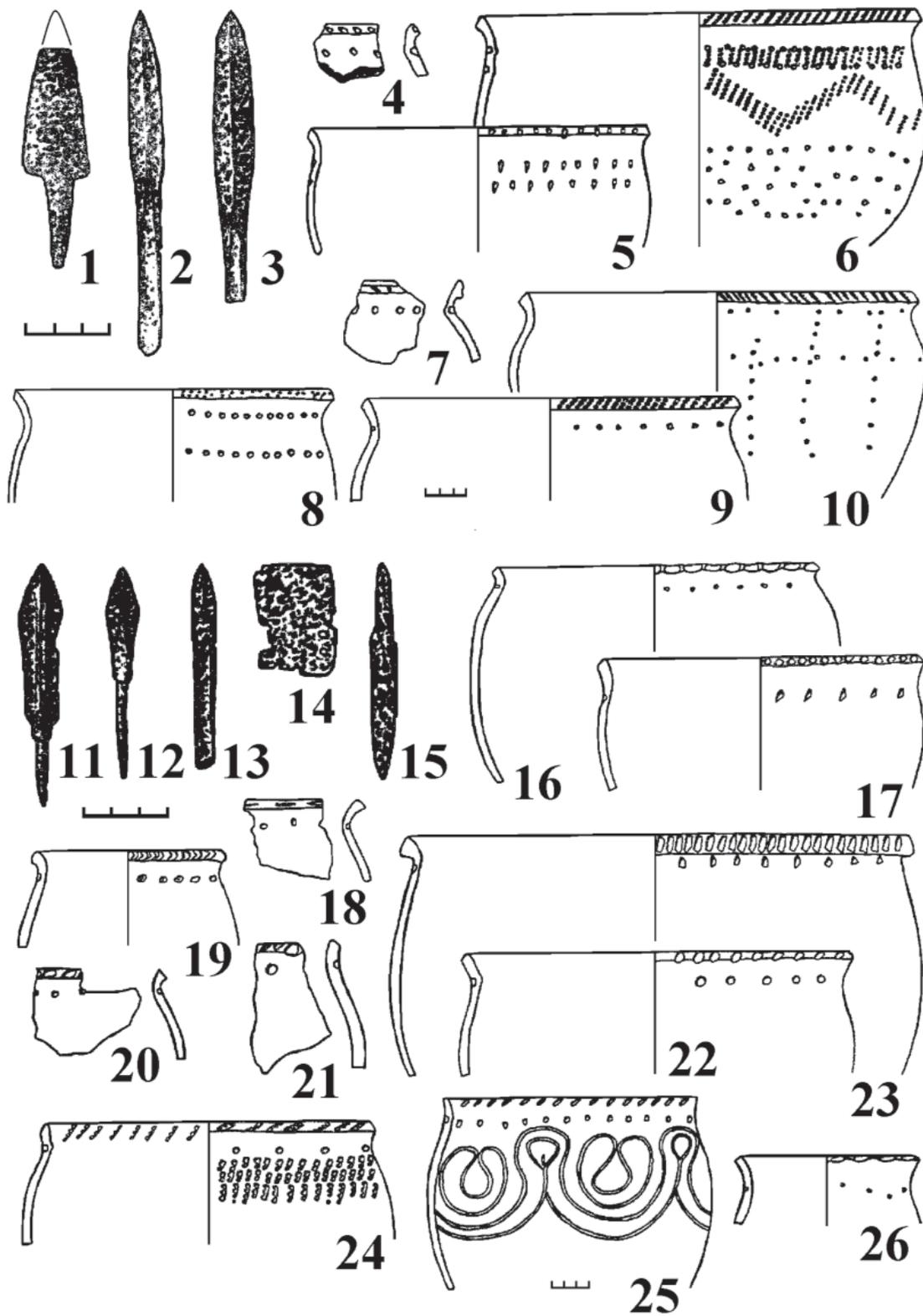

Рис. 71. Городища Седова Заимка (1–10) и Черный Борок-20 (11–26):
1–26 – находки (по: Адамов, 2000).

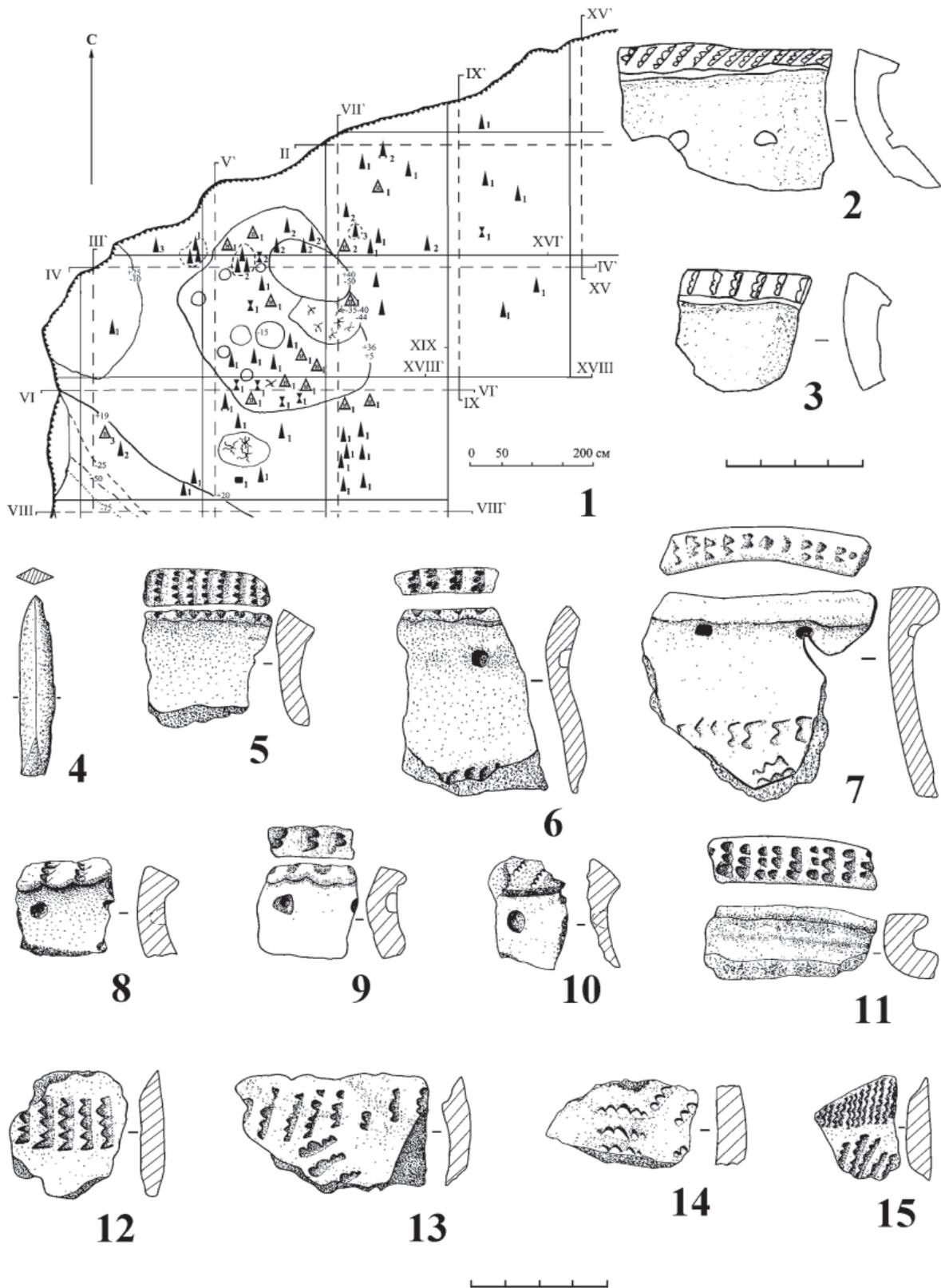

Рис. 72. Поселения Серебренниково-III и Троицк-3: 1 – план жилища, 2–15 – находки (по: Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016).

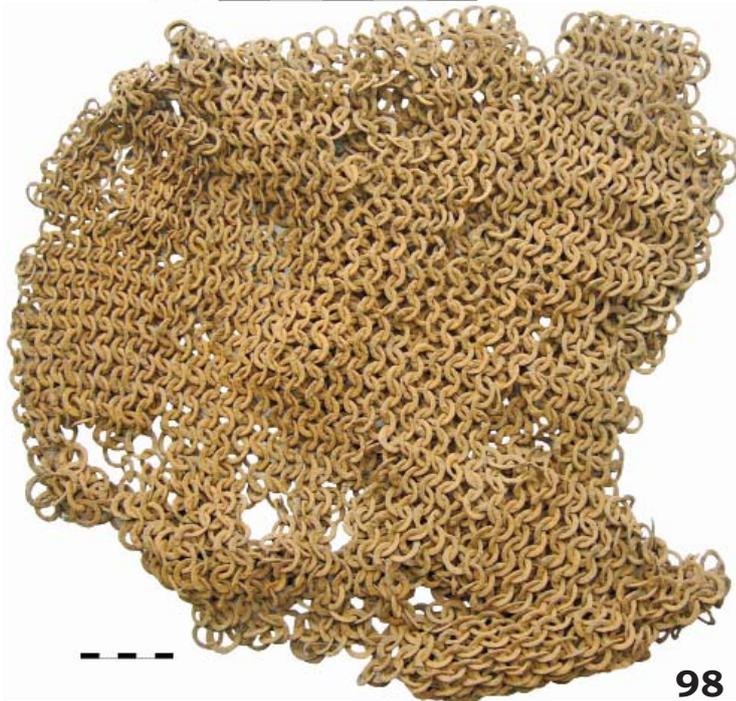
Иллюстрации находок из памятников сrostкинской культуры

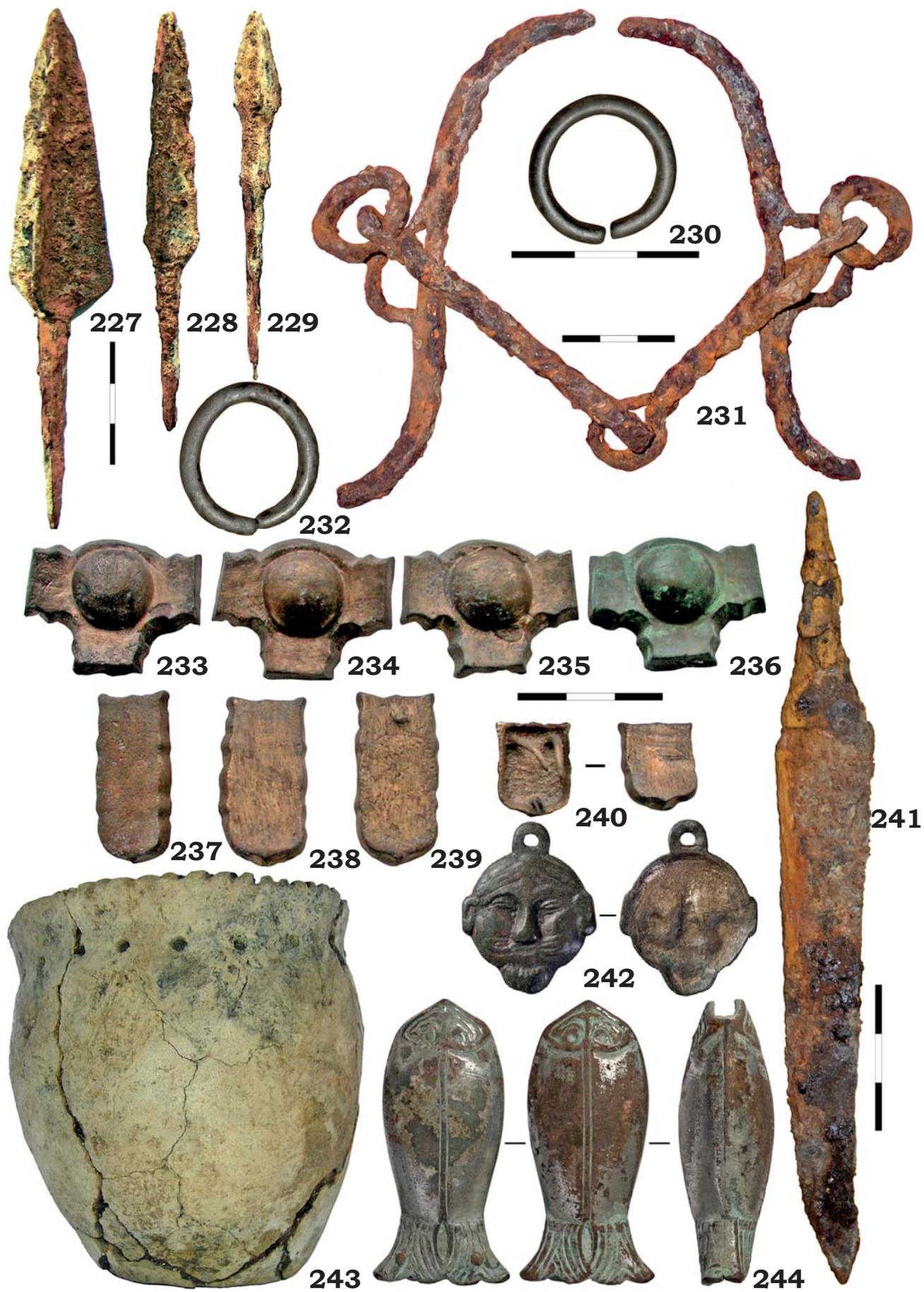

Список иллюстраций находок из памятников сrostкинской культуры***160 страница***

Находки из памятников сrostкинской культуры: Архангельское (1); Белый Камень (2); Боровиково-IV (3–5); Веселоярск (6–14); Гилево-I (15–17); Гилево-II (18); Гилево-VII (19–21)

161 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Гилево-VII (22); Гилево-VIII (23); Гилево-XII (24–40)

162 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Горный-7 (41–54); Грань (55–65)

163 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Екатериновка-3 (66–73); Иня (74–86)

164 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Кирилловка-V (87); Кондратьевка-IV (88–89); Корболиха-VII (90–93, 97); Корболиха-VIII (94–96); Маралиха (98); Михайловка (99)

165 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Мусохраново-1 (100–106); Плотниково (107–108); Поповская Дача (109–114)

166 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Поповская Дача (115–122); Прудской (123–139)

167 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Прудской (140–151); Рогозиха-1 (152); Сrostки-I (153–158)

168 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Сrostки-I (159–164)

169 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Сrostки-I (165–174); Успеновка-II (175)

170 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Филин-I (176–204)

171 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Филин-I (205–226)

172 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Чинета-II (227–244)

173 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Щепчиха-I (245–256, 265, 266); Ближние Елбаны-V (257, 264); Яровское-III (258–263); Нечунаевский Елбан (267–275)

174 страница

Находки из памятников сrostкинской культуры: Осинки (276–278); Усть-Шамониha-I (279); случайная находка (280); реконструкции сrostкинских воинов (281–282)

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи железа из раскопок у с. Комарово // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Китрюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 142–149.
2. Абдулганеев М.Т. Культурно-хронологические комплексы городища Елбанка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. 2001. № 6 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 2001. С. 80–88.
3. Абдулганеев М.Т. Материалы эпохи средневековья из северных предгорий Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 180–193.
4. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тыс. н. э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995а. С. 243–252.
5. Абдулганеев М.Т., Егоров Я.В. Новые раскопки на Ближних Елбанах // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: АКИПРО, 1995б. С. 190–195.
6. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 99–104.
7. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
8. Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: СО АН СССР, 1990. С. 62–75.
9. Алехин Ю.П. Курьинский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 58–88.
10. Алехин Ю.П. Некоторые результаты охранных работ 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 133–136.
11. Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 201–203.
12. Алехин Ю.П. Раскопки 1987 г. средневековых курганов близ с. Ивановка Курьинского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, Л.А. Никитина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 141–143.
13. Алехин Ю.П. Охранные работы 1988 г. в Курьинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. С. 28–32.

14. Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Змеиногорский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 12–21.
15. Алтай в зеркале веков: Из собрания историко-краеведческого музея Барнаульского государственного педагогического университета: Фотоальбом. Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2001. 92 с.
16. Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 295 с.
17. Артюх Е.А., Кунгуров А.Л. Первые археологические раскопки на территории г. Барнаула // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. V / Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул: Азбука, 2006. С. 137–146.
18. Бобров В.В. Курган могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины / Отв.ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 108–116.
19. Боровков А.С. Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 3–9.
20. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1995. С. 153–160.
21. Васютин А.С. Сросткинская археологическая культура: историографические мифы и археологические факты (к вопросу о месте, времени и компонентах формирования культуры) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 13–19.
22. Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микро-район в конце VIII – первой половине XI вв. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: Офсет, 2012. 213 с.
23. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
24. Гончаров А.В. К археологической карте Заринского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов. Барнаул, 2005. С. 35–39.
25. Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. н. э. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии / Ред. В.Н. Елин. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 86–87.
26. Горбунов В.В. Курганы сросткинской культуры у с. Шелаболиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 162–166.
27. Горбунов В.В. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // Археологические открытия 1998 года / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 285–286.
28. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

29. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
30. Горбунов В.В. Военное искусство населения сrostкинской культуры // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками / Отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 60–63.
31. Горбунов В.В. Сrostкинская культура Алтая: картографический анализ и его историческая интерпретация // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов / Ред. Ж. Ванчинхуу и др. Ховд; Томск, 2009а. Том II. С. 33–35.
32. Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009б. С. 120–130.
33. Горбунов В.В. Антропоморфные подвески из могильника Сrostки-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 16–19.
34. Горбунов В.В. Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.-М.-Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 19–21.
35. Горбунов В.В. Сrostкинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. / Ред. В.А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 549–554.
36. Горбунов В.В. Погребение сrostкинской культуры у с. Хабазино // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX / Отв. ред. Г.А. Кубрина, В.П. Семибратов. Барнаул: Азбука, 2013. С. 98–101.
37. Горбунов В.В. Вооружение тюрко-самодийских воинов юга Западной Сибири второй половины VIII – первой половины IX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Восьмой Международной научно-практической конференции / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. Часть II. С. 46–64.
38. Горбунов В.В. Кимаки, кыпчаки и сrostкинская культура: общее и особенное // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 333–335.
39. Горбунов В.В. Курганы сrostкинской культуры Лесостепного Алтая с деревянной рамой // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021.. С. 168–175.
40. Горбунов В.В., Бородаев В.Б. Средневековое поселение Троицк-3 на левобережье Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1995. С. 214–220.
41. Горбунов В.В., Гельмель Ю.И. Руническая надпись из погребения сrostкинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 69–77.
42. Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Исследование памятников средневековья на Алтае // Археологические открытия 2004 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 420–423.

43. Горбунов В.В., Кондрашов А.В. Аварийные раскопки погребения сrostкинской культуры у с. Боровиково // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 39–44.
44. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Раскопки курганов на Алтае // Археологические открытия 2000 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 212–214.
45. Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Детали рукояти и ножен меча из могильника Сrostки-I (по материалам раскопок М.Д. Копытова в предгорьях Алтая) // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 100–104.
46. Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. С. 52–57.
47. Горбунов В.В., Ситников С.М. Результаты обследования двух аварийных памятников эпохи средневековья в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI / Ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 226–230.
48. Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сrostкинской культуры на памятнике Кайгородка-V // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 9–16.
49. Горбунов В.В., Ситников С.М. Средневековый поясной набор с Гилевского водохранилища // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 5 / Ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова, А.Н. Телегин. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 18–22.
50. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Случайные находки средневекового вооружения в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 190–194.
51. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, Л.А. Никитина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 137–141.
52. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 281–287.
53. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сrostки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2 (84). С. 54–67.
54. Горбунов В.В., Тишкин А.А. «Элитные» курганы сrostкинской культуры рубежа I/II тыс. н. э. на Приобском плато // Археология Евразийских степей. 2018а. № 6. С. 81–88.
55. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты изучения эпонимного памятника Сrostки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы // Археология Евразийских степей. 2018б. № 6. С. 73–80.

56. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлюоресцентный анализ // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 179–187.
57. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.
58. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Кунгуров А.Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 218–229.
59. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Воинский комплекс сросткинской культуры из пос. Горный в северных предгорьях Алтая // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 234–247.
60. Горбунова Т.Г. Набор уздечных украшений из памятника сросткинской культуры Борковский Елбан-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII / Отв. ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. С. 57–61.
61. Горбунова Т.Г. Набор украшений конского снаряжения из комплекса Нижний Кучук-VII // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV / Отв. ред. Л.А. Никитина. Барнаул: Азбука, 2006. С. 181–185.
62. Гребенникова Т.Г., Илюшин А.М., Тишкин А.А. Украшения конского снаряжения из кургана № 4 памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 109–116.
63. Грушин С.П. Археология Рудного Алтая: исследование древних и средневековых памятников у горы Тараскина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 118 с.
64. Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 239–243.
65. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Новосибирск: Общество изучения Сибири, 1930. Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. 11 с.
66. Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. Вып. XXVI / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 110–119.
67. Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул: Краевое лекционное бюро ОКПР Алтайского крайисполкома, 1950. 27 с.
68. Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. Вып. XL / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 105–113.
69. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956а. 163 с.
70. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48. М.-Л., 1956б. 230 с.
71. Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.И. Дулов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1960. С. 22–24.

72. Ефремов С.А. Курганы 1 пол. VIII в. н. э. у с. Иня Алтайского края // Палеоэтнология Сибири. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1990. С. 42–43.
73. Иванов Г.Е. К археологической карте рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 24–52.
74. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 160 с.
75. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.
76. Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово, Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998а. С. 54–78.
77. Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.
78. Илюшин А.М. К дискуссии вокруг понятия «сросткинская культура» // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 9 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. С. 88–94.
79. Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. 216 с.
80. Илюшин А.М. Средневековые курганы в долине Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2021. 195 с.
81. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 206 с.
82. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. Кемерово, Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998б. С. 79–106.
83. Казаков А.А. Раскопки кургана в Крутихинском районе (по материалам Государственного Эрмитажа) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1995. С. 161–165.
84. Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 109–116.
85. Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлебоборбный Елбан-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Вып. IV. Ч. II. С. 244–247.
86. Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Локтевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 99–113.
87. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Погребение сросткинской культуры на могильнике Восход-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 198–200.
88. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Алехин Ю.П. Курган сросткинской культуры могильника Быково-IV // Вопросы археологии и истории Южной Сибири / Отв. ред. М.А. Демин. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. С. 174–181.

89. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Керамика первой половины II тыс. н. э. с археологических памятников озера Большой Иткуль // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири / Отв. ред. А.И. Боброва. Томск: Томский гос. ун-т систем управления и ради-оэлектроники, 1997. С. 297–303.
90. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н. э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / Ред. кол. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 137–142.
91. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-образовательное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 99–114.
92. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / МИА. № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.
93. Кузнецов Н.А. Курганный могильник Шестаки-I // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. Вып. 6. С. 41–68.
94. Куйбышев А.В., Медникова Э.М., Могильников В.А., Неверов С.В., Суразаков А.С., Уманский А.П. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 211–212.
95. Кунгуров А.Л. Материалы эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья с поселенческих комплексов Верхнего Приобья // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 54–62.
96. Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул: Азбука, 2006. 125 с.
97. Могильников В.А. Сrostкинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 45–46.
98. Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 158–162.
99. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
100. Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–134.
101. Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 106–130.
102. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Камень I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 184–187.
103. Неверов С.В. История изучения памятников сrostкинской культуры Алтая // Древняя история Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 93–105.
104. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 100–121.

105. Неверов С.В. История племен сросткинской культуры в VIII–XII вв. н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
106. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н. э. могильника Рогозиха-1 на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990а. С. 112–116.
107. Неверов С.В. Этнокультурные особенности сросткинской культуры // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990б. С. 170–174.
108. Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / Ред. кол. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ин-та, 1991а. С. 125–128.
109. Неверов С.В. Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991б. С. 180–182.
110. Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н. э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 141–154.
111. Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.
112. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.
113. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 176–178.
114. Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. 142 с.: ил.
115. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.
116. Попова Т.А. Древние культуры Сибири (по материалам археологического собрания МАЭ) // Материальная и духовная культура народов Сибири / Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XLII / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: Наука, 1988. С. 159–194.
117. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
118. Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 94–104.
119. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 176 с.
120. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 215 с.

121. Савинов Д.Г. Погребения Сrostкинскогo могильника (дневник раскопок С.М. Сергеева 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: АКИПРО, 1995. С. 166–171.
122. Савинов Д.Г. Погребения Сrostкинскогo могильника (по материалам раскопок Н.М. Комаровой, 1925 г.) // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 192–206.
123. Савинов Д.Г. Сrostкинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 175–190.
124. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
125. Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сrostки Бийского округа. Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 187–190.
126. Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Барчиха // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 182–183.
127. Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Обьездное-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, Л.А. Никитина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 143–145.
128. Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Обьездное-2 // Археологические открытия 1998 года / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 340–341.
129. Телегин А.Н. Раскопки курганной группы Обьездное I // Археологические открытия 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 473.
130. Телегин А.Н., Боровков А.С. Курган «Комаришинский карьер» – некрополь эпохи средневековья в северо-западном предгорье Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 378–380.
131. Телегин А.Н., Караваев А.В. Средневековое погребение у с. Ключи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1995. С. 172–175.
132. Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / Ред. кол. А.П. Уманский, М.А. Дёмин, В.Б. Бородаев. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ин-т, 1991. С. 16–19.
133. Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень – новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов Евразийских степей в древности / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993а. С. 232–247.
134. Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993б. С. 90–99.

135. Тишкин А.А. Крупные курганы в Алейском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 176–186.
136. Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ раннесредневекового металлического зеркала из собрания Бийского краеведческого музея // Сборник материалов конференции, посвященной 100-летию юбилею Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки / Ред. С.А. Бартышева и др. Бийск: БКМ, 2021. С. 50–54.
137. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курганы сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 194–198.
138. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул-Павловск: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2000а. С. 54–63.
139. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000б. С. 405–410.
140. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VIII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 456–461.
141. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Двухсоставные застёжки в сrostкинской культуре // РА. 2022. № 3. С. 66–78.
142. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с.: ил.
143. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серов В.В. Китайские монеты из Бийского краеведческого музея: история изучения, рентгенофлюоресцентный анализ и датировка // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 189–197.
144. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследования в Лесостепном и Горном Алтае // Археологические открытия 2002 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2003. С. 415–418.
145. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около села Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 468–472.
146. Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 410–415.
147. Тишкин А.А., Казаков А.А. Третьяковский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 194–210.

148. Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–166.

149. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Исследование разрушенного погребения сrostкинской культуры в Рубцовском районе Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 6 / Ред. М.А. Демин, Т.К. Щеглова и др. Барнаул: АлтГПА, 2009. С. 65–68.

150. Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Аварийные археологические раскопки памятника Черный Камень в Рубцовском районе Алтайского края // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / Ред. кол. А.П. Уманский, М.А. Демин, В.Б. Бородаев. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ин-т, 1991. С. 123–126.

151. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.

152. Троицкая Т.Н. К вопросу о сrostкинской культуре // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 9 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ. С. 103–107.

153. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 138–153.

154. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

155. Удодов В.С., Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Средневековые находки элементов конского снаряжения на памятнике Екатериновка-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV / Отв. ред. Л.А. Никитина. Барнаул: Азбука, 2006. С. 294–297.

156. Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1970. Вып. 11. С. 45–74.

157. Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая / Ред. кол. А.П. Уманский, М.А. Демин, В.Б. Бородаев. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 128–137.

158. Уманский А.П. Курганы железного века в Родинском районе // Культура народов евразийских степей в древности / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 202–219.

159. Уманский А.П. Аварийные раскопки у села Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 153–156.

160. Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // СА. 1982. № 2. С. 176–183.

161. Уманский А.П., Караваев А.В. Аварийные раскопки у села Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии / Ред. В.Н. Елин. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 84–85.

162. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

163. Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н. э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146–161.
164. Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристаньского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры / Отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул, Усть-Пристань: Комби-Принт, 1999. С. 6–29.
165. Фролов Я.В., Горбунов В.В. Аварийные раскопки погребения сrostкинской культуры на могильнике Лесной // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV / Отв. ред. Л.А. Никитина. Барнаул: Азбука, 2006. С. 298–302.
166. Худяков Ю.С. Вооружение Енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
167. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115–132.
168. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
169. Шамшин А.Б., Горбунов В.В. Аварийные археологические работы в с. Зайцево Тальменского района // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 205–210.
170. Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л. Раскопки курганного могильника Кучук 1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии / Ред. В.Н. Елин. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 71–73.
171. Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Вып. 2 / Отв. ред. Ю.В. Ширин. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1994. С. 122–129.
172. Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, Л.А. Никитина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 127–131.
173. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
174. Meynier G., d'Eichtal L. Note sur les tumuli des anciens habitants de la Sibirie // Revue d'Anthropologie. Paris, 1874. T. 3. P. 266–278. Pl. V–VII.

Архивные материалы

1. Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1982 года в Алтайском крае. Барнаул, 1983. 21 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 38.
2. Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1983 года в Алтайском крае. Барнаул, 1984. 146 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 47.
3. Горбунов В.В. Отчет об аварийных археологических раскопках на памятнике Иня-1 в Шелаболихинском районе Алтайского края. Барнаул, 1999. 73 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 166;
4. Горбунов В.В. Отчет об аварийных археологических раскопках на памятниках Иня-1 и Иня-3 в Шелаболихинском районе Алтайского края. Барнаул, 2001. 186 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 157.
5. Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках отрядов Алтайского государственного университета летом 2001 г. в Шелаболихинском, Калманском и Алейском районах Алтайского края. Барнаул, 2002. 255 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 186.
6. Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Успеновка-II в Алейском районе Алтайского края летом 2002 г. Барнаул, 2003. 76 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 187.
7. Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Боровиково-IV в Павловском районе Алтайского края летом 2004 г. Барнаул, 2005. 50 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 208.
8. Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края осенью 2012 г. Барнаул, 2013. 105 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 270.
9. Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края осенью 2013 г. Барнаул, 2014. 83 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 274.
10. Горбунов В.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края летом 2014 г. Барнаул, 2016. 149 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 297.
11. Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2002 г. Барнаул, 2003. 77 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 188.
12. Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции АлтГУ в Краснощековском районе Алтайского края летом 2003 г. Барнаул, 2004. 87 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 202.
13. Дашковский П.К. Отчет о работе Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета в Краснощековском районе Алтайского края летом 2004 г. Барнаул, 2005. 140 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 217.

14. Кокшенов В.В. Отчет об археологической разведке в Сорокинском районе Алтайского края осенью 1979 года. Барнаул, 1980. 7 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 12.
15. Кунгуров А.Л. Отчет об археологических раскопках Алейского и Шелаболихинского отрядов Алтайского государственного университета осенью 2000 г. в Алейском и Шелаболихинском районах Алтайского края. Барнаул, 2001. 205 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 155.
16. Марков А.П. Предварительный отчет об археологических работах Бийского музея в 1937 году / Архив Бийского краеведческого музея, ДО, дело 22, фонд 2: Археология, № 3–4 по описи).
17. Могильников В.А., Куйбышев А.В. Отчет о работах в зоне строительства Кулундинского магистрального канала и Кулундинской оросительной системы в 1976 г. М., 1977 / Архив Института археологии РАН, № Р-І 6474.
18. Серегин Н.Н. Отчет о результатах проведения археологической разведки в Рубцовском районе Алтайского края и в Онгудайском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2009 года. Барнаул, 2010. 103 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 258.
19. Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках в зоне строительства водохранилища на территории колхоза «Восток» в Рубцовском районе Алтайского края в 1990 г. Барнаул, 1990. 141 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 118;
20. Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках курганных групп Черный камень, Белый камень (Рубцовский район, урочище Черный камень) и Михайловка (Третьяковский район) в зонах строительства водохранилищ и орошаемых участков на территории Алтайского края в 1990 г. Барнаул, 1991. 103 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 119.
21. Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках курганных групп Щепчиха-І в Змеиногорском районе Алтайского края (зона строительства орошаемого участка) и Бийске в Шебалинском районе Горно-Алтайской республики (зона предполагаемого строительства Катунской ГЭС) в 1991 году. Барнаул, 1992. 164 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 112.
22. Тишкин А.А. Отчет об археологических исследованиях в Алтайском крае и Республике Алтай. Барнаул, 2002. 235 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 159.
23. Удодов В.С. Отчет о летних полевых работах Кулундинского отряда в Бурлинском и Хабарском районах Алтайского края в 1989 г. Барнаул, 1990. 163 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, № 122.
24. Удодов В.С. Отчет: Аварийные археологические раскопки в зоне строительства орошаемых участков в Михайловском и Кулундинском районах Алтайского края. Барнаул, 1988. 38 с. / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, б/н

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юзеев А.Н. (КАЗАНЬ)

ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ И ПЛЕМЕНА В СОЧИНЕНИИ АРАБСКОГО ГЕОГРАФА XII В. АЛ-ИДРИСИ

Сочинение арабского географа XII в. ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») является важным источником для изучения средневековой истории тюркских народов Средней Азии. Среди других подобных средневековых географических произведений оно до сих пор является малоизученным и даже неисследованным – нет полных переводов на русский язык источниковедческих материалов, имеющих отношение к тюркским народам Средней Азии. В нем еще много белых пятен, неясного и загадочного.

Настоящий перевод представляет собой фрагменты сочинения ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), посвященные этнической истории (этнонимам и географическим названиям) тюркских народов Средней Азии, а именно: девятая часть третьего климата, десятая часть третьего климата, девятая часть четвертого климата.

Арабский текст фрагментов «Нузхат ал-муштак...» публикуется по полному изданию сочинения ал-Идриси, изданному в Италии в 1970–1984 гг. (Al-Idrisi. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui ter-

ras peragrarare studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Fasc. I–IX Neapoli-Romae, 1970–1984).

Данное исследование представляет собой перевод с арабского языка на русский фрагментов сочинения ал-Идриси, касающихся народов Средней Азии на основе вышеназванного последнего издания, и комментариев к переводу; сопоставление фрагментов переводов В.В. Григорьева, О. Караева и Б. Кумекова, связанных с тюркскими племенами и народностями, с текстами нового издания и попытка перевести их географические координаты на современную карту. Перевод на русский язык дается впервые, в новом прочтении, выполнен автором данной публикации. Факсимиле арабских текстов четвертого издания фрагментов сочинения ал-Идриси прилагаются.

При текстологическом анализе переводов из географии ал-Идриси, касающихся тюркских народов Средней Азии, привлекаются секционные карты для выяснения соответствия текста картам, но они не публикуются. Публикуется только карта мира.

**Общие сведения об арабском географе XII в. ал-Идриси и его сочинении
«Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак»
(«Развлечение истомленного в странствии по областям»)**

Ал-Идриси, или его полное имя Абу Абдаллах Мухаммад б. Мухаммад б. Абдаллах б. Идрис ал-Хаммуди ал-Хасани, происходил из эмирского рода Алидов-Идрисидов, возводивших свое происхождение к Хасану б. Али, внуку пророка Мухаммада. Поэтому он известен также под именем «аш-Шариф» («благородный, знатный»). Непосредственные предки ал-Идриси – Хаммудида – правили в Малаге и Альхесирасе, на юге Испании (1010–1057). Затем переселились в г. Сеуту в Марокко, где в 1100 г. и родился тот, чья биография описывается. Ал-Идриси получил образование в Кордове – крупном культурном центре южной Испании. Много путешествовал: побывал в Малой Азии и даже во Франции и Англии. В 1138 г. ал-Идриси остановился в Палермо при дворе сицилийского короля Рожера II (1130–1154), по указанию которого и приступил к написанию своего географического труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), также известный под названием «Китаб ар-Руджар» («Книга Рожера»).

Работа продолжалась в течение 15 лет и была завершена в 1154 г. Биограф ас-Сафадиди (ум. в 1363 г.) сообщает: «Он [Роджер II] сказал ему [ал-Идриси]: «Я хочу проверить рассказы про страны воочию, а не на основе того, что передается в книгах. Выбор пал на людей умных, смысленных, способных. Их Роджер снарядил по климатам востока и запада, юга и севера. Он отправил с ними художников, чтобы зарисовать то, что они увидели, на глаз, и велел обследовать и исчерпать все, что надо знать. Когда кто-либо из них возвращался с изображением, аш-Шариф ал-Идриси

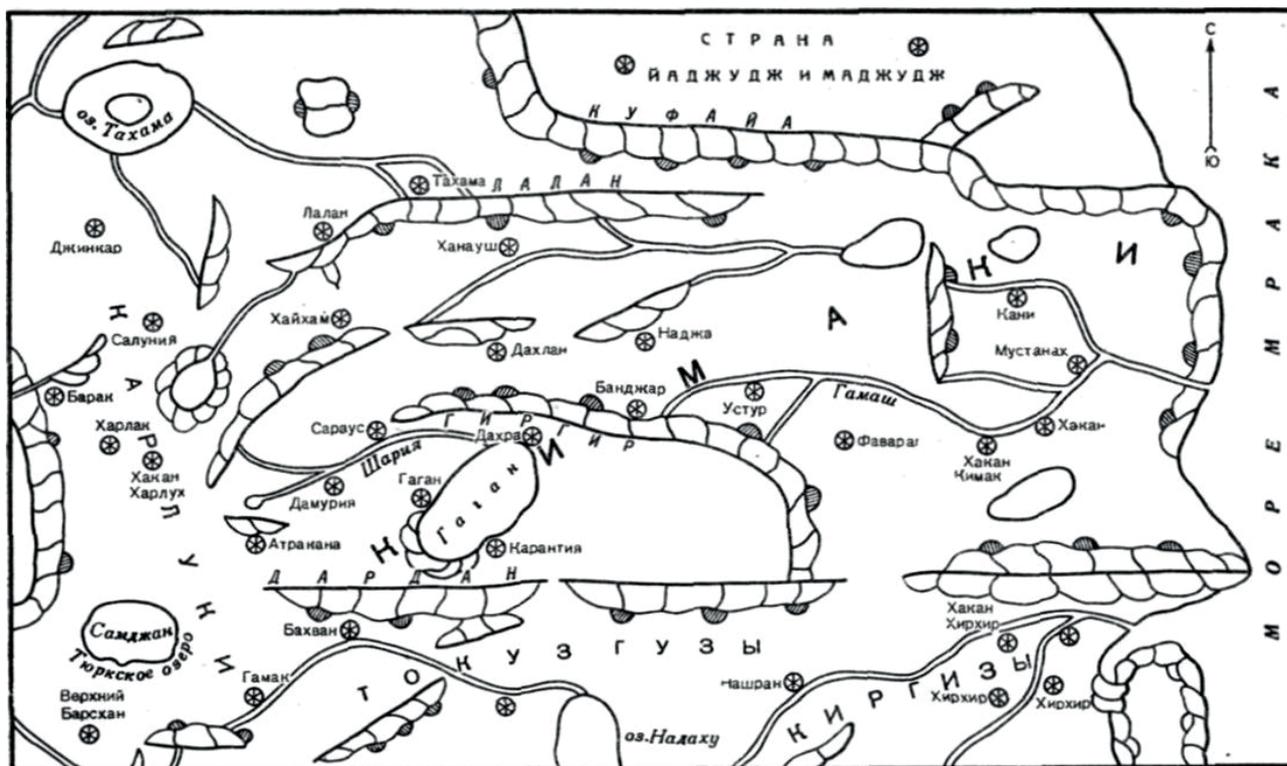
закреплял его, пока не завершилось то, что он хотел»¹.

После смерти Рожера II ал-Идриси оставался в Палермо при дворе сына Рожера II и его приемника Вильгельма I (1154–1166). В конце жизни вернулся на родину в г. Сеуту, где и скончался в 1165 г.

Кроме географического труда ал-Идриси был автором сочинения по фармакологии «Китаб ал-джами ли-аштат ан-набат» («Книга о лекарственных веществах»); сохранилось лишь несколько цитат в «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») Абу-л-Фиды из географического сочинения «Рауд ал-унс ва нузхат ан-нафс» («Сад радости и развлечение души»), посвященного королю Сицилии Вильгельму I, также известны отрывки его стихов.

При написании «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» ал-Идриси использовал множество нарративных, документальных, картографических, устных источников. Некоторые из них названы автором в предисловии к сочинению, на другие он ссылается в самом труде. Но наиболее значительными являются произведения арабо-мусульманских ученых IX–XI вв.

В предисловии к своей «географии» ал-Идриси перечисляет названия 12 сочинений, из которых он заимствовал сведения: книги Абу Насра Саида ал-Джайхани², Абу-л-Касима Убайдаллаха б. Хордабеха³, Абу-л-Фараджа Кудама б. Джафара⁴, Абу-л-Касима Мухаммада б. Хаукаля ал-Багдади⁵, Ахмада б. Йакуба⁶; книги Джанаха б. Хакана ал-Кимакки⁷, ал-Масуди⁸, Ахмада б. Умара ал-Узри⁹, Мусы б. Касима ал-Каради¹⁰, Исхака б. ал-Хасана ал-Мунаджжима¹¹, Клавдия Птоле-

Страна кимаков по карте ал-Идриси. (по Б.Е. Кумекоев. Страны и народы Востока, 1971).

мея¹² и Орозия антиохийца¹³.

Ал-Идриси работал над написанием сочинения не один, а с множеством помощников, черпая сведения из вышеназванных источников.

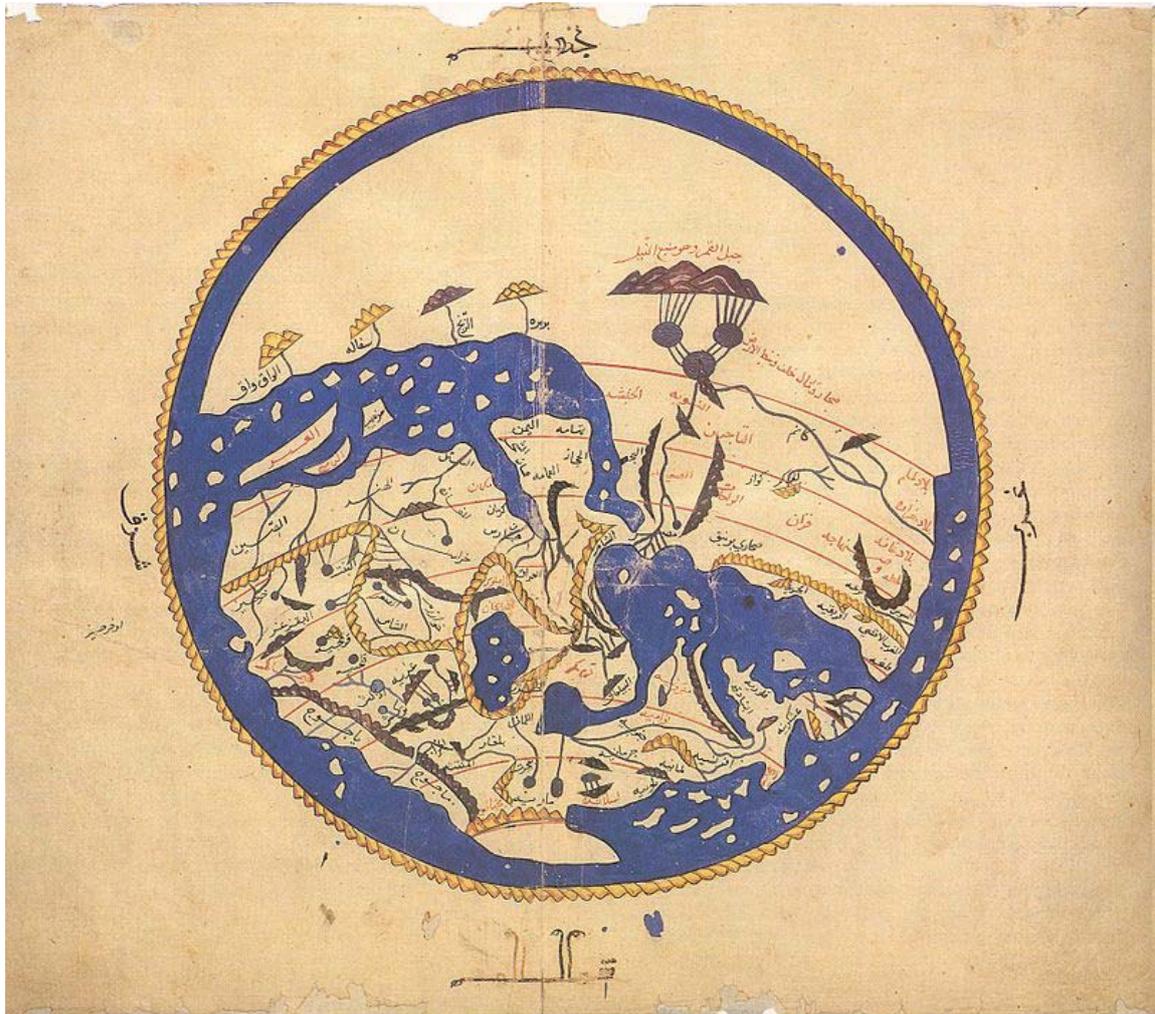
Общий материал географической работы ал-Идриси включал серебряный диск с изображением карты мира, книгу, содержащую описание обитаемой земли, и карты на бумажном материале. Серебряный диск, как предполагают¹⁴, был разбит повстанцами, захватившими дворец Роджера II, в 1160 г. при Вильгельме I. Сохранилась описательная часть книги и относящиеся к ней карты отдельных областей земли (70), образующие атлас мира. Если на секционные карты нанесено 2500 наименований, то в тексте их в два с половиной раза больше¹⁵. В сочинении содержатся сведения обо всех известных арабам странах – от Западной Африки до Скандинавии и от Марокко до Китая.

Книги и карты сохранились в различных рукописях, не современных автору, в несколько различающихся редакциях. Но они дают возможность восстановить весь текст сочинения и атлас. В настоящее время известно

10 списков рукописей сочинения ал-Идриси, пять из которых находятся за рубежом: в Париже, Оксфорде, Стамбуле, Каире и Софии; одна из рукописей хранится в Санкт-Петербурге в Государственной научной библиотеке (поступила в 1897 г. из Ирана)¹⁶.

К настоящему времени имеются четыре издания сочинения ал-Идриси. Самое первое из изданий всего текста с арабским шрифтом, основанное на Парижской сокращенной редакции, опубликовано в Риме в 1592 г. в знаменитой типографии Медичи. Ученые полагают, что это издание неудовлетворительно передает текст ал-Идриси. Только исторический интерес также представляет латинский перевод вышеназванного издания, передававший текст в сокращенном виде, напечатанный в 1619 г. в Париже двумя учеными-маронитами, которые занимались преподаванием восточных языков, – Иоанном Хесронита (ал-Хасруни) и Гавриилом Сионита (ас-Сихи-ауни)¹⁷.

Полный перевод на французский язык оригинала сочинения ал-Идриси в двух томах вышел только в 1836–1840 гг. Его автором

Карта мира аль-Идриси. 1154 г. (по: Българските земи в европейската картографска традиция (III–XIX вв.). Атлас [Карты] = The Bulgarian Lands in the European Cartographic Tradition (3rd–19th Centuries). Atlas / обща ред.: Александър Фол, Анатас Стаматов; съставител Димитър Стоименов; преводачи: Тодор Шопов [и др.]. – 1-е изд. – София: Държавна агенция “Архиви”: ТАНГРА ТанНакРа, 2008 (София: “Димитър Благоев”). – 1 атл. (585, [16] с.)

был французский востоковед П.А. Жобер (1799–1847 гг.)¹⁸. Однако детальное изучение перевода учеными Дози и де Гве обнаружило полную его неудовлетворительность¹⁹.

В 1970–1984 гг., в Риме публикуется новое издание труда ал-Идриси, в работе над которым приняли участие крупные европейские востоковеды: E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci, A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecchia Vaglieri. Итальянские ученые привлекли массу до сих пор неиспользованного материала, и поэтому это издание в настоящее время является самым верным из имеющихся в смысле установления правильного чтения, транскрипции

текста сочинения ал-Идриси.

Сложность работы над трудом ал-Идриси вытекает из большого количества описанных им областей и неоднородности привлеченных материалов. Поэтому после неудачного опыта полного перевода П.А. Жобера исследователи встали на путь изучения отдельных стран и народов. В 1796 г. увидела свет работа Хартмана об Африке²⁰. Первым серьезным этапом в исследовательской работе над сочинением явилась работа Дози и де Гве об Испании и Северной Африке²¹. Австрийский востоковед-географ В. Томашек сделал важный анализ сообщений о Балканском полуострове и Северо-Западном Причерноморье, опираясь

на сведения греческих купцов²².

С новой силой интерес к сочинению ал-Идриси возрос в 30-х гг. XX в., под влиянием издания карт, предпринятого в шеститомном труде немецким ученым К. Миллером, который опубликовал круглую карту мира ал-Идриси, секционные карты «Нузхат ал-муштак...», карты «Малого Идриси», а также предложил собственную идентификацию географических названий²³. К труду ал-Идриси обращались известные российские востоковеды: В.В. Григорьев²⁴, В.В. Радлов²⁵, В.В. Бартольд²⁶ и И.Ю. Крачковский²⁷.

В.В. Григорьев впервые попытался локализовать некоторые географические объекты, описываемые ал-Идриси, в стране кимаков²⁸, определить район расселения других тюркских племен, основываясь на картах ал-Идриси и тексте его сочинения; хотя в его работе использованы не все сведения ал-Идриси о тюркских народах, и, естественно, открытия, происшедшие в археологии за прошедшие более ста лет.

В.В. Радлов локализовал кимаков на Алтае²⁹. В.В. Бартольд уделил много внимания изучению источниковедения и истории средневековых среднеазиатских народов, в том числе карлуков, кимацких племен³⁰. И.Ю. Крачковский дал описание жизнедеятельности ал-Идриси и его труда «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям»), показал вклад ал-Идриси в средневековую арабо-мусульманскую географическую науку³¹.

В 1960-1970-е гг., в связи с изучением истории народов СССР, среднеазиатскими учеными (киргизскими, казахскими и туркменскими) привлекалось множество фактического материала, в том числе источники средневековых ученых, написанные на арабском и персидском языках, что явилось серьезным вкладом в науку³². Несмотря на достижения, остаются и некоторые проблемы в исследовании текста ал-Идриси. Так, перевод О. Караева фрагментов географии ал-Идриси, посвященный территории проживания тугузгузов, карлуков, кимаков, киргизов, хазлажия и хилхия, содержит ряд неточностей, главным образом,

связанных как с разночтением названий этнонимов, городов, территорий (различные диактрические знаки, основанные на старых изданиях текста ал-Идриси), так и использование О. Караевым критикуемого учеными французского перевода П.А. Жобера. То же самое касается перевода некоторых фрагментов о кимаках работы Б. Кумекова. Эти неточности вполне объяснимы, поскольку правомерным остается замечание В.В. Бартольда о том, что «сведения [ал-Идриси], относящиеся к различному времени, нисколько неотделимы друг от друга; собственные имена искажены до неузнаваемости»³³.

В последнее время российские ученые уделяют пристальное внимание сведениям ал-Идриси о народах Восточной Европы (Б.А. Рыбаков³⁴, А.П. Новосельцев³⁵, В.М. Бейлис³⁶, И.Г. Коновалова³⁷). Среди вышеназванных исследователей труды И.Г. Коноваловой выделяются новизной методики исследования, новыми трактовками перевода на русский язык, основанными на римской редакции рукописи ал-Идриси касательно народов и стран Восточной Европы³⁸.

Но, в основном, вышеназванные труды, посвященные народам Средней Азии (за исключением книг, опубликованных после 1970-1980-х гг.), были основаны на трех указанных изданиях сочинения ал-Идриси.

Для данной публикации отобраны те разделы сочинения, в которых упоминаются географические названия или этнонимы, относящиеся к Средней Азии, народам бывшего СССР (казахам, киргизам, узбекам и туркменам, в большей или меньшей степени). Этот материал содержится в девятой части третьего климата, десятой части третьего климата и девятой части четвертого климата.

Вышеназванные части сочинения ал-Идриси посвящены описанию страны кимаков, карлуков и киргизов, до настоящего времени не подвергались специальному источниковедческому разбору, хотя такого богатого по содержанию и насыщенности описания страны кимаков, карлуков и киргизов нет ни в одном из известных арабо-персидских географических сочинений.

Карта мира ал-Идриси (1154 г.), переработанная и изданная Конрадом Миллером. Штутгарт. 1928 г. (по: атлас Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. 404 с.)

В своем сочинении ал-Идриси описал те местности, населенные пункты, которые находились вдоль Великого шелкового пути, который связывал Среднюю Азию и Восточный Туркестан со странами Европы и Востока. Так, по землям девятой, десятой частей третьего климата, где проживали карлуки, халаджи, кимаки, проходили две ветви Великого шелкового пути, Путь от Тараза да Нижнего и Верхнего Барсхана (это территории современных Таласской и Чуйской долин) – северная часть пути. Ал-Идриси впервые описал продолжение Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана: Джармак, Бахван, Маша, Тантабаг и Нашван.

Другая, южная ветвь Шелкового пути шла через Ош, Узгенд, Атбаш в Восточный Тянь-Шань. Сведения о южной ветви Великого шелкового пути ал-Идриси заимствовал у Ибн Хордадбега и Кудамы б. Джафара. Автор публикации попытался вслед за В. Григорьевым, О. Караевым и Б. Кумековым отождествить вышеуказанные города и населенные пункты с современными городами Киргизии, Казахстана (Восточного Туркестана).

Несмотря на то, что сочинение ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» является географическим, в действительности оно несет массу информации, касающейся жизни

и быта многих тюркских племен и народов Средней Азии эпохи Средневековья. Поэтому его по праву можно назвать и историческим, и этнографическим сочинением, отражающим дух средневековой эпохи. Более того, это произведение среди других арабо-мусульманских сочинений является одним из самых информационных географических источников о народах Средней Азии. Поэтому актуальность данного исследования очевидна.

При комментировании текста ал-Идриси автор публикации столкнулся с рядом проблем, которые не являются неразрешимыми, остаются для будущих исследователей. Так, на картах ал-Идриси встречаются названия ряда географических топонимов, о которых в других источниках не упоминается. Поэтому, в основном, отождествить их с какими-либо другими географическими названиями оказалось невозможным. Тем не менее, большая часть географических названий и этнонимов, так или иначе, комментировалась. Также проблемы, связанные с этническими названиями некоторых тюркских племен, которые впоследствии исчезли. Эти племена стали частью других современных народов Средней Азии, и поэтому освещение их истории (с древнейших времен до IX–XII вв.), в той или иной степени, было предпринято в комментарии.

В данном исследовании, со ссылкой на сочинения В.В. Григорьева, О. Караева и Б. Кумекова, предпринята попытка идентификации географических названий проживания тюркских народов с современными топонимическими данными.

Большинство данных текста сочинения ал-Идриси подтверждают границы расселения тюркских народов: тугузгузов, кимаков, карлуков, киргизов. Хотя наблюдаются некоторые неточности в освещении периода расселения тех или иных тюркских племен

и народов. Так, сведения ал-Идриси о киргизах, проживающих к востоку от тугузгузов, не подтверждаются другими мусульманскими письменными источниками. Тогда как расселение киргизов к северу от Восточного Тянь-Шаня более соответствует исторической действительности, поскольку подтверждается арабо-персидскими источниками IX–XII вв.

Автор публикации надеется, что данная работа станет новым шагом в изучении текста ал-Идриси и послужит основанием для дальнейшего исследования сочинения ал-Идриси.

**Комментарии к Общим сведениям об арабском географе XII в. ал-Идриси
и его сочинении «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак»
(«Развлечение истомленного в странствии по областям»)**

¹ Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 т. Т. IV. М.-Л., 1957. С. 282.

² Ал-Джайхани (X в.) родился в Средней Азии. Его географическое сочинение до нашего времени не дошло, но часто цитируется последующими авторами.

³ Ибн Хордадбех (род. в 820 г.) считается первым автором, от которого до нас дошло географическое сочинение «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Он занимал должность начальника почты, что помогло ему составить труд описательного характера. Он много путешествовал и побывал в некоторых регионах Средней Азии.

⁴ Кудама б. Джафар (первая половина X в.) занимал должность начальника почты. В своем географическом сочинении о Средней Азии он в основном заимствует сведения у предыдущих авторов.

⁵ Ибн Хаукал (X в.) в своем труде «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») использовал все сведения ал-Истахри о народах Средней Азии и дополнил их новыми официальными данными. От XII в. дошла арабо-испанская обработка труда ал-Идриси, содержащая много дополнений, пользующаяся популярностью в халифате.

⁶ Ал-Йакуби (конец IX в.) написал труд статистико-топографического характера «Китаб ал-булдан» («Книга стран»), в котором есть раздел о Средней Азии; приводит большое количество оригинальных сообщений, неизвестных из других источников.

⁷ Ал-Кимаки – сведений об этом авторе ни в одном источнике нет. Судя по имени, он был уроженцем Средней Азии из племени кимаков.

⁸ Ал-Масуди (X в.) больше известен как историк, а не географ. Но важно то, что он много путешествовал; побывал в странах от Индии до Атлантического океана, от Красного до Каспийского моря.

⁹ Ал-Узри (XI в.) – испано-арабский географ, автор сочинения «Низам ал-марджан фи-л-мамалик ва-л-масалик» («Нанизанные жемчуга о государствах и путях»), которое в рукописи не сохранилось. По-видимому, ал-Идриси не заимствовал у него сведения о Средней Азии.

¹⁰ Ал-Каради – сведений об этом авторе не сохранилось.

¹¹ Ал-Мунаджжим – сведений об этом авторе не сохранилось.

¹² Птолемей (II в. н. э.) – александрийский астроном и географ. Ал-Идриси был знаком с его «Географическим руководством» в версии ал-Хорезми. По-видимому, не заимствовал у него сведений о Средней Азии.

¹³ Орозий (V в.) – испанский историк, богослов, автор сочинения «Истории против язычников», популярного в Европе. По-видимому, ал-Идриси не заимствовал у него сведений о Средней Азии.

- ¹⁴ Miller K. *Mappae arab, что icae: Arabische Welt-und Landerkarten*. BD. II. Stuttgart, 1926–1927. S. 38–39.
- ¹⁵ Miller K. *Mappae arabicae: Arabische Welt-und Landerkarten*. BD. V. Stuttgart, 1926–1927. S. 165.
- ¹⁶ Коновалова И.Г. *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы*. Москва, 2006. С. 13.
- ¹⁷ Gunter S. *Der Arabische Geograph Edrisi und siene maronitischen Herausgeber* // *Archiv fur die Geschihte der Naturwissenschaften und Technic*. Lpz. Bd. I. 1909, S. 113–123.
- ¹⁸ *La Geografie d Edrisi traduite de l arabe en francais d après deux manuscrits de la bibliotheque du roi et accompagnee dt notes par P. Amedee Jaubert*. T. I–II. P., 1836–1840.
- ¹⁹ Dozy R., de Goeje M.J. *Description de l Afrique et de l Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction*. Leyde, 1866. P. VI–XXI.
- ²⁰ Hartmann J.M. *Edrisii Africa. Gettingae*, 1796.
- ²¹ Dozy R., de Goeje M.J. *Description de l Afrique et de l Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction*. Leyde, 1866.
- ²² Tomaschek W. *Zur Kunde der Hamus-Halbinsel, II* // *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1887, № 1. S. 285–373.
- ²³ Miller K. *Mappae arabicae*, Bd. I–VI. Stuttgart, 1926–1927.
- ²⁴ Григорьев В.В. *Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, Восточный или Китайский Туркестан*. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873.
- ²⁵ Радлов В.В. *К вопросу об уйгурах*. Записки Императорской Академии наук. Т. XXII (Приложение). № 2. СПб., 1893.
- ²⁶ Бартольд В.В. *Сочинения: в 9 т. Т. II (I)*. М., 1963; Т. III. М., 1965; Т. V. М., 1968.
- ²⁷ Крачковский И.Ю. *Избранные сочинения: в 6 т. Т. IV*. М.-Л., 1957. С. 281–299.
- ²⁸ Веселовский Н.И. *Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам*. 1816–1881. СПб., 1887.
- ²⁹ Радлов В.В. *К вопросу об уйгурах*. Записки Императорской Академии наук. Т. XXII (Приложение). № 2. СПб., 1893. С. 119.
- ³⁰ Бартольд В.В. *Сочинения: в 9 т. Т. II (I)*. М., 1963.
- ³¹ Крачковский И.Ю. *Избранные сочинения: в 6 т. Т. IV*. М.-Л., 1957. С. 281–299.
- ³² Караев О. *Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии*. Фрунзе, 1968; Караев О. *Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси* // *Арабо-персидские источники о тюркских народах*. Фрунзе, 1973. С. 4–48; Кумеков Б.Е. *Государство кимаков IX–XI вв. по источникам*. Алма-Ата, 1972; Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв*. Ашхабад, 1969.
- ³³ Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 292.

³⁴ Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 189–196.

³⁵ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355–419.

³⁶ Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1984. С. 208–228.

³⁷ Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.

³⁸ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999; Славяне и тюрки в этногенеологиях средневековых арабо-персидских авторов // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 281–291.

**Перевод текста «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак»
(«Развлечение истомленного в странствии по областям»)**

*Девятая часть третьего климата*¹(с. 509–516)*

Эта девятая часть третьего климата включает страну Тибет¹, части земли тугузгузов² и харлухов³. В стране Тибет известными городами являются: Тибет, Синх⁴, Вахан⁵, Шакина⁶, Барван⁷, Удж⁸, Рамхах⁹, Залхва¹⁰.

А в стране хакана тугузгузов есть столица хакана, которая называется Тантабаг¹¹ и города: Маша¹², Джармак¹³ и Бахван¹⁴.

Из городов Внешнего Сина¹⁵ – Куджа¹⁶ и Дархун¹⁷. Из страны харлухов – Верхний Барсхан¹⁸ и Навакет¹⁹. В них [имеются] озера с пресной водой и долины с текущими [реками], луга, летние места стойбищ тюрок. И мы хотим привести месторасположение городов на территории [этих стран] и границы их земли.

Здесь мы говорим о том, что подтверждается в книгах, основанных на достоверных сообщениях, со слов тюрок, которые проходили через эти земли, путешествовали по ним и сообщали о них. Мы говорим, что за страной Внешнего Сина следует то, что примыкает к Восточному морю из страны тугузгуз. А за страной тугузгуз следует то же, что следует за страной Фергана²⁰ – страна Тибет. А земля Тибет является соседней Сину и некоторым краям Индии. И примыкает к ней с севера земля харлухов, а на востоке – страна тугузгуз.

Самый большой город в ней называется Тантабаг. В нем двенадцать железных ворот, а его жители – зиндики, из тугузгузских тюрок – народ-огнепоклонники, те, кто поклоняются огню. Правитель – хакан тугузгузов живет в городе Тантабаг. А это большой город, вокруг которого крепкая стена, и он находится на берегу большой реки, текущей в сторону востока. От этого города до Верхнего Барсхана из соседней земли до Ферганы, два месяца пути. И примыкает земля тугузгуз к темному Восточному морю.

А из города Тантабаг до города Бахван – на северо-запад – двенадцать дней пути. Это город подчиненный тугузгузам. В нем правитель из семейства хакана тугузгузов, у которого есть солдаты, охрана, крепости и владения. У этого города – прочная стена, в нем имеются базары, в которых изготавливаются из железа всякие диковинки. Также есть ремесла по различным видам дерева, гончарных изделий и помимо этого. Этот город находится на берегу реки, текущей в сторону востока. Вокруг этого города поля и участки тюрок, а также воды [реки], по которым они спускаются и передвигаются. Из этого города вывозят большинство железных изделий в землю Тибет и в землю Сина. А за горами этого города – мускусные животные, и они не степные. Мы уже упоминали, как обстоит [дело] с ними и как образуется мускус в природе при описании второго климата. И здесь нет никакой надобности для нас это повторять.

От города Бахван до города Джармак – четыре мархали*² по деревням, полям, сплошным населенным местам, которые от него тянутся на юг с отклонением на запад. Город Джармак

* Под термином «климат» арабские авторы понимают географические пояса земного шара. Ал-Идриси делит землю на семь климатов, а каждый климат на десять поперечных частей. К описанию каждой части земного шара прилагаются карты (70), которые составляют атлас мира.

* Мархалия – мера длины, в равнинных условиях равняется примерно 30 км, а в горах – 20 км. Многие ученые полагают, что одна мархалия равна одному дню езды.

– доброй судьбы, с плодородной землей. В нем два земляных вала. Между стенами – ров. Он очень глубокий. Ширина этого рва равняется семидесяти шагам. В этом городе четверо железных ворот. И нет в нем рынка, а есть только производство оружия и все. В нем живет повелитель, а у него лошади и люди. И он охраняет свою сторону от тибетских правителей. От города Бахван до города Тибет – четырнадцать дней [пути]. Также от Джармака до Верхнего Барсхана – десять мархалей.

Город Тибет большой, и земля его названа по нему [его имени]. И это страна тибетских тюрок. Ее жители народ, в который входят жители Ферганы, Буттама²¹ и земли Вахан. Они перемещаются по большей части страны, оснащаются железом, серебром, разноцветными камнями, леопардовыми шкурами и тибетским мускусом, имеющимся там. Этот город стоит на высоком месте, в низине, у него река, текущая к озеру Барван – к югу. У него крепкая стена; в нем живет правитель, у которого много людей, лошадей и конской брони; в нем много ремесел, которые оснащают одеждой, изготовленной в нем, – толстой, грубой, и мягкой. Одежду продают за большие деньги, потому что она шелковая – из [нитей] коконов. Также этот город снабжается рабами и мускусом; большинство [из этого увозят] в страну Фергану и Индию. И нет на земном шаре лучше цветом, мягче кожей, красивей созданием, лучше телом, чем раб-тюрк. Тюрки воруют детей друг у друга и продают их при торговле. Достигает цена рабыни из них трехсот динар и выше. Земля тугузгуз находится между Тибетом и Сином, а с ней граничит на севере – хирхиз.

В стране Тибет – город, который называется Синх. Он средних размеров, расположен наверху холма. У него прочная, каменная стена, одни ворота. В нем [развиты] ремесла, которыми занимаются тюрки, и [у него] активные связи и торговля с соседями. К ним приезжают из земель: Кабул²², Вахан, Хуттал²³, Вахш²⁴ и из страны Рашт²⁵. Они везут в Тибет железо и мускус. Говорят, что на этой горе, которая соединяется с Синхом, растет много пшеницы и в чаще много мускусных животных. Они питаются пшеницей, пьют воду из реки, которая течет к Синху. И от такой пищи появляется этот мускус. А в этой горе – глубокая пещера; из глубины пещеры слышно журчание текущей воды. Совершенно невозможно узнать, где дно у пропасти этой пещеры. Журчание воды очень хорошо слышно. Никто не знает истины, кроме самого Аллаха. На этой горе растет китайский ревень, и его там много. Из этого места его доставляют во многие страны. Он [город] связан с востоком и западом; в нем торгуют, и он известен. А река в Синхе называется рекой Шармах.

Из Синха в восточном направлении до озера Барван²⁶ пять мархалей по деревням и лесам тибетских тюрок. Там крепости и прочные укрепления. Озеро Барван велико. Длина его сорок фарсахов*,³а ширина семьдесят две мили и вода в нем вкусная. Там много рыбы. Ее ловят жители Барвана и Уджа. А Барван и Удж – это два города страны Тибет [расположенные] на берегу этого озера. Между Уджом и Барваном расстояние в двенадцать индийских фарсахов, что равно пяти милям. Барван и Удж по размерам одинаковы. Они расположены на холмах, на берегу того озера, из которого и пьют их жители. И [оба города] самоуправляющиеся государства. В них рынки и ремесла, которых им достаточно. Они не нуждаются в товарах других стран, [довольствуются] тем, что у них есть. В озеро Барван во все его части впадает много больших рек. Поблизости городов Барван и Удж – к югу от них находится гора, изогнутая в форме буквы «даль», вершину которой можно достигнуть с большим трудом. С обеих сторон она переходит в горы Хинд. А посередине – низменность, на которой построен дворец, в форме четырехугольника, где нет дверей. Так, кто достигнет его или пойдет по направлению к нему, почувствует в душе радость и покой, подобно радости пьющего вино. Говорят, что

* Фарсах – мера длины. Персидский фарсах равен 6,24 км, арабский приблизительно 5,78 км, приблизительно трем милям.

тот, кто дойдет до этого дворца и поднимется на его крышу, не перестанет веселиться. Потом бросится внутрь дворца, ничего не видя. Я полагаю, что эти слова вымысел, неверны, однако этот слух очень распространен среди народа.

Город Куджа в стране Син, и он находится во внутренней стороне гор, окружающих Син. Этот город населен и невелик. В нем рынки и много зданий. Также от города Удж до Куджа десять мархалей на верблюде. К востоку от города Куджа – Дархун. Это город средних размеров страны Син; последняя провинция Сина на севере, и с ней граничат города страны тугузгуских тюрок.

Что касается города Атбаш²⁷, то он находится на горе, защищенной от тюрок. От него до Тибета десять мархалей, а также от Атбаша до Верхнего Барсхана [если ехать] по стране тюрок – шесть дней.

Верхний Барсхан – это укрепленный город страны тюрок. В нем две прочные стены, где укрывается большинство тюрок, живущих там, когда они в этом нуждаются. От Барсхана до Навакета по пограничным областям страны харлухов около десяти мархалей караванного пути, а с тюркской почтой – пять мархалей. Потом мы сообщим обо всем этом с помощью Аллаха.

А что касается города Маши, то от него до хакана тугузгузов пять дней. Маша находится в стране хакана тугузгузов. Это населенный город; в нем [развиты] многочисленные ремесла. От Маши до Бахвана восемь дней [пути] на запад. Это все, что имеется в девятой части этого климата. Хвала Аллаху. Мы завершаем девятую часть этого климата, за ней последует десятая часть, если пожелает Аллах.

Десятая часть третьего климата (с. 517–521)

Это десятая часть третьего климата. Она последняя в нем с восточной стороны. Включает часть страны Син²⁸ на юге, где у Сина расположено четыре города: один из них Сатруба²⁹, а у трех городов имена неизвестны. В этой части – центральный район тугузгузов³⁰. В нем три города и также большая часть страны хирхизов³¹. Жители его живут по соседству с морем. У них в этом районе четыре процветающих города.

Мы хотим дать полное описание этих стран, упомянуть об их селениях, организации и состояниях, если пожелает Аллах. Мы говорим, поистине, границы страны тугузгузов мы уже упоминали раньше. Примыкает к ней [стране тугузгузов] с восточной стороны страна хирхиз и далее следует море Сина над ним, на южной стороне. Прилегает к ним с северной стороны страна кимаков³². Вся земля тюрок находится за рекой, в отдаленных краях Ферганы³³, Шаша³⁴ и Тарана³⁵. Они – народ неисчисляемый; у них вожди, к которым они обращаются со всеми трудностями и под защитой и наблюдением которых они живут.

Они – кочевники, странствующие, переходящие с места на место, в поисках плодородия там, где им предоставляется возможным. Они владеют множеством верблюдов, овец и коров. Шатры их из шерсти, как и у арабов-[бедуинов]. Они не живут на одном месте, но со временем кочуют, переходя с одного места на другое. Они обрабатывают землю, сеют и жнут. У них много масла, сливок, молока. Они в большом количестве разводят лошадей и едят их мясо, предпочитая его всякому другому. Их правители – воинственные, готовые вести бой, [вместе с тем] заботливые, дальновидные, решительные, справедливые-прямые, хорошего поведения. У них сердца суровые, а по характеру они жестокие, грубые.

Тюрки состоят из нескольких племен. Среди них³⁶: тибетцы, тугузгузы, хирхизы, кимаки, харлухи³⁷, джакары³⁸, баджанакы³⁹, туркеши⁴⁰, азкеши⁴¹, хифшахи⁴², халаджи⁴³, гузы⁴⁴, болгары⁴⁵. Все они живут за рекой, в стороне восточного темного моря. Их жители исповедуют разнообразные верования. Они воюют с мусульманами и с тюрками-мусульманами, которые приняли ислам; они завоевывают их и берут в плен. Все мусульмане, которые за рекой, объеди-

няются в группы, чтобы отражать [удары] и нападать на врага. Хотя они [враги] народ стойкий, храбрый, гордый, сильный, могучий. Но они [мусульмане] не боятся тюрков ни коим образом и ни по какой причине.

А что касается города правителя харлухов, то в нем благоденствие и для мусульман, и для тюрков. Все города тюрков, которые мы упомянули, мы назвали вслед за Абу-л-Касимом Убайдаллахом б. Хордадзбеком⁴⁶, который в своей книге сообщает: «Этих городов населенных – шестнадцать. Они процветающие, окруженные стенами и хорошо укрепленные. Все они находятся на неприступных, непреодолимых горах. У них зерновые поля. Они обеспечивают себя шкурами леопарда, белки, бобра; железом, мускусом, рабами, шелком».

А что касается страны Син, которая граничит со страной тугузгузов, то в ней [управляют] синские правители. У них многочисленные войска и богатства. Они решительные, твердые, способные переносить тяжести [соседства] тюрков. Они нападают на тюрков, чтобы защитить от ущерба свои жилища. Жители этой части страны Син имеют одежду, как у тюрков, также ездят верхом, имеют такое же воинское снаряжение. У них много слонов, которых они ставят впереди [войска] во время своих походов. Тюрки боятся их нападений и опасаются их силы; они воздерживаются от причинения ущерба их стране и привозят в Син много товаров, которыми они располагают: шерсть, масло, мед; много оружия и снаряжения: кольчуги, броня, щит, палица, а также одежда и мускус и другое, в чем сами не нуждаются и чем распоряжаются. По этой причине жители Сина одаривают их и воздерживаются от нападения на них, но постоянно чувствуют себя на стороже.

А что касается страны хирхиз, то эта страна очень плодородная. В ней много текущих рек со стороны Сина. А самая большая река называется Манхаз⁴⁷. Она многоводная и полноводная, текущая по камням, почти не имеющая стоячих вод, как то бывает в других реках. У них на этой реке находятся мельницы, на которых они мелют рис, пшеницу и другие злаки, так подвергнув их обмолоту, готовят хлеб, а иногда едят в вареном виде – без размола. Они питаются этим. На берегах этой реки растет дерево – алоэ, сладкая бриония. В ней водится рыба, которая называется аш-шатрун, оказывающая влияние на органы размножения. Такое же воздействие, как и ас-саканкур⁴⁸, которая обитает в Ниле, в Египте. Говорят, что рыба имеет мало мяса, без костей, и мясо ее слоистое, не имеющее запаха, присущего рыбе.

Город, в котором живет правитель хирхизов, – укрепленный, с неприступными стенами, ровом и большим валом. Рядом с ним расположен полуостров яхонтов, к которому ведет дорога, связующая его с сушей. Однако этот полуостров окружен круглой горой, на вершину которой трудно подняться. Взобраться на гору можно с большим трудом и усилием. Но никто не может никаким образом спуститься на землю этого полуострова. Говорят, что в нем есть ядовитые змеи, а в его земле – многочисленные камни яхонта. Жители этой местности добывают этот яхонт различными ухищрениями, которые они устраивают. Расстояние между этим городом и морем, окружающим этот полуостров, примерно три мархали. Все города хирхизов находятся на одной территории, примерно на три мархали. У них четыре больших города, окруженные и укрепленные. Их жители – народ многочисленный, сильный, отважный. Более всего они остерегаются правителя кимаков, потому что он сильный, властный, воюющий со своими соседями. Также в стране хирхизов разводят лошадей, баранов, быков. Их лошади с короткой шеей, тучные. Они их откармливают для закалывания – для пищи. Большая часть их работы и передвижений осуществляется на быках. Женщины хирхизов выполняют различные работы, а мужчины должны заниматься только пахотой и жатвой. Женщины этой страны связывают груди, чтобы они не были большими. Они благоразумны, сильны, отважны, как мужчины. Они сжигают своих покойников и бросают пепел в реку Манхаз. Те же, которые живут на большом расстоянии от реки, собирают их золу и развевают прах по ветру.

А что касается страны тугузгузов, то у них есть город Хизхиракес⁴⁹. Между ним и городом хакана – их правителя – один короткий день [пути]. В этом городе много богатства, [развиты] ремесла. В него доставляют много железа, которым затем снабжаются другие области тюрок. От города Хизхиракес до города Надхва – четыре мархали. Город Надхва расположен на большом озере, которое называется Каварис⁵⁰. Вода этого озера – пресная. В нем много птиц, откладывающих яйца и выводящих птенцов под водой. Эта птица похожа на удода пестрых цветов. Много тюрок ищет пастбищ у этого озера, из-за большого количества травы и растительности.

От города Надхва до города хакана⁵¹ – четыре коротких мархали, населенных кочевниками, переходящими с места на место. От города хакана до города Нашрана⁵² – а это город большой, в северной стороне, – шесть мархалей. Нашран – город красивый, подчиненный тугузгузам, расположенный на большой реке, оба берега которой плодородны. Скот жителей этого города пасется на берегах этой местности. В этом городе занимаются торговлей, ремеслами. В этой реке имеется камень-лазурит, большое количество которого собирают и отправляют в Хорасан, Ирак и другие страны запада. Здесь кончается наш рассказ о третьем климате десятой части, хвала Аллаху, с начала и до конца. Десятая часть третьего климата – слава Аллаху – закончена. Далее последует первая часть четвертого климата, если пожелает Аллах.

Девятая часть четвертого климата [с. 711–717]

Поистине, этот [раздел] включает девятую часть четвертого климата, часть страны харлухов⁵³ и тюрок-харлухов, а это – Рузан⁵⁴ и местность Ялан⁵⁵, местность Нижний Барсхан⁵⁶, земля халаджей⁵⁷ и их города, реки и крепости и часть страны кимаков⁵⁸. Мы хотим привести это, [основываясь] на достоверном тексте и того, что в нем, подобно тому, как мы и делали раньше перед этим, с помощью могущества Аллаха Всевышнего.

Мы говорим: Дорога из Ахсикеса⁵⁹ в Каранатию⁶⁰ из страны тугузгузов⁶¹ и Ахсикеса в Кашукас⁶² – мархалия, [оттуда] в Анешт⁶³ – мархалия, в Каншукас⁶⁴ – мархалия, [оттуда] в Букенд⁶⁵ – мархалия, оттуда в Каркас⁶⁶ – мархалия, оттуда до горы – мархалия, от горы в Хавлак⁶⁷ – три мархали, а из селения Хавлак до города хакана харлухов – тридцать три мили.

Это – город хакана харлухов; этот город [имеет] много зданий, людей, орудий, укреплений. Оттуда в Атракана⁶⁸ – а это город большой из городов харлухов – шесть мархалей. Город Атракана с неприступной крепостью, водой из бьющих источников и с храбрыми людьми, подчиняющимися правителю харлухов. Из города Атракана в город Каранатию – десять мархалей по степи, [населенной] народом из тюрок-кочевников, у которых пасущиеся стада и верблюды и которые живут в благоденствии. Город Каранатия – первый из городов кимаков. И он большой; длина его – девять миль, ширина – три мили. Он [находится] на большом озере, называемым Гаган⁶⁹. Длина его, как говорят, шесть дней [при переходе], ширина – полтора дня. А правитель Каранатии – могуществен и храбр; имеет [много] людей, многочисленные орудия, лошадей и лучников. Так, все они стреляют из лука. От него [Каранатии] до города правителя кимаков – двадцать четыре мархали. Весь этот путь идет с запада на восток.

Из города Каранатии в Бахван⁷⁰ – семь дней; а из Атракана в Бахван – три мархали на юг. А на западной стороне озера известного как Гаган находится город Гаган⁷¹; между ним и Каранатией – шесть мархалей. Гаган – город красивый, изобилующий богатствами – ореол благодати. В нем станки для выделывания хлопковой одежды; изготавливают всякие диковинные шерстяные одежды, и тюркские купцы оснащаются там ими [одеждами] в большом количестве, [чтобы везти] в другие страны тюрок.

Из города Гаган до Дамурии⁷² на запад – четыре дня пути. А город Дамурия из страны кимаков, процветающий и очень населенный. От Дамурии в город Сараус⁷³ на северо-восток

– две мархали через строения и селения тюрков-кимаков. Сараус – город большой, с крепкими стенами; храбрыми тюрками, лошадьми и кавалерией. От него до Гагана на юг – три дня пути.

Дамурия и Сараус [расположены] на реке Шарии⁷⁴. Это река полноводная, спокойная течением; по ней поднимаются и спускаются различные судна. Река Шария имеет два истока: один у подножья горы Ашлуб⁷⁵, другой на земле Дамурии; далее их вода течет на восток в город Сараус. Затем впадает в нижнюю часть озера Гаган с северной стороны. Так, течение этой реки [длина] с самого начала до впадения в море – семьдесят пять фарсахов, а это двести двадцать пять миль.

Также из города Сараус в город Банджар⁷⁶ на восток – а дорога между ними [проходит] через пустынные, бесплодные земли, вдоль подножья горы Гараз⁷⁷ – десять дней. Но эта дорога самая безопасная. Банджар – город большой, населенный родами тюрков-кимаков. В нем войска, орудия и богатства, которыми их жители распоряжаются по своему усмотрению. В их горах – рудники серебра, там охотятся на леопардов, бобров, ялгашей и на других животных, имеющих шерсть. Купцы вывозят их в другие страны.

А если кто захочет путешествовать водным путем до Гагана или до Каранатии или до Сарауса или до Дамурии, тот должен отправиться от Банджара до селения Дахрат⁷⁸, в котором имеются перевозочные суда. А он расположен на берегу озера; между ними – полтора дня пути. Ты выходишь из Банджара на главный проход и там перевал. Далее следует спуститься от горного прохода в селение Дахрат, где садишься на судно. А тот, кто захочет пуститься в путь в Каранатию должен плыть по озеру шесть мархалей, и идти там, держась берега. Если пойти прямым путем на парусах, то следует пересекать в трех потоках. Также, если кто захочет в город Гаган, пересечет озеро поперек за один день и одну ночь при хорошем ветре. А тот, кто захочет в город Сараус или в Дамурию проплывет большой рекой из селения Дахрат до устья реки Сараус и проедет по этой реке до города Сараус или до города Дамурия – кто хочет на веслах, а кто на парусах.

А от Дамурии до города хакана харлухов – двенадцать дней пути по ненаселенным пустынным землям. А это дорога опасная, редко кто следует по ней, если даже он с большим войском. Эта пустыня является препятствием между страной харлухов и страной кимаков.

Дорога от Тараза⁷⁹ до Нижнего Барсхана – тридцать девять миль, и она [проходит среди] селений и населенных мест. Оттуда до Касрабас⁸⁰ – шесть миль. Это – теплое место, на лугах которого зимние пастбища тюрков-харлухов и близко оно одной горе, где зимовья халаджей. А они – род тюрков, спокойного нрава. Оттуда до Кул-Шуба⁸¹ – двенадцать миль. Оттуда до Джабла-Шуба⁸², селения, населенного тюрками – двенадцать миль. Оттуда до Кулана⁸³ богатого селения – пятнадцать миль. От селения Кулан до селения Бирк⁸⁴ – пятнадцать миль. Река Бирк⁸⁵ берет свое начало из горы под тем же названием и протекает по стране Илак⁸⁶, впадая в реку Шаш⁸⁷. Оттуда до Атбараха⁸⁸ – пятнадцать миль. Оттуда до богатого селения Буракис⁸⁹ – двадцать четыре мили. Оттуда до селения Джуль⁹⁰ – двенадцать миль. А оно – селение большое. Оттуда до Сараха⁹¹ – большого селения – двадцать одна миля. Оттуда до города хакана – двенадцать миль. Оттуда до Навакеса – двенадцать миль. Оттуда до Кубаля⁹² – тридцать шесть миль. Оттуда до Верхнего Барсхана⁹³ около десяти мархалей караванным путем по плодородным пастбищам и по текущей воде. А что касается тюркского гонца, то [для него путь займет] пять дней.

Дорога от Тараза до Банджара страны кимаков – тридцать шесть мархалей. От Тараза до Касра⁹⁴ – сорок пять миль. Затем пересекают горы и прибывают в Демирнах⁹⁵ через четыре мархали. Демирнах – маленький город у подножья горы. В нем храбрые люди, хорошо вооруженные. Оттуда [проходят] по степи и по необработанной земле, хотя очень плодородной, где живут непокоренные халаджи. У них войлочные шатры, в которых они укрываются подобно арабам [бедуинам]; до крепости Хайхам⁹⁶ – двадцать мархалей на восток. Эта крепость тю-

рок-халаджей. В ней правитель, который всегда готов выступить с воинами и войском. [Он владеет] плодородной страной. Эта крепость высечена на вершине горы и окружена водой, образуя особое кругообразное озеро, в котором в изобилии ловят большую и малую рыбу.

От крепости Хайхам до крепости Захлан⁹⁷ на восток – семь мархалей. А крепость Захлан также неприступная, высокая, с воинами, орудиями. Это первое из владений страны кимаков; у подножья этой крепости также большое озеро, с пресной водой, [расположенное] в самой горе. Из него пьют воду жители крепости. От крепости Захлан до Банджара – четыре мархала по земле, возведенными на ней сплошными строениями и по засеянным полям пшеницей, ячменем и рисом. От крепости Захлан до Ханауша⁹⁸ – шесть дней пути на север. Город Ханауш населен кимаками и [расположен] на реке, берущей начало из горы, где находится Захлан и которая берет свои воды из другой реки, проистекающей из другой горы, – Лалан⁹⁹.

От Ханауша до города Лалан¹⁰⁰ – шесть мархалей на запад. Город Лалан расположен в нижней части высокой горы, на самой вершине которой – большой идол, сооруженный на ее возвышении как статуя из мрамора. Жители этой местности поклоняются ему [идолу], верят в него, и приходят к нему со всех сторон.

От Демирнаха до Лалана две дороги; верхняя от города Демирнаха до города Шалуния¹⁰¹ на восток – четыре мархали. Оттуда до города Баграз¹⁰² – шесть мархалей на восток. Он [Баграз] – неприступная крепость; оттуда до Лалана – семь мархалей.

От города Шалуния до Джинку¹⁰³ – четыре мархали к северу, а от Джинку до Награна¹⁰⁴ – шесть мархалей. Награн – красивый город у основания горы, хорошо укрепленный; его можно достичь, только приложив усилия; с селениями и прилегающими полями. Жители пьют воду из колодца, выдолбленного в скале. Оттуда до города Лалана на восток – шесть мархалей. Город Лалан большой территории, густонаселенный. Он у основания горы и защищен [горой] с южной стороны, которая также носит название Лалан. На расстоянии двух дней пути берет начало большая река и течет в западном направлении, впадая в большое, многоводное озеро, где ловят много рыбы.

Кто желает ехать от Демирнаха, – о котором мы уже упоминали, – до Бенхдаха¹⁰⁵ – пять мархалей на север. А он [город] красивый. От Бенхдаха до Джинку – пять мархалей. Джинку – город большой, густонаселенный; от него до Награна – шесть мархалей. Также от Награна до Лалана – шесть мархалей, как мы уже говорили об этом.

Мы кончаем девятую часть четвертого климата, – Слава Аллаху, – за ней последует десятая часть, если пожелает Аллах Всевышний.

Комментарии к переводу текста «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак»

¹ *Тибет* – современное название области на юге Китая. Средневековый арабский географ Йакут приводит различные огласовки: Туббат, Туббит и Таббут. Йакут отдает предпочтение первой огласовке – Туббат. О. Караев, возможно основываясь на данном предположении или на французском издании П.А. Жобера, переводит название как Туббат. В используемом мною тексте название дано без таждида, что очень близко современному звучанию этого названия. Поэтому предпочтительно перевести – Тибет. В средневековых арабских источниках наряду с различными огласовками употребляется и термин Тибет (например, у ат-Табари, IX в., см. В.В. Бартольд Сочинения. Т. 3. М., 1965. С. 509–510). По предположению В.В. Бартольда, арабские географы понимали под Туббатом преимущественно Малый Тибет или Балтистан.

² *Тугузгузы* – тюркская народность. Имя писалось и произносилось по-разному. В тексте географии ал-Идриси расставлены многочисленные диактрические точки, что приводит к разночтению. В комментарии к основному тексту внизу указано, что это слово иногда писалось как «багаргар», «багазгар» или «тугузгар» («тугузгур»). На карте ал-Идриси прочитан как «багазгар» (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 12). О. Караев в своем переводе это слово читает как «багаргар», хотя пишет, что «следуя за большинством ученых вместо багаргар и багазгар стоит употребить тогузгуз» (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 8).

С термином «тугузгуз» связано немало споров в арабистике и тюркологии. Арабские сообщения о расселении тугузгузов, по мнению В.В. Бартольда, совпадают с китайскими и более поздними мусульманскими известиями о местах обитания уйгуров (Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 568). В.В. Бартольд написал статью «Тугузгузы», в которой он прослеживает этимологию этого слова (Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 568–569). По написанию этого термина существует два мнения. Первое, В.В. Григорьев считает, что вместо «тугузгуз» следует читать «тугузгур», и что последнее слово является сокращением из «тогуз-уйгур» (Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873. С. 203). Второе, де Гье в VII томе «Encyclopaedia Britannica» пишет «тугузгуз». В предисловии к этому тому приведено несколько слов из письма Т. Нельдеке. Он отмечает, что в написанном в 881 г. н. э. сочинении персидского верховного жреца Менучихра абсолютно ясным персидским письмом написано «тугузгуз». Следовательно, отсюда выходит гуз, а не уйгур. В.В. Бартольд полагает, что теперь «написание тугузгуз полностью подтверждено, столь же бесспорно, что в нем содержится имя народа гуз (огуз). Очевидно, арабы перенесли на уйгуров имя тугузгуз, которое, собственно, обозначало предшественников уйгуров-тюрков – шато. То, что шато были вытеснены тибетцами, а тибетцы – уйгурами, арабы, очевидно, не знали. Из каких источников заимствованы арабские известия о тугузгузах и к какому времени они относятся, еще не установлено. Важен тот факт, что «единственный арабский автор, который рассказывает о Средней Азии не по книгам, а по личным наблюдениям (Махмуд Кашгарский), ничего не знает о тугузгузах; зато у него появляется имя народа уйгур (без прибавления какого-либо числительного), совершенно неизвестное его арабским предшественникам» (Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 569).

³ *Харлух* – карлук, тюркская народность, в более ранних арабских источниках – харлух, в персидских – халлух, в китайских – гэлолу, в тюркских – карлук. В рукописях ал-Идриси встречается различное написание этого термина. О. Караев прочитал как «Хазлажия» и в своем труде все время ведет речь о стране Хазлажия. Он ошибочно разделяет «хазлажия» и «карлуков».

В ранних китайских источниках карлуки упоминаются как тюркская народность, кочевавшая на запад от Алтайских гор, по обеим сторонам реки Иртыш. Позднее в середине VIII в. карлуки перекочевали в Среднюю Азию.

Впервые эта народность упоминается в VIII в. н. э. в тюркских орхонских надписях. После распада империи западно-тюркских хаканов карлуки обосновались в долине реки Чу. В сообщениях арабских географов X в. карлуки фигурируют еще как неверные. Их область, по Ибн Хаукалю, простиралась от границ Ферганы вдоль караванного пути на тридцать дней пути. Значительно меньшей предстает область карлуков в персидских источниках, например «Худуд ал-алам» (см. текст Гардизи у В.В. Бартольда. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С. 81, 104; см. текст Ауфи у В.В. Бартольда Туркестан. Ч. 1. С. 99; В.В. Бартольд. Карлуки).

Как ближайшие соседи мусульманских областей карлуки больше, чем другие тюрки, подверглись влиянию персидской культуры и отличались от других тюрков также чертами лица. М. Кашгарский объединяет карлуков вместе с гузами под названием туркмен. По сведениям ал-Идриси карлуки обитали на территории современной Киргизии и граничащих с ней районах Восточного Туркестана.

⁴ *Синх* – название города страны Тибет. В основном тексте читается «Синх», в комментарии разночтение, дано «Шах». В тексте О. Караева – «Шах». На карте ал-Идриси город Синх не отмечен. По предположению О. Караева город Синх надо искать на юге и юго-западной территории Восточного Туркестана (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 18).

⁵ *Вахан* – название города страны Тибет. Название по основному тексту и по переводу О. Караева в основном совпадают (разница может быть только в разночтении буквы «х», так как в одном списке без точки). На карте ал-Идриси не отмечен.

⁶ *Шакина* – название города страны Тибет. На карте ал-Идриси не отмечен. Разночтение – в комментарии читается как «Сакита», «Сафина», «Сафана». В переводе О. Караева взято слово «Сакита».

⁷ *Барван* – название города страны Тибет. Разночтение – в комментарии – Будан. На карте ал-Идриси – Барван. В переводе О. Караева этот город не упоминается, хотя в его исследовании о нем говорится.

⁸ *Удж* – название города страны Тибет. На карте ал-Идриси отмечен как Уж. Разночтение – Ух. В переводе О. Караева и в данном переводе – Удж.

⁹ *Рамхах* – название города страны Тибет. Разночтение – Махах. В переводе О. Караева – Махах.

¹⁰ *Залхва* – название города страны Тибет. Разночтения – Зальхау, Далху, Залхакан, Дальхау. В переводе О. Караева Даху или Дахва.

¹¹ *Тантабаг* – столица страны тугузгузов. На карте ал-Идриси столица отмечена на юго-востоке от Бахвана и на юге Маши. Разночтения – Тананабаг, Танбаа, два примера без диакритических знаков. В переводе О. Караева – Янтабаг.

Впервые сведения о столице тугузгузов встречаются у арабского автора Тамима б. Бахра, который в 820 г. посетил ряд стран тюркских племен. Сведения Таима б. Бахра были заимствованы последующими авторами Ибн Хордадбехом и Кудамой б. Джафаром. По-видимому,

ал-Идриси, посредством Ибн Хордадбеха, также заимствовал сведения Тамима б. Бахра о столице тугузгузов. Но, в отличие от своих предшественников, ал-Идриси впервые дает название столицы тугузгузов. Кроме того, в этом отрывке он указывает расстояние между столицей и городами страны тугузгузов, что отсутствует в работах его предшественников.

¹² *Маша* – город страны тугузгуз. На карте ал-Идриси отмечен на востоке от Бахвана у безымянной реки. Разночтение – Масах. В переводе О. Караева и в данном переводе – Маша. О. Караев предполагает, что г. Маша соответствует г. Карашару – ныне Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, который находится на берегу реки Хайдык-Гол, вливающей свои воды в озеро Баграч-Куль (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 23).

¹³ *Джармак* – город страны тугузгузов. В данном переводе, как и у О. Караева, – Джармак. В комментарии разночтение – Харас, Джарамк, Хармак. На карте ал-Идриси в одном издании город Джармак расположен на востоке от Верхнего Барсхана, в другом издании этой карты он находится на юго-востоке от Верхнего Барсхана, у подножья горного хребта. По предположению О. Караева, город Джармак следует отождествлять с городом Ак-Су, расположенном недалеко от гор Центрального Тянь-Шаня (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 20).

¹⁴ *Бахван* – город страны тугузгузов. Чтение О. Караева и данный перевод совпадают – Бахван. В комментарии разночтение – Вахван. На карте ал-Идриси Бахван отмечен на берегу той же безымянной реки, что протекает у г. Джармака. В другом издании этой карты данный город расположен в стороне от этой реки, у подножья горы Дардан. О. Караев вслед за В.В. Григорьевым отождествляет г. Бахван с г. Куджа (Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873. С. 224), но далее по тексту он переводит г. Куджа как Туха (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 21–22).

¹⁵ *Син* – название нынешнего Китая. Последним тюркским народом, господствовавшим в Монголии, были, согласно китайским источникам, киргизы, в 840 г. победившие уйгуров, вытеснение которых из Монголии связывают с усилением в X в. монгольского народа китаев. Китай основали сильное государство в Северном Китае и дали этой стране свое имя, хотя это название теперь употребляется только монголами, русскими и отчасти мусульманами, но не западноевропейцами. Турки усвоили на западе арабское название Китая (Син) вместо персидского – Чин и принесли с востока с орхонских надписей название Табгач. В XI в. различали уже Син и Масин как Северный и Южный Китай, и только за Масином, оставшейся под властью китайской национальной династии Сун, сохранили название Табгач. У М. Кашгарского – Тавгам, Тавгим или Средний Син, называли Китай, по имени господствовавшего там народа. У О. Караева – Син.

¹⁶ *Куджа* – название города страны Внешнего Сина. Разночтения в комментарии – Куха, Туха. В переводе О. Караева – Туха. Город Куджа на карте ал-Идриси отмечен на крайнем юго-востоке.

¹⁷ *Дархун* – название города страны Внешнего Сина. Название по основному тексту и по комментарию в основном совпадают (разница только в разночтении буквы «х», так как она дана в списке без точки). Это название у О. Караева и в данном переводе совпадает – Дархун.

¹⁸ *Верхний Барсхан* – название города страны харлухов. Разночтения в комментарии – Барсджан (Нарсджан), Барсхан и один вариант без диактрических знаков. У О. Караева – Барсаджан, хотя он в исследовании пишет Барсхан. Анонимный персидский автор X в. сообщает, что Барсхан находится на берегу озера Иссык-Куль (Худуд ал-алам. #18. С. 14). В настоящее время доказано, что Верхний Барсхан располагался на юго-восточном берегу озера Иссык-Куль, где ныне встречается речка, поселок, ущелье с этим названием (Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. С.80–82).

¹⁹ *Навакет* – название города страны харлухов. Разночтения – Навакес и три варианта без диактрических знаков. У О. Караева – Тавакас. Навакет отождествляется с поселком Орловка Кеминского района Киргизии, располагался на северной ветви Шелкового пути.

²⁰ *Фергана* – область в Средней Азии, в бассейне реки Сыр-Дарья. Название Фергана появляется только с V в. н. э. в китайских источниках. Население Ферганы с древних времен занималось земледелием, виноградарством. Искусные ремесленники изготавливали утварь из золота, серебра. Ал-Идриси упоминает Фергану как одно из мест поселения тюрков.

²¹ *Буттам* – под Буттамом в географической литературе средневековья обычно понималась горная область Верхнего Зеравшана. Различали также Первый, Средний (Внутренний) и Внешний Буттам. Буттам административно подчинялся Самарканду. Ныне – территория Таджикистана.

²² *Кабул* – столица и самый крупный город Афганистана.

²³ *Хуттал* – Хуттал, часто также во множественном числе Хутталан (и варианты, такие как Хутлан, Хатлан, в китайских источниках Ко-тут-ло) – средневековая область и княжество на северном берегу реки Оксус (совр. Амударья, лежащая между ее притоками Вахш и Пяндж. Это примерно соответствует современной Хатлонской области Таджикистана.

²⁴ *Вахи* – Вахшская долина – межгорная впадина в Таджикистане по среднему и нижнему течению реки Вахш.

²⁵ *Раит* – Раштский район в Таджикистане. Районный центр Гарм, расположенный на правом берегу реки Сурхоб.

²⁶ *Барван* – озеро страны Тибет. На карте ал-Идриси разночтение – озеро Сахан; в другом издании это озеро названо Уж. По-видимому, имеется в виду озеро Иссык-Куль, хотя О. Караев отождествляет озеро Иссык-Куль с озером Сахан (Барсхан). Так, М. Кашгари пишет: «Иссык-Куль – название озера Барсган. Его длина – тридцать фарсахов, а ширина – десять фарсахов» (Махмуд ал-Кашгари. Китаб диван лугат ат-турк. Т. III. Стамбул, 1917. С. 99).

²⁷ *Атбаш* – город у подножия горы, населенный хирхизами, отождествляемый О. Караевым с современными развалинами Кошой-Коргон – руинами древнего укрепления, находящегося близ села Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области Киргизии. Разночтения – в одном из изданий карты ал-Идриси – Атаас, в другом – Аташ. Сведения об этом городе повторяют данные приведенные Ибн Хордадбехом (Ибн Хордадбех. Китаб масалик ва-л-мамалик. Лейден. 1889. С. 30). Город находился на Шелковом пути и был торговым местом и стоянкой для купцов.

²⁸ *Син* (см. комментарий 15 к девятой части третьего климата).

²⁹ *Сатруба* – город страны Син. На карте ал-Идриси указан недалеко от г. Надхва. Отождествить с каким-либо населенным пунктом не удалось.

³⁰ *Тугузгузы* (см. комментарий 2 к девятой части третьего климата).

³¹ *Хирхиз* – арабское название киргиз. О. Караев прочитал как «хирхир». Легенда о происхождении киргиз упоминается еще в китайском источнике XII–XIII в. «История династии Юань» (Юань-Ши). В Юань-Ши говорится, что этноним киргиз произошел от слов «кырк» (сорок) и «кыз» (девица). Ал-Идриси не точно описывает расселение киргизов, относящихся к IX–XII вв. Оно не подтверждается письменными источниками. Но у него есть интересные данные о культурном развитии страны X–XII вв.

³² *Кимаки* – тюркская народность, которая обитала в среднем течении Иртыша. Название по основному тексту и по переводу О. Караева совпадают. Кимаки во второй половине X в. уже приблизились к Восточной Европе и вышли в западное Приуралье. Арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукаль отмечают их кочевья на южном Урале восточнее реки Белая. Они сообщают, что р. Итиль (р. Белая) «течет между Кимакией и Гуззией, затем она выходит к западу по верхнему Булгару» (Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 193).

Из среды этого народа вышел многочисленный народ кипчаки, называемыми русскими половецами. Так, по словам В.В. Бартольда, с XI в. упоминание об этом народе исчезает (Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. С. 549). То, что термин упоминается ал-Идриси, по-видимому, основывается на письменных источниках до XI в.

³³ *Фергана* (см. комментарий 20 к девятой части третьего климата).

³⁴ *Шаш* – историческая местность в Средней Азии в долине р. Чирчик, правого притока Сыр-Дарьи, на которой находилось много городов. В.В. Бартольд указывает, что «первоначальное местное произношение «чач», на что указывает правописание персидских источников и китайская транскрипция «чжеши». Буквой «ш» арабы вообще часто передавали звук «ч», которого в арабском письменном языке нет. Впоследствии слово исчезло из народной речи и употреблялось исключительно в литературе, им и объясняется вытеснение народной формы книжной» (Бартольд В.В. Сочинения. Т. 3. С. 218).

Столицей области был город с тем же названием – Шаш. В древнейших китайских источниках (с II в. до н. э.) упоминается область Чжеши, которая совпадает с районом Ташкента; а также просто «Ши», что значит «камень». Обычно сопоставляют последний с более поздним тюркским названием – таш (камень) + кенд (селение). В переводе О. Караева – Шас.

³⁵ *Таран* – арабское название Таласа, города и реки в Средней Азии. В древнейших китайских источниках – Талас. У ал-Идриси (см. комментарий 27 в девятой части четвертого климата) упоминается также Тараз. Названия различаются написанием последней арабской буквы слова Таран – «нун» и «за» (достаточно сходное написание). Тем не менее, ал-Идриси (по последнему изданию) различал эти два географических названия.

³⁶ Ибн Хордадбех приводит перечень тюркских народов в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»): «тогузгузы – их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Сином, Тибетом и карлуками. (Затем) кимаки, гузы, джигиры, печенеги, тюргеши, аргиши, кипчаки, киргизы, у которых есть мускус; карлуки и халаджи, а они по эту сторону реки. А в городе Фарабе находятся (одновременно) отряды мусульман и отряды тюрок-карлуков.

Всего городов тюрков – 16». В.В. Бартольд полагает, что «этот перечень тюркских народностей, по-видимому, несколько старше времени Ибн Хордадбеха и относится к VIII в. Под тогузгузами арабские авторы первоначально подразумевали часть народа тогуз-огузов, занявшую область Турфана и Кучана в восточной части современной провинции Синь-Цзян; это название арабские и персидские авторы (кроме М. Кашгарского, может быть, ал-Бируни) перенесли на завоевавших еще в VIII в. эту область уйгур. Печенеги в VIII и IX вв. жили между Волгой и Уралом, киргизы занимали верховья Енисея, карлуки жили в горах Тянь-Шаня, на территории современной Киргизии и прилегающей части провинции Синь-Цзян, часть их проникла в Тохаристан (W. Barthold. Tuerken. EI. – Gibb memorial series. XI, pp. 263–317; Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928).

³⁷ *Харлухи* (см. комментарий 3 к девятой части третьего климата).

³⁸ *Джакары* – тюркская народность; у В.В. Бартольда джигиры. Какой народ имеется в виду (чтение предположительное, в рукописях: джфр, джгр, джкр.) – неясно. Де Гье сопоставил его с народом чигиль, по позднейшим сведениям, жившим частью около Тараза (Джамбул), частью к востоку от Иссык-Куля.

³⁹ *Баджанаки* – наименование печенегов у арабо-персидских авторов, сообщающих об этом тюркском народе начиная с XI в. «Четыре родственных между собой тюрков – баджна, баджана, баджгурд и нукарда – совершают набеги на земли славян» (Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.). М., 1969. С. 307). А.Х. Халиков полагает, что под именем «баджна» можно усматривать баранджар – болгарское племя, а под именем «нукарда» – нукрат-берсула. «Скорее всего это были потомки населения первой столицы Хазарии – Барсилии города Беренджера – Баранджара-Барачана, разгромленного в 723 г. 737 г. арабами» (Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 78). К середине XII в. печенеги уже не являлись самостоятельным политическим объединением.

⁴⁰ *Туркеши (тюргеши)* – тюркский род западных турок-огузов. В VIII в., согласно китайским источникам, выделился из других десяти родов турок-огузов. Тюргеши кочевали между реками Чу и Или. Вскоре после VIII в. они лишились своего могущества. Место турок-огузов на берегах реки Чу заняла другая тюркская народность – карлуки. У О. Караева, как и в данном переводе, – туркеши. Туркеш следует отождествлять с тюргешами.

⁴¹ *Азкеши* – тюркская народность. Местопребывание азкишей не установлено. Ал-Идриси, по источникам IX–X вв., помещает их к северо-востоку от Аральского моря; М. Кашгарский пишет об азкишах как о небольшом племени, поселившемся в Узкенде, в Фергане.

⁴² *Хифшахи* – тюркская народность. Возможно, имеются в виду кипчаки (половцы), которые в VIII–IX вв. жили к западу от кимаков.

⁴³ *Халаджи* – тюркское племя, тюркское имя было вероятно калач – кал ач: «оставайся голдным» или кал ач: «оставайся открой». Уже в X в. халаджи жили значительно южнее, чем остальные тюрки, в южной части современного Афганистана; сообщают, что они туда пришли еще «в древние времена» (Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри / Ed. de Goeje. Lugduni-Batavorum, 1870, s. 254), где впоследствии ассимилировались с афганцами. О халаджах всегда упоминается как о наемниках или гвардии иноземных государей (Бартольд В.В. Сочинения. Т. 7. С. 711). У О. Караева, как и в данном тексте, – халаджи.

⁴⁴ *Гузы* – арабское обозначение тюркского народа огузы. Так назывался большой народ, который в VI в. объединил все племена от Китая до Черного моря в одну кочевую империю. В орхонских надписях этот народ также называется тогуз-огуз (девять огузов) (арабы называли их тогузгузы). Следовательно, он делился на девять племенных подразделений, хотя географы X в. называют народ только гуз, не прибавляя к названию числительного (см. комментарий – тогузгузы). Гузы по известиям конца IX–X вв. занимали огромную территорию и граничили и с владениями Тахиридов, и впоследствии Саманидов по линии: северная граница Каракумов – Хорезм – низовья Сыр-Дарьи; их набеги, а может быть и кочевья, простирались до Атрека. Основные места их обитания находились в нижнем течении Сыр-Дарьи (Абу-л-Касим Ибн Хаукаль / Ed. de Goeje. Lugduni-Batavorum, 1873, s. 393). Название огуз только в монгольское время было вытеснено названием туркмен. У О. Караева – гуры – следует переводить как в данном тексте – гузы.

⁴⁵ *Булгары (болгары)* – собирательное название группы кочевых тюркских племен. Происхождение булгар связано с огурскими (тюрко-угорскими) племенными группами Южной Сибири и Северного Приуралья, заселившими в период Великого переселения народов степи Западного Предкавказья и Подонья. В середине VI в. булгары подчинены Тюркским каганатом. Предположительно, в VIII–IX вв. ряд булгарских племен (баранджары, барсилы, билеры, савиры) переселились из Хазарии в Среднее Поволжье. В конце IX – начале X вв., подчинив местные финно-угроязычные и тюркоязычные племена, образовали государство – Волжская Булгария, наследницей которого явилось Казанское ханство (Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 96).

⁴⁶ *Абу Касим Абдаллах б. Хордадбех* (ок. 820 – ок. 912/913) арабский географ, считается первым автором, от которого до нас дошло географическое сочинение «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Он занимал должность начальника почты, много путешествовал, что помогло ему составить труд описательного характера.

⁴⁷ *Манхаз* – река киргизов. У О. Караева – Манхар; он полагает, что имеется в виду Черный Иртыш или верхние притоки р. Или (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 32).

⁴⁸ Рассказ о рыбе ас-саканкур принадлежит популярному в арабской литературе жанру рассказов о чудесных диковинках. Ал-Идриси в своем сочинении неоднократно говорит об этой рыбе.

⁴⁹ *Хизхиракес* – второй город страны тугузгузов по величине после Тантабага. В.В. Григорьев отождествляет его с Гучэну (Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873. С. 225). О. Караев читает его как «Хухаракат».

⁵⁰ *Каварис (Коварес)* – озеро страны тугузгузов. В.В. Григорьев предлагает отождествить озеро Коварес с Лобнором – высохшем, бессточным озером на западе Китая, в юго-восточной части Кашгарской равнины, на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа (Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873. С. 224). О. Караев предлагает озеро Коварес сопоставить с озером Баркуль – горное озеро в Синьцзяне (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 29).

⁵¹ Город хакана – титул хана тугузгузов. О. Караев отождествляет с развалинами Кара-Кожо (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 29).

⁵² Нашран – город страны тугузгузов. На карте ал-Идриси отмечен на северо-востоке от Тан-табага, на берегу реки, протекающей по земле хирхиров. В прочтении О. Караева – Нашван, который он отождествляет с г. Хами – в Северо-Западном Китае, на востоке Синьцзян-Уйгур-ского автономного округа (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 30).

⁵³ Харлухи (см. комментарий 3 к девятой части третьего климата).

⁵⁴ Рузан – местность. Не удалось идентифицировать.

⁵⁵ Ялан – местность. Не удалось идентифицировать.

⁵⁶ Нижний Барсхан – О. Караев отождествляет этот город с развалинами около станции Уч Булак – Байзакского района Жамбыльской области Казахстана (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 41).

⁵⁷ Халаджи (см. комментарий 43 к десятой части третьего климата).

⁵⁸ Кимаки (см. комментарий 32 к десятой части третьего климата).

⁵⁹ Ахсикес – распространенное название Ахсикет или Ахсы, наряду с Касаном – один из древнейших городов и главный город Ферганы в X в. Ныне развалины Эски Ахсы на правом берегу Сыр-Дарьи, около г. Чуста – административного центра Чутского района Наманганской области Узбекистана.

⁶⁰ Каранатия – у О. Караева – Каранатия, у Б. Кумекова – Карантия. По карте ал-Идриси находится на юго-восточном берегу озера Алаколя.

⁶¹ Тугузгузы (см. комментарий 2 к девятой части третьего климата).

⁶² Кашукас – у Б. Кумекова – Кашукет. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

⁶³ Анешт – у Б. Кумекова – Аншат. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

⁶⁴ Каншукас – у Б. Кумекова – Каншикет. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

⁶⁵ Букенд – у Б. Кумекова Букент. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

⁶⁶ Каркас – у Б. Кумекова – Каракет. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

⁶⁷ Хавлак – у Б. Кумекова – Джулак. Этот город в известных средневековых арабо-персидских источниках не упоминается.

⁶⁸ Атракана – город, отмеченный на карте ал-Идриси на юго-востоке от столицы хакана хазлажей. О. Караев предполагает, что развалины Атракана, возможно, развалины г. Алмалык (Кульджи) Ташкентской области Узбекистана или развалины Чингильды (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 38–39).

⁶⁹ Гаган – озеро проживания кимаков. В.В. Григорьев отождествляет его с озером Бостон-Нор (Баграш-куль) в Средней Азии (Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб., 1873. С. 233). У О. Караева – Гаган; он предполагает, что это озеро следует отождествлять с озером Алаколь, поскольку, согласно арабским источникам, кимаки в IX–XII вв. кочевали к северу от озера Балхаш.

⁷⁰ Бахван (см. комментарий 14 к девятой части третьего климата).

⁷¹ Гаган – город, расположенный на озере Гаган. По мнению О. Караева, его следует искать на крайнем северо-восточном Семиречье (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 40). Б. Кумеков, согласно карте ал-Идриси, где Гаган расположен на юго-западной оконечности озера Гаган отождествляет его с городищем в с. Коктума – Алакольского района Алмаатинской области Казахстана, (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 108).

⁷² Дамурия – город кимаков. По мнению Б. Кумекова, основываясь на изображении Дамурии на карте ал-Идриси его следует отождествить с одним из городищ, обнаруженных в бассейне реки Тентек близ с. Уч-Арал (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 106–107).

⁷³ Сараус – город кимаков, также как и Дамурия, должен находиться в бассейне реки Тентек.

⁷⁴ Шария – река в Средней Азии. Б. Кумеков отождествляет ее с Тентеком – рекой в Казахстане в Алма-атинской области (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 75–76).

⁷⁵ Ашлуб – гора вдоль дороги от Тараза, идущей в страну кимаков, на южных склонах которой находилась крепость Хайхам. Встречается написание в различных рукописных изданиях – Ашлуш, Ашлуп.

⁷⁶ Банджар – город страны кимаков. По мнению О. Караева, его следует искать на северных склонах горы Тарбагатая (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 45, 47).

⁷⁷ Гараз – у О. Караева – гора Гаргар, которую он отождествляет с горой Тарбагатаем (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 45). У Б. Кумекова – Гиргир, также означают Тарбагатайские горы.

⁷⁸ Дахрат – на карте ал-Идриси отмечено как селение вдоль дороги между городами Банджар, Сараус, Дамурия и Каранатия, расположенное на северном побережье озера Гаган.

⁷⁹ Тараз (Джамбул) – у О. Караева, как и у В.В. Бартольда – Тараз, который считает, что город был согдийского происхождения. «Еще в V–XI вв. в Таразе говорили по-согдийски и по-тюрк-

ски» (Кашгарский М. Диван лугат ат-турк. Стамбул. I–III. Т. I. С. 31). Тараз – ныне город Джамбул, что доказано в результате раскопок, производившихся под руководством А.Н. Бернштама.

⁸⁰ *Касрабас* – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Каср Айас. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

⁸¹ *Кул-Шуба* – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Кук Шуба. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

⁸² *Джабла-Шуба* – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. По мнению О. Караева, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

⁸³ *Кулан* – О. Караев отождествляет это селение с с. Луговое Рыскуловского района Жамбылской области Казахстана (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 41).

⁸⁴ *Бирк* – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. По мнению О. Караева, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

⁸⁵ *Бирк* – река на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. По мнению О. Караева, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

⁸⁶ *Илак* – историко-культурная область и государственное образование в бассейне реки Ахангаран с рядом прилегающих районов (ныне – юг Ташкентской области Узбекистана и север Согдийской области Таджикистана) в период от раннего средневековья до монгольского завоевания.

⁸⁷ *Шаи* – имеется в виду река Сыр-Дарья.

⁸⁸ *Атбарах* – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Ашпара. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34).

⁸⁹ *Буракис* – селение. Не удалось отождествить ни с каким географическим названием.

⁹⁰ *Джюль* – ныне развалины Чала Казак около Бишкека в Киргизии.

⁹¹ *Сарах* – селение на продолжении Великого шелкового пути к востоку от Верхнего Барсхана. У О. Караева – Саа. По его мнению, сведения взяты у Ибн Хордадбега и Кудама б. Джафара (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 34–35).

⁹² *Кубаль* – у О. Караева – Кубаб (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 35).

⁹³ *Верхний Барсхан* (см. комментарий 18 к девятой части третьего климата).

⁹⁴ *Касра* – на карте ал-Идриси эта местность не отмечена. Сведения о Касре имеются у Ибн Хордадбеха и Кудама б. Джафара. По О. Караеву, эта местность, согласно сведениям ал-Идриси, занимала территорию почти до станции Луговой (административной территории с. Луговое Рыскуловского района Жамбыльской области Казахстана) (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 41).

⁹⁵ *Демирнах* – у О. Караева – Демиртаг (Темиртаг), который следует искать на правом берегу р. Чу (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 42).

⁹⁶ *Хайхам* – крепость. На карте ал-Идриси расположена на южных склонах горного хребта. По мнению О. Караева, крепость Хайхам находилась в районе между реками Токрау (река в Казахстане) и Баканас (небольшая река в Восточно-Казахстанской области Казахстана) (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 43).

⁹⁷ *Захлан* – у Б. Кумекова – Дахлан. По ал-Идриси находится севернее западной оконечности Тарбагатая (Гараз) и соответствует приблизительно району Аягуза – административного центра Аягозского района Казахстана.

⁹⁸ *Ханауш* – город кимаков. На карте ал-Идриси расположен к северу от гор Гараз и к востоку от равнины с Алакольскими озерами. Согласно Б. Кумекову, Ханауш должен быть локализован к северу от Тарбагатая, в западном районе Карагандинской области (Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 107).

⁹⁹ *Лалан* – гора, лежащая на пути дороги от Демирнаха до Шалуния. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

¹⁰⁰ *Лалан* – город вдоль дороги от Демирнаха до Шалуния. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

¹⁰¹ *Шалуния* – у О. Караева – Салуния. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

¹⁰² *Баграз* – у О. Караева – Хозара. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

¹⁰³ *Джинку* – у О. Караева – Жинку. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

¹⁰⁴ *Награн* – у О. Караева – Награн. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

¹⁰⁵ *Бенхдах* – у О. Караева – Бенжтах. По мнению О. Караева, месторасположение города следует искать в южной части Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 44–45).

Библиография Источники и литература

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 297 с.
2. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928. 36 с.
3. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–94 гг. // Записки Имп. АН по ист.-филол. отд. СПб., 1897. Т. 1, № 4. Приложение. С. 120–121.
4. Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Т. II. Ч. 1 // Сочинения: в 9 т. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 1020 с.
5. Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Т. II. Ч. 2 // Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1964. 657 с.
6. Бартольд В.В. Работы по исторической географии. Т. III // Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1965. 711 с.
7. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Т. V // Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968. 757 с.;
8. Бартольд В.В. Работы по исторической географии и истории Ирана. Т. VII // Сочинения: в 9 т. Т. 7. М.: Наука, 1971. 663 с.
9. Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 2 / Ред. А.С. Тверитинова. М.: Наука, 1969. С. 304–320.
10. Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1984. С. 208–228.
11. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии // Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана. Вып. 4 / Отв. ред. К.И. Малышев. Фрунзе: Изд-во КН при СНК КиргССР, 1941. 110 с., 31 ил.
12. Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб.: Имп. рус. археол. об-во, 1887. 288, 105 с., 1 л. портр., 2 л. факс.
13. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1870. 308 с.
14. Григорьев В.В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. Дополнения. Отдел II – историко-географический. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. 525 с.
15. Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе: Илим, 1968. 102 с.
16. Караев О. Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах / Отв. ред. О. Караев. Фрунзе: Илим, 1973. С. 4–48.
17. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Вост. лит-ра, 1999. 253 с.

18. Коновалова И.Г. Славяне и тюрки в этногенеалогиях средневековых арабо-персидских авторов // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит-ра, 2003. С. 281–291.
19. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Вост. лит-ра, 2006. 328 с.
20. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Т. IV // Избранные сочинения: в 6 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 965 с.
21. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 155 с.
22. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355–419.
23. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Записки Императорской Академии наук. Т. XXII (Приложение). № 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 130 с.
24. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука. 1969. С. 189–196.
25. Татарский энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. 703 с.
26. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 220 с.
27. Barthold W. Tuerken. El. – Gibb memorial series. XI. Pp. 263–317.
28. Bibliotheca geographorum arabicorum / M. G. de Gue. Lugduni Batavorum: T. I, 1870.
29. Dozy R., de Goeje M.J. Description de l’Afrique et de l’Espagne par Edrisi: Texte arabe avec une traduction. Leyde, 1866. P. VI–XXI.
30. Gunter S. Der Arabische Geograph Edrisi und siene maronitischen Herausgeber // Archiv fur die Geschichte der Naturwissenschaften und Technic. Lpz. Bd. I. 1909. S. 113–123.
31. Hartmann J.M. Edrisii Africa. Gettingae, 1796. .
32. Kitab masalik wa-l-mamalik / Ibn Hordadbeh. Leiden, 1889.
33. Mahmud al-Kashgari. Kitab divan lugat at-turk. T. III. Istanbul, 1917.
34. La Geografie d Edrisi traduite de l arabe en francais d après deux manuscrits de la bibliotheque du roi et accompagnee dt notes par P. Amedee Jaubert. T. I–II. P., 1836–1840.
35. Miller K. Mappae arab, что icae: Arabische Welt-und Landerkarten. BD. II. Stuttgart, 1926–1927. S. 38–39.
36. Miller K. Mappae arabicae: Arabische Welt-und Landerkarten. BD. V. Stuttgart, 1926–1927.
37. Minorsky V. Hudud al-Alam. London, 1937.
38. Tomaschek W. Zur Kunde der Hamus-Halbinsel, II // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1887. № 1. S. 285–373.

Резюме

Монография В.В.Горбунова, А.А.Тишкина «Памятники сrostкинской культуры на юге Западной Сибири» представляет собой наиболее полный на сегодняшний день свод археологических памятников. Издание является первым выпуском в серии работ по посвященным сrostкинской археологической культуре, расположенной на юге Западной Сибири.

В книгу вошли материалы по курганным и грунтовым могильникам, городищам, поселениям и местонахождениям, освещена история их изучения, проведен анализ хронологии и этнической принадлежности данной археологической культуры. Книга опирается на многочисленные архивные источники, публикации, коллекции музейных предметов, а также новейшие исследования. Издание сопровождается иллюстрациями, схемами и картами, что делает его ценным ресурсом в изучении средневековых культур Западной Сибири.

В книгу также включена работа А.Н. Юзеева о тюркских народах в сочинении арабского географа XII века ал-Идриси, содержащая его авторский оригинальный перевод и комментарии к отрывкам из знаменитого трактата «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак».

Издание ориентировано на археологов, специалистов по средневековой истории, этнографов, историков культуры и всех, кто интересуется вопросами межкультурных контактов и этногенеза народов Евразии в средние века.

Summary

This scientific publication is the most complete code of archaeological sites of the Srostki culture located in the south of Western Siberia to date. It is the first issue in a series of works on this subject. The book includes materials from barrow fields and burial grounds without mounds, ancient settlements and localities, covers the history of their study, analyzes the chronology and ethnicity of this archaeological culture.

The book draws on numerous archival sources, publications, museum collections, as well as the latest research. The edition is accompanied by illustrations, diagrams and maps, making it a valuable resource for specialists in archaeology, ethnography, museology and history of medieval cultures in Western Siberia.

The book also includes the A.N. Yuzeyev's work on Turkic peoples in the work of the Arab geographer of the XII century al-Idrisi, providing translation and comments on passages from the famous treatise "Nuzhat al-mushtaq fi'khtiraq al-'afaq" (The book of pleasant journeys into faraway lands).

This edition is intended for archaeologists, specialists in medieval history, ethnographers, cultural historians and all those interested in intercultural communication and the ethnic composition of the peoples of medieval Eurasia.

摘要

V. V. 戈尔布诺夫 (V. V. Gorbunov)、A. A. 蒂什金、(A. A. Tishkin) 两位学者写的专著《西西伯利亚南部斯罗斯特金斯克 (Srostki) 文化遗迹》是迄今为止最完整的考古遗迹集。该出版物是专门介绍位于西西伯利亚南部的斯罗斯特金斯克 (Srostki) 考古文化的丛书著作中的第一本。

本书收录了有关墓葬和地面墓地、山堡、定居点和地点的材料，重点介绍了研究历史，并分析了这一考古文化的年代和民族性。本书以众多档案资料、出版物、博物馆藏品和最新研究为基础。出版物附有插图、图表和地图，是研究西西伯利亚中世纪文化的宝贵资源。

本书还收录了 A. N. 尤泽耶夫 (A. N. Yuzeev) 在 XII 世纪阿拉伯地理学家 al-Idrisi 的著作中关于突厥民族的著作，其中包含他对著名论文 "Nuzhat al-mushtaq fi ikhtirak al-afak" 摘录的原始翻译和评论。该出版物面向考古学家、中世纪历史专家、民族志学家、文化历史学家以及任何对中世纪欧亚大陆民族的跨文化接触和民族起源问题感兴趣的人。

СОКРАЩЕНИЯ

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (Республика Алтай).

АлтГПУ (АлтГПА) – Алтайский государственный педагогический университет.

АлтГУ (АГУ) – Алтайский государственный университет.

АН – Академия наук.

АО – Археологические открытия.

Арх. МАиЭА – Архив музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

БГПУ (БГПИ) – Барнаульский государственный педагогический университет.

Б.и. – без издательства.

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ГМИЛИКА – Государственный музей истории, литературы, искусства и культуры Алтая.

ИА – Институт археологии.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИИМО – Институт истории и международных отношений.

ИИФиФ – Институт истории, философии и филологии.

ИФ – Исторический факультет.

КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.

КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НПЦ – Научно-производственный центр.

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.

ОмГУ – Омский государственный университет.

РАН – Российская академия наук.

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

СО – Сибирское отделение.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет.

ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Научное издание

Горбунов Вадим Владимирович

Тишкин Алексей Алексеевич

ПАМЯТНИКИ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Монография

публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет – *Г.Ш. Асылгараева*

Тех. коррекция текста *О.Е. Ульянова*

Рисунки и фотографии
подготовлены авторами

Подписано в печать 03.03.2025 г. Формат 60×84 ¹/₈

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в издательстве «Фэн»

420111, Казань, Баумана, 20